

Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

ИМПЕРИЯ ХОРЕЗМШАХОВ

Москва
«Вече»

- Чернявский, С.Н.**
Ч49 Империя хорезмшахов / Станислав Чернявский. — М. : Вече, 2018. — 368 с. : ил. — (Всемирная история). ISBN 978-5-4444-6612-4
Знак информационной продукции 12+

В начале XIII века на мусульманском Востоке возникло огромное Хорезмийское государство, включавшее Среднюю Азию и Иран. Его правителей принято называть хорезмшахами. Об их стремительном возвышении и головокружительном падении рассказывает эта книга.

История Хорезма полна парадоксов и загадок. Например, как вышло, что на просторы Средней Азии вторглись монголы-христиане, пришедшие с Востока? Их возглавляли предводители с именами Георгий, Илья; последнего из них называли в Европе «царем Давидом». Они были настолько удачливы, что превратили хорезмийских султанов в своих данников. Но в итоге и христианских, и мусульманских владетелей уничтожила орда Чингисхана. Почему и как это произошло? Имело ли государство хорезмшахов шансы выжить в этой борьбе? Как складывалась судьба последних правителей Хорезма – Мухаммеда II и Джелаль эд-Дина Менгбурны?

Об этом и о многом другом – в новой книге Станислава Чернявского.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде всего предостережем читателя от иллюзий и ограничим рамки исследования. Эта книга рассказывает не о двухтысячелетней истории государства Хорезм и не обо всех правящих династиях, а только о последней и самой яркой. В науке ее принято называть Ануштегиниды. Двое ее представителей — Текеш и Мухаммед — создали обширную державу в Персии и Средней Азии, а последний хорезмшах Джелаль эд-Дин пытался ее сохранить, проиграл борьбу с монголами и погиб.

Книга будет полна парадоксов. Читатель узнает из нее, например, как на просторы Средней Азии в XIII веке вторглись христиане. Они были монголоидны и пришли, соответственно, из Монгольской степи. При этом застали в Семиречье христианское государство, которым правил хан с библейским именем, и это — реальный исторический персонаж. В Европе его звали «царь Давид» и объявляли родичем мифического «попа Ивана» (того самого, которому Л.Н. Гумилев посвятил книгу «Поиски вымышленного царства»). Специалисты-востоковеды, конечно, сразу поймут, что это за Давид, и улыбнутся. Для неискушенных читателей сказанное прозвучит откровением. Но перед вами — не фальсификация и даже не сенсация. Тема давно обсуждается и дискутируется в научном сообществе. Есть доказательства, возражения, скепсис...

Расскажем и о том, как арабский халиф, правоверный мусульманин, вступал в соглашения с террористической сектой ассасинов, чтобы устранить противников. Добро и зло часто меняются местами в сознании людей. То, что историки условились считать «добрым» вчера, оказывается «злым» сегодня.

Почему же все эти вещи звучат как сенсации?

Дело в том, что в школах и на истфаках вузов историю мусульманских стран и тем более Центральной Азии изучают впроброс. Вместо замечательной работы Августа Мюллера «История ислама» нам предлагают по данному предмету невнятные учебники позднесоветских времен, с точки зрения науки находящиеся ниже, чем труды Мюллера. А кочевниковедение? Самым крупным его исследователем был Л.Н. Гумилев, но попробуйте произнести его фамилию в среде столичных ученых — услышите пренебрежение, гнев по поводу пресловутой теории пассионарности, нежелание вникать в предложенные идеи. Будет и бездумное отторжение ваших собственных текстов, поскольку вы позволили себе сослаться на работы «проклятого» автора... Инертность мышления у многих людей воистину безгранична. Дай им волю — и в науке не совершилось бы ни одного открытия.

Например, игнорирование работ Гумилева приводит к тому, что историю кочевых держав студенты изучают по устаревшим сочинениям, где древних аваров считают жужанями (отвергнутая гипотеза Э. Шаванна), в Монголии эпохи Чингисхана царит вымышленный «кочевой феодализм», а в Хорезме перед монгольским нашествием господствуют кипчаки вместо канглов.

Лишь немногие специалисты, которые занимаются темой углубленно, знают историю предмета и перечень проблем. Среди современных исследователей стоит отметить труды Р.П. Храпачевского, который написал несколько отличных монографий по кочевниковедению, выполнил переводы отрывков из китайской летописи «Юань ши» и издал пару томов классического «Сборника материалов по истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена с научными комментариями, которые немедленно приобрел в личную коллекцию автор данной книги. Правда, к работам Л.Н. Гумилева Храпачевский относится скептически и постоянно с ними полемизирует. Но полемика — право ученого. Главное условие, чтобы она была корректна.

Есть ряд других исследователей, специализирующихся на смежных вопросах. Но историей Хорезма после В.В. Бартольда

и З.М. Буниятова (в последнем случае мы, разумеется, имеем в виду лишь работы советского периода; после распада СССР Буниятов превратился в азербайджанского националиста, при этом был убит бакинским антисемитом: таковы драмы и трагедии постсоветского времени) не занимается углубленно никто. Эту страну начали забывать.

Надеемся, наша популярная работа, написанная для отдыха между другими исследованиями, позволит оживить интерес к великой державе Хорезм и грозной эпохе нашествия Чингисхана.

Надеемся, это будет увлекательное путешествие по странам Востока для любителей кочевой и мусульманской культур. Нам встретятся храбрые туркменские беки и монгольские ханы, страшные *нукеры* и отважные *гулямы*. Султаны и падишахи будут бороться за власть, а интриги гарема разрушат целые империи. Кроме того, читателя ждет подробный и обстоятельный рассказ о деяниях последнего хорезмшаха Джелаль эд-Дина. До сих пор ученые нашей страны почему-то обходили этот вопрос, хотя приключения Джелала заслуживают отдельной биографии. Даже такие вдумчивые исследователи, как Бартольд и Буниятов, считали вопрос второстепенным, а зря.

Направим же караван нашего внимания в Среднюю Азию — страну сказок и роскоши, бедности и отваги. Полагаем, тема будет так же интересна читателю, как и автору этих строк. «Тетива мысли» натянута, и следует пустить «стрелу правды», которая поможет рассеять «сумерки сомнений», окутывающие страшную и кровавую эпоху.

Когда-то Великий Могол Бабур написал в своих мемуарах, что его слог доступен для всех, но в то же время достоин того, чтобы быть одобренным учеными людьми. Таким языком нам хотелось бы написать эту книгу. Надеемся, от ее прочтения получают удовольствие востоковеды и люди, не имеющие специального образования, но интересующиеся захватывающей и увлекательной наукой — историей.

Часть первая

ПОДЪЕМ ХОРЕЗМШАХОВ

Глава 1

ДИНАСТИЯ

1. ОСТРОВ В ПУСТЫНЕ

Хорезм — очень древняя страна. Географически она располагается к югу от Аральского моря. Сейчас здесь находятся Хорезмская область и Каракалпакская автономия Республики Узбекистан.

Иногда Хорезм разрастался и поглощал часть современных Туркмении и Казахстана. Иногда — сужался до размеров небольшого владения.

В этих краях неоднократно менялся климат. Аральское море то разливалось под напором двух впадавших в него рек — Амударьи и Сырдарьи, — то почти высыхало, как в наше время, оставляя вместо воды соляную пустыню. В свою очередь, две реки, которые наполняли море, то мельчали, то наливались влагой. Вместе с климатом менялась и численность населения. Когда воды было много, ее использовали для оросительных систем. Зеленели поля, росли города, страна могла прокормить большое число людей. Хорезм усиливался и расширялся. Зато в период засухи народ вымирал, расходился по другим местам, а государство слабело.

В такие периоды земля Хорезма превращалась в остров среди пустыни. К западу от нее простирались черные пески (Каракум). К востоку — красные пески (Кызылкум). На севере лежали сухие суглинистые степи. Попасть в Хорезм можно было только по берегу Амударьи. В древности такие периоды засух бывали редко.

Но в наше время, когда климат планеты становится засушлив, а пустыни растут, это — норма.

Примерно во II тысячелетии до новой эры в Иранское нагорье пришли арийцы. К югу от Арала поселился один из арийских народов — *хорасмии*. Населенная ими страна получила название Хорезм. Хорасмии освоили земледелие и приняли расовую гено-теистическую религию — зороастризм. Это означало, что зороастрийцем нельзя стать по велению души, а можно только родиться от арийского отца (происхождение матери в расчет не брали). То же самое наблюдаем у древних евреев. Веру в Яхве нельзя принять, евреем можно только родиться. Единственная разница: в расчет брали происхождение матери, а не отца.

...Хорезм был частью Ирана — земли *ариев*. Родственные иранцам народы населяли также Среднюю Азию, современный Афганистан, Азербайджан. Все они составляли, так сказать, «большой Иран». Хорезм был одной из частей этой страны. Правитель Хорезма носил иранский титул «шах» — король.

Страной правила династия Афригидов. О ней известно из сочинений ученого перса Бируни и по монетным данным, причем имена правителей у Бируни и на монетах часто не совпадают. Столицей Афригидов был Кят.

Пассионарный толчок VII века поднял арабов. После жестокой борьбы они покорили «Большой Иран», включая население хорезмийских оазисов. Арабский наместник в Хорасане Кутейба ибн Муслим подчинил власти халифов Бухару, а затем Хорезм. С этого времени началось преобразование страны. Иранцы понемногу уступали место новым этносам — арабам и тюркам.

После прихода мусульман Хорезм разделился на две части. На западе, в Ургенче, правили арабские эмиры. На востоке, в Кяте, — их вассалы, иранцы-хорезмшахи. Наконец иранская старость уступила арабской молодости. В конце X века эмир Ургенча Мамун I (992—997) захватил Кят и объединил Хорезм под своей властью. К тому времени сюда проникли тюрки, которые дополнили его войска.

Мамуна убили солдаты в ходе мятежа, но его династия некоторое время управляла Хорезмом. Сын **Али (997—1009)** женился на сестре могущественного тюркского правителя **Махмуда Газневиды (998—1030)**, которого В.В. Бартольд характеризует как «деспота-самодура»: Махмуд был столь подозрителен, что даже к собственному сыну приставил шпионов. Это не помешало ему покорить современный Восточный Иран, весь Афганистан, Пакистан и создать великую державу. Ее столицей стала афганская Газна.

Брат и наследник правителя Али, хорезмшах **Мамун II (1009—1017)** также связал себя узами брака с одной из газневидских царевен, а в 1016 году признал вассальную зависимость от Газны. Это вызвало недовольство солдат, они подняли мятеж, подожгли дворец эмира и убили Мамуна. На престол возвели **Мухаммеда (1017)**, сына Али, но разгул солдатни не прекращался. Тогда Махмуд Газневид совершил поход на Хорезм и завоевал страну. Кят пал, Мухаммеда увезли в плен, а Хорезм вошел в состав Газневидской державы. В 1040 году в эту страну вторглись турки-сельджуки. Захватчики заняли Хорасан и Хорезм, а потом отправились дальше на запад и взяли Багдад.

«Турецкое нашествие в конце десятого века навсегда уничтожило господство туземного иранского элемента; менялись завоеватели, но к туземному иранскому элементу господство больше не возвращается», — пишет академик В.В. Бартольд. Это не совсем верно. В разных частях Ирана иногда приходили к власти национальные династии. Но в Хорезме иранцев к власти не допускали. Французский ориенталист Рене Груссе возражает: тюрки. Завоевавшие Иран, сами воспринимали персидскую культуру и защищали иранцев от внешних вторжений. В этой гипотезе есть своя логика. По ходу сюжета мы увидим, как степные варварские орды тюрков-огузов враждуют с принявшими цивилизацию сельджуками и разрушают их империю. В концепции французского ученого есть свои плюсы. Анализировать детали, к сожалению, нет возможности за неимением места. Пусть читатель сделает это сам. И всё же...

Л.Н. Гумилев, внимательно изучавший труды Груссе, тоже подпал под обаяние его идей и даже наступил на горло собственной

песне. Да, сельджуки восприняли так много от иранской цивилизации, что византийцы звали их султанов «персами». Но факты свидетельствуют о том, что эти «персы» были столь же чужды истинным иранцам, как романизированные готы — истинным римлянам. Ситуация совпадает до мелочей. Термин «этническая химера», характерный для взаимоотношений, например, иранцев и тюрок, ввел в оборот Л.Н. Гумилев. Но перед нами как раз тот случай, когда автор концепции сам до конца не понимает ценности своего открытия и иногда ошибается в частности, что не умаляет ценности его глобальных открытий.

Древнее арийское население Хорезма постепенно ассимилировалось. Оно усвоило мусульманскую веру, арабские имена, тюркские привычки... Процесс агонии затянулся надолго. Современные ученые полагают, что иранцы-хорасмии окончательно утратили свою идентичность только в XIV веке. Следовательно, во времена первых хорезмшахов Ануштегинидов здесь по-прежнему обитал ираноязычный народ, который не чувствовал никакой связи со своими господами, носившими титул хорезмшахов. В жилах господ текла тюркская кровь, а подданные были иранцами.

К востоку и северу от Хорезма издавна жили сильные тюркские племена — осколки древней державы Кангюй. Это были канглы, туркмены, печенеги. Некоторые группы племен утратили историческую память и назывались просто *огузы* — роды. В итоге именно они, а не монголы сыграли роковую роль в судьбах Ирана. Но не будем забегать вперед.

В XI веке среди туркмен возвысился род Сельджуков. Имя правящей фамилии стало названием народа. В современной науке их именуют турки-сельджуки, что не совсем точно. Однако менять устоявшийся термин бессмысленно.

Сельджуки захватили Хорезм в 1043 году, отбив его у тюркской династии Газневидов. Взяли у тех же Газневидов Хорасан, у персов — Западный Иран и Арабский Ирак, у арабов — Сирию и Палестину, у правящей семьи курдов — Азербайджан, у грузин — Тбилиси, у Византии — Армению и Малую Азию.

Возникла огромная империя с туркменской династией во главе. Хорезмский оазис стал одной из провинций бескрайнего Сельджукского султаната.

Иранцы приспособились к новой власти. Эти люди разучились воевать, но хорошо умели интриговать и управлять. Грамотные специалисты иранского происхождения стали *везирами* (министрами) Сельджуков. Персидский, наряду с арабским, был языком государственных канцелярий. А также языком литературы, на котором писались великолепные стихи и эпические поэмы (вроде «Шахнаме», сочиненной по заказу одного из тюркских султанов). Но эта блестящая цивилизация стремительно вырождалась. Обе части ее — турки и иранцы — были чужими друг другу. Первые утратили родные степи и поселились в прекрасной, но чуждой стране. Вторые оставались на месте, но потеряли родину, которой правили чужаки. Финалом была страшная трагедия. Хватило трех поколений, чтобы Сельджуки выродились и погибли, а в Иране наступил хаос при полной апатии населения. Как это произошло? Какую роль сыграл Хорезм?

Здесь нам следует немного изменить степень приближения к событиям и начать рассказ о самой знаменитой династии хорезмшахов, последним представителем которой сделался Джелаль эд-Дин Менгбурны (прозвище *Менгбурны* означает «родинка на носу»). Начнем.

2. СУДЬБЫ ТУРКМЕН

Возвышение хорезмшахов началось благодаря Сельджукам. Пройдет столетие, и шахи оплатят своим благодетелям сполна: последнему Сельджукиду отрубят голову после одной из битв с хорезмийцами, а тело вздернут на виселице. Но кто мог об этом знать, когда тюркский раб по имени *А н у ш - т е г и н Г а р ч а* и прибыл ко двору великого сельджукского султана **Меликшаха (1072—1092)**? Это произошло в последней четверти XI века, когда имя Сельджуков гремело от Ферганы до Царьграда.

События подробно излагает азербайджанский ученый Зия Буниятов в своей истории хорезмшахов, изданной в Баку еще в советское время, а потому сохраняющей объективность и научную ценность. Книга доступна в Интернете и может быть рекомендована любознательному читателю для ознакомления с темой. Конечно, нельзя обойти и замечательную книгу В.В. Бартольда об истории Туркестана, которую мы обильно цитируем. Российский академик виртуозно излагает события, обобщив огромное количество материала.

Кроме того, доступны многие тексты на эту тему, от истории сельджуков Садр эд-Дина ал-Хусайни в переводе того же Буниятова до классических сочинений средневековых авторов ибн ал-Асира и Рашид эд-Дина. Эти книги представлены в списке избранной литературы в конце нашей сводной работы.

Итак, первого достоверно известного предка хорезмшахов звали Ануш-тегин. Перед нами туркмен из племени бекдили.

Тысячу лет назад туркмены жили в бедности. Впрочем, как и сейчас. Племенами управляли старейшины. «Социальные лифты» отсутствовали. Для молодых людей имелась одна профессия: пасти овец. Мужчины помногу лет работали и накапливали имущество, чтобы только купить себе жену. Суровые степи и полупустыни, жаркие днем и холодные ночью, попросту не могли прокормить людей. Опустим завесу жалости над грязью и примитивным развратом, в которых пребывали эти люди.

Иногда племена ссорились друг с другом. Воровали скот и людей, продавали их персам. Скот шел на убой, а люди... Людей ждала разная судьба. Красивые девушки попадали в гарем, в публичный дом, в прислугу. Юноши могли стать поварами, евнухами, военными. Последняя профессия сулила самую большую выгоду. В любом случае это было лучше, чем всю жизнь провести в обществе коз и овец. Некоторые молодые туркмены вообще убегали из родных кочевий и устремлялись в благодатный и многолюдный Иран, чтобы сделать карьеру.

Уходили поодиночке и целыми племенами. Те же сельджуки — всего лишь одно из таких племен, которое покинуло родину и переселилось на юг. Им сказочно повезло. Они захватили Иран и превратили его в родовое владение, распределив скот, города и людей между членами всей семьи. Среди бедных *огузов* (туркмен, которые остались жить в цепочке оазисов возле Черных песков, в низовьях Сырдарьи или в степях Мавераннахра — в Заречье, как переводится это слово, обозначающее территорию между Амударьей и Сырдарьей) ходили легенды об успехах рода Сельджуков. Другие племена и роды, которые переселились следом за ними в Иран и Азербайджан, достигли гораздо меньших успехов. Но это было всё равно лучше, чем оставаться в привычных юртах, прокопченных от дыма и почерневших от грязи.

Некоторые кочевники сами стремились попасть в рабство, чтобы сделать карьеру. Таким был юный половец Ш а м э д - Д и н И л ь д е г е з, основатель династии азербайджанских *атабеков*, с которыми придется столкнуться четырем хорезмшахам — Иль-Арслану, Текешу, Мухаммеду, Джелаль эд-Дину. Юный Ильдегез попросил продать себя, стал поваром, попал ко двору Сельджуков, добился с помощью интриг военного командования и захватил к концу жизни весь Западный Иран.

Рабом был А л п - т е г и н, основатель династии Газневидов в Восточном Иране. Из простых *гулямов* этот предприимчивый тюрк дослужился до звания начальника гвардии при дворе восточноперсидского шаха из династии Саманидов, затем разругался с начальством и ушел в Афганистан, где создал новое княжество. Еще до этого тюркские *гулямы* смещали и убивали по своему усмотрению халифов в Багдаде...

Примерам несть числа. Бывшие полным ничтожеством у себя на родине, тюрки уходили в Иран и Ирак, делали головокружительную карьеру и становились господами арабов и персов, приютивших их. Обязательное условие для пришельцев имелось одно: обрезать крайнюю плоть и принять ислам. Усвоив его, предприимчивые, хитрые и безжалостные тюрки открыли для себя удивительные

возможности. Правда, для других мусульманских народов это стало трагедией.

Тюрки сделались господствующим классом в покоренных странах, утратили связь с родиной и превратились либо в жестоких тиранов, либо в бездушных дегенератов. Платой за успех и богатство стала утрата национальной идентичности и ломка этнической психологии.

Человек состоит из традиций, обычаев, привычек, которые он видит на примере отца и матери, братьев и сестер, родичей. Традиции — это детские игры и сказки бабушек, сплетни о соседях и наказания за неправильные поступки, навыки общения и поведения, молитвы домашним духам...

Всего этого не имелось у тюркских *гулямов* (вольнонаемных гвардейцев) и их детей. Они были чужаками для иранцев, но перестали быть своими для «огузов», кочевавших в Туркмении. Поэтому тюркские династии вырождались с потрясающей быстротой. Как правило, беки и султаны сходили с ума от вседозволенности, изнурили себя развратом и наркотиками, а в лучшем случае — просто спивались. Азербайджанские *атабеки*, наследники Ильдегеза, стали пьяницами уже во втором поколении. Об одном из внуков Ильдегеза, Абубекре, мусульманский автор ибн ал-Асир насмешливо писал, что тот пытался защитить свое государство от врагов «не мечом, а penis'ом».

Сельджуки вымерли через сто лет, уцелев разве что в Малой Азии. Однако новые и новые кочевники летели, как бабочки, на свет персидской цивилизации, и трагедия повторялась. Несмотря на кажущуюся роскошь и культурные достижения, жизнь на мусульманском Востоке вовсе не была благополучной и радостной. Перед нами уродливая химера, принимающая причудливые формы. Нужно помнить об этом, чтобы понять дальнейший рассказ.

Упомянутый нами Ануш-тегин был одним из туркменских искателей приключений. ?

В юности Ануш попал в рабство и очутился в горной стране Гарчистан. Затем его взял в плен сельджукский эмир Бильге-тегин («мудрый царевич»). Сельджуки и туркмены — близкая родня, каждый об этом помнил. Ануш-тегин сделался воином в отряде Бильге.

«Мудрый» эмир представил Ануш-тегина ко двору сельджукского султана Меликшаха. И перепродал. Для Ануш-тегина эта перепродажа обернулась удачей. Сметливый раб сделал карьеру, «дослужился до высших должностей и был назначен заведующим царскими умывальниками», пишет академик В.В. Бартольд в своей классической работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Эта должность оплачивалась очень высоко, однако наличных денег в казне султана не было. Сами Сельджуки не умели даже вести делопроизводство. Для этих целей нанимали персов. Персидские советники подсказали своим турецким хозяевам, как нужно вести дела. Ни в коем случае нельзя делить государство на уделы, заменив ими денежные выплаты. Есть другой путь. В качестве жалованья придворным назначить налоги с какой-нибудь крупной провинции. Это называлось отдать землю в *икта* — в надел. Но хозяин надела в своем владении даже не появлялся. Он только получал с него деньги. Такой же фикцией были, например, титулы великих князей в России времен Романовых. Следовательно, владельцы *икта* не могли обрести независимость.

Таким вот образом Ануш-тегину пожаловали доходы части Хорезма (20 000 динаров). Его должность называлась *мутасариф*.

За всю свою жизнь Ануш не появился в Хорезме ни разу. Своего сына Мухаммеда воспитывал в Мерве.

Назначение доходов Хорезма состоялось в 1077 году. Ануш пользовался ими вплоть до своей смерти. Реально Хорезмом правили тюркские военные в должностях *вали* (губернаторов). Самым известным из них был И к и н ч и и б н К о ч к а р.

Так и повелось. Тюрки владычествовали над Хорезмом, а населявшие эту страну иранцы покорно вносили дань, оплачивая то местного губернатора, то хозяина умывальников.

Умывальная должность оказалась вершиной карьеры Ануштегина. В 1097 году он умер.

Предприимчивый туркмен скопил на своем посту богатство и завел связи. Этого оказалось достаточно для того, чтобы его дети и внуки сделались правителями Хорезма. Хотя произошло всё, насколько можно понять, случайно. Одной из причин стал быстрый развал Сельджукского султаната.

3. ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Неприятности у сельджуков начались сразу после смерти великого правителя Меликшаха в 1092 году. Кстати, причины этой смерти непонятны. Она окружена загадками. По официальной версии, тридцативосьмилетний султан скончался от болезни. Но поговаривали, что он отравлен.

После того как султана завернули в саван и похоронили, разные группировки туркмен столкнулись между собой за власть и влияние. Они выдвигали на первый план то одного, то другого из сыновей Меликшаха. Султан умер молодым. Его дети не достигли совершеннолетия. Следовательно, ими можно манипулировать. С тех пор правящие Сельджукиды не задерживались надолго на этом свете. В лучшем случае они умирали от пьянства. В худшем — становились жертвами отравлений, гибли под кинжалами наемных убийц или под саблями врагов. Те, кто выживал, сражались друг с другом. Все подробности и перипетии внутрисемейной борьбы наверняка утомят читателя, а потому будут опущены. Однако основные вехи упомянуть следует.

Восточный Иран захватил брат Меликшаха — Арслан-Аргун. Уничтожить мятежника никто не мог: в западной части сельджукской державы не прекращались смуты между сыновьями покойного султана. Лишь через три года после кончины Меликшаха против Арслана выступила правительственная армия. Однако смутяны разгромили ее. Новое войско удалось собрать в 1097 году. Оно вошло в Хорасан, но на сей раз битвы удалось избежать. Арслан-Аргуна

убил собственный *гулям*, а его армия перешла на сторону законного правительства.

Восточный Иран получил в удел один из сыновей Меликшаха, султан **Санджар (1097—1156)**. Он был одиннадцатилетним ребенком, и первое время страной управлял *атабек* Кумач. Слово «*атабек*» состоит из двух частей. *Ата* — в переводе с тюркского «отец». *Бек* — «князь». Следовательно, слово «*атабек*» можно перевести как «опекун». Постепенно оно утратило первоначальный смысл и превратилось просто в титул правителя, стоящего по рангу ниже султана. Титул можно сравнить с японскими *сёгунами* (военными князьями), которые тоже правили от имени подставных императоров.

Положение Санджара и его опекуна оказалось сверхсложным. Армия, с которой они выступили против Арслан-Аргуна, вернулась на запад, откуда пришли вести о нашествии крестоносцев. Следовательно, малолетний султан Санджар и атабек Кумач остались править огромной страной совсем без войска. Им срочно требовались сторонники.

Дела в Хорезме шли своим чередом. В 1097 году был убит тюркский наместник этой страны — Икинчи ибн Кочкар. Его зарубили собственные эмиры, которые восстали против центральной власти. Когда восстание было подавлено, султан назначил наместником Хорасана Дадбека-Хабаша. А тот, в свою очередь, поставил новым хорезмшахом *К у т б э д - Д и н а М у х а м е д а*, сын Ануш-тегина. Мухаммед впервые прибыл в страну, когда-то пожалованную его отцу «в кормление».

Титул хорезмшаха не предполагал независимости. Скорее он означал автономию. Шахами назывались правители окраин султана, обладавшие высокой степенью самостоятельности. История знает керманшахов, ширваншахов, арраншахов. В общем, это была должность вроде ранних маркграфов времен Карла Великого, то есть охранителей границ. Мухаммед стал одним из таких пограничных стражей.

Дальше события развивались стремительно. Хорасанский правитель Дадбек отложился от центрального правительства. А хорезмский Мухаммед — нет. Это был правильный выбор. Мятаж Дадбека оказался вскоре подавлен. Санджар восстановил власть на востоке.

Сын Ануш-тегина решительно поддержал Санджара. За это султан утвердил его в должности в 1100 году.

С этого момента начинается правление новой династии. Ее следовало бы звать Мухаммедами. Но историки зовут ее «Ануш-тегиниды». Такое смещение часто встречается в истории мусульманских стран. Например, Саладин основал династию египетских султанов. Но ее называют А й ю б и д а м и в честь отца Саладина. То же самое — с династиями А г л а б и д о в в Северной Африке и Б у и д о в в Персии. Они названы не в честь первых независимых правителей, но в честь их отцов.

Так или иначе, Мухаммед I (1100—1127), сын туркменского раба, сделался хорезмшахом. Повезло одному туркмену из десяти тысяч... Что было неплохо. В это время в Западной Европе, например, сделать карьеру правителя могли только родовитые рыцари. Случай, когда простой шевалье из Нормандии или Бургундии становился во главе крупного герцогства или графства, можно перечесать по пальцам. Крепостные крестьяне, нищие пастухи, зависимые повара или парфюмеры не имели шансов стать крупными полководцами или основателями династий в Европе. В этом смысле мусульманский мир был гораздо демократичнее. Конечно, власть и карьера — это всегда лотерея, но на Востоке в нее стоило сыграть.

Мухаммед, по словам ибн ал-Асира, правил справедливо и покровительствовал ученым. Кроме того, он верно служил своему хозяину. Это было время накопления сил. Хорезмшах исправно платил дань Санджару, ходил с ним в походы. Не забывал и о своих ираноязычных подданных — хорезмийцах. «Он был справедлив к подданным, которые любили его и возвеличивали его имя», — пишет про Мухаммеда тот же ибн ал-Асир. Умный хорезмшах покровительствовал ученым и духовенству. Те и другие были иран-

цами. Служители Аллаха и деятели науки и культуры обеспечили Мухаммеду авторитет среди иранского населения. Шах считался добрым правителем, но вряд ли он был таковым. Доброта — не самое лучшее качество для того, кто управляет людьми. Мухаммед правил долго. Это значит, что он был хитер и ловок, а когда надо, жесток. Кроме того, умел правильно оценить ситуацию и не пытался порвать со своим господином Санджаром. В это время Хорезм был всего лишь филиалом Сельджукской империи.

4. ХОРЕЗМШАХ ПРЕДАЕТ СЕЛЬДЖУКОВ

Мухаммед настолько укрепил власть своей семьи в Хорезме, что после смерти шаха не возникло сомнений, кого назначить преемником. Туркменское войско присягнуло старшему сыну Мухаммеда. Местное иранское население тоже признало его. Султану Санджару не оставалось ничего другого, как утвердить назначение. Таким образом к власти в Хорезме пришел сын Мухаммеда — **Ала эд-Дин Атсыз (1127—1156)**. Бартольд вполне справедливо называет его «истинным основателем могущества династии хорезмшахов». Для Санджара он постепенно превратится в серьезную проблему.

Новому правителю было двадцать девять лет. Он продолжал политику отца: покровительствовал культурным людям и тем самым снискал уважение мулл и творческой интеллигенции. Молодой шах получил образование в Мерве и лично писал стихи на персидском языке. Это был в то время язык всех культурных людей в Иране. На нем творили поэты от Баку и Тебриза до Бухары и Самарканда. Всё это были края, населенные потомками древних арийцев. Вероятно, стихи Атсыза оказались достаточно отвратительны для того, чтобы исчезнуть из народной памяти сразу после смерти автора. Во всяком случае, до нас они не дошли. Атсыз прославился другим: отделил Хорезм от Сельджукской империи.

Этот путь был труден и занял несколько десятилетий.

В 20-х годах XII века Санджар сделался самым сильным правителем среди Сельджуков. Западный Иран постоянно делили его

братья, затем племянники. Все они жили недолго, им на смену приходило новое поколение правителей, они вновь делили власть и владения. Санджару повезло. По тюркским меркам он был долгожителем. Поэтому активно вмешивался в распри своих западно-иранских родичей и выступал в качестве верховного арбитра. К тому же у него имелись многочисленные войска для того, чтобы навязать свою точку зрения тем, кто был с ней не согласен.

Сложился миф, что тюрки выставляли для сражений огромные армии. Это не так. В лучшие времена у Санджара имелось 20 000 всадников, и это считалось большим *аскарам* (войском). Эмиры Азербайджана или Ирака могли выставить против него только по 10 000 бойцов. Мы еще не раз вернемся к вопросу о численности армий, но сейчас важно понять, что сельджуки действовали небольшими отрядами. Это означает, что огромные массы иранского населения проявляли потрясающее равнодушие по отношению к своим завоевателям.

Между тем нарастал другой конфликт. Сельджуки захватывали земли, делили их между собой и быстро теряли связь с кочевыми родственниками, которые всё еще жили в Туркмении. *Огузы* были для них дикарями. А сельджуки для огузов — чужаками, променявшими бедную родину на сокровища Персии. Сельджуки и огузы всё больше ненавидели друг друга. К концу правления Санджара эти противоречия станут смертельными.

Единственной опорой Санджара оставалась армия, но она уже не являлась туркменской. Туркменами были только гвардейцы. Рядовой состав пополняли наемники из разных племен: курды и канглы, кипчаки и карлуки. Многие из них были тюрками, но не стоит обольщаться: если даже родственные огузы и сельджуки не ладили между собой (хотя те и другие были туркменами), то говорить о других племенах? Объединял их только один принцип: служение хозяину, который платит зарплату. Таким хозяином был султан Санджар. Пока он имел силу, профессиональные наемники охотно служили ему. Как только ослабел... но не будем забегать вперед.

Десять лет поэтичный хорезмшах Атсыз верно служил султану Санджару. В 1130 году он даже спас повелителя, вырвав его из рук заговорщиков-гулямов во время похода на Бухару и Самарканд.

— Как ты узнал о заговоре? — спросил султан.

— Я увидел во сне, что с тобой случилось несчастье на охоте, — отвечал хорезмшах, — и я тут же поспешил сюда!

Благодарный Санджар осыпал его наградами...

Но скоро идилия кончилась. Втайне хорезмшах мечтал обрести самостоятельность: прекратить выплату дани, обрести свободу во внешней политике. Должность чиновника или вассала ему не нравилась. Возможно, он рассчитывал получить независимость именно за спасение Санджара. Но Санджар по-прежнему считал Хорезм не более чем автономной частью империи. Атсыз начал искать возможность вырваться из-под опеки султана.

Во всём мире уважают только силу. Где ее взять хорезмшаху? Очевидно, в Великой Степи, то есть в той части ее, где расположен нынешний Казахстан. Там жили туркмены, кипчаки и канглы. Многие из них готовы были пополнить ряды хорезмийской армии.

Сам Хорезм мог дать только деньги.

Но часть этих денег приходилось отдавать сельджукам в виде дани. Таких данников у Санджара было достаточно много. За право жить ему платили Караханиды (тюркские правители Самарканда) и Газневиды, властвовавшие в современном Афганистане и Пакистане. Санджар имел громадные денежные ресурсы, на которые нанимал уже до 30 000 профессиональных солдат.

Атсыз не мог нанять столько воинов зараз. Тогда он попытался расширить свои владения на севере, чтобы включить в состав Хорезма земли, населенные кочевниками. Степняков можно было вооружить и поверстать в ополчение. Такое войско стоило бы дешевле, и с его помощью хорезмшах рассчитывал освободиться от главенства Санджара. Действовал Атсыз терпеливо: понемногу расширял страну и ждал своего часа (то есть развала империи Сель-

джуков). И не ошибся. Восточная граница Сельджукского султаната стала напоминать пробуждающийся вулкан. То и дело вспыхивали восстания на окраинах. Для борьбы с ними Санджар наращивал армию. Она состояла из профессиональных *гулямов* и ополчений племен, включая огузов, живших в оазисах к югу от Черных песков. В одном из таких оазисов располагалась столица Санджара — многолюдный Мерв (современный Мары в Туркмении).

Первое время мятежи на окраинах удавалось подавлять. В 1135 году была разгромлена Газна. *Гулямы* взяли богатую добычу. В то же время Санджар успевал вмешиваться в дела Западного Ирана. Тамошние сельджуки безоговорочно признали его старшим в роде. К тому времени султану исполнилось пятьдесят.

В 1137 году Газна восстала вновь. Санджар отправился в поход против нее. Хорезмшах участвовал в этом походе, но прямо посреди кампании отпросился домой.

— Мы его никогда больше не увидим под своими знаменами, — пророчески заметил султан Санджар, отпуская шаха.

— Почему же ты его отпустил? — спросил кто-то из придворных.

— Я желаю быть великодушным и мягкосердечным, — заявил Санджар.

Хотя дело, конечно, было в другом. Султан боялся, что Атсыз восстанет прямо во время похода и перейдет на сторону врага. Своей мягкостью Санджар хотел удержать шаха от мятежа. Но это не удалось, и скоро суйтан получил еще один фронт.

В 1138 году Атсыз захватил Мангышлак. Туркмены, населявшие этот край, подчинились ему. Затем шах напал на область Дженд, расположенную в низовьях Сырдарьи. Когда-то эти земли являлись колыбелью первого государства сельджуков, до их переселения в Туркмению. Теперь здесь кочевали канглы и часть огузов. Эти роды признавали зависимость от Санджара. Следовательно, Атсыз пошел на прямое столкновение со своим господином. Воевать так воевать: мятежник заключил в тюрьму чиновников Санджара в Хорезме, конфисковал их имущество и перекрыл дороги в Хорасан.

Меч был вынут из ножен. С тех пор на протяжении почти двух десятилетий Атсыз боролся с Санджаром.

Великому Сельджуку можно посочувствовать. Султан обладал административными способностями, воображением и хитростью. Он предпринимал грандиозные усилия, чтобы удержать в повиновении огромную страну — Восточный Иран. Но это было не в его власти.

Могла ли идти речь о подавлении крупных мятежей, если Санджар не справился с орудовавшей на его территории сектой средневековых террористов-гашишинов, представители которой убивали по приказам своих шейхов неугодных правителей во имя Аллаха? Эта секта возникла в XI веке и обрела популярность среди иранцев, недовольных социальной несправедливостью, царившей в обществе. Перед тем как совершить преступление, террористы подкрепляли себя гашишем и сексом с прекрасными пленницами. Это казалось им более справедливым, чем гнуть спину на жестоких правителей или коррумпированных чиновников.

Санджар вознамерился уничтожить крепости *гашишинов*. Но во время похода обнаружил у себя в шатре на подушке кинжал и записку. Что было в письме, осталось тайной, однако поход против *гашишинов* султан отменил.

Был ли хорезмшах сильнее султана? Время показало, что нет.

Санджар собрал армию, выступил против Атсыза и настиг его у крепости Хазарасп в Хорезме. Атсыз вывел в поле большую рать, значительная часть которой была набрана среди кочевников — «неверных тюрок» Великой Степи. Шах пообещал им разграбление Хорасана и богатую добычу. Но с обещаниями поспешил. В разгравшейся битве ополченцы шаха потерпели жестокое поражение. В плен попал один из сыновей Атсыза — Атлык, которому сельджуки отрубили голову по приказу Санджара.

По словам восточных историков, потери хорезмийцев составили 10 000 человек. Можно представить, что общая численность сброда, согнанного шахом к крепости Хазарасп, была по крайней

мере вдвое выше. Султан пробыл неделю на месте битвы, и к нему приходили беглецы из разбитого войска; все получили прощение, ибо правитель нуждался в *аскерах* (солдатах, воинах).

После поражения Атсыз бежал в северные степи. Санджар беспрепятственно вошел в столицу Хорезма — Гургандж (монголы называли этот город Ургенч, как и мы сегодня) и поставил правителем своего племянника Сулеймана ибн Мухаммеда, оставив при нем *везира* (главу правительства), *атабека* (опекуна) и *хаджиба* (управляющего делами).

Однако оккупация оказалась недолгой. У сельджуков не было сил, чтобы удержать Хорезм. Атсыз собрал на Мангышлаке новое ополчение и в 1139 году выгнал недругов. Из своих приключений хорезмшах извлек важный урок. Единственное спасение — это опора на кочевников. С тех пор правители Хорезма пополняли свои войска выходцами из северных степей. В основном это были представители трех племенных групп: канглы, туркмены, кипчаки.

В 1140 году Атсыз произвел нападение на Бухару, взял город, убил правившего им сельджукского наместника, произвел грабежи и разрушил цитадель. Набег был произведен для того, чтобы расплатиться с воинами. Затем хорезмшах попытался примириться с Санджаром и принес ему клятву верности. Он искренне рад, что султан проявил «свет своего милосердия».

А что же Санджар? Он собирался отомстить коварному вассалу. Но Великому Сельджуку вдруг стало не до него. На восточной границе появился новый противник — *кара-китаи*. Известный историк ислама Август Мюллер утверждает, что их призвал на помощь против сельджуков не кто иной, как сам хорезмшах Атсыз... Впрочем, впоследствии похожие обвинения будут предъявлять багдадскому халифу и вождям *гашишинов*. Их обвинят в приглашении монголов, родственных кара-китаям.

5. ПОЯВЛЕНИЕ КАРА-КИТАЕВ И КАТВАНСКАЯ БИТВА

Монголоязычный народ *китаи* (на китайский манер — *кидани*) жил на Дальнем Востоке. Он создал империю Ляо (Железная), но был разбит соперниками — соседним племенем *чжурчжэней* (предки маньчжуров и родичи эвенков). Победители основали династию Кинь (Золотая).

Часть китаев покорилась победителям, а другая — ушла в Семиречье и на Алтай. Она получила имя «черных китаев». Их возглавил гурхан Елюй Даши (1125—1143). Титул Елюя означает, что он возглавил свободную конфедерацию племен. Больше всего эти племена жаждали богатств и добычи.

В китайских хрониках его государство называется, однако, Си Ляо (Западная Железная [династия]). Авторы хроники «Ляо ши» присвоили Елюю храмовое императорское имя и полагают, что он и его потомки исполняли все положенные по этикету обряды, связанные с этим титулом. Вот что говорится о Елюе в 30-й главе «Ляо ши»: «Елюй Даши — основатель Си Ляо. Имел почетный титул Чун-дэ. Внук Тайцзу (первого киданьского императора. — С. Ч.) в восьмом поколении. Овладел китайскими и киданьскими письменами. Искусный наездник и меткий стрелок из лука. На пятый год Тяньцин (1115 г.) возвысился до степени цзиньши. Был рекомендован в [академию] Ханьлинь секретарем-исполнителем. Продвинулся по службе до звания чэнчжи (советника по секретным повелениям императора). В [государстве] Ляо Ханьлинь именовали Линья, поэтому Даши звался Даши-линья. Достиг степени цыши (правителя) двух округов Тайчжоу и Сяньчжоу. Стал цзюньцзедуши (военным генерал-губернатором) округа Ляосин».

Таков послужной список принца-чиновника. По-настоящему Елюй Даши возвысился после падения империи Ляо, когда пытался сражаться с чжурчжэнями, потерпел неудачу в борьбе, оторвался от них и ушел сперва на Алтай, а затем дальше на запад, в Семиречье, где подчинил местные племена и города-государства. Л.Н. Гумилев

полагает, что держава киданей обновилась. Из жесткой системы, копировавшей китайскую иерархию и чуждой кочевникам, она превратилась в гибкую федерацию общин и племен, при которой процветала торговля, а в степи царил мир.

Некоторые ученые всё же полагают, что Елюй Даши сохранил императорский титул на тот случай, если он или его потомки когда-нибудь вернутся на восток. Впрочем, одно другому не мешает.

...Китай были опытными воинами. Их тактика оказалась непривычна для *аскеров* мусульманского мира. Впоследствии ее переняли «классические» монголы.

В чем суть? Китай умели мастерить сложносоставные луки с обратным изгибом. Для того чтобы натянуть их до уха, требовалась большая физическая сила, а чтобы попасть в цель — природная меткость и годы тренировок. Тюрки могли натянуть такой лук лишь до груди. Из своих луков китайцы могли бить на расстояние до 800 шагов. К тому же конные воины степей стреляли по противнику с огромной скоростью. Казалось, что льется ливень стрел. Слабенькие луки мусульманских джигитов не могли посылать стрелы на столь далекое расстояние. Да и стрелять на скаку умел не каждый мусульманский *аскер*. Поэтому кара-китайцы даже в небольшом количестве считались грозными противниками и одерживали победы.

Елюй Даши напал на Мавераннахр и атаковал правителя Самарканда — тюрка Махмуда из рода Караханидов. Махмуд был вассалом Санджара. Султан Санджар испугался вторжения гораздо сильнее, чем мятежа Атсыза. Оттого и постарался поскорее помириться с хорезмшахом. Хорезмский конфликт был свой, домашний. А в появлении неведомых кара-китаев — желтолицых кочевников с раскосыми глазами — султан видел угрозу, с которой надо было покончить как можно скорее.

Три года Санджар собирал силы, а пока вел надменные переговоры с *гурханом* и требовал от него перейти в ислам. Елюй Даши отказался сделать это. Он был буддистом. Тогда Санджар обстоятельно расписал многочисленность своего войска и великолепное вооружение.

— Мои воины стрелой рассекают волос на две части! — хвастался сельджукский султан.

Гурхан без долгих слов приказал обрить бороду мусульманскому послу, вручил ему иголку и велел проткнуть волос из обритой растительности. Ничего не вышло.

— Как же могут другие рассечь волосок стрелой, если ты не смог проткнуть его иголкой! — рассмеялся Даши.

Столкновение стало неизбежным. В 1141 году Санджар выступил в поход, встретился с кара-китаями на Катванской равнине между Ходжентом и Самаркандом... и был наголову разбит.

Кара-китан, умело обошли врага и устроили двойной охват по образцу битвы при Каннах. А затем обрушили на врага ливень стрел со скоростью автоматных очередей. Это привело к разгрому Санджара.

На поле боя легла лучшая часть армии сельджуков — 30 000 солдат. Так первый же удар монгольских кочевников потряс все основы мусульманского мира. Сам повелитель Ирана едва спасся с шестью *гульмами*. Его жизнь спас верный вассал — правитель Систана Тадж эд-Дин, который после этого сделался султанским любимцем.

Мавераннахр (с Бухарой, Самаркандом и множеством других городов) стал вассальным владением кара-китаев. Авторитет Великих Сельджуков был поколеблен. Провинции Восточного Ирана остались без защиты. Возник риск внутренних восстаний и внешних вторжений. Наступил финансовый кризис. Например, в плен угодила главная жена Санджара. Ее выкупили за баснословную сумму в полмиллиона динаров. От Сельджукского султаната стали отлагаться окраины. Начиналось время смут и потрясений. Нашествие монголов Чингисхана станет лишь кульминацией.

6. КРАХ СЕЛЬДЖУКСКОЙ ИМПЕРИИ

Хорезмшах Атсыз был первым из мусульман, кто воспользовался поражением султана Санджара при Катване. Уже в октябре 1141 года Атсыз без боя занял Серахс в Хорасане. Лучшие люди города встречали его хлебом-солью.

Затем хорезмшах напал на богатый Мерв — столицу Великих Сельджуков. Город был взят и разграблен дочиства, а его знать уничтожена, так как попыталась поднять простонародье на бунт. Среди казненных был суннитский богослов, ученый-энциклопедист Али и даже один *шариф* (это почтительное звание носили наиболее уважаемые мусульмане).

Султанские сокровища, спрятанные в сундуках, Атсыз опечатав своей *тугрой* и перевез к себе, а также успел воссесть на трон Санджара и принял на нем признание покорности от уцелевших чиновников и аристократов. Лучших ученых столицы хорезмшах вывез в Гургандж.

Весной следующего, 1142 года Атсыз подверг разгрому север Хорасана и появился под стенами многолюдного Нишапура, который славился своими базарами и купеческим капиталом.

Цвет нишапурского духовенства вышел навстречу Атсызу и умолял не подвергать город участи Мерва. Победоносный тюрк ответил цветистым посланием, полным угроз и чванства.

«Проникающие повсюду прекрасные рассказы о нас еще не достигли той степени, чтобы не быть доступными пониманию. Каждый день в нашей судьбе приносит благоденствия. Светом своей справедливости мы стараемся устранить мрак насилия на земле. Это мы сделали наши пиры источником щедрости и чудес для народа. Одни пользуются нашей лаской, другие пребывают в страхе и стонут.

Сегодня наши знамена направляются в окрестности Нишапура. Там знают, что случается в Хорасане с теми, кто не изъявляет покорности и повиновения. Наше мнение о народе Нишапура положительно. В тот же час, когда вы прочтете это мое повеление, вы должны огласить мое имя в хутбе и приступить к чеканке монет с моим именем».

Хорезмшах лицемерно заметил, что эти действия являются ответом на неблагодарность Санджара. *«Не знаем, принесет ли пользу раскаяние, так как он теперь нигде не видит такой опоры и такого друга своей державы, каким были мы»,* — распространялся Атсыз в своих прокламациях.

Нишапур сдался.

Город пощадили, но конфисковали имущество у многочисленных сторонников Санджара. Захватчики обогащались как только могли.

Затем Атсыз направил отряды под началом своего брата Йиналтегина для разграбления мелких хорасанских городков.

Совершив этот победоносный поход против беззащитных провинций Ирана, Атсыз добился постановления багдадского халифа о признании Хорезма независимым от Санджара. По этому случаю на монетном дворе Гурганджа стали чеканить золотые динары с именем хорезмшаха. Придворный поэт Рашид эд-Дин Ватват сочинил льстивый стишок:

Малик (царь) Атсыз занял трон царства,
И счастье Сельджука и его рода закончилось.

Но вскоре Атсыз обнаружил, что его земли, в свою очередь, грабят кара-китаи. Против них ополченцы шаха были бессильны. Пришлось заключить мир на унижительных условиях. Елюй Даши заставил Атсыза выплачивать ежегодную дань в размере 30 000 золотых, не считая поставок продовольствия. Правда, взамен *гурхан* отдал Бухару в управление племяннику хорезмшаха — Атматегину.

Однако для шаха начиналась эпоха бедствий.

Султан Санджар в 1143 году возвратил себе Мерв, а затем вторгся в Хорезм. Он действовал мобильными силами профессиональных вояк, которым выплатил умопомрачительную сумму в три миллиона динаров.

Кочевники-ополченцы не успели прийти Атсызу на помощь. Султанская армия осадила Гургандж и неоднократно врывается в город, хотя взять его не могла. Атсыз униженно просил мира, валялся перед Санджаром в пыли на берегу Сырдарьи и наконец был прощен.

Султан признал Атсыза правителем Хорезма на условиях выплаты дани и возвращения захваченных в Мерве сундуков с сокровищами. Хорезмшах потерял Дженд в низовьях Сырдарьи: правителем этой области сделался Кемаль эд-Дин из династии тюрков Караханидов, как предполагает академик Бартольд. Естественно, от дани *гурхану* никто хорезмшаха не освободил...

Добивать хорезмского мятежника султан Санджар не рискнул — в любой момент могли нагрянуть кара-китаи и разгромить тылы. Однако очень скоро султан понял свою ошибку.

Почти сразу после заключения мира Атсыз подослал к Санджару двух *гашишинов*. Султан избежал смерти, но сам факт попытки предательского убийства с помощью, как бы мы сказали сейчас, международных преступников свидетельствует о падении нравов. О готовящемся нападении предупредил поэт Адиб Сабир, которого Санджар специально послал в Гургандж следить за хорезмшахам. Убийцы были вовремя схвачены и казнены.

Санджар направил Атсызу угрожающее письмо, но тот ответил насмешливым стишком.

В 1145 году Атсыз вновь напал на Дженд, занял его и прекратил выплату дани султану сельджуков (правда, правитель области Кемаль спасся и вскоре вернул ее). По случаю освобождения Дженда «от неверных» хорезмшах издал пространное послание, заканчивавшееся словами: *«Эта радостная весть должна быть оглашена повсюду... дабы все жили спокойно и считали Хорезм и Дженд одним государством... И мир!»*

Далее всё повторилось, ибо султан не простил мятежа. Шестидесятилетний Санджар собрался с силами и в ноябре 1147 года вторгся в Хорезм. Первым делом он осадил сильную крепость Хазарасп. Это было своеобразное «предмостное укрепление» перед Гурганджем.

Осада продолжалась два месяца, после чего крепость пала. Затем был осажден сам Гургандж. Взять его сельджукам не удалось, но обе воюющие стороны были истощены, и в 1149 году Атсыз опять запросил мира. Он согласился возобновить выплаты в султанскую

казну и прислал богатые подарки в качестве возмещения военных издержек. В своих письмах, адресованных Санджару, Атсыз именовал себя персидским словом *бенде* (раб). Посредником на переговорах стал анахорет Аху-пуш, питавшийся исключительно мясом ланей и одевавшийся в их шкуры. По просьбе хорезмшаха отшельник замолвил слово перед Санджаром, и тот согласился на мир.

Окончательные переговоры состоялись на берегу Амударьи. Шах подъехал к султану на коне, наклонил голову, вежливо пообещал служить и поскакал обратно, прежде чем султан повернул поводья своей лошади. То есть не дослушал собеседника и повернулся задом к нему. Санджар стерпел оскорбление и сделал хорошую мину при плохой игре. Очевидно, что сил у него имелось недостаточно для того, чтобы уничтожить дерзкого вассала.

З.М. Буниятов предполагает, что в 1152 году Атсыз предпринял третий поход на Дженд, лишь тогда отобрал его у Кемаль эд-Дина Караханида и посадил несчастного в тюрьму (где тот и умер). Область удалось захватить не столько силой, сколько хитростью. Сперва Атсыз предложил Кемаль эд-Дину совместный поход против «неверных кипчаков», чтобы отобрать у них крупный торговый и ремесленный город Сыгнак. Караханид согласился. Но когда Атсыз появился в пределах Дженда с прекрасно вооруженной армией, стала ясна истинная цель предприятия. Кемаль эд-Дин бежал. Приближенные хорезмшаха бросились вслед, заверили беглеца, что ему ничего не угрожает, и уговорили вернуться. Возвратившегося простака заковали в цепи.

Джендом стал управлять старший сын хорезмшаха — Иль-Арслан; столь важное значение Атсыз придавал этой части своей державы.

Тогда же против Санджара восстали его афганские вассалы — Гуриды, о которых у нас еще будет возможность поговорить. На их сторону перешел сельджукский наместник в Герате, и почти весь нынешний Афганистан отпал от сельджуков. Гуриды нанесли поражение одной из армий Санджара и захватили Балх. Союзниками

афганцев стали огузы. К востоку от Хорасана выросло новое государство.

Санджар выступил против мятежников Гуридов, глава которых объявил себя султаном, и нанес им страшное поражение. Это произошло потому, что в разгар битвы на его сторону переметнулось 6000 огузов. Победители устроили резню. На поле боя полегло, по преувеличенным данным, 30 000 афганцев и огузов-мятежников (из тех, что не успели переметнуться). Эта цифра означает «очень много»; ровно столько же, по словам мусульманских авторов, пало при Катване; повторение одной и той же цифры внушает сомнения.

Самопровозглашенный султан Гурид попал в плен, но был отпущен Санджаром и получил щедрые дары.

— Ты заменяешь мне брата! — сказал великодушный Санджар. — Бери всё это имущество и возвращайся в Гур.

Султан чувствовал себя неуверенно. Его предавали друзья. Правитель Систана Тадж эд-Дин, например, сказался больным и не участвовал в походе против Гуридов. А ведь именно этот человек спас султана после поражения на Катванской равнине! Никому нельзя было верить, и султан колебался, не решаясь расправиться даже с побежденными врагами, из-за чего испытывал пренебрежение со стороны друзей.

В 1153 году Сельджукский султанат потряс новый удар. Под Балхом взбунтовались огузы. Их возглавлял некто Тути-бек, вождь племени *уч-ок*.

Вот как всё началось. Одна орда туркмен бежала от кара-китаев, поселилась в окрестностях Балха и платила султану дань в размере 24 000 баранов. Однако дело испортила коррупция на местах. К ним пришел сборщик налогов и вел себя так дерзко, что был убит.

Сельджукский *сипахсалар* (генерал) Кумач внушил Санджару, что сможет справиться с дикими огузами. Пускай только султан назначит его, Кумача, правителем Балха. Взамен Кумач обязался увеличить размер дани до 30 000 баранов. То есть продемонстрировать

эффективные, по понятиям султаната, управленческие способности. Султан согласился с предложением военачальника.

Ситахсалар потребовал от огузов покорности, баранов и возмещения за убийство мытаря. Огузы ответили, что подчиняются только султану и вести переговоры с генералом не будут. Кумач выступил против них во главе десятитысячного войска, но потерпел поражение и бежал в Мерв к Санджару. Ему удалось уговорить султана лично выступить против огузов. Собралась якобы стотысячная армия. Во всяком случае, она была велика.

Огузы перепугались и предложили громадный выкуп: 50 000 лошадей и верблюдов, 200 000 динаров в звонкой монете, 200 000 овец и баранов и годовой *харадж* (регулярный налог).

Санджар хотел было принять эти предложения, но его эмиры были категорически против. Вот и причина странной уступчивости султана в отношениях с хорезмшахом или гуридским правителем. Санджар зависит от настроения своих военных. Если те не желают добывать врага — значит, казням не бывать. Или Санджара самого найдут мертвым. Султан ходил по лезвию бритвы и был вынужден искать компромисс. Политика в Персии, где правитель-тюрок держался на саблях своих наемников в чужой стране, населённой враждебными или равнодушными людьми, была тонким делом.

Пришлось выступить против огузов. Произошла битва, и войска султана потерпели страшное поражение. Кумач и ряд других военачальников погибли. Мятежники захватили в плен самого Санджара. Формально султан был их «гостем», но фактически находился под арестом. Пользуясь уникальной возможностью, огузы начали действовать. Они таскали султана с собой, грабили страну его именем и вымогали назначения на высокие должности.

Был атакован Мерв. Огузы стерли его с лица земли. Затем последовал черед Нишапура. В те времена это был огромный город, славившийся ремесленными мастерскими, мечетями, школами правоведения. Огузы разграбили его и сожгли, а людей продали в рабство. Нишапур никогда больше не достиг прежних размеров и значения. Новый город того же имени возник неподалеку

от старого, но уже не был культурным и ремесленным центром Хорасана.

Говоря кратко, кочевники разгромили весь Северный Иран. На это ушло три года. Они передвигались от пункта к пункту и уничтожали всё на своем пути. Война кормила войну. Поход огузов в Хорасан был похож на приход вандалов в Рим. Ущерб мусульманской цивилизации кочевники причинили не меньше.

Этим воспользовался хорезмшах Атсыз и попытался захватить город Амуйль на берегах Амударьи (сейчас он называется Туркменабад). Гарнизон сопротивлялся. Тогда хорезмшах имел наглость обратиться к Санджару с требованием отдать город.

Султан отвечал:

— Я готов отдать тебе не только Амуйль, но и другие места с условием, что ты пришлешь войска под началом твоего сына Иль-Арслана для нашего вызволения.

Но Атсыз не хотел усиления Сельджукидов. Он снял осаду Амуйля, зато отправил в набег небольшую армию под началом своего брата Йинала, который разграбил несколько поселений в Хорасане.

В то же время хорезмшах задумал создать обширную антиогузскую коалицию под своим руководством. С этой целью он направил множество писем правителям отдельных частей Сельджукского султаната.

Неизвестно, чем кончилась бы эта затея, но в 1156 году Санджар сбежал от своих мучителей, выехав на охоту. Правда, восстановить страну он уже не мог. Семидесятилетний султан был морально опустошен. Опустела и его казна, которую огузы разграбили после взятия Мерва.

Хорезмшах Атсыз тотчас отправил султану верноподданническое письмо, в котором заверял о готовности служить верой и правдой.

Правда, хитрить пришлось недолго. Летом 1156 года хорезмшаха после всех треволнений разбил паралич. Атсыз умер. Ему наследовал сын — **Абу-л-Фатх Иль-Арслан (1156—1172)**. Свое

правление он начал с того, что «убил нескольких человек из своих дядей и ослепил своего брата, который умер три дня спустя; по другому известию, он кончил жизнь самоубийством». Таковы сведения ал-Асира. Джувейни уточняет, что брат Иль-Арслана — Сулейманшах — был брошен в тюрьму и там умер, а казнили его *атабека* Огула и еще нескольких вельмож. Затем был убит дядя нового хорезмшаха — Юсуф, которого заподозрили в нелояльности, а Сулейманшаха на всякий случай ослепили. Через три дня царевич покончил жизнь самоубийством.

Важный момент: трон у хорезмшахов переходил не от брата к брату и не от дяди к племяннику, а от отца к сыну. На какое-то время это позволило укрепить власть.

Иль-Арслан начал правление с того, что увеличил жалование воинам. Затем столкнулся с северными кочевниками — кипчаками или канглами, которые вторглись в Дженд. Хорезмшах выбил их оттуда. Вскоре он получил признание от султана Санджара и почетные одежды.

7. СХВАТКА НА РУИНАХ

В западной литературе для оценок правителей заготовлено несколько клише. Этот хитер, тот коварен. Одни правители «жестокки», другие — просто «садисты». Третьих назначают добряками, четвертых — «носителями прогресса», наделенными «богатым воображением».

Жизнь гораздо сложнее этих формул, хотя они-то легче всего и запоминаются читателями. Ярчайшее тому свидетельство — романы Дюма. Но, увы, историю по ним учить нельзя.

Если пользоваться западными клише, Иль-Арслан «жесток»: первым делом он устранил родного брата, чтобы занять трон; другого брата ослепил, а заодно казнил дядю. Несомненно, новый хорезмшах хитер: лавирует между собственными беками, западными сельджуками и кара-китаями, чтобы удержаться на троне. В то же время он добр: беспокоится о своих ираноязычных подданных

и способствует обогащению купеческой верхушки Хорезма. Наконец, он велик, потому что расширил пределы державы и пытался построить новую империю на развалинах гибнущего государства Сельджуков. То есть продолжил дело отца.

В 1157 году Санджар умер, видя полный крах своего государства. Сыновей у него не было. Султан передал власть племяннику **Махмуд-хану ибн Мухаммеду (1157—1162)**. Никаким авторитетом этот племянник не обладал.

Сельджукское государство делилось тогда на две крупные территории: западную и восточную. Западная называлась Иракский султанат. Там правила младшая ветвь Сельджуков, которая формально подчинялась Санджару, пока он был жив. После смерти Санджара иракские Сельджукиды на короткое время обрели самостоятельность, пока не попали в зависимость от своих кипчакских «опекунов» Ильдегизидов. Арраном, Азербайджаном, Персидским Ираком правил султан **Арсланшах Сельджукид (1161—1176)**. Осторожный правитель Хорезма Иль-Арслан на всякий случай обратился к нему с почтительным письмом.

В Восточном же Иране фактически никто никого не слушал. Губернаторы на окраинах обрели самостоятельность. В Хорасане и Мазандеране обосновались вожди огузов. В Мерве господствовала тюркская солдатня во главе со своими эмирами. Первым из них был Муайид Ай-Аба, бывший *мамлюк* (военный раб) Санджара. Авторитетом пользовались также Айбек и царя деятелей помельче.

Великий султанат продолжал разваливаться.

Сельджуки погибали стремительно. Султан Махмуд пришел к власти лишь потому, что договорился с «огузами». Опасаясь этих темпераментных джигитов, его верховенство признали наместники разных областей государства. Правда, они готовы были подчиниться лишь до тех пор, пока султан не вмешивался в их дела, да и то подчинялись скорее формально. Тот же Иль-Арслан сразу изменил отношение к Махмуду. В письмах он обращался к сельджукскому государю уже не как раб (*бенде*), а как «искренний друг» (*мухлис*). По поводу смерти Санджара он на всякий случай объявил трехдневный траур.

Махмуду исключительно не повезло: в конце концов он утратил дружбу и огузов, и своих эмиров, которые передрались между собой. Один из них, Айбек, захватил Гурган и Дихистан и признал над собой власть хорезмшаха — так было спокойнее.

Другой — Муайид — завладел Нишапуром.

Махмуд-хан Сельджукид метался от владетеля к владетелю, нигде не находил поддержки и в конце концов попросил защиты у Муайида. Тот защищать неудачника не стал, а вместо этого ослепил вместе с сыном и запретил упоминать имена несчастных в мечетях. Вместо них теперь упоминали имя багдадского халифа — повелителя правоверных, который владел Южным Ираком.

Это означало военный переворот и крах Сельджукского султана. Теперь разные племена и правители боролись за его наследие. Постепенно усилились две страны. В низовьях Амударьи — Хорезм. В современном Афганистане — Гур. Скоро они станут врагами. Но пока — покоряют периферийные области. А еще между собой борются эмиры, и покамест самый удачливый из них — Муайид Ай-Аба.

Этот авантюрист захватил Тус, Абивард, Дамган в Хорасане, присоединил область Кумис. Он опирался на силы наемников и был типичным «солдатским императором», если использовать терминологию Древнего Рима эпохи упадка.

Через некоторое время иракский султан Арсланшах Сельджукид прислал эмиру почетные одежды, «пожаловал» ему Хорасан в управление, но пожелал, чтобы в мечетях читали *хутбу* (пятничную и праздничную проповедь) с именем его, султана, что означало бы формальное подчинение.

Муайид надел подаренные одежды и приказал читать *хутбу* (1163). Почему нет? Ему требовалась поддержка, тем более что огузы и мелкие эмиры удерживали оазисы Южной Туркмении и Северного Хорасана, включая город Несу/Насу (неподалеку от современного Ашхабада).

Однако активность Муайида напугала Иль-Арслана. Хорезмшах и сам претендовал на Хорасан. Страна, конечно, сильно пострадала

от междоусобных войн и нашествия огузов, но еще сохраняла привлекательность.

В общем, Иль-Арслан выступил на Нишапур и осадил его (1163). Осада завершилась неудачей. Стороны заключили мир, хорезмшах отбыл восвояси, а Муайид сделал выводы и пополнил войско наемниками.

В 1165 году он напал на Несу. Дальше начался фарс. На выручку этому городу, управлявшемуся самостоятельным эмиром, подошел Иль-Арслан. Муайид немедленно снял осаду. Хорезмшах погнался за ним, но, как только эмир выстроил войска для сражения, опасливо отступил. Лукавые и не очень сильные правители явно побаиваются друг друга. Времена сильных армий и великих полководцев миновали. Наступает пора мелких владетелей, слабых войск и бесконечных интриг.

На обратном пути Иль-Арслан всё-таки подчиняет Несу, и ее правитель соглашается на *хутбу* с именем хорезмшаха. Затем хорезмшах внезапно нападает на владения Айбека, который вроде ему и так подчинен. Видно, не доверяет эмиру. Во всяком случае, известно, что правители поссорились между собой.

Дихистан захвачен хорезмийскими войсками и поставлен под прямое управление. Туда назначен губернатор (*вали*). Айбек бежал в Нишапур к Муайиду. То ли и раньше был в сговоре с эмиром, то ли именно теперь прибег к его покровительству — неясно. Так или иначе, Муайид защитил южную часть владений Айбека. Хорезмийцы поживились лишь за счет Дихистана.

Сам Муайид был настолько напуган этим вторжением, что совершил путешествие в Персидский Ирак.

Там застал перемены. Сельджуки уже попали в зависимость к своему *атабеку*. Его звали Ильдегез.

С хорезмшахом он враждовал, ибо тоже претендовал на Восточный Иран. Начались интриги и столкновения на границах. *Атабек* и хорезмшах пытались переманить на свою сторону крупных правителей областей. На этом фоне действовали орды бродячих

огузов, нападая на города и селения. Восточный Иран постепенно погружался в хаос. Всех конкурентов объединяло одно: они самозабвенно грабили Иран с его покорным населением, которое именовали *райят* (стадо).

Итак, истинным правителем султаната сделался *великий атабек Шамс эд-Дин Ильдегез (1160—1175)*. Это был светловолосый и сероглазый кипчак, попавший в рабство и сделавший карьеру: сперва поваром, затем любовником султанши, затем — мужем и опекуном ее детей.

Явившись к Ильдегезу, Муайид вежливо произнес:

— Если вы не выступите против Иль-Арслана и не преградите путь его замыслам, разольется такое море, прилив которого вам не сдержать.

Ильдегез согласился с этим и написал грозное письмо хорезмшаху: *«Муайид Ай-Аба — [это] мамлюк султана, а Хорасан — страна султана. Точно так же Хорезм, где пребываешь ты, — его владение! Если ты двинешься на Нишапур, моим ответом будет поход против тебя и война между нами»*.

Хорезмшах активно занимался пополнением своей армии, в том числе путем походов в степь против «неверных тюроку», где набирал мамлюков. В то, что иракцы приведут в Хорасан большое войско, он не верил. Так и случилось.

Ильдегез, правда, собрал какую-то орду и бросил ее в Хорасан, но она была равна по силе войску хорезмийцев.

Иль-Арслан также вошел в Хорасан. Битва с иракцами под Бистамом завершилась вничью, но шах удачно сманеврировал, занял Себзевар, а затем вошел в Нишапур и заставил упомянуть себя в *хутбе* в городских мечетях.

Иракцы не могли ничего сделать. Вообще, Ильдегез был довольно посредственным полководцем, хотя иногда и выигрывал битвы. Он был сильнее на поле интриг. Муайид понял, что ошибся с выбором хозяина. Он написал Иль-Арслану: *«Я твой мамлюк и буду подчиняться тебе»*. Мамлюк — это военный раб-гвардеец, вроде русского боевого холопа. А *гулям*, как мы уже говорили, — тоже гвардеец, но свободный, вроде русского дружинника.

Хорезмшах тотчас отправил подарки новому другу: породистых коней с дорогой сбруей, роскошные ткани и разные редкости.

Ильдегеза поставили перед фактом. Он покинул Хорасан и отступил в Рей (город возле современного Тегерана).

В 1167 году эмир Рея — Инанч — переметнулся на сторону хорезмшаха. Правда, он успел выдать свою дочь за наследника Ильдегеза, но это не помешало совершить измену. Она открывала Иль-Арслану дорогу в Азербайджан и Персидский Ирак. Хорезмийское войско наемников, в основном карлуков, вошло в пределы Рея.

Против него выступила иракская армия во главе с султаном Арсланшахом и Джахан-пехлеваном Мухаммедом, сыном Ильдегеза от сельджукской султанши. Их ждала неудача. Хорезмийцы отбросили противника и двинулись дальше на запад. Их войска разграбили и опустошили Зенджан и Казвин у ворот Азербайджана.

Но Ильдегез, как мы уже говорили, был талантлив в другом. В 1168 году он подкупил *везира*, служившего Инанчу, и тот с помощью трех гвардейцев-*гулямов* убил правителя Рея. *Везир* занял место правителя и подчинился Ильдегезу. *Гулямы* остались ни с чем и уехали в Хорезм, где тщетно пытались устроиться на службу. Иль-Арслан приказал их казнить за измену своему господину.

С мечтами азербайджанского *атабека* захватить весь Иран было покончено навсегда. *Атабек* владел только западной частью страны. В 1175 году он умер, передав опекунство своему сыну Мухаммеду. Но и наступление хорезмийцев на запад было остановлено. Они сохранили господство над Хорасаном, но и в этой стране чувствовали себя неуверенно до тех пор, пока здесь правил беспринципный Муайид.

Теперь посмотрим, как хорезмшах расширял владения на востоке и налаживал отношения со своими господами — кара-китаями.

Иль-Арслан закрепился в Дженде, выбил из Мангышлака вторгшихся туда «неверных карлуков», якобы убил их предводителя Пейгу-хана и совершил несколько походов на север. Эти походы

давали главное: большой полон. Шаху требовались *мамлюки* для пополнения армии. После этого можно было вмешаться в кровавую борьбу за Восточный Иран. А вот насчет убийства Пейгу-хана сведения сомнительны. Похоже, Иль-Арслан на каком-то этапе, напротив, поддерживал карлуков, а их хана убил совсем другой среднеазиатский правитель.

Перейдем к рассказу об этих событиях.

Мавераннахром правил Караханид **Тамгач-хан Ибрагим (1141—1156)**, слабый и нерешительный человек, вассал кара-китаев; он поссорился с карлуками, которые стали грабить его страну.

Эти кочевники явились в Мавераннахр и самовольно разместились в окрестностях Бухары и Самарканда. Это вызвало недовольство *гурхана* кара-китаев, который когда-то был их союзником, а затем сделался покровителем. Кара-китаи правил тогда сын Елюя Даши — **Елюй Илья (1150—1163)**, судя по имени — христианин; конечно, несторианского толка. В «Ляо ши» об этом *гурхане* сказано немного. Сперва находился под покровительством матери. Повзрослев и обретя полноту власти, «сменил девиз правления на Шао-син. [Была проведена] перепись населения [старше] 18 лет, которая показала наличие 14 500 дворов. [Иле] воссел на троне 13 лет. Когда почил, ему было присвоено храмовое имя Жэнь-цзун».

Четырнадцать с половиной тысяч дворов... Вот реальная численность киданей в Семиречье в то время. Постепенно она увеличилась, но не до размеров несметных орд. Правда, существовали еще христиане-найманы, алтайская часть киданей. Это была сильная орда, даже более сильная, чем семиреченские кара-китаи. И в случае необходимости она могла прийти на помощь *гурхану*. С этим следовало считаться его противникам.

Однако вернемся к рассказу о конфликте с карлуками.

Терпеть распри между своими вассалами Илья не собирался и по справедливости принял сторону Тамгач-хана Караханида как пострадавшей стороны.

Гурхан потребовал, чтобы Тамгач разоружил карлуков.

Тот передал требование кочевникам. В ответ карлуки восстали, двинулись на Бухару, стали чинить грабежи, «обвинили в дурных поступках» Тамгач-хана и убили его под крепостью Келлябад, а тело бросили в степи. Несчастному правителю наследовал **Чагры-хан (1156—1160)** из боковой ветви ферганских Караханидов. Этот сумел отразить карлуков и убил их предводителя (1158). Историк Джувейни приводит имя погибшего карлука — Пейгу-хан. То есть убил разбойника вовсе не Иль-Арслан, что похоже на правду. Но разобраться в многословных, запутанных и повторяющих друг друга мусульманских хрониках бывает нелегко.

Остатки варваров во главе с вождем Лачин-беком бежали в Хорезм и влились в войско Иль-Арслана.

Последний принял близко к сердцу судьбу карлуков, а вернее, увидел способ расширить собственные владения. Хорезмшах вторгся в Мавераннахр и напал на Чагры-хана. Хан укрылся в Самарканде и призвал на подмогу кара-китаев, а также племена туркмен, кочевавшие между Кара-Колом и Джендом. Последних возглавлял Илек-туркмен (иногда его называют военачальником кара-китаев).

Не нужно обольщаться словом «туркмен»; в то время этот народ жил не только в оазисах современной Туркмении, но и в Казахстане с Узбекистаном — в том же Мангышлаке.

Илек привел 10 000 бойцов и встретил войска хорезмшаха на берегах реки Зеравшан. Состоялось сражение, туркменские отряды были отброшены войсками Хорезма. Илек запросил мира. Мир был дарован, а карлуков вернули под Бухару на прежние места.

Через несколько лет последовал новый набег, очень похожий на предыдущий. Только предводителя карлуков зовут иначе — не Лачин-бек, но Аяр-бек. Да Караханидами правит новый правитель — **Кылыч-Тамгач-хан (1160—1171)**, брат и наследник Чагры-хана.

В связи с этим ряд ученых полагает, что одно событие просто раздвоилось в хронике.

Однако об этих делах как о двух разных набегах сообщает местный ученый Катиб Самарканди, а он не мог ошибиться.

Что же произошло? Карлуки окончательно поссорились с *гурханом* кара-китаев и взбунтовались. Должно быть, они так бесчинствовали под Самаркандом и Бухарой, что их возненавидели местные. Тогда *гурхан* приказал переселить смутьянов в Кашгарию и занять земледелием или другим полезным трудом.

Главный бунтовщик Аяр-бек прежде служил в гвардии Кылыч-Тамгач-хана и имел репутацию одного из лучших джигитов. Однако теперь возглавил своих соотечественников, чтобы получить власть и разграбить Мавераннахр. Голос крови оказался сильнее барских подачек.

Кылыч-Тамгач выступил против мятежников. Решающая битва произошла в Голодной степи. Аяр храбро атаковал противника и почти достиг зонтика, под которым хан укрывался от солнечных лучей, наблюдая за боем. Но тут мятежника отрезали от его людей, взяли в плен, поставили перед ханом и казнили.

Кылыч-Тамгач устроил зачистку: собрав стотысячную армию (в условном «списочном» исчислении) он атаковал карлуков, отомстил за гибель Ибрагима и частью перебил, частью вытеснил из Мавераннахра. Таким же образом поступил и с огузами, просочившимися в страну. То есть навел порядок.

Все обиженные бежали в Хорезм. Иль-Арслан принимал их с распростертыми объятиями. Его армия настолько увеличилась, что хорезмшах осмелился прекратить выплату дани *гурхану*. В самом деле, ведь Хорезм усилился. В городах Хорасана читают *хутбу* с именем Иль-Арслана, что говорит о многом. Он — наследник Великих Сельджуков.

С другой стороны, у этого политика не было выхода. Либо наращивать наемную армию из тюркских племен и платить ей деньги, либо сократить наемное войско и выплачивать дань *гурханам*. На то и другое сразу средств не хватало.

Ближайшие события показали, насколько Иль-Арслан далек от реальности, и ускорили его смерть. Это значит, что под конец жизни шах превратился в безответственного авантюриста.

Иль-Арслан претендовал на восточное наследие сельджуков, но напрасно игнорировал кара-китаев. Потомки Елюя Даши вовсе не хотели усиления Хорезма.

Первое время Илья поддерживал с хорезмшахом нормальные деловые отношения. Но он умер в 1163 году, оставив малолетнего сына Георгия (китайцы, практически не выговаривающие букву «эр», звали его Чжужу; кстати, жителей современной России по той же причине они зовут «лосьяне» — искаженное «россияне»). Вне всяких сомнений, наследник Ильи был крещен. Влияние несторианства в Кара-Китае росло. Во всяком случае, семиреченские китаи поклонялись Христу, как и найманы. Возможно, как раз последние и повлияли на семиреченцев. Влияние несториан шло с востока на запад.

Христианство еще в XI веке принял могущественный племенной союз кераитов — лидер тогдашней Монголии. Много степных христиан влилось в армию Елюя Даши. Потому-то *гурханы* и предпочли креститься: обеспечивали лояльность своего христианского войска. Так в Семиречье возник очаг веры Христовой. Но это не значит, что притеснялись другие религии. *Гурханы* были осторожны и веротерпимы. Им служили мусульмане, анимисты, буддисты. Вдумчивая политика приносила на первых порах добрые плоды.

Интересные сведения приводит Г.Г. Пиков в «Истории железной империи».

«Письменные источники говорят о существовании различных религиозных систем на территории обитания западных киданей, — пишет он. — Как сообщает Ауфи, кара-кидани частью поклонялись солнцу, частью были христианами. Вообще среди них встречались все религии, кроме еврейской. Кидани покровительствовали всем религиям, в этом плане, считает Джужджани, они поступали справедливо. Большого распространения достигло в их государстве христианство. Патриарх Илья III (1176—1190 гг.) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре — одной из столиц кара-киданей. Он назван в каталоге Амра митрополитом «Кашгара и Невакета»

(т.е. и Семиречья). В 1142 г. состоялось примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей. С образованием государства феодальной верхушкой подерживался и распространялся, судя по мусульманским источникам, буддизм, который при Кучлуке был противопоставлен остальным религиям. Первые *гурханы* в религиозной политике стремились противопоставить суннизму оппозиционные течения ислама (суфизм, шиизм), чтобы расколоть единый враждебный мусульманский лагерь. Несмотря на восхваляемую мусульманскими авторами веротерпимость кара-киданей и довольно широкое распространение в их среде мировых религий, в отношении большинства из них можно говорить о существовании особой, близкой к монотеизму веры, которую некоторые специалисты обозначают термином «тенгризм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований (тотемизма, шаманизма). Главой и первосвященником этой религии был сам *гурхан*. По мере вовлечения западных киданей в общие для Средней Азии социальные и культурные процессы вся эта религиозная система стала испытывать влияние мировых религий в гораздо большей степени, нежели во времена Ляо (X—XI вв.).»

Вернемся к отношениям между кара-китаями и хорезмийцами.

После смерти Ильи регентшей и реальной правительницей страны стала его сестра, дочь Елюя Даши — **Елюй Пусувань (1163—1177)**. «Ввиду молодости наследника, сына [Иле], в связи со словами указа, править государством, было поручено младшей сестре [Иле] Пусувань. Она назвала свое правление, сменила девиз правления на Чун-фу и назвалась императрицей Чэнь Тянь», — говорится в соответствующем месте «Ляо ши».

Правительство «императрицы Чэнь Тянь» было встревожено усилением Хорезма и изменило политику. Отношения с Иль-Арсланом стали постепенно ухудшаться. Окончательный разрыв наступил после бесчинств карлуков, укрыательства их в Хорезме и отказа Иль-Арслана платить дань.

После этого кара-китай преподали впадшему в авантюризм хорезмшаху страшный урок. Впоследствии еще более кровавый

и наглядный урок, уже от монголов Чингисхана, получит внук Иль-Арслана — Мухаммед, который закончит жизнь практически так же нелепо, как и его дед.

Правительница Елюй Пусувань организовала большое вторжение в Хорезм в 1171 году. Армией вторжения командовал ее муж, киданьское имя которого неизвестно. По-китайски его называли *фума* — «императорский зять», что мусульманские историки приняли за личное имя. Это не так. Из текста «Ляо ши» следует, что зятя звали по-китайски Сяо Долубу.

Вдруг оказалось, что Хорезм слаб, а Кара-Китай могуществен и по-прежнему обладает лучшей армией в регионе. Хорезмшах выслал против врага войско во главе с одним из своих эмиров. Тот претерпел страшный разгром от войск *фумы* и очутился в плену.

Иль-Арслан в полном отчаянии разрушил дамбы и затопил подступы к своей столице Гурганджу, а сам ушел на запад, в Амударью. Там он заболел и вскоре умер (март 1172 года). Перед смертью неудачливый государь назначил наследником своего младшего сына Султаншаха Махмуда (1172). Это решение едва не погубило Хорезм.

Что касается китаев, они покинули затопленные области и ушли за Амударью.

8. ЛЕДИ МАКБЕТ ИЗ КАРА-КИТАЯ

Как правило, мусульманские государи имели по нескольку жен и оставляли многочисленное потомство. В этом не было ничего удивительного. Европейские правители тоже не отличались целомудрием. Королей, которые не изменяли женам, можно перечесать по пальцам одной руки. Люди, что называется, пользовались служебным положением. Но у европейских суверенов законная жена была только одна. Остальные — наложницы, фаворитки, метрессы, любовницы. Можно их называть как угодно. Главное, что потомство от них не считалось законным. С точки зрения престолонаследия такое решение было мудрым. Королевские династии понемногу

вырождались из-за близкородственных браков, заключенных по политическим соображениям, но могли обеспечить своей стране двести — двести пятьдесят лет стабильности, пока династия окончательно не вымрет.

Иную ситуацию наблюдаем у мусульман. В исламском мире считался законным каждый ребенок, если только отец признавал его своим. Тот же Санджар был сыном рабыни, что не помешало ему стать султаном.

Зато дети от разных жен считали друг друга чужими. Их воспитывали матери, а они, как правило, враждовали между собой. Каждая хотела видеть на престоле собственного отпрыска. Соперниц и их детей часто убивали. Родиться в султанской семье было не только заманчиво, но и опасно.

Старшим сыном Иль-Арслана являлся А л а э д - Д и н - Т е к е ш. Его родила туркменка, что легко понять даже по имени (*теке* — одно из туркменских племен). Младший сын, Султаншах, происходил от другой жены, которая носила титул «Теркен-хатун», то есть турецкая царица. За ее спиной стояли какие-то мощные кланы степных джигитов из других племен, не из туркмен. Хорезмшах назначил младшего сына наследником, и родня Теркен-хатун поддержала это решение.

Текеш правил Джендом в низовьях Сырдарьи, когда узнал новость о смерти отца. Принц носил тогда должность *вали* (губернатора).

Текеша вызвали в Гургандж для присяги Султаншаху. Принц-губернатор наотрез отказался ехать. Возможно, он был прав. Не исключено, что его хотели заманить в столицу, чтобы убить.

Теркен-хатун отправила в Дженд конное войско, чтобы привести Текеша силой. Царевич бежал. От туркменских кочевий он был отрезан, поэтому спасения следовало искать в другой стороне. Текеш укрылся у кара-китаев, где искал покровительства у «императрицы Чэнь Тянь», женщины волевой, хитрой, решительной и жестокой.

К тому времени она, возможно, изменила мужу-*фуме*, воспользовавшись его отсутствием.

Пока *фума* сражался в Хорезме и побеждал, императрица обратила внимание на его брата, красавца по имени Пугучжи-шали; таким именем называет данного персонажа китайский источник. Как мы видели, фамилия самого *фумы* — Сяо. У его брата фамилии нет вообще. Возможно, они братья только по матери, а отцы разные.

Пугучжи ответил императрице взаимностью. Пока что об этой скандальной связи никто не знал: любовники соблюдали осторожность.

Альковная история тесно переплеталась с политикой. Когда изгнанник Текеш прибыл в Семиречье, императрица не колебалась ни минуты: нужно ему помочь. Во-первых, она соблазнилась возможностью поставить в Хорезме подконтрольного человека. Во-вторых, возникла прекрасная возможность избавиться на время от мужа и кинуться в объятия обожаемого любовника.

Крупное кара-китайское войско с *фумой* во главе подступило к Гурганджу. В походе приняли участие *аскеры* из Семиречья, Бухары, Самарканда. Но самое главное — конечно, китаи. Страх мусульман перед узкоглазыми воинами был столь велик, а память о Катванской битве так свежа, что хорезмийские войска разбежались. Той же зимой Теркен-хатун вместе с любимым сыном уехала в Нишапур под защиту Муайида. Теркен дрихватила с собой казну и щедро одарила эмира. Она просила о помощи, пообещала отдать территории в современной Туркмении и заверила, что значительная часть хорезмийской армии на ее стороне: *аскеры* перебегут на сторону Султаншаха по первому зову.

В это время новым хорезмшахом сделался Ала эд-Дин Текеш (1172—1200), он воссел на престол 11 декабря. Историки окрестили его самым талантливым шахом Хорезма, хотя эта характеристика — такой же штамп, как «добрый» или «суровый» правитель. Действительно, при Текеше началось подлинное завоевание Восточного Ирана. То есть сельджукского наследия, которое хорезмшах

пытался прибрать к рукам. Правда, успехи шаха в этой борьбе были довольно скромными.

Однако обаяние личности Текеша оказалось столь велико, что его обладатель превратился в героя. Каким он был, отец хорезмшаха Мухаммеда и дед бесстрашного Джелаль эд-Дина Менгбурны? Внимательным, хитрым, одаренным воображением политиком. И лиричным: обожал музыку, виртуозно играл на инструменте уд, неплохо пел.

Он не убивал родню, а назначал ее на ответственные должности. Вел тонкую политическую игру на Среднем Востоке, создав систему союзов, вассалов и буферных зон.

Всё время своего правления Текеш воевал. В одном из сражений потерял глаз. Страшный, кривой шах наводил ужас на своих недругов, однако тюрки его обожали. В своей политике шах опирался на племя канглов. Это были родственники туркмен, но претендовавшие на собственную значимость. Из племени канглов (а точнее, из подразделения этого племени, называвшегося *баят*) Текеш взял очередную «Теркен-хатун». Теркен была красива и своенравна. Она ревновала Текеша к каждой парандже. И не без основания. Текеш обожал женщин и время от времени устраивал оргии. Теркен это не нравилось, она ссорилась с мужем... и в знак примирения клячила у него посты для своей родни. Историк Джузджани приводит анекдот, что однажды Теркен застала мужа в бане, когда он купался в бассейне с невольницами. Хатун заперла дверь, и шах едва не задохнулся вместе со своими женщинами. Только вмешательство придворных спасло государя от гибели.

Отцы многих военачальников, сражавшихся с Чингисханом, начинали карьеру в эпоху Текеша благодаря Теркен, которая продвигала во власть своих соплеменников. Этот процесс продолжался во время правления сына Текеша. Перед монгольской войной большая часть крупных военачальников происходила из канглов.

Это не нравилось туркменам, кипчакам, халаджам/калачам и прочим тюркам, служившим в хорезмийской армии... Но при Текеше процесс лишь начинался. Шах позволял своим *гулямам* грабить мирное население и считался идеальным правителем.

Его государство не отличалось стабильностью. Оно даже не имело центра. Условно им считался Гургандж. Но туркмены, канглы и кипчаки не видели разницы между этим городом и всеми остальными. Их родина была далеко в степи, а Иран оставался всего лишь объектом грабежа или местом, где можно получить выгодное назначение, чтобы со временем отделиться от хорезмшаха и основать собственную династию.

Когда воинов не хватало, Текеш отправлялся на север, грабил «неверных кипчаков» (или канглов, или карлуков) и пополнял армию военными рабами — *мамлюками*.

Такой режим нельзя назвать прочным. Эта политическая система аморфна, как Протей. Должно быть, жизнь в таком государстве мучительна для всех.

Теркен-хатун и эмир Нишапура Муайид целый год собирали новое войско из наемников и всякого сброда. Они выступили на Гургандж в 1174 году. Но Текеш уже обладал значительной силой. Его поддерживали удалые туркменские джигиты. Кроме того, он сумел договориться с кипчаками. Шах встретил врага на краю степи у города Супурли. На его сторону перебежал *испахбед* Мазандерана и Гиляна **Хюсам эд-Дин Арташир (1171—1205)**, перс по происхождению. *Испакбед* означает «военачальник» по-ирански, но это и титул правителей. Впоследствии дружба между Арташиром и хорезмшахом укрепилась настолько, что иранец взял в жены прекрасную Шах-хатун — одну из дочерей Декеша.

...Арташир услужливо сообщил, по какой дороге идут противники Текеша и сколько у них сил. 11 июля хорезмшах стремительно атаковал войска Муайида и Султаншаха и разгромил наголову.

Старый интриган эмир Муайид попал в плен и был представлен Текешу. Текеш приказал разрубить его надвое. Так закончилась жизнь и карьера человека, который почти за двадцать лет до этих событий приказал ослепить двух Сельджуков — отца и сына. Нишапуром стал править сын казненного — **Туганшах (1174—1185)**.

Старшая «Теркен-хатун», мачеха Текеша, бежала на восточное побережье Каспия вместе с сыном и укрылась в крепости Дихистан.

Текеш осадил ее и взял. Султаншаху удалось скрыться, а Теркен попала к пасынку в руки и по его приказу была казнена. Собственно, после этого звание «Теркен-хатун» (турецкой госпожи) и перешло к старшей жене Текеша, о которой сказано выше.

Султаншах укрылся за стенами Нишапура. Новый эмир этого города Туганшах вроде бы поддержал беглеца, но вел себя подозрительно. Султаншах испугался, что его попросту продадут Текешу за деньги. Поэтому незадачливый претендент бежал в сильное мусульманское государство Г у р.

Мы уже говорили о стране с таким названием. Теперь остановим на ней наше внимание и рассмотрим подробнее. Гур — это горная область в центральной части Афганистана. Здесь жили племена, которые долго не признавали ислам и промышляли разбоем. Принятие мусульманства открыло для них новые возможности для карьеры и обогащения. Некоторое время они подчинялись правителем Газны. Но после того как Газну дважды разгромил Санджар, Гуриды обрели самостоятельность. Кончилось тем, что они разгромили Газну в третий раз — уже собственными силами. Так возникло агрессивное афганское государство. Силы его были направлены на грабеж и внешние захваты. Гуриды разграбили север Индии и сами превратились из гонимых в гонителей. Также были не прочь завладеть наследством Великих Сельджуков, с вождением поглядывали на Хорасан и собирались использовать усобицу между Султаншахом и его братом Текешем в своих интересах.

Согласие между Текешем и кара-китаями оказалось недолгим. Те вели себя в Хорезме по-хозяйски. Они посылали своих сборщиков налогов в Гургандж, якобы глумились над населением и вызывали всеобщую ненависть. Во всяком случае, такова официальная версия событий, данная мусульманскими авторами, которые, конечно, ненавидели степных христиан.

Сказывались и расовые отличия. Узкоглазые желтолицые кидани были отвратительны исламским «бритоголовым» (напомним, что

обычай предписывал мусульманам брить голову, тогда как китаи носили косы). *Каниль*

На самом деле суть даже в другом. Хорезмшах тяготился зависимостью и пошел по пути отца: наращивал армию, а для выплаты дани достаточных средств не имел. Это привело к конфликту, и шах сам же его форсировал.

Текеш решил на восстание. Когда к нему приехал посол из Кара-Китая, хорезмшах зарубил его «из ревности к делу престола и веры». Он также велел своим приближенным убить по одному кара-китаю, чтобы связать всех круговой порукой.

Убитый посол принадлежал к правящей семье Елюев, что сделало войну неизбежной.

Тут на сцене объявился Султаншах. С позволения Гуридов он приехал в Кара-Китай и скоро объявился при дворе «императрицы Чэнь Тянь» в ее столице Баласагуне. Чэнь Тянь и ее муж Сяо Долубу приняли перебежчика ласково.

Султаншах запел старую песню о том, что хорезмийские войска его поддержат и обратился за помощью.

Императрица и ее муж поняли, что выпал отличный шанс стравить братьев-хорезмийцев и создать две державы, которые будут взаимно ослаблять друг друга.

Кара-китайское войско подошло к границам Хорезма. Неожиданно для себя Текеш выяснил, что противопоставить-то захватчикам нечего. Хорезмшах по-прежнему оставался довольно слабым правителем. Иллюзия силы создавалась ровно одним: окрестные правители были еще слабее.

Кара-китаев опять возглавлял ханский зять-*фума*. Императрица была рада каждому поводу избавиться от него, чтобы насладиться обществом его брата.

Войско китаев прошло по Хорезму победным маршем. Тогда хорезмшах — в который раз — приказал затопить страну. *Фума* отступил. Разрушение Хорезма его правителями было единственным способом остановить вторжения врага.

Но кара-китай был слишком хитер для того, чтобы оставить всё как было. Он дал Сулейманшаху несколько тысяч отборных конных лучников, чтобы тот подчинил север Хорасана и создал плацдарм для наступления на Хорезм. А испуганный Текеш согласился выплачивать дань кара-китайам, хотя от вражды с братом это его не уберегло.

На первый взгляд казалось, что очень скоро Кара-Китай покорит Средний Восток, но этого не произошло. Всё дело испортила любовная драма. В результате умный *фума* так и не застал торжества своей политики.

Императрица не могла жить без любовника и подыскивала, куда бы сплавить мужа. Подходящих войн не предвиделось, и она послала его куда-то на восток, наградив почетным титулом. «Сяо Долубу сделала дунлинваном», — многозначительно сообщает летопись «Ляо ши». И продолжает: затем «оговорила его и казнила».

Похоже, *фуму* отправили куда-то очень далеко, возможно — к найманам за Алтай управлять этой частью державы. Но тут Сяо Долубу заподозрил, кажется, что ему наставляють рога. Видно, из Баласагуна доброжелатели принесли соответствующие слухи.

Возможно, супруг императрицы попытался поднять найманов на бунт. Однако Чэнь Тянь нанесла упреждающий удар. Фуму то ли выкрали, то ли выманили в столицу под каким-то предлогом (может, напугали хорезмийской угрозой). В общем, перехитрили. Тогда-то императрица «оговорила его и казнила».

Но это привело то ли к перевороту, то ли к короткой гражданской войне. За Алтаем отложились найманы (такова версия Гумилева; впрочем, яростно оспариваемая его противниками). Они создали крупное христианское ханство в Западной Монголии. Китаи в древности вообще не любили централизованную власть, хотя одно время и признавали над собой ярмо императоров Ляо — всё-таки свои люди, хотя и вознесшиеся на небывалую высоту.

Временами казалось, что именно найманы объединят Монголию и создадут в ней христианское государство. Но энергичнее оказался митраист Чингисхан, веривший в Хормусту и Вечное Синее Небо.

А что же Кара-Китай? Здесь вспыхнула кровавая смута. Отец казненного «зятя» поднял войска на мятеж против правительницы Елюй Пусувань. «Отец фумы [Сяо] Волила окружил войском ее дворец и застрелил Пусувань и Пугучжи-шали из луков. Пусувань пробыла на троне 14 лет», — говорит «Ляо ши». Опять характерен киданьский и монгольский способ ведения боя: сильная перестрелка из луков, бесконтактный бой. В результате одна из сторон терпит поражение и гибнет под выстрелами противника.

То, что убит Пугучжи, косвенно подтверждает нашу версию: это не родной брат Сяо Долубу, а единоутробный. Отчиму было ничуть не жаль, когда любовник императрицы испустил последний вздох, утыканный стрелами.

Есть, конечно, и другая версия этого конфликта, политическая и конфессиональная. Мол, в Кара-Китае боролись три партии: мусульмане, буддисты и христиане. Первый *гурхан* был буддистом, но после переворота его единоверцы сошли со сцены, и власть взяла христианская группировка. Она окончательно победила в 1177 году. Предполагают, что Чэнь Тянь являлась буддисткой, а ее уничтожили христиане.

Одно время и мы разделяли эту версию, но более внимательное чтение источников не позволяет ее принять. Религиозная борьба характерна для более позднего времени, а пока разные конфессии мирно сосуществуют. Мы не видим никакого следа религиозных столкновений. И не нужно смешивать их с любовными делами. Когда религиозные войны в Кара-Китае станут фактом, о них заговорят все доступные нам источники.

Сяо Волила после переворота передал власть подростку племяннику убитой правительницы. Нового *гурхана* звали **Георгий** (на китайский манер — **Елюй Чжулху, 1177—1213**). Имя свидетельствует, как мы говорили, что *гурхан* исповедовал христианство. В Европе эту страну считали христианским царством легендарного пресвитера Иоанна, который однажды придет на выручку крестоносцам и разгромит мусульман. Но после отпадения найманов у Кара-Китая уж точно не хватало на это сил. Хотя и слабым государством он не был.

В «Ляо ши» о Георгии говорится следующее: «Второй сын Жэнь-цзуна Чжэньлугу воссел на трон. Сменил девиз правления на Тянь-ю. Царствовал 34 года». И всё! Автор китайской хроники абсолютно утратил интерес к делам на западе. Он обронит еще несколько слов о крахе Си Ляо и о последних годах Георгия, но большего *гурхан* не удостоится от китайского летописца.

...Что касается отложившихся от Кара-Китая найманов, то их возглавил местный вождь **Инанч-хан (1177—1198)**. Он был так опытен и хитер, что получил от сородичей и соседей прозвище Бильге (мудрый). При нем Найманская держава процветала и пыталась диктовать свою волю другим племенам восточной половины Великой Степи. Найманов уважали отважные меркиты, побаивались многочисленные кераиты, к ним присматривались мелкие племена: джалаиры, христиане-онгуты, сонкаиты, суддусы, тайчжиуты... С ними считались свирепые шаманисты-татары, занимавшие восточную часть Монголии.

А в Хорезме и Семиречье события шли своим чередом.

9. ВОЙНА БРАТЬЕВ

Смута привела к отпадению восточных земель Кара-Китая, но отнюдь не повлекла за собой краха Султаншаха. Наоборот, новое правительство, возглавлял ли его Сяо Волила или сам Чжулху, всячески поддерживало и раздувало войну братьев-хорезмийцев.

Опираясь на кара-китайских воинов, Султаншах шел от победы к победе. В 1180 году он разбил при Серахсе одного из вождей огузов и занял город. После этого отправился к Мерву, взял и сделал его своей столицей. Кара-китайские войска вернул на родину, а сам на вербовал наемников-тюрок.

Это встревожило Туганшаха — правителя Нишапура. Эмир заключил союз с Текешем, но хорезмский правитель ничем не помог. 13 мая 1181 года Султаншах нанес Тугану решительное поражение, рассеял войска и захватил казну. Современники рассуждали, что Туганшах — «любитель лютни», а его соперник Султаншах —

человек крови и брани. Вот почему отец, умирая, завещал ему власть. Но и Текеша недооценивать нельзя. Оба брата отличались талантами каждый по-своему, оба были беспринципны и рассматривали Хорезм и прочие земли всего лишь как территорию для осуществления честолюбивых планов. Родины у этих политиков не было, а были только личные интересы, ради которых можно поступиться всем на свете.

А еще в политике имелись два понятия — султанат и халифат, в рамках которых действовали мусульманские правители. В этих границах они всюду были дома. В каждой мечети от Дели и Гура до Мекки произносилось имя халифа Багдадского из священного рода Аббасидов. Даже и другие халифы — каирские Фатимиды и африканские Альмохады — тоже были частью мусульманского мира. Каждый, кто исповедовал веру ислама, чувствовал себя среди своих в Андалусии и Марокко, в Систане и Азербайджане. Поэтому мусульманские правители иногда с легкостью меняют владения и заключают общественный договор с представителями разных областей, городов и народов, расположенных друг от друга за тысячи километров.

Вот мы и видим, что Султаншах, потеряв Хорезм, набрал наемников в Хорасане и создал самостоятельное правление. После своей победы над Туганом он захватил Тус, Несу и Абиверд. Так возникло два Хорезма — под управлением Текеша и Султаншаха. Оба владельца исправно платили дань кара-китаям.

Султаншах предпринимал постоянные набеги на владения Тугана и переманил на свою сторону большую часть его военачальников.

Нишапурский правитель послал за подмогой к Гуридам и Текешу одновременно. Первые отказались ввязываться в конфликт, а Текеш охотно ввязался и пригрозил брату войной (1182). Однако посол Султаншаха поспешил выразить от имени своего господина столь полную покорность, что Текеш остался на месте.

Обещания оказались фикцией. Набеги Султаншаха на Нишапур возобновились. Текеш всё-таки выступил против строптивного брата и осадил Серахс, но осада не принесла успеха. Воины Султаншаха были хороши, а сам он обладал талантами полководца.

Текеш собирал свежие силы. К нему постоянно приходили отряды «неверных тюрок» из степей Казахстана. Они принимали ислам и становились преданными псами шаха.

Зимой в Дженд пришли толпы кипчаков из рода *уран* в количестве нескольких сотен шатров и изъявили желание служить хорезмшаху. Были с ними и какие-то *югуры*. Видимо, это одно из угорских племен, ведь в древности угры кочевали на территории Казахстана и Алтая и преобладали в степях, пока их не вытеснили тюрки.

Сын вождя *уранов* породнился с семьей Текеша и сделался одним из эмиров.

Затем мы видим одноглазого хорезмийца уже в Бухаре, где тот подавляет мятеж — надо полагать, по заданию *гурхана* Георгия (1183). Сперва Текеш обратился к бухарцам, «впавшим в неверие», со словами милосердия, но постепенно понял, что «уши их наполнены ватой заблуждения». Перед нами религиозное восстание мусульман против христиан или же бунт против чрезмерных налогов. Или — то и другое вместе. Отдадим должное чутью *гурхана*: он поручает подавить мятеж мусульман Бухары мусульманину Текешу, чтобы не обострять религиозных противоречий и соблюсти баланс.

Хорезмийцы кинулись на штурм городских стен, но были отбиты. Однако среди осажденных возникли противоречия. Самый боеспособный отряд в 1000 человек попытался выйти из города, но был окружен и капитулировал. Текеш даровал пленным прощение, после чего занял Бухару и вернул ее *гурхану*.

За это время владетель Мерва укреп и тоже пополнил свои войска за счет тюрок. Какое-то время казалось, что именно отчаянный и агрессивный Султаншах победит в кровавой борьбе за наследство Великих Сельджуков.

Но Текеш имел два козыря: откупался от кара-китаев, объявляя себя их скромным подданным, и имел прямой доступ в степь к «неверным тюнкам» — дешевой военной силе.

Гуриды к тому времени взяли под свое покровительство Нишапур с засевшим в нем Туганом, поссорились с Султаншахом и попросили Текеша о помощи. В ответ хорезмшах пообещал привести

50 000 бойцов, но тотчас назвал одного из гуридских правителей «сыном», то есть высказал претензии на гегемонию. Оснований для этого, как выяснилось, не было.

Хорезмшах два года подвергал атакам мервские земли, но успеха не добился, тогда как Султаншах, напротив, присоединял крепости и селения Хорасана к своим владениям. В 1185 году в полном отчаянии умер Туганшах, правитель Нишапура и большей части Хорасана, признавший над собою власть Текеша. Умершему наследовал сын — Санджар (1185—1198). Несмотря на звучное имя, он отличался бездеятельностью и сдал власть *атабеку* из тюрок — Менгли-тегину.

Последний был человеком жестоким и беспринципным даже по меркам того времени. Он казнил нескольких военачальников, казавшихся подозрительными, а с простолюдинов и состоятельных персов вымогал деньги в свою пользу. То есть жил сегодняшним днем и не беспокоился о мелочах. С зависимостью от Текеша демонстративно порвал. А что, ведь шах не может его защитить от набегов из Мерва.

В связи с этим Менгли-тегин стал непопулярен среди *гулямов-дружинников*, часть командиров подразделений перебежала к Султаншаху вместе с отрядами.

Текеш сколотил против него небольшую коалицию, в которую вошел *испахбед* двух прикаспийских областей Арташир и *малик* (царь) города-государства Несы. Последний неоднократно менял хозяев, но теперь окончательно объявил себя слугой хорезмшаха. *Малик* выставил на помощь хорезмийцам небольшой отряд, а *испахбед* снарядил двухтысячный полк персов.

Сам Текеш выступил в поход на Нишапур. Предприимчивый Султаншах узнал об этом и пошел на Гургандж, дабы захватить наконец Хорезм.

Текешу вовремя доложили об этом, и он повернул, в свою очередь, на Мерв. Султаншах не стал рисковать столицей и вернулся, отменив поход на Гургандж. Свою главную армию он оставил

в Амуле, а сам с отборным отрядом прорвался сквозь расположение хорезмийцев в Мерв и сел в осаду.

Хорезмшах хладнокровно отступил от этого города и предпринял поход на Нишапур. Султаншах оставался в Мерве.

В мае 1186 года хорезмийские войска появились под нишапурскими стенами. Два месяца продолжалась блокада, после чего формальный правитель города эмир Туганшах и его *атабек* Менгли-тегин попросили мира. Они объявили себя вассалами хорезмшаха и согласились, помимо обычной *хутбы*, выплачивать дань, что означало реальное подчинение. Для того чтобы выработать окончательные условия соглашения, Текеш оставил трех своих представителей, а сам вернулся в Гургандж.

Видимо, его агенты формировали оппозицию в самом городе и готовили заговор по свержению правительства. Только этим можно объяснить дальнейшие действия Менгли-тегина и его подопечного. Он приказал арестовать представителей хорезмшаха и отправил их в Мерв, предлагая тем самым союз Султаншаху. А затем приказал казнить главного *кади* (судью) Нишапура. Разумеется, оба события нужно поставить в связь.

Через некоторое время хорезмшах опять собрал войско, в марте 1187 года осадил Нишапур и приказал обстрелять его из катапульта.

Осада продолжалась до конца мая. Султаншах бездействовал, устранившись от этого конфликта; Менгли-тегин униженно запросил мира: «схватился за полу милосердия» хорезмшаха, как выразился один восточный автор.

Текеш чувствовал себя неуверенно, не имел прочного тыла и потому «расстелил ковер сострадания», как выражаются мусульманские историки. Хорезмшах попытался заработать авторитет в Нишапуре: вернул имущество лицам, пострадавшим от конфискаций во время правления Менгли-тегина, а самого Менгли передал для расправы отцу судьи, казненного *атабеком*. Тут уж на милосердие рассчитывать не приходилось. Менгли-тегин был умерщвлен.

Формальным правителем Нишапура оставался Санджар ибн Муайид, но фактически это было не так. Текеш назначил в город и область своего *вали* (губернатора). Им стал его наследник и любимец, старший сын — Насир эд-Дин Меликшах. Ранее он управлял Джендом также на правах *вали*.

В сентябре 1187 года Текеш вернулся в свою столицу Гургандж. Следующие три года — занимался делами Хорезма и ходил в степь за рабами и скотом. В восточных летописях эти события освещены крайне скупо. Грамотные хронисты жили в Иране, их интересовали только дела этой страны, в крайнем случае — халифата. Владения канглов, кипчаков, туркмен выпадали из поля зрения амбициозных и вроде бы обстоятельных авторов всемирных хроник.

... Судьба прежнего правителя Хорасана, Санджара ибн Муайида, оказалась печальна. Его увезли в Хорезм. Позднее пленный Санджар пытался наладить связи с хорасанцами, дабы восстановить власть. Но хорезмийцы расценили это как заговор, и неудачник был ослеплен. Он умер в 1198 году.

Впрочем, победа хорезмийского государя Текеша была не полной до тех пор, пока Султаншах оставался владельцем Мерва и других мест, включая важную крепость Себзевар, которая вдруг появляется в мусульманских источниках.

Себзевар. Значит, в XII веке появилась эта крепость. Она достигнет расцвета позже, в эпоху Тимура (XIV век), а теперь как бы предъявляет свидетельство о рождении.

... Султаншах возобновил притязания Хорасан. В результате кровопролитных и разорительных войн Иран медленно, но неуклонно превращался в руины.

Правитель Мерва напал на Нишапур, но его жители сохранили верность Текешу. Упорная осада закончилась тем, что стены города в результате обстрелов и штурмов превратились в развалины. Меликшах ибн Текеш стойко оборонялся со своими *аскерами*. Подоспела помощь из Хорезма, и Султаншах отступил в Мерв. Эта неудача поколебала авторитет Султаншаха, некоторые эмиры с войсками отступились от него и перебежали к Текешу. Но и Текеш зависел от своих эмиров, а им надоело воевать с Мервом.

Весной 1188 года братья-хорезмшахи начали мирные переговоры. Султаншах признал старшинство Текеша и отпустил трех его сановников, в свое время очутившихся у него в плену по милости Менгли-тегина. Взамен Текеш пожаловал брату три небольших города — по одному за голову освобожденного сановника, но тем самым расширил его владения.

В следующем году хорезмшах принял титул султана, то есть полностью независимого правителя, короля. Церемонию обставили с невиданной пышностью. Поэты сочиняли оды в честь новоявленного суверена, народ славословил, вельможи падали ниц. Правда, грош цена была всем этим изъявлениям радости. Лишь только отвернется счастье от султана — и его все предадут. Текеш должен был это понимать. Может, и понимал, но каков выход? Не оставаться же только хорезмшахом! Нужно идти вперед, карабкаться по лестнице власти и славы. Тогда все красивые женщины и богатства мира будут твои. Так и жили эти люди, сталкивая и убивая друг друга, бесконтрольно обогащаясь и разрушая подчиненную страну под видом подъема... И разве что-то изменилось сегодня?

Султаншах, несмотря на соглашения, был глубоко опечален успехами брата. Текеш просто вор! Ведь это ему, Султаншаху, должны принадлежать и Хорезм, и Хорасан, и звонкие титулы... На него так надеялся отец, который соединил в его имени титулы шаха и султана... но теперь это выглядело насмешкой судьбы.

Нужно действовать.

Султаншах попытался помириться с афганскими Гуридами, которые, правду сказать, с опаской взирали на то, как ловко Текеш присоединил Хорасан, как усмирил брата и стал султаном. Но из этих попыток ничего не вышло.

Амбициозный правитель Мерва потребовал у Гуридов, чтобы они отдали ему Герат и еще несколько богатых городов для того, чтобы создать прочную военную базу.

Двое братьев Гуридов, управлявших афганской империей, согласились на это предложение. Но против выступил их племянник, которого поддержал духовный лидер страны, шиитский имам, потомок праведного халифа Али (656—661). Имам заявил послу Султаншаха, что земель тот не получит:

— Между нами и тобой — меч!

Может быть, это главные султаны-Гуриды не хотели отказывать Султаншаху прямо и сделали это через имама. А может, и вправду в элите Гуридов вспыхнули разногласия. Досталось, к слову, и одному из главных правителей Гура.

— Султаншах — тот, кого вышвырнул собственный брат и отправил в изгнание, — распространялся потомок Али, обращаясь к нему. — Почему же ты отдаешь то, что мы отобрали мечами у огузов и эмиров Санджара?

После этого заявления Гуриды собрали армию и двинули ее под стены Мерва. Султаншах выступил навстречу. Произошло сражение, которое Султан проиграл. Разгром был страшный. Султаншах после битвы собрал только 1600 воинов и попытался бежать с ними в Кара-Китай.

Об этом прознал Текеш и преградил брату путь. Один из корпусов Текеша занял крепость Серахс и разрушил до основания. Впрочем, очень скоро крепость была восстановлена, а покамест волей-неволей Султаншах отправился на поклон к Гуридам и ничего уже не требовал — только просил защиты. Текеш, в свою очередь, направил посла в Гур, требуя выдать Султаншаха. Гуриды ответствовали послу:

— Он искал убежища. Необходимо, чтобы ты ушел из его страны и отдал долю, которая досталась ему от отца.

Были и другие условия: чтобы хорезмшах приказал читать *хутбу* с именем главного Гурида и отдал свою дочь за его младшего брата.

Услышав такое, Текеш едва не задохнулся от гнева. Афганцы хотят войны! Шах ответил гневным и угрожающим письмом... которое послужило предлогом к началу военных действий.

Гуриды вооружили войско и поставили во главе своего племянника. *Аскеры* афганцев двинулись на Хорезм, но... ничего не добились. Текеш выступил навстречу с таким крупным *аскаром*, что враги отошли.

10. ИЛЬДЕГИЗИДЫ

В это время стало разваливаться государство Ильдегизидов в Персидском Ираке.

Распад этой страны — отдельная тема. Не следует утомлять читателя вереницей имен и географических названий, но сжатый рассказ о событиях не помешает.

Потомки *атабека* Ильдегеца выродились и стали воевать между собой. В борьбу вмешались *мамлюки* (военные рабы *атабеков*), халиф Багдадский **Насирульдиниллах** (или, проще, **Насир, 1180—1225**) и даже последний иракский Сельджук — молодой энергичный султан **Тогрул III (ум. 1194)**, опекунами которого формально выступали потомки Ильдегеца.

Эти события подробно, но очень недостоверно описаны в двухтомном романе азербайджанского писателя Саида-Мамеда Ордубади (1872—1950) «Меч и перо». С точки зрения филологии роман отличный. Неизвестно, чья в том заслуга: безвестного русского переводчика-«негра» или самородка-литератора из города Баку, сотворившего великолепный текст.

Однако к автору есть масса претензий из-за недостоверности приведенных фактов и оголтелого национализма. Азербайджан, по его мнению, — это три страны: во-первых, собственно Азербайджан с городами Хамадан, Тебриз, Марага; во-вторых, Арран — между речью Куры и Аракса с городами Гянджа и Нахичевань; в-третьих, Ширван со столицей в Шемахе, включавший в себя также Баку. Все три страны наполняют в романе тюрки-азербайджанцы, чего в XII веке еще не было. Их населяли в основном персы, а тюрки господствовали, но не составляли большинства. Что касается Ширвана, то этой страной вообще правили иранизированные арабы-ширваншахи.

Но Ордубади это неинтересно. Он называет азербайджанцем перса Бабека, который поднял в IX веке восстание против Арабского халифата под красными знаменами и социальными лозунгами; и числит детьми этой страны даже светловолосых кипчаков-Ильдегизидов, что выглядит вовсе комично.

Один из главных героев романа — поэт Н и з а м и Г я н д ж е в и. По матери он курд (что соответствует действительности), по отцу — тюрк, что неправда. Его отец перс, как и большинство населения тогдашней Гянджи. А весь Арран — наполовину персидская, наполовину армянская страна. В книге Ордубади и сам Низами, и его друзья — не только тюрки, но сплошь тайные коммунисты, которые в первом томе готовят национальное восстание против *атабеков*, а во втором мирятся с ними и защищают их режим без какой бы то ни было логики... если только не принимать во внимание, что все сошлись на позициях национализма. В общем, коммунистами они вроде были когда-то, но марксистами — нет.

Дело Ильдегизидов, по книге, губит Гатиба-хатун, дочь эмира Гянджи Инанча. На самом деле всё не так. Инанч был эмиром Рея (это имя мы привели в своем месте), его дочь звалась Инанч-хатун, вышла замуж за Ильдегизидом Джахан-пехлевана Мухаммеда и была отъявленной интриганкой. Подлинная Гатиба, или Кутейба, — тюрчанка, жена Джахан-пехлевана, не замешанная ни в убийствах, ни в крупных интригах. Умерла женщина ненасильственной смертью.

В романе Гатиба любит Низами, затем становится женой Джахан-пехлевана Ильдегизидом и травит его ядом; организует убийство брата погибшего и наконец гибнет сама. В злодействах ей помогает военачальник Хюсамеддин из Гянджи, который объявлен в сноске к роману «видным историческим персонажем азербайджанской истории того времени». На самом деле у одного из тогдашних ширваншахов был в действительности военачальник Хюсам эд-Дин, но никакой роли в жизни истинного Азербайджана и даже Аррана он не играл. В романе «Меч и перо» злодей Хюсам погиб, на самом же деле злодеем не был и умер своей смертью.

Выдуман и могущественный керманский правитель Бахрам-шах, который объединил едва ли не весь Восточный Иран, чего никогда не было. Реальный Бахрам был мелким владельцем.

И наконец — последний иракский султан Тогрул III. Ордубади его ненавидит, в результате чего сельджукский правитель терпевает такие метаморфозы, каких не могли предвидеть даже враги. В романе патриотичного советского азербайджанца Тогрул представлен немолодым обрюзгшим пьяницей, хотя на самом деле был еще юн, когда погиб, и отличался неукротимой энергией. Но оказался прочно опутан сетями Ильдегизидов.

Хорезмшахи показаны в художественном сочинении далекими и страшными злодеями. Текеш — это надвигающийся на Азербайджан ужас. Его внук Джелаль эд-Дин несет гибель и запустение. А вот Чингисхан с монголами охарактеризован вполне доброжелательно или по крайней мере нейтрально. Он просто захватил несколько областей у хорезмшахов, после чего те сдвинулись с места и начали разорять Азербайджан. Похоже, что так и было, здесь романист верно уловил суть происшедшего. Из дальнейшего текста нашей книги, где будет подробно рассказано о монгольском нашествии и приключениях хорезмшаха Джелаль эд-Дина, читатель сам сможет сделать выводы.

А пока расскажем немного о том, что происходило на самом деле в Персидском Ираке и как погибла местная ветвь Сельджукидов.

Ильдегез умер в 1175 году. Ему наследовал старший сын **Джехан-пехлеван Мухаммед (1175—1186)** в роли опекуна. Правда, после смерти Ильдегеза подозрительно быстро скончался опекаемый султан Арслан. Он восстал объявился в Зенджане, но вдруг захворал и умер, выпив прохладного шербета. Говорили, что государь отравлен по приказу Мухаммеда (кстати, его единоутробного брата). Видимо, так и было.

Наследником Арслана и законным сельджукским султаном сделался его сын **Тогрул III (1175—1194)**. Ко времени восшествия на

престол он был еще ребенком лет семи, а потому наличие *атабека* при султানে не вызывало вопросов. Мухаммед торжествовал. Его правление продолжалось десять лет.

...Джехан-пехлеван Мухаммед имел нескольких жен.

От разных супругов у *атабека* имелось четверо детей — Абубекр, Кутлуг-Инанч Махмуд, Узбек и Омар. Инанч-хатун, главная жена, дочь владельца Рея Инанча, о котором мы говорили выше, была матерью Кутлуга и Омара. Абубекра родила тюрчанка Кутейбахатун (Гатиба из романа «Меч и перо», хотя в романе, как всегда, всё перепутано; она — дочь Инанча и главная злодейка). Абубекр был старше всех.

Матерью Узбека являлась наложница. Наконец, еще одна супруга, Захида-хатун, произвела на свет дочь, которую звали Джелалия. Последняя станет, кода повзрослеет, правительницей Нахичевани и столкнется с последним хорезмшахом — Джелаль эд-Дином.

А пока вернемся назад. Женщины и дети *атабека* Мухаммеда ненавидели друг друга и готовы были схватиться за власть после его смерти.

Джехан-пехлеван умер в 1186 году от нестерпимой рези в животе. «Он был властителем Ирака, Азербайджана, Аррана, ал-Джибала. Рея, Исфахана, Хамадана и других областей, — пишет об *атабеке* историк-энциклопедист ибн ал-Асир. — Это был человек хорошего нрава, правосудный, мудрый правитель, [обладавший] терпением. В дни его правления [подвластные ему] страны жили в мире, а подданные — в спокойствии».

После смерти Мухаммеда Иракский султанат стал разваливаться. Дело в том, что *атабек* раздал области в управление своим *мамлюкам* — купленным военным рабам (в основном из кипчаков). Они стали поднимать мятежи и вообще стремились создать собственные династии по примеру Ильдегизидов. Или, как говорят мусульманские источники, «открывали двери для людей разорения и подкупа».

На первых порах это безобразие пресек брат Мухаммеда — *атабек Кызыл-Арслан (1186—1191)*. Его имя переводится как

«красный лев». Почему красный? Потому что рыжий, ведь кипчаки вообще отличались светлыми волосами.

При жизни брата Кызыл правил Азербайджаном с резиденцией в Тебризе (столицей его брата Мухаммеда был Хамадан). После смерти Джехан-пехлевана — принял бразды правления и опекунство над племянниками. Его любимцем был Абубекр, которого Кызыл-Арслан пристрастил к вину, будучи и сам алкоголиком. Абубекру рыжий *атабек* отдал в управление Арран и Азербайджан. Рей и Исфahan получили Кутлуг и Омар. Хамадан достался Узбеку. Понятно, что власть всех четверых была формальной и делами заправляли те же *мамлюки*.

Честолюбивой матери пары принцев Инанч-хатун всё это не понравилось, она жаждала реальной власти для себя и своих сыновей. Властная женщина затеяла интригу и попыталась привлечь на свою сторону *мамлюков* своего мужа Джехан-пехлевана, чтобы с их помощью уничтожить соперников.

В результате ее происков некоторые *мамлюки* Ильдегизидов собрались в Рее и подняли восстание. Туда немедленно прибыли дети Инанч-хатун и она сама.

Встревоженный Кызыл-Арслан выступил к Рею, прихватив с собой законного султана Тогрула. Мятежники бежали от него в Дамган, а Кызыл вступил в сам Рей, где его с поклонами и дарами встретила Инанч-хатун. Кызыл даровал ей прощение на условиях покорности. Однако Инанч тайно встретила с юным Тогрулом и уговорила того бежать в Дамган, чтобы мятежники получили вождя. Это произошло в 1187 году. Тогда хорезмшах Текеш, развивая наступление, взял Нишапур и подчинил своей власти Хорасан.

Ильдегизидам повезло, что хорезмиец был занят другими делами и какое-то время не вмешивался в политику Персидского Ирака. Впрочем, мы помним, что и у самого Текеша связаны руки. На юге — Гуриды, на востоке — кара-китаи, а в Мерве — собственный брат, который только и ждет удобного мига, чтобы вонзить нож в бок любимому хорезмшаху.

Текеш и его родичи вроде бы достигли взаимопонимания. Но тут... Из-под ареста сбежал законный сельджукский султан Тогрул.

...Дерзкий побег восемнадцати- или девятнадцатилетнего Тогрула прошел благополучно, и вскоре *мамлюки* приветствовали законного султана. Под его знамена стекались все недовольные. По крайней мере один из его спутников был, кажется, нашим соотечественником. *Мамлюка* звали *Рус*. Вскоре Тогрул приказал казнить его за буйный нрав и ссору с одним из эмиров.

Кызыл-Арслан промедлил, а когда всё же выступил на Дамган, потерпел со своими войсками поражение и бесславно бежал в Азербайджан.

Мамлюки почтительно обратились к султану с просьбой назначить *атабеком* государства Кутлуг-Инанча, старшего сына Инанч-хатун. Тогрул согласился.

Тем не менее другой *атабек*, Кызыл-Арслан, продолжал борьбу и отправил письмо халифу Багдадскому, прося помощи и обещая повелителю правоверных в качестве компенсации жирный кусок: Персидский Ирак с Хамаданом.

Халиф снарядил наемную армию и бросил на Хамадан. «Говорят, что из полного казнохранилища [халифа] на это войско было расходовано 600 тысяч динаров, — пишет мусульманский историк Садр эд-Дин ал-Хусайни. — Командующим войска был назначен везир Джалал ад-Дин Ибн Йунус». Однако *мамлюки* юного султана Тогрула в упорном сражении разгромили арабских наемников.

Впрочем, потери победителей тоже оказались велики, да и самим *мамлюкам* Персидского Ирака в какой-то миг надоело воевать. Они потребовали наград и земельных наделов. А получив их, разошлись.

Тут пришла новая халифская армия и застигла юного султана Тогрула врасплох. С севера на помощь халифу прибыл Кызыл-Арслан с войсками. Тогрул бежал на восток, а «рыжий лев» возглавил объединенное арабо-азербайджанское войско и пустился преследовать султана.

Тогрул укрылся в Исфахане. Кызыл-Арслан осадил город, взял его и сжег.

Султану удалось бежать, он направился в Азербайджан, рассчитывая набрать *мамлюков* и опрокинуть своих врагов. На его сторону перешли некоторые туркменские племена, и Сельджук получил войско.

В этот миг Инанч-хатун, о которой все на время забыли, сделала неожиданный кульбит: попросила Кызыл-Арслана о прощении и определила своего сына Кутлуга к нему на службу. Через некоторое время хатун даже вышла замуж за рыжего *атабека*.

Кызыл тем временем присвоил Персидский Ирак и велел войскам халифа убираться оттуда. Повелитель правоверных остался единственным проигравшим в результате всех этих интриг.

Кызыл-Арслан отправился в Азербайджан — наказывать Тогрула, который бесчинствовал вместе с туркменами в богатой стране. Нападение на султана увенчалось успехом (что, казалось бы, работает на концепцию Рене Груссе: «цивилизованные» турки защищают иранцев).

Тогрул убежал в курдский город Киркук, входивший в Мосульский эмират, а затем написал повелителю правоверных — халифу — верноподданническое письмо. Конечно, юноша выполнял всё это не сам. За него думали советники, видимо, происходившие из туркменского племени *кынык*, которое породило династию Сельджуков. Возможно, находились также хитрые персы, жаждавшие сделать карьеру. Они-то и принимали решения, сочиняли письма, вели документацию...

Тогрула пригласили в Багдад.

Султан, покрыв плечи саваном и неся меч в руках, как проситель, явился к халифу. Однако повелитель правоверных был осторожен и не спешил с решением.

Арслан гнул свою линию, и халиф побоялся ссориться с ним. Тогрулу дали понять, что его присутствие в Арабском Ираке нежелательно. Сельджукский султан вернулся в Киркук, а оттуда поехал в Азербайджан, чтобы поднять восстание против Кызыла.

Это не удалось. Султан ускакал к Хамадану. Город встретил его запертыми воротами. До Тогрула только теперь дошло, что титул у него есть, а власти нету. Он, конечно, набрал отряд головорезов, но это еще не войско.

Его настигли *гулямы* Кызыл-Арслана. Вспыхнула схватка, и один *гулям*-дружинник *атабека* Ирака подрубил основание султанского шатра. Воины Тогрула в панике разбежались, вообразив, что всё кончено.

Юный султан сдался и был приведен к *атабеку*. Это случилось 1190 году. Тогрулу исполнилось всего 22 или 23 года, но сколько мучений и приключений пережил этот человек!

Инанч-хатун полагала, что юношу нужно казнить. Она советовавала Кызыл-Арслану самому провозгласить себя султаном. В нем же течет кровь Сельджуков, пусть и по материнской линии...

Впрочем, некоторые историки говорят, что совет сделаться султаном подал сам халиф с далекоидущими планами: таким образом он хотел дискредитировать *атабека*. Не последнюю роль сыграло и то, что правитель Хорезма Текеш тоже вон принял султанский титул за год до этого — без всяких прав. И превратился в независимого правителя. Почему бы не повторить опыт? Время Сельджуков ушло.

Кызыл-Арслан колебался. Одно время он хотел сделать султаном одного из принцев Сельджукидов, но затем произвел решительный жест и сам принял возделенный титул, а Тогрула заточил в крепости возле Нахичевани. Вместе с заключенным жила молодая жена, так что семейных утех его не лишили.

В промежутке между этими событиями Кызыл успел поучаствовать в разорении Грузии и Армении. Его войска дошли до озера Ван и захватили Битлис. При этом судьба Кызыла неожиданно пересеклась с судьбой одного русского княжича. К Арслану приехал просить о помощи Георгий/Юрий Андреевич, сын Андрея Боголюбского. Отец погиб под кинжалами заговорщиков, сын отправился в изгнание, приехал в Грузию и женился на великой царице **Тамар (1184—1213)**, которая превратила доставшуюся в наследство

страну в обширную империю в составе Абхазии, Грузии, Северной Армении. Затем Георгий Русский стремительно спился, а кроме того, стал гомосексуалом и зоофилом. Его прогнали из Грузии. Тогда князь явился к *атабеку* Кызыл-Арслану в сопровождении русской дружины.

Атабек назначил Георгия эмиром Гянджи, откуда русич с арранскими войсками явился к жене в Кахетию и, опустошив область, взял множество пленных и трофеев. Затем грузины его разбили, и Георгий канул в неизвестности. Где он похоронен, как погиб? Это — темы отдельных исследований.

Итак, Кызыл-Арслан принял султанский титул. На сем поступке успехи закончились. Новый султан окончательно спился и впал в невероятный разгул с *гулямами* и наложницами; «красного льва» редко видели трезвым. Его авторитет быстро падал, а *мамлюки* подняли головы на окраинах султاناتа. Самому султанату оставалось жить около четырех лет. Инанч-хатун возненавидела мужа и почувствовала, что теряет почву под ногами. Пьяным он мог ее убить. Возникла мысль опередить мужа и уничтожить его, а власть передать подростку сыну — Кутлуг-Инанчу. Насколько безумна была эта идея, женщина, конечно, не подозревала. Но мусульманский мир вырождался; тупели и его правители. Они не могли предвидеть последствий элементарных поступков.

Однажды Инанч-хатун сказала приближенным:

— Мы должны покончить с султаном Вселенной Кызыл-Арсланом до того, как он сам покончит с нами. Он уже стал заменять своими *гулямами* наших людей на различных государственных постах.

Чувствуется, что атмосфера при дворе султана/*атабека* царица нервная, а различные группировки готовы были уничтожить друг друга.

И вот Инанч-хатун приказала своим *гулямам* войти в спальню к Кызыл-Арслану и зарезать его. Воины исполнили приказание. Есть разные версии смерти. Одни пишут, что «рыжий лев» был задушен

спящим, когда его телохранители разошлись; убийцей был один из гвардейцев. В других источниках сказано, что он был не задушен, но умер от пятнадцати ножевых ран. Некоторые утверждают, будто убийцами стали *гашишины*, однако эту версию, понятно, распространила сама Инанч-хатун.

Так или иначе, в ноябре 1191 года Кызыл-Арслан погиб после дикой попойки. Он скончался, не приходя в себя и не понимая, что происходит вокруг.

В Хамадане *атабеком* провозгласили Кутлуг-Инанча, но Азербайджан и Арран отпали. Там воцарился Абубекр. Его мать Кутейба присутствовала при дворе во время похорон Арслана, сняла с его пальца кольцо, передала его сыну и сказала:

— Отправляйся и возьми власть над Азербайджаном и Арраном.

Абубекр взял под контроль обе эти страны и объявил себя *атабеком*.

Узбек тоже успел бежать и укрылся в Нахичевани под крылом брата.

Титул Абубекра звучал смешно. *Атабек* — опекун султана. Но султан Тогрул томился в тюрьме. Кого же опекали Кутлуг-Инанч и Абубекр? Видимо, они стали опекунами не конкретного человека или династии, но страны в целом.

Инанч-хатун попыталась уничтожить Тогрула и послала приказ задушить его. Не получилось: один «боевой холоп» Махмуд узнал про этот приказ и предложил султану сделку: он помогает господину бежать, а тот награждает *мамлюка* высокой придворной должностью *эмр-бар* (эмир аудиенций) в возрожденном султанате. Разумеется, Тогрул с радостью согласился. Ночью он вместе со своим спасителем покинул крепость и отправился навстречу новым приключениям в Персидский Ирак. Его сопровождала жена с маленьким сыном, который родился, пока султан сидел в тюрьме.

Тогрул превратился в загнанного зверя. С одной стороны, за ним гонялись люди *атабека* Абубекра, чтобы вернуть в тюрьму. С другой — люди Инанч-хатун, чтобы убить. Но даже в этих

условиях храбрый султан нашел сторонников на востоке страны и сколотил трехтысячное войско. Правда, был настигнут у Казвина сыном «царицы» Кутлуг-Инанчем, численность отрядов которого достигала 15 000 бойцов.

Султан, полный отчаяния, кинулся в битву вместе со своими *гулямами*... и победил! «Тогрул сам бросился на строй Инандж-Махмуда, находившегося в центре своих войск. Со своими личными гулямами и гулямами своего отца султан разорвал их ряды и сбил их с места, где они стояли», — пишет Садр эд-Дин ал-Хусайни.

Войска Кутлуга частью рассеялись, частью перешли на сторону законного султана. Кутлуг укрылся в Рее, а Тогрул III торжественно вступил в Хамадан. Впервые он стал настоящим правителем, избавился от опеки *атабеков* и вновь занял султанский престол.

А на востоке за этими событиями с интересом наблюдал хорезмшах Текеш.

11. КРАХ ИРАКСКОГО СУЛТАНАТА

Кутлуг-Инанч совершил не меньше глупых поступков, чем его мать. (Кстати, она находилась в Рее еще со времен гибели Кызыл-Арслана. Рей был ее родным городом, здесь она росла, здесь правил когда-то ее несчастный отец эмир Инанч, убитый тремя своими *гулямами*. Видимо, любил город своего деда и сын госпожи — Кутлуг-Инанч.)

Засев в Рее, Кутлуг отчетливо понимал: дела плохи. Законный султан Тогрул усиливается... Что же делать? Кутлуг позвал на подмогу хорезмийца Текеша (1192).

Хорезмшах видел, что дела у иракцев пришли в расстройство, и воспользовался случаем, чтобы вмешаться в распри. Его армия выступила в сторону Рея, где находились Кутлуг-Инанч и его мать (январь 1193 года). Командовал войсками лично Текеш.

Рей открыл ворота перед хорезмийцами, затем была захвачена крепость Табарак. Начались бесчинства наемников. Кутлуг и его мать настолько перепугались, что бежали от этих безобразий в крепость Сарджахан.

Этим воспользовался Тогрул, показав себя тонким политиком. Он послал Текешу богатые дары, попросил помощи в борьбе против Кутлуг-Инанча и даже сосватал свою дочь за сына Текеша — Юнисхана. Более того, Сельджук унизился настолько, что пообещал чеканить монеты Текеша и провозглашать в султанате *хутбу* с его именем. Главное — выиграть время.

Тогрула можно понять. Он оказался зажат между Абубекром и Текешем, а в тылу находился халиф, которому султан ни на йоту не верил. Тогрул рассчитывал, что какие-нибудь экстренные события заставят Текеша уйти. В общем, так и случилось.

Хорезмийскую армию вторжения ждали неудачи. Из-за плохих климатических условий часть войск погибла, а с востока пришли известия, что Султаншах покинул Мерв и направляется в сторону Гурганджа. Испуганный хорезмшах повернул назад. Впрочем, некоторые историки пишут, что весть о вторжении Султаншаха пришла после того, как Текеш отступил, но следует согласиться с мнением Бартольда, что именно эти сообщения и привели к уходу хорезмийцев. Кутлуг-Инанч оказался предоставлен сам себе.

Хотя — не совсем. Хорезмшах собрал с захваченных земель *харадж* и оставил в Рее и Табараке гарнизоны во главе с эмиром Тамгачем, который должен был присматривать за территорией и не позволить Кутлугу или Тогрулу усилиться.

Кутлуг-Инанч потерял город своего деда, но отчаянный Тогрул не собирался терпеть эту ситуацию, да и его эмиры были настроены решительно. Весной 1193 года иракский султан атаковал гарнизоны хорезмийцев, истребил их, захватил Рей, Табарак, убил Тамгача и отослал его голову в Хорезм. Рей должен быть иракским!

Инанч-хатун, о которой источники некоторое время хранили молчание, была потрясена случившимся. Видя, что власть уплывает из рук, женщина сделала новый ход в игре: предложила Тогрулу сочетаться браком. Появился сильный аргумент: у нее множество богатых городов, полная казна и крупное войско. К тому же она любит Тогрула и признается в этом, не стыдясь.

Объединившись, молодой мужчина и зрелая женщина соберут Иракский султанат воедино и восстановят былую мощь сельджуков. Хатун писала сельджукскому султану: *«Я никогда не переставала питать склонность к тебе и была врагом твоих недругов — близких и далеких. Теперь, когда Аллах сделал тебя государем [во] владениях твоих предков, [ныне] я также одна из твоих служанок и невольниц. У меня много сокровищ и денег, и если ты примешь меня, я буду служить тебе как одна из твоих наложниц при условии, что ты согласишься на договор о браке и дашь обязательство об этом. Я прибуду к тебе на службу в Хамадан и постепенно передам тебе имеющиеся у меня сокровищницы и деньги».*

Тогрул согласился на брак с опытной женщиной. Отпраздновали свадьбу, а вечером Инанч-хатун попыталась отравить молодого мужа. Но Тогрул оказался достаточно хитер. К тому же его спасла случайность. «Одна из рабынь сообщила султану о яде, который госпожа подсыпала в напиток», — сообщают мусульманские авторы. Тогда султан сам заставил «молодую» жену выпить чашу с ядом, приготовленным для него. Инанч-хатун покорно выпила, ушла к себе в спальню и... умерла в муках. Правда, по другой версии, женщину задушили тетивой от лука; но это маловероятно. Таковую казнь применяли к мужчинам сельджукам, провинившимся перед верховной властью. Вряд ли Инанч-хатун приравняли к ним.

Кутлуг-Инанч, насмерть перепугавшись после гибели матери, бежал с *гулямами* в Азербайджан, где находился его брат Омар. Братья заняли Тебриз и стали собирать войска против *атабека* Азербайджана и Аррана Абубекра, который засел в Нахичевани. Абубекр выступил против соперников. Состоялось сражение, в котором «ломались мечи и разбивались копья», как говорят мусульманские летописцы. Войска Кутлуга обратились в бегство.

После этого Кутлуг-Инанч бежал в Персидский Ирак и укрылся в Зенджане, а его брат Омар с отчаяния отправился в Ширван к шаху Ахситану I (1160 — ок. 1196).

Из Зенджана Кутлуг направил письмо хорезмшаху с просьбой о помощи против Тогрула. Он даже поцеловал землю перед новым повелителем и униженно просил о подмоге.

В это время к Текешу обратился халиф Багдадский. Он жаловался на Тогрула III: мол, его люди грабят Арабский Ирак. И отправил *маншуур* (указ) о даровании хорезмшаху земель, находящихся под властью недоговороспособного сельджукского султана.

Текеш отбил войска Султаншаха, в очередной раз осаждавшие Гургандж. Сам Султаншах отстроил заново крепость Серахс и поместил туда казну, что стало ошибкой. Текеш подкупил коменданта крепости, и тот сдал крепость хорезмийцам вместе со всеми сокровищами, часть которых получил по уговору.

Сообщение о сдаче Серахса и потере казны так потрясло Султаншаха, что его хватил удар. Через три дня храбрый и упрямый правитель умер (сентябрь 1193 года).

Редко кто ликовал так, как Текеш, при известии о смерти родного человека. Хорезмшах немедленно захватил Мерв и стал господином почти всего Хорасана. Он мог больше не опасаться за свои тылы. История «двух Хорезмов» закончилась. Одноглазый шах победил брата в изнурительной борьбе, которая длилась 21 год.

Мерв был передан старшему сыну Текеша — Меликшаху. Нишапур и весь Хорасан получил следующий по старшинству сын — Мухаммед, будущий правитель Хорезма и враг монголов.

Руки у хорезмшаха были развязаны, а голова закружилась от неожиданной удачи. Он попробовал развить наступление, чтобы захватить одним ударом весь Персидский Ирак.

Тем временем Ильдегизид Омар коротал время при дворе ширваншаха Ахситана. Ширваншах принял его радушно, женил на своей дочери и снарядил войско, чтобы побороться за Азербайджан и Арран. Но воинов было мало.

Тогда Омар навел на Арран грузинскую армию. Ширван зависел от Грузии, платил дань (*харадж*), а потому ничего экстраординарного Омар, по мнению ширваншаха, не совершал. Ну, вступил в переговоры с грузинами, ну и что? Кавказ был мультикультурным регионом, христиане и мусульмане разных сортов сильно переме-

шались. Например, в Тбилиси имелись мусульманские кварталы, а десятки тысяч христиан жили в Ширване и Арране.

...Прибыв в ставку грузинской царицы Тамар, жалкий Омар заявил, что готов сражаться против своего брата Абубекра. Царица задала вопрос о причинах, побудивших мусульманского принца выступить против брата. Омар сказал:

— Мой брат — эмир Абубекр — не позаботился о нас так, как следовало согласно нашему праву. Мы скитались по стране, слабея, и были вынуждены удалиться на чужбину. И я пришел к вам, чтобы вы помогли мне людьми и отправили со мной войско. [Тогда] я [смогу] выйти против него, встретиться с ним, вступить с ним в бой и одолеть.

Царица выставила войска на подмогу. Грузины дали вдоволь продовольствия, фуража, денег и одежды. Пришли также со своими отрядами ополчения недовольных мусульман из Аррана, явились туркменские беки во главе каких-то племен. Начался поход причудливой армии, в которой бок о бок воевали православные грузины, армяне-монофизиты и мусульмане. Формально войском командовал Омар, но фактически — новый муж царицы Тамар: осетин Давид Сослан.

При известии о выдвижении полчищ врага Абубекр вывел войска на равнину, вместо того чтобы выбрать выгодную позицию в горах и занять оборону. В результате этого опрометчивого шага он был разбит в сражении у Шамхора. Неудачливый и неумелый *атабек* с остатками войск бежал к Байлакану, где опять дал сражение и терпел страшный разгром.

Абубекра в отчаянной схватке сбили с коня. К нему подбежал один из *гулямов* Омара и хотел убить, но *атабек* назвал себя и посулил мзду. Алчный *гулям* немедленно перебежал на его сторону, и вместе беглецы достигли Гянджи.

Победители Абубекра — грузины, армяне, мусульманские повстанцы — двинулись на Гянджу. Омар, находившийся во главе этого сброда, потребовал сдачи города. Ему отвечали:

— Если бы ты прибыл один, мы сдали бы город. Но ты явился с этим сборищем неверных (*кафиров*), и мы не можем сдаться из страха, что неверные изменят тебе. Тогда мы с нашими детьми будем утнаны в плен, а наши семьи будут перебиты.

Омар велел грузинам отойти, а сам вошел в Гянджу и воссел на трон великого сельджукского султана Мухаммеда Тапара, установленный в начале XII столетия.

Такова версия мусульманских авторов. Грузины считают, что это Давид Сослан вошел в город и воссел на престоле Мухаммеда Тапара. В любом случае ясно, что Гянджа сдалась на почетных условиях и не подверглась грабежу (в романе националиста Ордубади вообще нет ни слова об этом конфузе).

Войска царицы Тамар присоединили западную, армянскую часть Аррана, взяли Двин и продолжали поход. Они обложили данью Нахичевань и Байлакан, дошли до Тебриза и забрали богатую добычу да огромный полон. Таким образом, Абубекр на некоторое время был выведен из игры, а Омар — ничего не выиграл. Мусульмане ненавидели его как предателя, а грузины использовали как знатока местности.

Впрочем, Тамар честно выполнила свои обязательства по отношению к беглецу. Она отдала Гянджу Омару в управление. Арран на 22 дня отделился от Азербайджана и стал грузинским вассалом, как и Ширван. Грузины контролировали всю территорию, которая носит сегодня название «Республика Азербайджан».

Правление Омара оказалось коротким и несчастливым. Через три недели он был убит в результате заговора городской верхушки, засевшей в Нахичевани. Полководцем он был прескверным, но интриганом — отменным, как и многие из родни.

После гибели своего брата Абубекр вернулся в Гянджу и выбил оттуда сторонников Омара. В весьма усеченном виде он восстановил Арран. Теперь это была полоска земли в Карабахской степи между Ширваном и грузинскими владениями.

Грузины, в свою очередь, предприняли серию походов на Арран и Азербайджан, хронология которых запутанна. Абубекр, крепкая бездарность и горький пьяница, ничего не мог предпринять. Именно тогда ибн ал-Асир и сказал, что *атабек*, видимо, собирается защищать Азербайджан своим *penis*'ом. Более грубой и презрительной характеристики правителя мы у этого историка не встречали. Легко представить, каким ничтожеством был Абубекр даже на сером фоне тогдашних царьков мусульманского мира.

Персидский Ирак пылал. Города переходили из рук в руки. Хорезмшах Текеш счел момент удобным для наступления и пошел вперед, чтобы добить и Сельджукидов, и *атабеков* Азербайджана. Потомок нищего туркмена, дослужившегося благодаря Сельджукам до хранителя султанских умывален, явился, чтобы уничтожить султанат и расправиться с потомками благодетелей своего предка. Обычное дело.

На походе к Текешу присоединился кипчак Кутлуг-Инанч со своими сторонниками и иракскими эмирами, предавшими Тогрула III.

Тогрул был не согласен. Отважный сельджукский султан выступил навстречу и направился к Рею. А с запада, из Арабского Ирака, в поход против Тогрула выступили халифские войска. Ими предводительствовал талантливый *везир* (министр) ибн ал-Касаб. Он вел в Персидский Ирак 10 000 бойцов — бедуинов и курдов.

Приближенные Текеша пытались урезонить Сельджука и договориться с ним. Старший *хаджиб* (главный управляющий делами, мажордом, дворецкий) написал Тогрулу пространное послание, где говорилось: *«Хотя я и мамлюк султана Ала эд-Дина Текеша... это не препятствует мне подать тебе совет... Я советую тебе отойти от Рея в Саве, остаться там и заключить мир с султаном Ала эд-Дином Текешем, а мы будем посредниками между тобой и им. Пределом его требований [к тебе] будет твой уход от Рея».* Мол, это последнее необходимо, чтобы хорезмшах сохранил престиж.

Неизвестно, уловка это была или правда. Тогрул счел, что уловка. Один здравомыслящий эмир посоветовал ему принять предложение хорезмшаха и отступить. Благородный Сельджук разразился страстной речью в ответ.

— О, если бы сердце мое позволило поступить так, не думая, что скажет обо мне народ! А скажут, что я бежал от этого человека из трусости! Хорезмийцы войдут в Рей и станут притеснять жителей и чинить насилия. А ведь эти жители высказали по отношению ко мне любовь и преданность. Нет, я не отступлю!

Тогрул попытался разгромить хотя бы часть противников, причем сделал это до подхода своих главных сил. В этом и состояла ошибка. Видимо, он стал жертвой неверных сообщений разведки о том, что передовые отряды врага невелики.

Авангардом хорезмийцев командовал Кутлуг-Инанч; его-то и попытался устранить Тогрул в честном бою.

4 марта 1194 года у соленого озера Фархан Сельджукид встретил войско Кутлуга и понял, что угодил в ловушку. Авангард хорезмийцев превосходил его отряд численно и качественно. Тогрул в сопровождении шестидесяти отборных *гулямов* бросился в отчаянную атаку, чтобы пробиться к Кутлугу, забрать его жизнь и, может быть, переломить течение боя.

Атака самоубийц завершилась трагично. *Гулямов* окружили и перебили одного за другим. До Кутлуга добраться не удалось: его окружала несокрушимая стена воинов. Во время боя одна из стрел угодила сельджукскому султану в глаз. Тогрул свалился с коня. К нему не спеша подъехал Кутлуг-Инанч. Два молодых честолюбивых тюрка оказались друг против друга. Один — Тогрул — черноволосый «печенег», туркмен, наследник древнего Кангюя. Второй — Кутлуг-Инанч Махмуд — светловолосый сероглазый кипчак, далекий потомок скифов. Оба — мусульмане, оба родственники, но оба принадлежат к племенам, которые ненавидят друг друга.

Тогрул III взмолился:

— О Махмуд! Подними и унеси меня. Это будет лучше и для тебя, и для меня!

Кутлуг-Инанч оказался мстителен и холоден к мольбам. Он ловко отрезал голову султану и преподнес ее в подарок хорезмшаху.

Так погиб последний правитель Ирана из семьи Великих Сельджуков.

Хорезмшах лицемерно сожалел о гибели Тогрула. Ведь предки Сельджука возвысили предков Текеша. Настоящая причина жалости была, впрочем, иной. Хорезмшах рассчитывал, что султан будет и дальше воевать со своими соперниками. Из этих войн можно было извлечь выгоду.

Хорезмшах пробурчал, обратясь к Кутлугу:

— Для меня было бы желаннее и лучше, если бы ты привез его живым. Увы! Его судьба повелела иначе!

После этого Текеш отправил голову Тогрула в Багдад, где она в течение нескольких дней висела на Нубийских воротах. Халиф Насир был доволен, ибо последнее время шайки тюрок, подчиненные сельджуку, грабили Арабский Ирак. Со смертью Тогрула грабежи прекратились, ибо войско его погибло.

Оставалось еще тело Тогрула. Хорезмшах приказал вздернуть его на виселицу на базаре Рея, чтобы полюбовалась толпа.

«От раскаленных угольев рода Сельджука осталась одна зола, которую развеял ветер!» — написал по этому поводу Садр эд-Дин ал-Хусайни.

12. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТЕКЕША

Для хорезмшаха и его головорезов началась эпоха завоеваний, а персы, как обычно, ничего не выиграли. Всё это не значит, что Текеш был самым сильным правителем Ирана. Это значит, что остальные правители были слабы.

В июле 1194 года Текеш занял Хамадан и большую часть городов Персидского Ирака, распределив их среди своих эмиров. Исфахан передал Кутлуг-Инанчу и назначил молодого потомка *атабеков* старшим эмиром Ирака. Это было унижительно. Отец Кутлуга — грозный Джехан-пехлеван — повелевал огромной страной от Арра-

на до Исфахана. Мосул и Керман признавали зависимость от него. А сын превратился в простого эмира, прислужника хорезмшаха. Но — что было, то было.

Хамадан достался эмиру Карагёзу, а Рей — шахскому сыну Юнис-хану. Тот был молод и получил в *атабеки* одного из военных рабов хорезмшаха — Майячука. Спокойствия это не принесло. В регионе опять началась война всех против всех. Хаос усилился.

Резня простолюдинов и ограбление городов были в порядке вещей. Области то и дело переходили из рук в руки. Никакой стабильности. Вскоре противоборствующие армии уже шли по дымящимся головням городов и сел, которые еще недавно процветали под властью мудрых правителей.

Начал интриги халиф Насир, пригласивший хорезмийцев. Он сам рассчитывал на Персидский Ирак или хотя бы на часть этой страны.

Текеш не посчитался с мнением повелителя правоверных. *Везир* халифа ибн ал-Кассаб с важностью сообщил, что Текешу пожалованы почетные одежды. Но чтобы получить их, он должен с немногими людьми прибыть на место встречи и пройти пешком, держась за стремя коня *везира* и выражая покорность халифу.

Пойти на такое унижение хорезмшах не мог. Он пришел за почетными одеждами, но во главе всего войска. И — внезапно напал на *везира*, рассеял его армию и взял богатые трофеи. Сам ибн ал-Кассаб, не ожидавший подобного вероломства, едва унес ноги. Текеш отправил в Багдад письмо, потребовав восстановить султанский дворец «в таком виде, каким он был при Сельджуках». Халиф должен был признать Текеша повелителем мусульманского мира и отказаться от светской власти в пользу хорезмийского султана. Это возмутительное требование было отвергнуто. Между Хорезмом и халифом пролегла пропасть вражды.

Султан уехал на восток; в 1195 году его войска захватили Сыгнак на Сырдарье. Этот город то подчинялся Хорезму, то обретал свободу, то отстранялся, то разрушался. Он был важен как пункт торговли «неверными тюрками», жившими в северных степях.

Халиф, со своей стороны, перешел к действиям. В начале 1195 года умер владетель Хузистана (бывшая античная Сузиана и древний Элам; в описываемое время его населяли арабы). Между наследниками умершего началась борьба. Воспользовавшись этим, *везир* халифа ибн ал-Кассаба вторгся во главе крупной наемной армии и захватил Хузистан для своего господина. После этого халиф приказал *везиру* начать поход в Персидский Ирак.

Помочь в этом вторжении должен был Кутлуг-Инанч. Тайные агенты халифа снеслись с ним, и Кутлуг пообещал стать верным слугой повелителя правоверных. Потомка *атабеков* снедала гордыня и тайная ненависть к хорезмшаху.

Кутлуг-Инанч первым делом выступил против хорезмского *мамлюка* Майячука, чтобы захватить желанный Рей — город предков. Но талантов за это время у Кутлуга не добавилось, зато поубавилось ума. В сражении у Зенджана Кутлуг-Инанч потерпел поражение, после чего Майячук и опекаемый им Юнис-хан ушли в Хамадан.

Кутлуг с остатками войск прибыл в ставку *везира* ибн ал-Кассаба. *Везир* наградил нового друга почетными одеждами и передал в его распоряжение всю свою конницу.

Войска под командованием халифского *везира* и Кутлуг-Инанча двинулись прямо на Хамадан. Примерно в сентябре 1195 года состоялось сражение, в результате которого *атабек* Майячук и его подопечный были выбиты из столицы Персидского Ирака. Честь победы нужно приписать *везиру* и превосходным наемникам халифа.

Армия Кутлуга и *везира*, развивая наступление, подошла к Рею. Майячук попытался собрать войска и дал бой, но опять проиграл и отступил в Гурган с остатками войск. Гурган — это небольшая область на юго-востоке Прикаспия. Название персидское; оно означает, что это «волчий» край («волк» по-персидски — *гург*).

Границы Хорезма вновь сократились, а успехи его правителя оказались эфемерны.

Но столь же эфемерным оказался союз Кутлуга и арабов. Разумеется, арабами, как и хорезмийцами, мы называем этих вояк

условно. Перед нами наемники без роду без племени. Таким же человеком без родины был кипчак-половец Кутлуг-Инанч. В самом деле, он жил в разных странах, получал в управление разные города, но никакое место не мог назвать родным. Разве что Рей, где жили когда-то дедушка и мать.

Кутлуг стал тяготиться зависимостью от халифа, как прежде тяготился покровительством хорезмшаха. А для позднего халифата это была высшая точка могущества. На короткое время повелитель правоверных Насир установил контроль над половиной Ирана и Арабским Ираком.

Кутлуг вскоре разругался с халифским *везиром* ибн ал-Кассабом. *Везир* без лишнего предисловия напал на его отряды и обратил в бегство. Кутлуг-Инанч в очередной раз укрепил свою репутацию слабого полководца и недалекого человека, который не может просчитать последствия элементарных поступков. Он укрылся в Исфахане. Тут в игру вмешался *атабек* Майячук. Он прибыл к Кутлугу и предложил великое примирение на основе антихалифского союза. Подарок судьбы! Кутлуг вновь мог обрести власть при помощи хорезмийцев. Он немедленно согласился, не задумываясь о моральной стороне дела. Но на сей раз удача отвернулась от беспринципного половца. Оказалось, что всё это замыслы одной женщины — дочери покойного султана Тогрула. Напомним, эта юная принцесса была женой Юнис-хана. По ее предложению Кутлуга заманили в ловушку, где хладнокровно убили (1195). После этого хорезмийцы утвердились в Рее, взяли Исфахан...

Но спокойствия сие не принесло. В Исфахан вошли арабы, а на севере Ирана восстали *мамлюки* Ильдегизидов и вошли с халифом в союз. Мятеж возглавил эмир Гёкча. Восставшие захватили Рей, Кум и Кашан. Неразбериха в Иране усиливалась день ото дня.

Халиф направил указ Гёкче, в котором признавал его захваты, но обязал перечислять налоги в Багдад. А потом господство халифа рухнуло.

Оказалось, что в Западном Иране всё держится на одном человеке — *везире* ибн ал-Кассабе. В 1196 году он умер. И — началось.

Командиры халифских войск в Персии перессорились, вспыхнули мятежи и разлад.

Этим воспользовался Текеш. Хорезмшах снарядил войско и бросил его в Иран. Его войска разгромили Гёкчу (тот бежал к Абубекру в Азербайджан), взяли Рей, разбили арабов и осадили Хамадан. В авангарде шел бесстрашный Майячук. Он предложил гарнизону сдать город, но защитники объявили, что откроют ворота только Текешу.

18 июля 1196 года Текеш прибыл к Хамадану и потребовал капитуляции.

— Если вы не верите, что я прибыл, то пришлите своих доверенных: пусть они увидят меня и сдадут город. Иначе я возьму его силой и всё переверну вверх дном!

Хамадан капитулировал.

Халиф Насир понял, что попытка захватить Персидский Ирак провалилась, и начал переговоры, отправив к Текешу посла. Его приветливо встретили в Хамадане. Хорезмшах буквально рассыпался в любезностях и выказывал преданность повелителю правоверных.

Перед дворцом по пути следования посла расстелили дорожку из нескольких слоев атласа и парчи, рассыпая золотые монеты. Остается лишь горько улыбнуться, вспомнив, что всю эту роскошь создавали податные персы, а тюркские эмиры разбазаривали сокровища да погружали Иран в хаос кровавых войн. Но чего еще заслуживает терпеливый народ?

Текеш встретил посла сидя на троне, но для приветствия вежливо приподнялся и делал это всякий раз, когда звучал титул халифа.

Посол поинтересовался у хорезмшаха о его здоровье, а затем стал угрожать войной, если только шах будет совершать «бессмысленные» поступки. Если же нет — пусть он управляет землями отцов и дедов. Текеш воспринял это как завуалированное предложение очистить Персидский Ирак и выдвинул встречные требования.

— У меня очень много врагов, но я сильнее их всех! Глава войскового *дивана* (управления) доложил, что у нас 170 000 конни-

цы, но это количество войск не может быть обеспечено на условиях, предлагаемых халифом. Если халиф окажет милость и подарит нам Хузистан, наши потребности будут удовлетворены.

Озадаченный посол халифа отправился в отведенные ему покои, а на следующий день умер.

Текеш направил, в свою очередь, уже собственного посланника в Багдад, потребовав читать *хутбу* с его именем, а сам вернулся в Хорезм. Насир оставил нахальное требование без ответа. Зато отослал письмо Майячуку, в котором называл его «Джеханпехлеваном» (вселенским богатырем) и «Вторым Рустамом». Эмиру предлагалось управлять Персидским Ираком от имени халифа. То есть Насир попытался настроить часть войск Текеша против него же и вызвать междоусобную войну в Персии. Майячук бросился к Хамадану... и обнаружил там указ Текеша о своем назначении правителем всего Персидского Ирака. Зачем же поднимать бунт? Сделка эмира с халифом не состоялась.

Майячук оказался негодным правителем: его солдаты совершала грабежи и бесчинства на иранских просторах. «Они убивали каждую курицу и петуха, который осмеливался кукарекать, отбирали у земледельцев рабочих быков, издевались над людьми, повергая их в горе», — ужасались мусульманские авторы.

Об этих бесчинствах доложили Текешу. Хорезмшах явился в Персидский Ирак, и большая часть войск покинула распоясавшегося эмира. Сам он укрылся в Рее, но горожане отказались его поддерживать. Майячук вышел из города и сдался хорезмшаху. Текеш приказал его повесить вниз головой.

Наконец в 1197 году, после ряда наступлений, отступлений и дипломатических маневров, Текеш передал Персидский Ирак Узбеку — внуку Ильдегеза. Сперва хотел передать Абубекру, но тот вежливо отказался, мотивируя тем, что занят войной с неверными (то есть армянами и грузинами) на северной границе. Как и чем он воевал, мы уже знаем...

Узбек признал себя вассалом хорезмшаха и воцарился в Персидском Ираке.

В Исфохане, Хамадане и Рее стояли хорезмийские гарнизоны. При Узбеке находился хорезмийский «смотрящий» — *мудаббир*. Однако Текеш так и не смог взять под контроль Западный Иран. Его солдаты занимали только столицы областей, а в мелких городах и в сельской местности хозяйничали *мамлюки*.

Узбек не вовремя вспомнил про одного из них — Гёкчу — и отдал ему в управление Хамадан с прилегающей областью.

Выбор кадров оказался не лучше, чем у Текеша. Гёкча взял себе девиз «Аллах и меч». Население он называл «скотом» и чинил немислимые насилия, выколачивая налоги. Воскликнул при том:

— Я не выпущу меча из рук!

...Возможно, Текешу удалось бы со временем закрепиться в новых владениях, но его бурная деятельность напугала Гуридов. Уже в 1198 году они напали на Хорезм с благословения халифа Багдадского.

В том же году семью хорезмшаха постигло горе. Умер его любимый сын Меликшах. Наследником стал следующий по счету сын — Мухаммед. Перед нами тот самый хорезмшах, который произведет несколько эфемерных завоеваний, освободится от власти кара-китаев, а затем погубит значительную часть армии в борьбе с халифом, поссорится с собственной матерью, а потом проиграет войну Чингисхану.

Халиф не унимался. Он и Узбека пытался перетянуть на свою сторону, да потерпел неудачу. Тогда повелитель правоверных и обратился к Гуридам. До сих пор они не решались выступить против Хорезма, но, обретя поддержку халифа, направили Текешу угрожающее письмо. Хорезмшаха предупредили, чтобы не вмешивался в дела Ирака, если не хочет войны.

Текеш набрал армию «неверных тюрок» в Кипчакской степи. Но Гуриды обладали ресурсами Северной Индии. На эти деньги они тоже наняли много профессиональных тюркских вояк. Обе армии вступили в сражения на чужой для них Иранской земле.

Гуриды оказались сильнее. Тогда Текеш вспомнил, что он — данник кара-китаев. И обратился к *гурхану* Георгию за помощью.

Чжулху немедленно отправил против Гуридов войско под началом полководца Таянку. Достаточно было одного имени грозных воинов степей, чтобы Гуриды отступили за Амударью. Кара-китаи бросились их преследовать.

Тут счастье изменило воинам *гурхана*. Горы и долины Афганистана, начинавшиеся за Амударьей, оказались полны опасностей. Кара-китаи угодили в засаду и потерпели страшное поражение. *Гурхану* доложили о гибели 12 000 его воинов в том бою. Легенда гласит, что Чжулху потребовал хорезмшаха заплатить по 10 000 динаров за каждого убитого. Кара-китаи даже мертвые стоили дорого. Хорезмшах совершил странный на первый взгляд поступок: обратился за советом к недавнему врагу — Гуриду. Всё-таки свой человек, мусульманин, в отличие от неверного *кафира* — *гурхана* Георгия, многобожника, поклонявшегося Христу, Богу-Отцу и Богу — Духу Святому.

Гурид сказал, что выплатит деньги сам, но только пускай хорезмшах помирится с халифом. Кроме того, афганцы потребовали, чтобы Текеш перестал платить кара-китайям, но раскошелился на *харадж* для них, Гуридов.

Поражение непобедимых китаев настолько впечатлило Текеша, что он признал над собой власть багдадского халифа Насира и согласился выплачивать дань гурцам. Кара-китайскому повелителю он ответил следующее:

— Вы оказались не в силах справиться с гурцами. Поэтому я сделался их подданным и перестал быть вашим.

В циничном ответе — весь хорезмшах: мелкий, мстительный и продажный. Его завоевания призрачны. Каждую минуту он готов предать любого, если это выгодно. Рисовать Текеша мудрым и предусмотрительным государем, создавшим империю, в корне неверно. Он шел по руинам и создавал руины там, где их не было. Причины возвышения — долгожительство, осторожность, слабость соседей в распавшемся Сельджукском султанате.

Халиф направил Текешу и его наследнику Мухаммеду *маншур* с подтверждением власти Ануштегинидов над Хорезмом, Хораса-

ном и Персидским Ираком. Текеш, со своей стороны, извинился за то, что требовал чтения в Багдаде *хутбы* со своим именем. Халиф сделал вид, что растроган, и вручил послу подарок — цимбалы и знамя.

Пользуясь мирным временем, хорезмшах попытался расширить державу за счет Кермана. В течение полутора лет (1041—1187) здесь существовал небольшой сельджукский султанат, управлявшийся представителями одной из ветвей этой обширной семьи. Его правители не играли большой роли в мусульманском мире и подчинялись то одному, то другому могущественному владетелю из числа удачливой родни. После краха Санджара наступил черед Кермана. Туда прорвались огузы и начали разрушение страны. Их предводитель Д и н а р правил в Серахсе до 1179 года, затем явился в Керман, низложил тамошнюю династию Сельджуков и правил до 1195-го. Его сын Фаррухшах оказался слаб, против него вспыхивали восстания на окраинах.

Повстанцы обратились за помощью к хорезмшаху, и тот прислал войска под началом эмира Омара, чтобы закрепить окраины Кермана за собой. Это вроде бы удалось. Но дальше повторилась привычная история. Омар оказался слабым политиком, начал грабить подданных, чем вызвал восстание против хорезмийцев. Не было кадров ни у Ильдегизидов, ни у Текеша. Были *мамлюки*, оторванные от своей родины, насильно переселенные на чужбину и воспринимавшие эти края как поле для охоты, населенное покорным стадом: его нужно доить. Да еще бороться за право дойки с другими разбойниками-*мамлюками*. Кризис мусульманского мира был налицо, и он обострялся. В других странах ислама царило нечто похожее.

Но мы отвлеклись от проблемы отношений с Кара-Китаем, а это важный момент, который не хотелось бы упустить.

Измена Текеша возмутила *гурхана* до глубины души. Он собрал армию и бросил ее на Хорезм. Кара-китай осадили Гургандж. Шах упорно оборонялся и совершал вылазки. Осада измотала кара-китаев. К Текешу со всех сторон приходили подкрепления «борцов за веру». Они желали сражаться с христианами-степняками.

Наконец кара-китай отступили. Вероятно, соотношение сил было изначально не в их пользу. Они действовали умением, а не числом. Тем более что лучшие воины погибли в Афганистане, а найманы отпали. Текеш, напротив, сумел нагнать много народу.

Кара-китайское войско отступило от стен Гурганджа в Мавераннахр — Заречье.

К тому времени эта область распалась. Населенная таджиками Бухара, ранее подчинявшаяся тюркам из династии Караханидов, отложила от них и приняла прямую власть *гурхана*. Видно, она была легче, чем господство тюрков.

Бухарцы спасли отступавшие от Гурганджа остатки кара-китайской армии и заперли ворота перед тюркскими головорезами Текеша. Дошло до того, что горожане выставили на стену одноглазую собаку в халате и колпаке и кричали осаждавшим тюркам:

— Вот ваш султан!

Напомним, что Текеш был крив на один глаз. Воины хорезмшаха называли бухарцев вероотступниками. Наконец город капитулировал на почетных условиях, после чего хорезмшах отступил. Академик Бартольд считает этот поход вымышленным, так как о нем нет упоминания в официальных хорезмийских документах того времени. Но похоже, дело не в этом. Просто Текешу хвастаться было нечем. Кажется, он получил от бухарцев только продовольствие, которого хватило на обратный путь. Есть подозрение, что шах даже не вошел в Бухару, так как город остался неразграбленным, а издевательство над одноглазой собакой — неотомщенным. Следовательно, кара-китай и их союзники оказались всё еще чересчур сильны для Текеша. Он сделал еще один удивительный поворот во внешней политике: вновь подчинился *гурхану* Чжулху, войска которого вроде бы только что отбросил от своих границ. Это красноречивое признание слабости Хорезма.

После покорения Персидского Ирака возникла еще одна проблема: *гашишисы*. Так называлась радикальная секта террористов, ответвление религиозной партии исмаилитов, проповедовавшей идеи социальной справедливости. Перед нами средневековые коммунисты;

правда, постепенно выродившиеся. Впрочем, идеи *гашишинов* и *исмаилитов* еще долго привлекали народ, вынужденный существовать в условиях произвола тюркских эмиров. Пассионарные персы и арабы шли в эти секты. Особенно грозными были *гашишины*. Их адепты, как говорят, накуривались гашиша и были готовы выполнить любое задание своего шейха. Тот посылал *фидаинов* (борцов за веру) на смерть, чтобы устранить неугодного политического деятеля. Иногда террористов нанимали правители для устранения конкурентов. Этим занимались, как говорят, Ричард Львиное Сердце и даже сам повелитель правоверных — халиф Насир. В Европе слово *гашишин* переименовали в *ассасин*. Так стали звать убийц.

На схематических картах территории Сельджукского султаната и Хорезмской державы выглядят солидно и монолитно. На самом деле это не так. Мы даже не говорим о том, что многие владельцы подчинялись лишь формально. Но *гашишины* создали свои мини-государства в горах Мазандерана и Кухистана. Опираясь на горные крепости, они терроризировали богачей и вербовали сторонников, привлекая награбленными сокровищами и прекрасными женщинами, с которыми можно было совокупиться «в раю» под парами гашиша. После такого «рая» адепты готовы были на всё что угодно.

Текеш счел подобную ситуацию недопустимой и обрушился на террористов. Впрочем, сами убийцы полагали, что шаха настроил *везир* — Масуд Али. Четыре месяца Текеш осаждал сильнейшую крепость Кахира и добился сдачи на условиях, что гарнизон будет выпущен. Затем блокировал главную твердыню *гашишинов* — Аламут, где находился их вождь — таинственный Старец Горы. Правда, этот орешек оказался хорезмшаху не по зубам. После бесплодной осады он отступил. Затем сместил Узбека с поста правителя Персидского Ирака, оставив ему лишь Хамадан. Главным наместником в Ираке шах назначил одного из своих сыновей, Али.

Весной Текеш вернулся в Хорезм (март 1200 года). После этого *гашишины* убили его *везира* — того самого, что настраивал государя против уравнительных идей. Разгневанный хорезмшах отправил против террористов своего наследника Мухаммеда с войском. Тот

четыре месяца осаждал одну из крепостей убийц, но в итоге ничего не добился, взял большой выкуп и отступил.

И вдруг... хорезмшах снова поссорился с халифом. В чем причина, неясно. То ли он узнал о каких-то происках против себя. То ли его подбил на войну хозяин — *гурхан* Чжулху. То ли Гуриды проявили враждебность в связи с тем, что провалились все договоренности: хорезмшах опять был вассалом *гурхана*, и дань Хорезма уходила в Кара-Китай проклятым христианам, а не правоверным последователям ислама.

В общем, Насира и Гуридов Текеш объявил своими врагами, что вызвало кризис. Мусульманское духовенство перешло в оппозицию. Впрочем, хорезмшах отыскал несколько продажных *улемов*, поставил их во главе религиозной общины Хорезма и сумел удержать войско от бунтов. Значительную часть его армии составляли вчерашние язычники, так что особых проблем не было.

Одноглазый шах стал готовить поход против халифа. Но в самом разгаре приготовлений его настигла смерть (3 июля 1200 года). Видимо, тогда-то его сын Мухаммед и снял осаду твердыни *гашишинов*: боялся потерять власть после смерти отца.

Страхи имели под собой основания.

Сразу после известия о кончине Текеша взбунтовался Персидский Ирак. Хорезмийские гарнизоны были вырезаны во всех крупных городах этой страны. Хорезм вновь сократился до скромных пределов региональной державы. После шестидесяти лет борьбы и интриг хорезмшахам пришлось всё начинать заново.

Глава 2 ВЗЛЕТ ХОРЕЗМА

1. НОВЫЙ АЛЕКСАНДР

Текешу наследовал сын — Ала эд-Дин Мухаммед II (1200—1220). Он обладал огромными амбициями и считал себя очень талантливым человеком. Начав с нуля, захватил весь Иран и по

этому случаю приказал именовать себя Искендером Двурогим. Так называли Александра Македонского на Востоке. Ведь Александр, что ни говори, захватил Древний Иран. А еще Мухаммед называл себя Санджаром в честь Великого Сельджука, о котором мы писали в первой главе. Это прозвище имело особый смысл. Оно означало претензию на преемственность.¹ Туркмен Мухаммед претендовал на всё наследие Сельджуков. Поэтому впоследствии сын Мухаммеда — последний хорезмшах Джелаль эд-Дин — называл себя в письмах к соседним правителям «сын Санджара», а не «сын Искендера Двурогого». Последнее имя было причудой, экзотикой. Первое — содержало политическую программу.

Вместе с именем Мухаммед принял и титул султана.

И всё же складывается впечатление, что Мухаммед — довольно посредственный, но весьма темпераментный тюрк,² которому первое время сильно везло. Отчасти ему помогали черты характера и воспитание. Начать с того, что он не спивался, как азербайджанские *атабеки*. И тем самым получил преимущество над соседями.

Значительную часть своих побед «Санджар» одержал благодаря продуманной кадровой политике отца и матери. Они создали более-менее эффективную армию и чиновничий аппарат, выдвинули способных людей из числа родственников. Эти люди и делали политику во времена Мухаммеда.

Как и Текеш, новый хорезмшах любил женщин. Похоже, это наследственная черта мужчин данной династии. Про Джелаль эд-Дина будут писать, что он испытывал сильнейшую страсть к противоположному полу «и не стеснялся всяческих непристойностей», если хотел овладеть женщиной.

Про Мухаммеда ничего подобного не писали, но это не значит, что он более сдержан. Восточные правители закрыты, а средневековые мусульманские авторы — крайне немногословны на этот счет. Вследствие этого мы не можем поникнуть в постельные тайны султанов и шахов.

«Санджар», как и всякий нормальный мусульманский правитель, имел гарем. Его обитательницы, тоже как обычно, стали орудиями

политических интриг. Мухаммеда поначалу никто не готовил к роли султана. Он был вторым сыном Текеша. Это сулило некоторые преимущества. Юноша мог жениться по любви и вести беззаботную жизнь. Он выбрал жену — прекрасную туркменку Ай-Чичек. Однако старший брат Мухаммеда умер, и будущий «Санджар» унаследовал трон. Вскоре после этого мать Мухаммеда — Теркенхатун — настояла, чтобы сын взял в жены ее родственницу из племени канглы. К тому времени Ай-Чичек уже родила наследника — Джелаль эд-Дина. Однако Теркенхатун не любила своего туркменского внука. Когда кангльская жена Мухаммеда нарожала ему сыновей, началась лютая подковерная борьба. Теркен хотела, чтобы один из маленьких внуков-канглов наследовал «Санджару». Это породит серьезные проблемы в стране как раз перед войной с монголами. Государство Мухаммеда охватит кризис.

Впрочем, правление «Санджара» тоже началось с кризиса. Персидский Ирак отпал, а с востока напали гурцы. Долгое время было неясно, кому же достанется Иран и выживут ли хорезмшахи. В итоге победил Мухаммед. Правда, удача улыбнулась всего лишь на краткий миг. Вот как это произошло.

Мы говорили, что Персидский Ирак восстал. Там властвовал Гёкча. Отложился и правитель Мазандерана Арташир, захватив хорезмийские земли вплоть до Астрабада. После этого Мухаммед перевел своего брата Алишаха из Ирака в Хорасан, сделав наместником в Нишапуре.

Был еще один враг.

Гурцы напали сразу после того, как убедились, что западные области Хорезмийской империи отложились от центра. Повод к войне нашелся сам собой. Гуриды объявили незаконным завещание Текеша, по которому тот передавал трон Мухаммеду. Дело в том, что у старшего сына Текеша — любимого Меликшаха — остался взрослый отпрыск. Его-то гурцы и объявили законным наследником. Отпрыска звали Хинду-хан.

Гурские доброжелатели захватили весь Хорасан с городами Мерв и Нишапур, взяв в плен Алишаха (правда, обошлись с ним милостиво). Владения Мухаммеда II сократились до размеров Хорезма. Казалось, всё потеряно. Война продолжалась три года и не принесла хорезмшаху успеха. Он оставался правителем маленькой страны, которая отбивалась от нападений противника. Однако население Хорасана само восстало против гурцев. Оно было недозавоевателями, которые чинили безобразия. Трудно даже представить, что творили воины-афганцы и наемные тюрки, коль скоро народ предпочел господство хорезмшаха, *гулямы* которого тоже не отличались дисциплиной.

Мухаммед отвоевал Хорасан, а в 1204 году сам перешел в наступление. Хорезмийские войска отправились на юго-восток. Они напали на Герат и взяли с города контрибуцию. Сам шах руководил операциями из Мерва. Мухаммед никогда не был великим полководцем, но он считал себя великим организатором побед.

Гурской империей управлял султан **Муызз эд-Дин (1203—1206)**. Он воевал на два фронта — против Хорезма и против индийских княжеств. Желая покорить обе страны, в итоге не покорил ни одной, а его афганцы исчерпали силы в борьбе.

Муызз сражался с «неверными» в долине Ганга, когда узнал об отпадении Хорасана. Тотчас приказал войскам поворачивать против хорезмийцев. Армия переправились через Инд, вошла в Афганистан, после чего резко повернула на север. Муызз был хорошим полководцем и обладал необходимым для этого чувством пространства. Оттого решил не размениваться на кампанию в Хорасане, а сразу пошел на Хорезм. Расчет оказался верен. Мухаммед спешно оставил Хорасан и примчался в Гургандж, причем без войск, которые сильно отстали. Приходилось импровизировать. С имевшимися под рукой отрядами Мухаммед вступил в сражение у арыка Кара-су, но был наголову разбит. Поэтому в очередной раз приказал разрушить плотины, а также обратился за помощью к *гурхану* Чжулху, данником которого всё еще состоял. *Гурхан* обещал помочь. Теперь следовало продержаться до прихода кара-китаев.

Хорезмский оазис был затоплен. Вода держалась сорок дней. Муызз эд-Дин дождался, пока почва высохнет, после чего всё-таки осадил Гургандж. За это время на помощь Мухаммеду еще не пришли войска из Хорасана. Это свидетельство плохой организации армии, а также симптом предательства военачальников. Во время монгольского нашествия произойдет ровно то же самое, но в больших масштабах.

Мухаммед оставил столицу и умчался на юг — собирать армию. В Гургандже осталась его мать — Теркен-хатун. Эта волевая женщина приказала вооружить население. И вот мирные горожане Гурганджа, иранцы, высыпали на стены, делая вид, что собираются дать сражение. Шлемы этих воителей были сделаны из бумаги. Остальное оружие тоже являлось бутафорским. Но эта клоунада спасла город. Муызз эд-Дин поддался на хитрость и не решился штурмовать город, имеющий столь крупный гарнизон. Гурский султан стал готовить осадные машины, дабы взять укрепления по всем правилам. На это ушла неделя. Тут наконец пришли подкрепления из Хорасана. С ними возвратился и Мухаммед. Но самое главное — шах дождался помощи от кара-китаев.

Их вел всё тот же полководец Таянку. Вместе с ним следовали отряды Караханидов из Самарканда. Они приближались к Гурганджу с востока. Мухаммед наступал с запада.

Муызз эд-Дин занял позиции на берегу одного из каналов, протекавших вблизи города. Разведка у гурского султана работала плохо, о приближении Таянку он не знал. Всё было готово для штурма. Муызз отдал приказ начать приступ, но тут появились кара-китаи. Опасаясь оказаться меж двух огней, Гурид начал отступление. На театр военных действий подоспел хорезмшах Мухаммед. Таянку и хорезмшах преследовали врага до самого Хазараспа. Затем Мухаммед вернулся в Гургандж праздновать победу. Вероятно, его попросил уйти Таянку, чтобы забрать себе всю добычу, которая достанется после разгрома гурцев. В том, что этот разгром неизбежен, Таянку не сомневался. Местность была хорошо знакома, а кара-китайская армия не имела проблем

с вооружением и снабжением. У города Андхуда Таянку настиг гурцев и навязал сражение. Оно продолжалось два дня. Муызз эд-Дин впервые столкнулся с монгольскими бойцами. Это столкновение оказалось для него неудачным. Гурцы были разбиты. Сам Гурид скрылся в городе Андхуде. Его осадили кара-китаи. Перед тем как запереться в осаде, Муызз лично зарубил четырех своих слонов, чтобы они не достались неприятелю.

Но это не помогло изменить ситуацию. Положение гурского султана было безнадежно. Его спас Караханид Осман, правитель Самарканда, так как не хотел, чтобы христиане кара-китаи одержали верх над мусульманами. Осман добился мира в обмен на то, чтобы Гурид заплатил выкуп. Он «отдал всё, что имел при себе», — пишет историк Джувейни. За это кара-китаи отпустили его.

Поражение гурцев спасло Хорезм, однако нанесли его кара-китаи. Если бы не они, Хорезм пал бы уже тогда.

В то же время Гурский султанат обладал не большей внутренней прочностью, чем Хорезм. Главной силой Муызза давно стали отряды наемных тюрок. Они подчинялись султану до тех пор, пока он побеждал. Узнав о поражении, нанесенном кара-китаями, тюркские полки взбунтовались. Восстали гарнизоны в Индии и Пенджабе. Султану пришлось раскошелиться, чтобы собрать новых наемников и подавить мятеж. На это ушло два года. Хорезм получил передышку.

2. РАЗРЫВ С ГУРХАНОМ

Муызз эд-Дин думал только об одном: как отомстить кара-китаям за свое унижение. Султан даже вступил в переговоры с хорезмшахом и помирился с ним, чтобы обеспечить тылы.

Это вызвало ярость халифа Насира. Тот предлагал Муыззу оригинальную комбинацию: объединиться с кара-китаями и раздавить Хорезм. Союз был крайне интересен: «повелитель правоверных», мусульманский султан и христианский *гурхан* против мусульманского хорезмшаха. Однако халиф был далеко и не представлял, сколь

сильны кара-китаи. Муъизз эд-Дин понимал это лучше. Поэтому задумал сначала разбить кара-китаев. После этого он бы легко смог покорить Хорезм.

Муъизз приказал навести мост через Амударью и готовил вторжение в Заречье... когда пал от руки убийц (13 марта 1206 года). По одним сведениям, его убили *гашишины*, по другим — индийцы. Одно другому не мешало. Индеец вполне могли завербовать в секту убийц.

Эта смерть сразу изменила расстановку сил на Востоке. Государство Гуридов распалось.

После смерти Муъизза новым султаном стал его племянник **Махмуд (1206—1212)**, но он оказался слаб. Власть Махмуда распространялась только на центральную часть нынешнего Афганистана. Остальную страну поделили тюркские *мамлюки* Муъизза. Самым сильным оказался А й б е к. Он обосновался в Дели и правил Северной Индией. Систан, Пенджаб, Синд и Газна превратились в самостоятельные княжества.

Эта ситуация вывела хорезмшаха Мухаммеда в число лидеров мусульманского мира. Между шахом и *гурханом* был заключен договор о разделе гурских владений.

Первым делом Мухаммед захватил Термез и передал его кара-китаям. Затем форсировал Амударью и напал на город Балх. Тот пал после короткой осады.

Уже в декабре 1206 года шах вступил в Герат. Гурский султан Махмуд не стал искушать судьбу и при первых известиях о приближении Мухаммеда признал себя вассалом Хорезма. С этого времени «новый Искендер» стал понемногу выходить из-под опеки кара-китаев. Мухаммед не знал, что его могущество будет кратким. В том же 1206 году Монгольская степь была объединена Тэмуджином. На берегах Керулена состоялся народный съезд (*хурилтаи*), который нарек Тэмуджина Чингисханом. Кто мог предвидеть, что истерзанный войнами Хорезм скоро столкнется с новым врагом и этот враг будет в сто раз опаснее кара-китаев?

А пока шах округлял свои владения. Он захватил Керман, Мазандеран и Систан, подчинив тамошних правителей. После этого наступление на запад было прекращено.

Мухаммед занялся делами на востоке. Уже в 1207 году произошло важное событие. Шах сменил государственную идеологию: порвал с кара-китаями и предстал в роли защитника мусульман против христианских кочевников.

Западную половину Кара-Китая составляло Заречье — Мавераннахр. Его населяли мусульмане-таджики, а правили тюрки. Первые относились к власти кара-китаев индифферентно. Зато вторые ненавидели их и мечтали освободиться. Самым ярким врагом степных христиан оказался самаркандский султан **Осман (ок. 1203—1212)** из династии Караханидов. Он вступил в тайный сговор с Мухаммедом против *гурхана*. Этот поступок был не просто глуп со стороны Османа. Он имел страшные последствия для всей династии Караханидов. Под властью веротерпимых *гурханов* Самарканд процветал. После прихода хорезмшаха город был варварски разрушен, а сами Караханиды — перебиты. Впрочем, от печального финала их отделяли пять лет, а так далеко в то время никто не заглядывал. Не будем и мы забегать вперед.

Мухаммед прекратил выплату дани кара-китаям. Некоторое время *гурхан* Чжулху не обращал на это внимания. Он был занят внутренними делами. Мусульманская партия в его стране подняла голову, тут и там вспыхивали восстания. Подавив их и кое-как восстановив единство страны, христианин Георгий отправил в Хорезм своего посланника, чтобы получить объяснения от Мухаммеда. Посланца звали Махмуд-бай, и он был мусульманин. Шах в это время находился в походе против кипчаков: вел охоту на людей. Посольство приняла его мать Теркен-хатун. Она щедро одарила Махмуд-бая, выплатила дань и даже извинилась перед *гурханом* за некоторую задержку выплат.

Дипломаты, как обычно, играли роль шпионов. Внимательный Махмуд-бай отметил агрессивные намерения Хорезма и доложил о них своему повелителю. Хорезмшахи опасно усилились.

Неизвестно, какие выводы сделал *гурхан*, потому что возвратившийся с севера Мухаммед опередил его в своих действиях и вторгся в Мавераннахр.

Далее рассказ мусульманских историков, писавших об этих событиях, становится противоречив и запутан. Есть две версии кампании Мухаммеда против *гурхана*. Объединив их, можно прийти к следующим выводам.

Вторжение хорезмийцев в Заречье состоялось примерно в 1208 году. Первой на пути Мухаммеда лежала Бухара. Шах взял город, но почему-то вернулся в Хорезм и еще целый год собирал войска. Одной из причин стало восстание в Хорасане. Там распространился слух, что Мухаммед погиб в Мавераннахре. Пришлось возвратиться, показать себя народу и подавить мятеж. Но причина отступления не только в этом.

Страх перед кара-китаями был так велик, что Мухаммед опасался встретиться с ними в открытом поле. Он пытался захватывать их опорные пункты, но избегал сражений. Такой же страх Мухаммед будет испытывать перед родичами кара-китаев — монголами.

В данном случае осторожность сыграла ему на руку. История кара-китайского государства вступила в заключительную фазу. Оно погибало, раздираемое противоречиями.

Кара-Китай создавался как федерация мусульманских и христианских городов, степных владений, султанатов Заречья... он был лоскутной монархией. Все живущие в нем наслаждались высокой степенью свободы. Но им требовалась не свобода, а жизнь по собственным обычаям. Поведенческие стереотипы у кара-китаев, карлуков, таджиков, уйгуров и самаркандских тюрок были столь различны, что эти народы не любили друг друга и тяготились жизнью в пределах одной страны. Невозможность навязать свои порядки соседям и необходимость платить налоги *гурхану* не нравилась многим. И с каждым годом недовольных становилось всё больше. А ведь под властью *гурханов* жилось, в общем, благополучно. Но должно произойти большое несчастье, чтобы люди поняли, как счастлива была жизнь до него.

В итоге Чжулху уже не располагал средствами для отражения внешней угрозы. Он даже не выслал армию для наказания хорезмшаха, захватившего Бухару. *Гурхан* отложил месть на год. Но за этот год многое изменилось. Дело в том, что в государство кара-китаев проникли родственные найманы. Их ханство разгромил Чингис. Остатки найманов бежали. Изгнанниками командовал Кучлук-хан. Сперва он втерся в доверие к *гурхану* Чжулху и даже взял в жены его дочь. Возможно, Кучлук приходился родичем *гурхану*, потому что был принят как равный. К тому же он был единоверцем Георгия. Некоторые ученые полагают, что настоящее имя Кучлука — Давид. Дело в том, что некоторые европейские путешественники и шпионы писали в XIII веке о каком-то «царе Давиде», с которым боролся Чингисхан. У Чингиса был еще один христианский противник, знаменитый Ван-хан, но европейцы называли его «поп Иван». Выходит, что Давидом мог быть именно Кучлук.

Чжулху требовались солдаты для наведения порядка в стране, а Давид-Кучлук такими солдатами располагал. Но *гурхан* прощтался. Во-первых, приютив «Давида», он автоматически стал врагом Чингисхана. Во-вторых, ошибся в самом Кучлуке. Тот вел свою игру.

Первым делом «Давид» задумал религиозную реформу, которая смогла бы объединить всех подданных Кара-Китая. Найманский царевич отступился от христианства, вступил в какую-то тайную религиозную секту и с помощью ее представителей произвел переворот в государстве кара-китаев.

Сделал он это зря. Искусственно созданные религии обычно не находят поддержки ни у духовенства, ни у народа. Живые примеры — религия Великого Могола Акбара, который хотел соединить индуизм с мусульманством, или культ Верховного Существа, введенный на короткое время масонами во время Великой французской революции.

От пережитых невзгод и перенесенных стрессов Кучлук-хан слегка повредился в рассудке. Во всяком случае, он потерял связь с реальностью и принимал дурные решения.

Однако его найманы представляли сплоченную силу. Кучлук обладал решительностью и организаторскими способностями. Он мечтал повторить карьеру Елюя Даши, а для этого следовало произвести переворот у кара-китаев. За найманским изгнанником пошли многие степняки, в то время как окраины кара-китайской державы по-прежнему бунтовали.

В Мавераннахре поднял открытое восстание Караханид Осман — султан Самарканда. Одновременно произошел мятеж в Бухаре. Его возглавил сын оружейника Санджар.

Гурхан Георгий оказался в сложном положении. Восточные районы его федерации стали переходить на сторону Чингисхана. Западные тянули к Хорезму. А в самой державе Кучлук готовил религиозный переворот.

Гурхан сопротивлялся как мог. В Заречье он послал сильную армию в 30 000 воинов. Воины взяли Самарканд, Осман бежал. Чжунху запретил грабить захваченный город, а зря. Милосердие в тот жестокий век никто не ценил. Оставлять противнику базу для новых мятежей было неразумно.

В этот момент предательский удар в спину нанес Кучлук. Он взбунтовался, завладел казной *гурхана* в Узгенде и отдал часть денег воинам, обеспечив их преданность на какое-то время (1210). Другую часть поместил в городе Баласагуне. *Трѣмак | Тар*

Таким образом, неожиданно для себя Георгий, зажатый меж двумя фронтами, получил еще и третий — внутри страны.

Пришлось отозвать армию из Заречья и бросить ее против найманов. Караханид Осман тотчас вернулся в Самарканд, передал город Мухаммеду и встал под его знамя со своими *гулямами*.

Гурхану пришлось срочно возвращать единственную боеспособную армию в Мавераннахр, чтобы остановить хорезмийцев. Между тем предприимчивый Мухаммед заключил тайный договор с Кучлуком о разделе гурханских владений. По этому договору Мавераннахр отходил к Хорезму, а все остальные земли Кара-Китая получал Кучлук. Казалось бы, найманский «царь Давид» совершил предательство. Однако на самом деле предателем оказался Мухам-

мед. В Кара-Китае к востоку от Сырдарьи было много мусульманских городов — таких как Баласагун, Яркенд, Кашгар, Хотан. Эти небольшие купеческие республики входили в состав кара-китайской федерации, но надеялись на приход Мухаммеда и на освобождение от «неверных». Мухаммед их предал.

Гурхан Георгий всё еще пытался спасти державу. Сперва он решил отогнать хорезмийцев, а потом разобраться с «Давидом-Кучлуком».

В районе Тараза произошла битва между кара-китаями и хорезмшахом.

Кара-китайским войском командовал Таянку. Он вступил в тайные переговоры с эмирами Мухаммеда, побуждая их бросить шаха. Должно быть, кара-китай предлагал большие деньги, ибо ничем другим увлечь соратников Мухаммеда не мог.

Началось сражение. Два эмира перебежали на сторону кара-китаев со своими войсками, и правый фланг хорезмийцев был опрокинут. Но на другом фланге кара-китай отступили, а полководец Таянку попал в плен.

Мухаммед находился как раз на правом, опрокинутом фланге. То есть оказался в гуще бегства. Предусмотрительный хорезмшах имел обыкновение перед боем надевать одежду врагов, чтобы легче спастись в случае неудачи. Эта привычка ему пригодилась. Мухаммед затесался среди кара-китаев, через несколько дней бежал и настиг свое войско, в беспорядке отходившее к Амударье. Здесь хорезмшах узнал, что в плену находится сам Таянку. Без лишних слов шах приказал утопить его в реке.

В Хорез пришли вести о том, что Мухаммед то ли в плену, то ли погиб. Его брат Алишах тотчас провозгласил себя султаном, а когда правда вскрылась, бежал к Гуриду Махмуду.

Тем временем кара-китайская армия разграбила Заречье и вернулась к своему *гурхану*. Однако потеря Таянку была равносильна проигрышу крупного сражения. Заменить его было некем.

Тогда *гурхан* лично возглавил войско, хорезмийцы вновь были отброшены. Оставалось покончить с Кучлуком.

В это время против кара-китаев восстала собственная столица — Баласагун, населенный мусульманами. Горожане попросили хорезмийцев прийти на помощь, но Мухаммед проигнорировал просьбы. Баласагун находился в сфере влияния Кучлук по тайному договору. Шах предал единоверцев ради большой политики.

В восставшем городе находилась казна *гурхана*, поэтому завладеть населенным пунктом было крайне важно. К Баласагуну ринулись и Георгий, и «царь Давид». Под стенами разыгралось сражение. Старый Георгий продемонстрировал полководческие способности: разгромил и отбросил «царя Давида», после чего осадил Баласагун. Осада продолжалась две недели. Город пал. Воины *гурхана* устроили резню побежденных. Баласагун превратился в кладбище. Но самое неприятное, что во время штурма солдатня завладела остатками государственной казны. Победители восприняли ее как законную добычу и отдавать не желали. Но в этом случае терялся весь смысл похода *гурхана* на Баласагун.

Советник Георгия, известный нам Махмуд-бай, подал плохой совет: потребовать у воинов возвращения расхищенных денег. Это вызвало солдатский бунт. В один миг *гурхан* Чжулху остался без армии.

Тогда вновь вышел на сцену Кучлук. Он привлек взбунтовавшихся воинов на свою сторону и завладел особой *гурхана*. Арестованный Чжулху сделал найманского хана, по его требованию, своим наследником. Это немного разрядило ситуацию. Старая армия перешла на сторону «царя Давида». Гражданская война закончилась. С хорезмшахом заключили мир ценой передачи Мавераннахра. Бухара и Самарканд стали вассалами Хорезма. Кроме того, кара-китаи освободили Мухаммеда от выплаты дани. Следовательно, хорезмшах в очередной раз предал интересы своих единоверцев, живших за Сырдарьей. Кара-китайские мусульмане сделали выводы и перенесли симпатии на Чингисхана.

В то же время Кучлук начал террор против исламистов: рубил головы предводителям мусульман, вешал на воротах. Это не прибавило авторитета «царю Давиду».

К югу от Балхаша восстали мусульмане-карлуки во главе с Арслан-ханом. К северу от пустыни Такла-Макан подняли мятеж и отложились христиане-уйгуры. В 1211 году те и другие попросили Чингисхана о покровительстве и вошли в состав Монгольской орды. Военный потенциал кара-китаев уменьшился.

Кучлук остался править среди руин. Денег в разграбленной казне не было, окраины отпали. Если бы государству удалось получить передышку, оно бы выжило. Но передышки не получилось.

Что касается Чжунху, то он не дожид до окончательной гибели своей страны и вскоре умер, окруженный почетом, но лишенный реальной власти (1213). *Гурханом* стал **Кучлук (1213—1218)**.

Вскоре станет ясно, что единственным человеком, который выиграл от распада государства кара-китаев, был монгольский хаган.

3. ГИБЕЛЬ КАРАХАНИДОВ

Сомнительная победа над кара-китаями и взятие Самарканда вскружили голову Мухаммеду. Льстецы сравнивали его с Александром Великим. Сам хорезмшах называл себя, как мы говорили, «новый Санджар». Тот есть подчеркивал претензии на обширное и бесхозное наследие турок-сельджуков. Ни сил, ни талантов для этого у Мухаммеда не было. Он едва-едва успел завоевать независимость от одного монгольского племени — кара-китаев — но уже надвигалась вторая волна монголов. Однако шах долго ее не замечал и всецело погрузился в дела Ирана, создавая очередную глиняную империю, которая должна была рухнуть и похоронить под собой всех потомков Мухаммеда.

В войне с кара-китаями было взято много пленных. Мухаммед включил их в состав своей разноплеменной армии. Некоторые из кара-китаев примут ислам и сделают карьеру. Некоторые погибнут. Наиболее известна судьба Барак-хаджиба, который захватит Керман и предаст сына Мухаммеда — Джелаль эд-Дина во время борьбы с монголами. Об этом мы расскажем в своем месте.

А пока Мухаммед занят тем, что собирает земли. На это ушло восемь лет. Первым делом хорезмийские войска вошли в Гур, взяли в плен султана Махмуда и Алишаха и увези в Хорезм, Мухаммед приказал казнить обоих.

Власть «нового Санджара» скоро наскучила Караханидам. Но еще скорее — иранскому населению Заречья: жителям Бухары, Самарканда, Отрара и других городов, населенных таджиками. Тюркская солдатня вела себя в этих землях достаточно бесцеремонно, чтобы вызвать ненависть населения. Процветало мздоимство, выросли налоги, а свободы у жителей стало гораздо меньше, чем во времена господства федеративного хана кара-китаев. Эпоха Кара-Китайской империи казалась раем.

Глава семьи Караханидов — молодой султан Осман — стал заложником хорезмшаха и уехал в Гургандж. Там шах женил его на своей дочери Хан-Султан. Брак носил чисто политический характер, супруги не любили друг друга. К тому же Осман понял, что является не гостем, а пленником. Мухаммед под разными предлогами удерживал его в Гургандже.

В Заречье начались народные волнения. Осман попросился в Самарканд, чтобы успокоить своих подданных. Мухаммед, поколебавшись немного, отпустил его вместе с женой, которая выполняла роль шпионки при муже.

Осман всячески унижал свою хорезмийскую жену. Он отправил послов к *гурхану* Чжуху (дело происходило в 1211 или 1212 году, когда *гурхан* был еще жив) и сосватал за себя его дочь. Хорезмийская супруга прислуживала ей.

«Георгий» и его временщик Кучлук обещали помочь Осману, но это было уже невозможно. Всего за пару лет Кара-Китай рухнул, превратившись напоследок в слабое подобие себя самого. *Гурхан* и его соправитель могли предоставить только дипломатическую поддержку.

Тогда Осман Самаркандский снесся с врагами Мухаммеда из других городов и стал готовить восстание. На его стороне выступил правитель крепости Отрар — Бильге-хан из рода Караханидов.

Однако об этих приготовлениях вовремя донесли шпионы шаха. Бильге был схвачен и сослан в Несу (неподалеку от современного Ашхабада).

Ему назначили для поселения нездоровую местность в надежде, что Бильге умрет. Но он выжил. Тогда к нему приехал главный палач хорезмшаха. Появления палача вызвало переполох. Начальник города сперва подумал, что каратель едет за ним, и едва не умер от страха. Однако был казнен всего лишь Бильге-хан. Этот случай хорошо иллюстрирует нервную обстановку в государстве Мухаммеда. Каждый чиновник воровал, допускал злоупотребления и знал, что завтра могут прийти за ним. Каждый ждал расправы. А в ожидании пытался вытряхнуть побольше денег из подвластных людей, набрать побольше взяток, наворовать из казны. Этих чиновников ничто не связывало ни с народом, ни с государем. Таков был мусульманский мир перед приходом монголов.

После ареста и ссылки Бильге Осман понял, что пришла пора действовать, иначе наступит гибель. Султан поднял мятеж. В Самарканде произошла резня хорезмийцев. Их трупы разрубали пополам и вывешивали на улицах. Это был единый порыв таджиков против завоевателей. Осман обратился к поддержке народа и собрал ополчение. Похоже, султан не понимал, что от плохо обученного сброда в войне профессионалов толку мало. В Самарканде царил эйфория, хотя радоваться, собственно, было нечему.

Хорезмийская жена Османа спаслась с частью войск и заперлась в цитадели.

Узнав о мятеже, Мухаммед собрал большое войско и вскоре появился под стенами Самарканда. Вскоре город пал. В него ворвались *гулямы* шаха и начали беспорядочную резню. Погибло 10 000 человек, прежде чем пред шахскими очами появился Осман с куском савана в одной руке и мечом — в другой. Самаркандский султан предавал себя в руки «нового Александра». Мухаммед вроде бы хотел его простить, но дочь шаха — юная Хан-Султан — упростила отца казнить Османа. Так гласит легенда. На самом деле Мухаммед и не думал проявлять мягкость, потому что одновременно

с Османом казнил или сослал всех представителей рода Караханидов и назначил в города Заречья своих наместников. Например, в Отраре обосновался один из любимцев и соплеменников его матери — Инальчик Кайыр-хан, вождь турецкого племени *кайы*, который привел из степи на султанскую службу несколько тысяч воинов.

Хорезмшах превратил Самарканд в одну из своих резиденций и ввел там прямое управление. Он вновь вспомнил о себе как о защитнике веры и сумел договориться с мусульманским духовенством города. Опираясь на него, шах навел порядок.

Мухаммед начал строить для себя роскошный дворец в городе, а для духовенства воздвиг новую соборную мечеть. Каждым своим жестом шах показывал, что пришел сюда всерьез и надолго. Но это не значит, что власть его в этих краях обладала прочностью. При первом появлении монголов большинство городов будет им сдаваться из ненависти к хорезмийцам. Только Инальчик да еще несколько военачальников сумеют оказать длительное сопротивление.

4. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИРАНА

Хорезмшах провел в Самарканде пару лет. По мнению В.В. Бартольда, он оставался там до 1214 года. Это произошло из-за обострения отношений с кара-китаями. Кучлук пытался заново собрать разрушенную конфедерацию: напал на отпавшие Кашгар и Хотан, атаковал Бишбалык и теснил семиреченских тюрок, принявших мусульманство. Обращения кара-китайских мусульман к Мухаммеду опять ничего не дали. Хорезмшах отправил в Семиречье несколько мелких отрядов, которые запятали себя грабежом и восстановили против Мухаммеда местное население, в том числе мусульманское. Кучлук вернул Семиречье и напал на Ферганскую долину. Жители Исфиджаба, Шаша (Ташкента), Ферганы и нескольких ближайших к ним городов получили от хорезмшаха приказ переселиться во внутренние области Хорезма, а сами города были разрушены. Кучлук получил руины в безраздельное владение.

Необъяснимый страх хорезмшаха понять, в общем, легко. Найманское войско, составлявшее костяк армии «Давида»-Кучлука, сражалось по тому же принципу, что кара-китаи и монголы. Найманы обладали хорошей выучкой и убивали противника стрелами на расстоянии. От рукопашной удачно уходили. Кроме того, блестяще владели искусством конных облав, обходов, засад.

Тюркские гулямы, плохо дисциплинированные и хуже обученные, так и не смогли перенять эти навыки. Поэтому хорезмшахи стремились избежать столкновений. Исключений немного.

Отведя людей из Ташкента и Ферганы и обозначив новый рубеж по реке Сырдарье, Мухаммед несколько успокоился за свои приобретения в Заречье. После 1214 года шах занялся походами на север против кипчаков, на юг — против Гуридов и на запад — против остатков государства *атабека* Ильдегеза.

В это время Чингисхан воевал в Северном Китае против чжурчженей. В 1215 году монголы взяли Пекин.

Хорезмшах узнал об этом и предался мечтам. Он слышал о богатствах далекого Китая и хотел покорить далекую страну. В самом деле, огромные ресурсы Китая позволили бы содержать крупную наемную армию тюрков. Большие расстояния не пугали шаха. Он постоянно сражался в степях, довольно далеко уходя от Гурганджа. Для похода в Китай следовало подчинить владения *гурхана*, перевалить Алтай и пересечь Монгольскую степь...

С большим трудом придворные доказали шаху, что это самоубийство. При низкой организации хорезмийской армии она бы развалилась еще на марше, как это впоследствии покажет поход Мухаммеда на Багдад. Впрочем, через несколько лет выяснится, что Мухаммед всё еще не оставил эти мысли. Его амбиции погубят Хорезм.

А пока шах занялся покорением Восточного Ирана. В 1215 году Мухаммед атаковал Гур. Государство Гуридов переживало агонию. Его султан Махмуд погиб еще раньше, как мы уже говорили. Сын Махмуда, 14-летний **Баха эд-Дин**, был низложен собственным родичем — двоюродным дедом **Атсызом**. Последний нашел смерть

в борьбе с эмиром Газны — одним из *мамлюков* прежних правителей. К власти пришел двоюродный брат Атсыза — Мухаммед (1214—1215). Он правил меньше года. Политическая чехарда на нем и закончилась. В Афганистан вступили войска хорезмшаха. Сперва они захватили Газну, а затем добились Гуридов. После этого хорезмшах направил один корпус на завоевание Кермана, который формально принадлежал ему уже шесть лет. Страна была захвачена у предводителя шайки огузов Харба. После этого хорезмийцы отправились на восток, взяли Мекран и Белуджистан. На берегу Персидского залива власть хорезмшаха признал правитель Ормуза, где добывали знаменитый жемчуг («гурмыжский» жемчуг русских сказаний). Вассалом Мухаммеда объявил себя даже султан Омана в Аравии. Когда-то это торговое государство было данником Сельджуков, и оманский правитель решил не испытывать судьбу, воюя с преемником этой знаменитой династии.

В Персидском Ираке продолжались усобицы. Пока последние Ильдегезиды спивались, их бывшие *мамлюки* резались между собой. Один из них, Айтогмыш, захватил Исфахан и Рей (1204). Он правил этими городами целых шесть лет — вечность по меркам того времени, когда государства создавались и гибли, как мотыльки-однодневки. В Хамадане владычествовал Ильдегезид Узбек под присмотром Гёкчи.

В 1210 году умер от пьянства его брат — азербайджанский *атабек* Абубекр. Узбек немедленно перебрался в Тебриз и унаследовал вместе с государственной властью главный порок азербайджанских правителей той поры — пьянство. *Мамлюки* пользовались этим. Айтогмыша и Гёкчу убил другой военный раб *атабеков* — Менгли. Он захватил Исфахан, Рей, Хамадан. Формально Менгли подчинялся Узбеку, но фактически был независим. Впрочем, Узбека эта ситуация не устраивала. Он искал повода расправиться с мамлюком Менгли.

Тут в дела Ирана вмешался багдадский халиф.

Насир сколотил коалицию для того, чтобы уничтожить Менгли и разделить его владения. В нее вошли Узбек, сам халиф, а также *гашишисы*. Правоверные мусульмане вылили много грязи на *гаши-*

шинов и не уставали их проклинать. Но когда пришла нужда, сам повелитель правоверных без колебаний заключил с ними союз. Это говорит о неразборчивости и цинизме Насира. Узбек халиф не боялся и рассчитывал поставить его в полную зависимость от своей власти.

В сентябре 1215 года Менгли был разбит, схвачен и обезглавлен. Его владения разделили победители. Главная часть досталась Узбеку, который опять же сделал наместником Персидского Ирака одного из своих *мамлюков* — туркмена Огулмыша. Этот последний уже успел послужить в свое время хорезмшаху Мухаммеду, а затем перешел к Узбеку. Теперь Мухаммед вспомнил о своем прежнем военачальнике и, вероятно, подкупил его. То есть вернулся к идее покорить западную часть Ирана.

Огулмыш тотчас бросил Узбека и перешел к Мухаммеду. *Мамлюк* приказал мусульманскому духовенству читать *хутбу* с именем Мухаммеда во всех мечетях. «Когда положение султана возвысилось и его дело стало славным, мир предстал перед ним в самом блестящем своем одеянии», — пишет историк ан-Насави в пышной восточной манере.

Кстати говоря, имя ан-Насави (или Несеви; его обладатель происходил из города Неса) стоит запомнить. Этот образованный перс сделается чиновником хорезмшаха Мухаммеда, а затем, в 1225 году, примкнет к его сыну Джелаль эд-Дину и оставит воспоминания. Сии мемуары — ценнейший материал по истории государства хорезмшахов той поры.

Багдадский халиф Насир резко выступил против такого поворота событий. Его не устраивало, что Персидский Ирак достался Мухаммеду. Между халифом и «новым Санджаром» состоялся обмен посольствами. Халиф требовал, чтобы шах оставил претензии на Персидский Ирак. Мухаммед стоял на своем. Халиф недвусмысленно намекал, что считает себя обиженным и опасается агрессии со стороны Хорезма. То есть хотел представить себя пострадавшей стороной в глазах мусульманского мира.

Мухаммед, похоже, не понимал размера опасности. Он недооценил халифа и не желал уступать. Тогда Насир отправил к шаху в Са-

марканд своего представителя, почтенного шейха. Тот процитировал *хадис* (высказывание) пророка о том, что не следует причинять зла Аббасидам. Напомним, что халиф Насир принадлежал к династии Аббасидов. Следовательно, в словах шейха содержался прозрачный намек: мол, хорезмшах нарушает предписание самого пророка. Мухаммед не растерялся.

— Хотя я тюрк, малосведущий в арабском языке, — иронически молвил он под одобрительный ропот своих тюркских военачальников, — я понял смысл приведенного тобой *хадиса*. Но я не обижал ни одного из потомков Аббаса.

Шах, стало быть, делал вид, что вообще не понимает, о чем речь.

Персидский Ирак опять уплывал из рук халифа. Ему уже мерещились хорезмийские войска в Багдаде. Увещевания не действовали. Что ж...

Насир договорился с *гашишимами*, и те подослали к правителю Персидского Ирака Огулмышу убийцу. Вассал Мухаммеда погиб. Персидский Ирак был оторван от Хорезма.

Впрочем, не исключено, что перед нами — пропагандистский трюк хорезмшаха, Насир не имеет отношения к убийству, а *гашишимами* действовали на свой страх и риск. Единственное доказательство связи террористов с халифом — письма, обнаруженные впоследствии хорезмийцами. Из писем следует, что халиф вел переговоры с террористами. Однако эти послания могли оказаться подделкой. С другой стороны, Насир действительно вел себя как обычный правитель, стремящийся к власти. Так что письма вполне могли быть подлинными. Так или иначе, Огулмыш погиб, и эта гибель была выгодна халифу Насиру.

Гибелью Огулмыша захотели воспользоваться два правителя. Одним из них был Узбек — *атабек* Тебриза. Другим — *атабек* Фарса по имени Сад. Этот человек признавал над собой формальную власть Узбека, но фактически был независим.

Отношения между тогдашними царьками Западного Ирана отличались крайней запутанностью. Понять, кто чей вассал, за-

частую невозможно. Средневековый мир был плохо организован. Например, в Луре и Фарсе правили свои династии *атабеков*. Они подчинялись то халифу, то Ильдегизидам, то хорезмшаху. Теперь вот атабек Фарса вообще решил поиграть за себя.

Узбек и Сад набросились на Персидский Ирак подобно коршунам. Первый вошел без боя в Исфахан и Хамадан. Второй завладел Казвином и Реем. Однако на Рей давно претендовали хорезмшахи. Город был утрачен в период смут и мятежей иранских *мамлюков*, но Мухаммед по-прежнему считал его своим. Покойного Огулмыша владыка Хорезма тоже причислял к своим подданным, хоть это и была пустая формальность. В общем, шах получил желанный повод захватить Персидский Ирак. «Им овладела решимость, которая выровняла для него бугристый путь и сделала близкой далекую цель», — пишет ан-Насави.

Тот же автор говорит, что хорезмшах бросил на Персидский Ирак стотысячную армию и сам выступил во главе (1217). Приведенная численность армии Мухаммеда внушает серьезное недоверие. Восточные авторы часто преувеличивают численность войск раз в десять.

Персидское население Западного Ирана устало и охвачено равнодушием. *Атабеки* Сад и Узбек без боя входят в иранские города. У обоих почти нет войск, но никто и не сопротивляется. Повсюду царит апатия. Тогда зачем Мухаммеду крупная армия в этом походе? На самом деле в ней было тысяч десять — двенадцать кавалеристов. Этого оказалось достаточно для того, чтобы совершить победоносный поход на запад. Когда скорость войск потребовалось увеличить, Мухаммед отобрал тысячу двести лучших джигитов и бросился с ними к стенам Рея. Там находился *атабек* Сад. Воины Сада приняли джигитов за передовой отряд армии Узбека и воображали, что азербайджанцы хотят отнять Рей. То, что это возможно, ни у кого не вызывало сомнений: в дружбу никто не верил. Воины Сада вышли из-за стен и начали битву. Отборные джигиты шаха храбро дрались с врагом, но перевес был на стороне неприятеля. Тогда Мухаммед приказал развернуть роскошный шелковый шатер, который вез за

собой в свернутом виде. Увидев его, воины Сада поняли, что перед ними — авангард армии хорезмшаха. Для храброго врага это был бы подарок судьбы: можно попытаться захватить Мухаммеда и кончить войну. Но не для разложившихся головорезов Сада. Они опознали шатер и ударились в бегство.

Сам *атабек* Сад поспешил навстречу Мухаммеду, чтобы поцеловать перед ним землю и сдаться. Один из *гулямов* шаха скрутил *атабека* и бросил на землю. Мухаммед приказал заковать Сада и возить за ним до тех пор, пока в голову не придет какое-то решение относительно судьбы пленника.

Узбек находился в Исфахане. Там он узнал о судьбе Сада. Азербайджанский *атабек* растерялся и не понимал, что делать. «И им овладели беспокойство и печаль», — пишет ан-Насави. О сопротивлении *атабек* даже не думал, словно у него не было войск. Видимо, их и вправду не было. Оставалось одно: бежать.

Узбек вообразил, что хорезмшах двинется из Рея прямо на Исфахан. Следовательно, от него можно спастись в Хамадане, а оттуда уйти в Азербайджан. *Атабек* поскакал сломя голову, взяв с собой казну, свиту и те отряды, которые были с ним в Исфахане.

В одном переходе от Хамадана Узбека ждал сюрприз. Верные люди сообщили:

— Хорезмшах в Хамадане ожидает тебя, повсюду его *джасусы* (шпионы), которые следят за тобой.

Оказалось, что Мухаммед перехитрил его, обогнал и отрезал дорогу в Азербайджан.

Пьяница и лентяй, Узбек не в силах был найти выход. Он «опустил руки и растерялся из-за того, что его план провалился и обнаружились последствия, противоположные тем, к которым стремились стрелы его предположений». Впрочем, *атабек* еще не до конца утратил нюх. *Везир* Узбека — Дандан — советовал ему запереться в одной из крепостей, лежащих поблизости. Узбек выбрал другой путь. Он отправил самого *везира* с обозом и войском в обход Хамадана, надеясь, что хорезмшах клюнет на эту приманку. А сам

с несколькими десятками телохранителей попытался прорваться в Азербайджан глухими тропами.

Авантюра Узбека полностью удалась. Мухаммед захватил его обоз, но сам *атабек* ушел в Азербайджан, «следуя трудными путями, через непроходимые горы, не давая просочиться ни одной вести о себе и заматывая следы».

Мухаммед сообразил, что обманут, но удовлетворился тем, что потребовал от Узбека формального признания зависимости. Азербайджанский *атабек* сдал шаху крепость Фарразин и приказал чеканить монеты с именем Мухаммеда, а также включить его имя в *хутбу*. Могущество Мухаммеда достигло зенита. До вторжения монголов оставалась всего пара лет...

Отношения Мухаммеда с Узбеком складывались после вышеописанного столкновения довольно мирно. Первое время шах даже не заставил *атабека* платить дань, тем более что захватил часть его казны. С другим *атабеком* — Садом — «новый Искендер» тоже обошелся мягко: отпустил, но заставил признать свое верховенство.

Если бы Азербайджан стал обычной провинцией под прямым управлением шаха, Мухаммед получил бы новые ненужные проблемы. Дальше к северу лежала Грузия, которой правили наследники знаменитой царицы Тамары. Это государство было сильнее Азербайджана. Грузины постоянно нападали на мусульманские владения. Узбек уже просил хорезмшаха о помощи против «неверных».

Мухаммед согласился было. Однако защитник ислама опять уступил место в его душе реальному политику. Конфликт с халифом Насиром обострился до крайней степени. Мухаммед предпочел войну с правоверным Насиром сомнительной аванюре против православных грузин.

Так или иначе, Мухаммед впервые со времени Сельджуков объединил весь Иран. Внешне его государство, собранное всего за пять лет, выглядело обширным и грозным. На самом деле это был колосс на глиняных ногах. Что и показала следующая война Мухаммеда — с халифом Насиром.

5. ПОХОД НА ХАЛИФА

Когда-то халифат Аббасидов был огромной империей, простиравшейся от Инда до Марокко. Эти времена давно миновали. Империя распалась. Одно время халифы вообще утратили светскую власть, сохранив лишь духовную. Затем повелителям правоверных удалось основать свое светское государство в Ираке и Хузистане. Но правители этой маленькой страны имели огромные амбиции. Тем более что Багдад являлся центром мусульманского мира. Таким же «Багдадом» для католиков был, скажем, Рим.

Захватить «мусульманский Рим» представлялось Мухаммеду крайне заманчивым.

Складывается впечатление, что у хорезмшаха началось головокружение от успехов. Он мечтал подчинить халифа, затем пойти на Малую Азию, Дамаск и Египет... Для человека, еще вчера платившего дань кара-китаям, эти амбиции граничили с сумасшествием.

Халиф Насир запаниковал. До него доходили слухи, что хорезмшах нашел подставного «главу правоверных». Им стал некто из рода Али — зятя пророка Мухаммада. Его якобы провозгласили новым главой мусульман в Самарканде. Алиды уже давно соперничали за власть с Аббасидами. К потомкам Али относились с симпатией многие персы. Они даже организовали политическую партию — «шиит Али». Или попросту — шиитов. Современные иранцы до сих пор принадлежат к этой «партии», которая давно превратилась в одно из религиозных ответвлений ислама. Следовательно, хорезмшах Мухаммед мог рассчитывать на поддержку иранцев, демонстрируя свои симпатии к потомкам Али.

Насир отправил посла к шаху, чтобы попытаться урезонить его и помириться. Но было поздно. Шах не оказал послу никаких почестей. Арабский дипломат оставил воспоминания об этом приеме.

Мухаммед, по его словам, был еще молод и выглядел полным сил человеком. Его лицо обрамляла борода. Шах находился в роскошном шатре, но сам сидел на простом троне в дешевой одежде. На голове — меховая шапка стоимостью один дирхем (20 центов

серебром), а на плечах — бухарский кафтан достоинством в два дирхема.

(Дирхем — это греческая драхма — своих денег у мусульман долгое время не было, и они пользовались греческой монетой. В XIII веке ее стоимость упала.)

...Итак, перед нами тюрк — агрессивный и самоуверенный. Он обладает живым умом и не лезет за словом в карман. Но постепенно утрачивает чувство реальности. Он понимает, что поймал удачу за хвост, за два года покорил весь Иран и теперь не хочет упустить шанс на захват всего остального. Однако не видит, что государство его внутренне слабо, советники бездарны, а удача — переменчива.

Посол халифа приветствовал шаха, но Мухаммед даже не предложил ему сесть. Дипломат смиренно остался стоять и прочел Мухаммеду нотацию, что не стоит обижать халифа — самого праведного, благочестивого и набожного человека. Мухаммед бросил в ответ:

— Толмач! Переведи ему, что человек, которого он описывал, находится вовсе не в Багдаде. Вот когда я приду в Багдад, такой халиф там и будет!

Это было открытое объявление войны насмерть. Мухаммед грозился привести в Багдад «праведного халифа» из рода Али и свергнуть Аббасидов.

Вооруженных сил для противостояния энергичному тюрку у Насира не было. Подослать к Мухаммеду убийц не удалось. Оставалось уповать на судьбу. Как ни странно, она улыбнулась халифу.

По свидетельствам восточных историков, Мухаммед собрал для вторжения в Ирак громадную армию. Встречаем фантастические цифры в 400 000 и даже 600 000 солдат. Из них только кара-китаев было 70 000. Последняя ремарка насчет кара-китаев выдает авторов расчетов с головой. Христианские *гурханы* никогда не имели многочисленной армии. Ясно, что какое-то количество кара-китаев бежало в Хорезм после начала гражданской войны в ханстве. Некоторые осели в Хорезме еще раньше. Но они никогда не исчисля-

лись десятками тысяч. Вероятнее всего, мы имеем дело опять же с десятикратным преувеличением. Это значит — армия Мухаммеда насчитывала 40 000—60 000 аскеров, что похоже на правду. Такое войско казалось огромным. В свое время султан Санджар мог собрать под свои знамена от 10 до 30 тысяч солдат. Но рост количества не означал роста качества.

Штабисты и снабженцы работали у Мухаммеда отвратительно. Дела были пущены на самотек.

Вместо того чтобы тщательно разведать дороги, решить проблему питания и запастись зимней одеждой, шах увлеченно делил Ирак на грубо составленной карте. Он назначал наместников, подписывал указы, определял границы будущих владений для того или иного из своих эмиров. Это подогревало аппетиты начальников отрядов. Но о снабжении войска не заботился никто из этих самоуверенных и недалеких людей.

Поход начался осенью 1217 года, чтобы избежать летней жары, губительной для северных тюрок, составлявших значительную часть войска шаха. Мухаммед вообще не любил воевать летом.

Вперед шах выслал два небольших мобильных отряда, которые перевалили хребты Загроса и захватили пару городов в Ираке. Эти авангардные части удачно проскочили перевалы. За ними двинулся сам хорезмшах с главными силами. На этом везение кончилось.

Прохлада оказалась несколько более сильной, чем ожидали. На одном из перевалов повалил густой снег. Он шел три дня. Перевалы стали непроходимы. После того как снег кончился, ударил мороз. Пали верблюды, которые несли поклажу. Стали замерзать люди. Многие лишились конечностей, носов и ушей, которые отваливались на морозе. Заснеженная земля почернела от трупов людей и лошадей. Потери были громадны, как в крупном сражении. Битва природе оказалась проиграна, а халиф не понес потерь. О продолжении похода нечего было и думать. Мухаммед приказал идти назад. По дороге на него стали нападать горцы из иранского кочевого племени курдов. Они резали отставших и грабили обозы. Поход закончился катастрофой.

Мухаммед пал духом. Погибли *аскеры*, которых он собирал и обучал не один год. Душевная травма, понесенная Мухаммедом, была очень серьезна. Хорезмшах каялся и укорял себя за то, что «утратил стыд и попрал законы справедливости», — пишет ан-Насави. «Новый Искендер» сожалел, что не продумал поход. Но это не означало окончания войны с халифом. Хорезмшах знал, что Насир не имеет войск и не может вторгнуться в Персидский Ирак. Следовательно, необходимо создать новую армию и покончить с халифом. Итак, после короткого раскаяния мы вновь видим амбициозного энергичного турка. Поражение ничему не научило хорезмшаха.

В феврале 1218 года Мухаммед явился в Нишапур и запретил упоминать имя Насира в пятничной молитве, заявив, что повелитель правоверных мертв. Такие же запреты последовали для мечетей всех крупных городов Восточного Ирана. В западной части страны такой трюк не прошел бы. Однако духовенство Заречья и самого Хорезма тоже ушло в оппозицию. Оно решительно выступило против указания шаха. Эти области традиционно ориентировались на Аббасидов, и уже не один век. Авторитет халифов был очень высок. Государство Мухаммеда постиг духовный раскол. Его усугубил еще один факт. Шах конфликтовал со своей матерью, которая опиралась на военных предводителей из племени канглы. Эти эмиры не хотели делиться властью с соперниками из туркмен и кипчаков, которых тоже было много в войске Мухаммеда. В итоге мать хорезмшаха — Теркен-хатун — фактически захватила коренные земли Хорезма и самовластно правила в Гургандже.

Сам Мухаммед последние годы жизни провел в походах или в Самарканде, который сделал своей резиденцией потому, что оставаться в Гургандже не мог, опасаясь покушения на свою жизнь. Словом, турки грызлись между собой, и армия оказалась расколота минимум на три части. В верности окраинных эмиров Гура, Газны, Исфохана имелись большие сомнения. Мухаммед взял в заложники сыновей вассальных правителей окраинных княжеств и отправил их в Гургандж. Это давало гарантию лояльности пограничных правителей. Впоследствии их перебили по приказу госпожи Теркен.

В любой момент могла начаться междоусобная война. Она уже назрела. Весной 1218 года обстановка обострилась до такой степени, что шах вынужден был назначить своим преемником одного из младших сыновей от жены из племени канглы — Озлагшаха. Старший сын Джелаль эд-Дин был отстранен от престола. Эту интригу сплела Теркен-хатун, которая стала опекушкой наследника и сформировала собственный двор в Гургандже.

Персидский Ирак шах отдал своему сыну Рукн эд-Дину Гурсанчи, а южные окраины с Керманом — Гияс эд-Дину Пиршаху. Старшему сыну Джелаль эд-Дину Мухаммед не доверял и держал его при себе, хотя и выделил во владение Газну. Словом, всё держалось на волоске и вот-вот должно было рухнуть. «Наемное войско составляло единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами», — метко характеризует эту систему академик В.В. Бартольд.

Шах находился в состоянии постоянной тревоги. Ему всюду виделись агенты халифа, *гашишины*, недовольные карьеристы, мечтающие о власти... Его империя нуждалась не в новых завоевательных походах, но во внутреннем примирении. А Мухаммед, даже не успев «переварить» новые территории, мечтал о захватах. С другой стороны, захват Багдада, казалось, решил бы все вопросы. Уничтожив халифа, шах выбил бы почву из-под ног у собственной оппозиции. Оттого Мухаммед и торопился создать новую армию. Но тут до него дошли две удивительные новости. Во-первых, ему донесли, что государство кара-китаев пало под ударами монголов, а последний *гурхан* Кучлук убит (1218). Во-вторых, повелитель монголов Чингисхан прислал посольство в Хорезм, чтобы установить дипломатические отношения после того, как границы двух держав сомкнулись. Мухаммеду сразу стало не до халифа. Он занялся решением новых проблем.

Уже через год в его страну вторгнутся монголы. А через два года хорезмшаха настигнет смерть.

6. МОНГОЛЬСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Впервые шах заинтересовался монголами еще в 1215 году, после новости о взятии Пекина Чингисом. Хорезмийские дипломаты весной отправились ко двору монгольского хагана и в июне достигли цели своего путешествия. Они были потрясены зрелищем руин великого города Чжунду (так назывался Пекин в то время). Восточные авторы писали в своей манере преувеличивать факты, что городская почва стала рыхлой от человеческого жира, всюду валялись горы костей, и передавали легенду, что перед последним штурмом со стен Чжунду бросились 60 000 девушек, чтобы не попасть в руки монголов. Но все эти страсти — удел средневековых романистов, приукрасивших визит послов. Мусульманские авторы рассчитывали на восточную аудиторию, а она жаждала ужасов и преувеличений. Таков был способ восприятия действительности тогдашними мусульманами. Они жили в условном мире, полном гипербол и несуразиц. Реальность была другой. Чингисхан принял послов вежливо, после чего выразил желание жить в мире с Хорезмом.

— Передай хорезмшаху, — обратился к главе посольства великий монгол, — что я владыка Востока, а он — владыка Запада. Пусть между нами будет твердый мир, а купцы ведут торговлю между нашими странами.

Затем хаган передал дорогие подарки для хорезмшаха, включая самородок огромных размеров, который везли в отдельной повозке. С этого эпизода началась торговля между двумя странами. С запада на восток и обратно зашагали караваны. Государство кара-китаев не было помехой для бизнеса. Торговлю в нем осуществляли уйгурские и мусульманские купцы (китайцы называли уйгуров *хуйху*, а мусульман — *хуйхуй*). Населенные ими области перешли под покровительство монголов. Кара-китаев оттеснили от караванных дорог еще до того, как их ханство погибло. Чингисхан взял на себя обязанность обеспечить надежную торговлю. Поэтому средневековые негодянты, осуществлявшие международные операции,

души не чаяли в монгольском хагане. Для них он был не дикарь и не разрушитель, но мудрый государственный человек. Великий хаган умело пользовался этим. Он приспособил купцов в качестве шпионов и дипломатов.

Разумеется, Чингисхан не был оригинален. Аналогичные функции дипломаты и купцы играли во всём мире начиная с древнего Шумера — с тех пор, как появилось государство. Католическая Европа усовершенствовала шпионские технологии, используя в качестве одной из них Слово Божье. Практически все «путешественники» и «миссионеры», которых римские папы посылали в дальние страны, были шпионами Ватикана. В том числе и те, кого отправляли к монголам: и знаменитый монах Юлиан, и Рубрук, и Плато Карпини... Это лишь известные люди, а скольких мы не знаем? Хорезмские послы тоже не были только послами. Они собирали сведения о монголах, искали пути в Китай, поскольку хорезмшах планировал вторгнуться в эту страну. Чингисхан прекрасно знал, в каком мире он живет, и адекватно реагировал на вызов эпохи. Это не значит, что он собирался воевать со всеми народами мира. Но его разведка работала очень активно, собирая сведения об окрестных народах. Чингисхан был в курсе многих событий, которые происходили на Евразийском континенте от Желтого моря до Балтики. Этой осведомленности и умению работать с информацией могут позавидовать многие современные спецслужбы.

Один из мусульманских купцов, торговавших с Монголией, звался Махмуд Хорезми. Этот хитрый иранец обладал большим умом и наблюдательностью. Данные качества не только позволили ему сколотить капитал, но и помогли сделать карьеру.

В Монголии хорезмийский купец имел встречу с Чингисханом. Хаган перевербовал его на свою сторону. Для иранца не имело большого значения, кому служить: тюрку или монголу. Многие мусульманские купцы привыкли иметь дело с христианами из каракитаев. Поэтому сотрудничество с Чингисом, религией которого, по мнению Льва Гумилева, был митраизм, не вызывало отторжения у прагматичных людей. Они ставили выгоду выше религии.

Махмуд Хорезми согласился стать послом Чингисхана к Мухаммеду и передать шаху письмо от хагана.

Весной 1218 года Мухаммед как раз возвратился из неудачного похода на халифа и прибыл в Самарканд. Тут к нему и явились послы-монголы...

Шах был немало удивлен, увидев во главе монгольского посольства своего подданного — хорезмийца. Купец Махмуд передал богатые дары и послание Чингисхана. Монгольский владыка читать и писать не умел, но ясно излагал свои мысли секретарям.

«От меня не скрыто, — говорилось в послании хагана, — как велико твое дело, мне известно и то, чего ты достиг в своей власти. Я узнал, что твое владение обширно и твоя власть распространилась на большинство стран земли, и поддержание мира с тобой я считаю одной из своих обязанностей. Ты для меня подобен самому дорогому моему сыну (выделено нами. — С. Ч.). Не скрыто и для тебя, что я завладел Китаем и соседними с ним странами тюрок и их племена уже покорились мне. И ты лучше всех людей знаешь, что моя страна — скопища войск и рудники серебра и в ней столько [богатств], что излишне искать какую-либо другую. И если сочтешь возможным открыть купцам обеих сторон путь для посещения, то это [было бы] на благо всем и для общей пользы».

Хорезмшах Мухаммед был тюрк, воспитанный в обстановке персидских интриг. В искренность Чингисхана он не верил. Шах судил по себе. Как часто он направлял соседним султанам письма, полные комплиментов и сладких речей, перед тем как вторгнуться в их владения. К тому же его оскорбило обращение «сын». Это предполагало какую-то форму вассалитета. Может быть, Чингисхан, как правопреемник *гурхана* кара-китаев, желает вновь поставить Хорезм в положение данника? Но в письме об этом не говорилось. Хаган не требовал ничего. Напротив, он предлагал разделить мир. Пускай Мухаммед владеет Западом, а он, Чингисхан, будет править Востоком. «Запад» в понимании монголов включал Иран. Чингисхан предлагал развивать торговые отношения.

Мухаммед терялся в догадках. Он столкнулся с незнакомой силой. Как действовать дальше? «Выслушав содержание послания, султан велел привести Махмуда Хорезми ночью одного, без других послов», — пишет ан-Насави.

Шах стал давить на патриотические чувства купца.

— Ты — хорезмиец, и не может быть, чтобы ты не питал к нам дружеского расположения и склонности.

Это было смешно. Какие чувства иранец мог питать к потомку сельджукского банщика? Такие выскочки появлялись и исчезали в мусульманском мире уже не первый год. Сами себя эти правители считали великанами, но для умных подданных были всего лишь чиновниками, которые приходят и уходят.

Махмуд побывал в Монголии. Он мог сравнить порядок, установленный Чингисханом, с полным бардаком при дворе хорезмшаха. Однако купец был не менее хитер, чем шах. Он сделал вид, что проникнут патриотизмом и верностью по отношению к потомку банщика.

Шах поковырялся в браслете, который был у него на запястье, отломил драгоценный камень и вручил Махмуду:

— Будешь согладатаем при Чингисхане.

«По доброй воле или из страха он дал согласие на то, чего от него требовали», — говорит ан-Насави про Махмуда. Затем шах спросил:

— Правду ли сказал мне Чингисхан, заявляя, что он завладел Китаем и захватил город Тамгач (Пекин)? Или лжет?

Махмуд Хорезми ответил:

— Да, он сказал правду. Такое великое дело не может остаться тайной, и скоро султан сам убедится в этом.

— Ты же знаешь, — продолжал хорезмшах, — каковы мои владения и их обширность, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же этот проклятый, чтобы обращаться ко мне как к сыну? Какова же численность имеющихся у него войск?

Купец Махмуд сообразил, что его царственный собеседник приходит в ярость от обиды. Шаха легко понять. Вообразите гнев

современного чиновника, которого равный по званию назвал бы «сынок». Купец-посол сразу же уловил это состояние. «Увидев признаки гнева [султана] и то, что любезная речь превращается в спор, Махмуд Хорезми отступил от искренности и стремился снискать милость султана, чтобы спастись из клыков смерти», — сообщает ан-Насави.

Махмуд преуменьшил численность армии Чингисхана:

— Его войско в сравнении с твоим несметным войском не что иное, как всадник перед конницей или дымок в сравнении с ночным мраком.

Самолюбивый тюрк тотчас успокоился. Он согласился на мир с монголами и на торговый обмен, а сам принялся готовить армию против халифа. Махмуд Хорезми вскоре вернулся в Монголию. Чингисхан возвысил его. Монголы прозвали Махмуда *ялавач* (по-тюркски — «посол»). Под этим именем Махмуд и вошел в историю.

Халиф Насир тоже не терял времени и вступил в переговоры с Чингисханом о союзе против Хорезма. Эмиссары повелителя правоверных достигли Монголии еще в 1217 году, перед походом Мухаммеда на Багдад. Насир упрашивал Чингисхана напасть на хорезмшаха. Эти просьбы симптоматичны. Они показывают, что мир ислама прогнил насквозь, а его правители настолько беспринципны, что готовы сотрудничать с кем угодно, даже с неверными гяурами, чтобы сокрушить своих противников. Хаган проигнорировал просьбы халифа. Но мир между Монголией и Хорезмом продержался всего лишь год.

7. РАЗГРАБЛЕННЫЙ КАРАВАН

Поводом к войне стала знаменитая история с ограбленным монгольским караваном, которая резко изменила отношения между Чингисханом и хорезмшахом. Все авторитетные историки прошлого и даже сами хорезмийцы были убеждены, что именно из-за нее последовало вторжение монголов в страны ислама.

Эту точку зрения поддержал Лев Гумилев, причем он не открыл здесь ничего нового. Однако ученому не повезло. К тому времени, когда он писал свои книги, в советской исторической науке утвердилось мнение, что Чингисхан — патологический агрессор и «покоритель мира», который давно обдумывал вторжение в страну хорезмшахов. Напрасно Гумилев пытался доказать, что не оправдывает монголов: отрицание «агрессивной предопределенности» в поступках Чингисхана оказалось достаточным основанием для критики утверждений историка.

Что же произошло с караваном и как это повлияло на решение Чингисхана воевать?

Несколько месяцев караваны свободно ходили в обе стороны. В это время государство Мухаммеда находилось в состоянии, близком к распаду. Сам хорезмшах не двигался на халифа и вообще не мог собрать новую армию. Окраины подчинялись ему лишь формально, а тайное противоречие между ним и Теркен-хатун достигло предела. Две части военной элиты — туркмены и канглы — стояли в боевой стойке, готовые начать борьбу друг с другом.

Итак, в 1219 году в пограничный хорезмский город Отрар прибыл караван из Монголии. Полезно будет вспомнить имена купцов-монголов, которые вели караван. Этих купцов звали Омар-ходжа из Отрара, Джемаль из Мараги, Фахр эд-Дин из Бухары... Короче, всё это мусульмане, перебежавшие к Чингисхану: такие же, как Махмуд-ялавач. Общественное мнение не осуждало их. Удивительно, что их не осуждал и сам хорезмшах. Мы видели, что он спокойно отнесся к тому, что Махмуд-ялавач служит Чингису. Объяснение может быть только одно. Правительства в Иране менялись так часто, что самих иранцев и в особенности купцов никто не осуждал за переход на службу к тому господину, который им по вкусу. Либерализм или равнодушные в этом вопросе были так велики, что не осуждалась даже служба неверным — христианским *гурханам* или хагану-митраисту.

Купцы вошли в Отрар. Затем караван исчез.

А потом хорезмшах получил изящное письмо от правителя города Инальчика Кайыр-хана. В письме хан сообщал, что велел

казнить монгольских купцов, поскольку те выполняли шпионские функции. Конфискованные товары из каравана присвоил себе.

Сообщение о шпионстве звучит смешно. Как говорилось выше, купцы и дипломаты всегда выполняли секретные поручения. Инальчик нарушил международные правила игры.

Академик В.В. Бартольд утверждает, к слову, что участники злополучного каравана стали жертвами «жадности наместника и подозрительности султана». В том, что купцы были шпионами, Бартольд сомневается. Однако в данном случае он не прав.

Был вырезан практически весь караван — 450 человек. Погибли четыре купца, стоявшие во главе коммерческого предприятия: Омар из Отрара, Джемаль из Мараги, Фахр эд-Дин из Бухары, Амин эд-Дин из Херева.

Вскоре о подлом убийстве узнал монгольский хаган. Повелитель монголов считал, что с его купцами расправились просто из жадности, чтобы завладеть богатствами каравана.

Новость всколыхнула всю Среднюю и Центральную Азию. Правители и политики средней руки замерли в ожидании: как отреагируют на инцидент с гибелью послов два самых сильных владыки Востока — тюркский хорезмшах и монгольский хаган?

Чингисхан потребовал выдачи убийц и возмещения ущерба. Несомненно, если бы в числе убитых оказались коренные монголы, немедленно началась бы война. Жизнь мусульманских подданных ценилась ниже. Но оставить дело безнаказанным Чингисхан не мог. Пострадал бы его престиж.

Главным убийцей являлся Кайыр-хан. Хорезмшах Мухаммед пребывал в растерянности. Как выдать на расправу монголам этого человека? С одной стороны, дело с истреблением купцов действительно носило вопиющий характер. Все мусульманские негоцианты, занимавшиеся международной торговлей, могли отвернуться от Мухаммеда. С другой стороны, за Инальчиком стояли родичи из числа канглов. Это были не какие-нибудь безоружные иранцы. Речь шла о воинах, составлявших значительную часть армии хорезмшаха. Если выдать на расправу удалого Инальчика,

который всего-то решил поживиться товарами каких-то купчишек, войско может взбунтоваться.

За Инальчика вступилась Теркен-хатун. Этого оказалось достаточно. Хорезмшах отдал предпочтение воинам перед купцами и отказался выдать Кайыр-хана.

Хаган направил в Хорезм новое посольство, чтобы урегулировать ситуацию. Миссию возглавил ибн Кефредж Богра, мусульманин. Его отец служил хорезмшаху Текешу. Главного посла сопровождали двое монголов.

Мухаммед казнил послов. Лишь одного человека оставил в живых, чтобы тот донес весть о гибели остальных. Выходит, хорезмшах уже лично нанес намеренное оскорбление Чингисхану. Стерпеть это было нельзя. Никто не мог предположить тогда, что своим опрометчивым поступком Мухаммед подписал смертный приговор себе и своим сыновьям...

Узнав о гибели послов, Чингисхан поднялся на священную гору Бурхан-Халдун, молился три дня верховному богу монголов Хормусте, а затем отдал приказ готовиться к вторжению в Хорезм.

Часть вторая

НАШЕСТВИЕ МОНГОЛОВ

Глава 1

ГРОЗА С ВОСТОКА

1. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Военная разведка хорезмшаха Мухаммеда докладывала: монголы всерьез готовятся к войне. Что же делать? Нанести встречный удар? Это означало, что с монголами придется столкнуться на территории Кара-Китайского ханства. Но там никто не был рад Мухаммеду. Хорезмшах отменил план встречного вторжения.

Стали наводить справки о монголах. Сведения об орде Чингисхана были у Мухаммеда самые причудливые. Монголы — «обитатели пустынь, а зимовьем им служила местность под названием Аргун (река Аргунь? — С. Ч.). Они известны среди тюркских племен своим злом и коварством». Это слова ан-Насави, будущего секретаря хорезмшаха Джелаль эд-Дина. Нечто похожее говорили и при дворе Мухаммеда. Хорезмийцы знали, что еще недавно монголы подчинялись чжурчжэням. Их государя звали «Алтун-хан», то есть Алтан, золотой. Власть «Алтун-хана» и его приспешников была жестока. Но монголы сами виноваты: «из-за их непокорности [чжурчжэни] не считали возможным ослаблять им узду». Тогда Чингисхан решил сыграть свою игру, «за небольшое время к нему примкнули зачинщики смут из числа негодяев — его соплеменников и злодеев из его рода». Затем Чингисхан поссорился с чжурчжэнями и увидел, «что смерть недалеко и гибель ближе, чем шейная вена». Всё же Чингис захватил часть Китая, но тут поссорился с «Кушлу-ханом». Имеется

в виду *гурхан* Кучлук. Монгольский хаган начал «отщипывать» куски ханства кара-китаев и в конце концов покончил с «Кушлуханом». Вот и всё, что знали о монголах в Средней Азии.

Мухаммед чувствовал себя неуверенно. На бумаге у него числилось 400 000 *аскеров*. Это огромная цифра. Ей многие верят. Зия Бунитов, автор книги «Государство хорезмшахов-Ануштегинидов», идет в своих подсчетах еще дальше. «Накануне монгольского нашествия в Среднюю Азию, — пишет он, — численность войск государства Хорезмшахов доходила приблизительно до 400 тыс. конных в Туркестане и Мавераннахре, 20 тыс. в Отраре, 10 тыс. в области Бенакета и 110 тыс. в Самарканде». Итого 540 000 солдат? И это — не считая гарнизонов в Иране, Афганистане, Пенджабе.

Однако позволим себе усомниться. Содержать полумиллионную армию среднеазиатским правителям тяжело даже в наше время, хотя численность населения увеличилась, выросли налоговые поступления, есть технологии, которые позволяют содержать больше войск (например, элементарные промышленные холодильники для хранения продовольствия).

Впрочем, хорезмшах Мухаммед мог действительно иметь такое войско... но только в списках (которые, кстати, не сохранились). В войске Мухаммеда II царили вольница, произвол командиров и элементарные приписки. Об этом пишет Джувейни — автор книги, восхваляющей Чингисхана. Джувейни описывает военные порядки и вообще систему приписок в мусульманских странах и знает, что говорит. В качестве примера приводит притчу. Однажды, рассказывает историк, к пастуху пришел счетовод от султана.

— Сколько здесь баранов?

— Где? — уточнил пастух.

— Ну, в списках.

— Я потому и спросил! — воскликнул пастух. — В списках — столько-то, а в стаде их нет.

Узнаваемая картина для любой разлагающейся страны. Джувейни утверждает, что примерно то же было и в армии мусульманских

владык. «Ибо каждый начальник, для увеличения отпуска жалованья... говорит, столько-то у меня людей, а как дойдет до смотра, подставляет одного за другого, чтобы счет вышел верен». За спиной каждого воина — пустота, которая заполняется тысячами «мертвых душ», существующих только в воображении султана, которому чиновники докладывают далеко не всю правду.

Джувейни противопоставляет дисциплинированным монголам мусульманских султанов, «которым приходится говорить с опаскою с рабом, купленным за их же деньги, как только в конюшне его окажется десяток коней. Что уж и говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и приобретет он богатство и поддержку. Сменить его они не в силах. Чаще всего восстает он мятежом и бунтом. <...> нужны месяцы и годы, чтобы собрать войско, и переполненные сокровищницы, чтобы истратить их на жалованья и кормы начальников. При получке жалованья и прибавок их число переваливает за сотни и тысячи, а как дойдет до сражения, ряды их от края до края пусты и никто из них не вступает на ристалище битвы».

В этом рассказе перед нами уже не притча, а жесткая политическая публицистика на грани сатиры. Но как она правдива! Мы видели, как сражалась армия азербайджанского *атабека* Узбека против войск хорезмшаха. Списочный состав войска был велик, но вдруг, когда повелитель Хорезма приблизился с армией, войска Узбека словно испарились. Механизм исчезновения тысяч воинов как раз и описывает Джувейни.

Ясно, что даже цифра в 400 000 бойцов сильно преувеличена. Думается, мы столкнулись с «эффектом Джувейни». Наличие списочного состава вовсе не означает, что воины присутствовали во плоти и крови.

Теперь другой вопрос: сколько солдат у Чингиса? В 1206 году его армия составляла 105 000 человек: 95 отрядов по тысяче человек и 10 000 *хишигтэн* — отборной хаганской гвардии. За это время монголы присоединили енисейских кыргызов, жившие рядом с кыргызами «лесные народы», а также Кара-Китай. Это значит, что их

силы выросли примерно на 40 000—50 000 сабель. Тысяч двадцать было у карлуков. С другой стороны, 20 000 воинов Чингис оставил в Китае (к ним присоединились еще 40 000 кара-китаев, китайцев и чжурчжэней). Часть войск должны были охранять коренной улус на Ононе от кипчаков. Часть — сторожить захваченный Кара-Китай. На эти цели ушло опять же тысяч сорок бойцов. То есть потери и приобретения взаимно компенсировались. Кстати, может показаться странным, что мы не считаем боевые потери монгольской армии, понесенные за время войн, имевших место после 1206 года. Но очень похоже, что погибших немедленно замещали новые солдаты из военных округов-«тысяч», на которые Чингисхан разделил Монголию. Используя современную терминологию, можно сказать, что на смену выбывшим приходили резервисты, приписанные к тем или иным полкам.

Монгольскую армию вторжения в Хорезм можно оценить в 110 000 солдат. Много это или мало? Ясно, что по качеству эти силы превосходили армию хорезмшаха на порядок. Перед нами — прекрасно обученная, мотивированная и дисциплинированная народная армия с контингентами союзников, а не наемники-*гулямы*. А что сказать о количестве войск? Для этого нужно располагать данными о реальной численности армии Мухаммеда, но тут мы можем лишь строить гипотезы. Сколько мог выставить хорезмшах от «списочного состава»? Триста тысяч солдат? Двести тысяч? Сто? Складывается впечатление, что Мухаммед знал: численность его полевой армии меньше, чем у монголов. Была и еще одна причина для осторожности. Незадолго до вторжения Чингисхана хорезмшах попытался напасть на монгольскую армию, но потерпел неудачу, потерял много воинов и после этого опасался нападать первым. Речь идет о знаменитой битве на реке Ирғиз.

2. БИТВА НА РЕКЕ ИРГИЗ

Те, кто читал исторический роман Яна «Чингисхан», наверняка помнят подробное описание сражения на реке Ирғиз между

монголами и хорезмийцами. Часть этого описания взята из книги еврейского финансиста Рашид эд-Дина «Сборник летописей», часть — вымышлена автором, но не в этом дело. Гораздо любопытнее тот факт, что обстоятельства сражения и политические коллизии вокруг него отчего-то замалчивались мусульманскими авторами. Многие были не в курсе событий, а те, кто знал о них, пытались запутать читателей. Зачем?

А вот зачем. Похоже на то, что Мухаммед решил напасть на монголов даже раньше убийства послов. А именно — сразу, как только войска Чингиса захватили Кара-Китай. Джувейни и Рашид эд-Дин пишут одинаково. Примерно в конце 1217 года Мухаммед собрал большое войско (примерно 60 000 *аскеров*), явился с ним в область Дженда в низовьях Сырдарьи, а затем резко повернул на север и дошел до города «Югур» где-то в современном Казахстане, на реке Ирғиз. Здесь жили угры.

Почему хорезмшах зашел так далеко? Не собирался ли он напасть на Китай? Или всё было гораздо проще и он хотел обойти Кара-Китайское ханство, чтобы захватить его? Или, наконец, вышел на охоту против кипчаков перед походом на Багдад, чтобы пополнить численность резервистов для своей армии? Правду мы не узнаем.

В походе Мухаммеда сопровождал Джелаль эд-Дин, который впервые проявил себя как способный полководец.

На берегах Ирғиза Мухаммед наткнулся на поле боя, наполненное трупами людей. Среди трупов нашли одного раненого. Тот сказал, что он — *меркит*. Это враждебное монголам племя бежало с берегов Селенги на Ирғиз под защиту кипчаков. Однако монголы достали меркитов и здесь. Монгольский лагерь расположен неподалеку, указал раненый. Войско насчитывает не менее 20 000 человек. Ведут его двое. Один — Джучи, старший сын Чингисхана. Другой — Субэтэй-багатур, его полководец.

Мухаммед приказал готовиться к битве.

Видя эти приготовления, Джучи несказанно удивился и отправил к султану посла, «который сказал ему, что он целует землю и сообщает, что он пришел в эту страну не с враждебными на-

мерениями, а с целью повиновения и даже службы». Так говорит ан-Насави. Не будем обольщаться цветистым слогом мусульманского автора. Не чувствуя в себе сил сражаться с крупной армией противника, Джучи предложил Мухаммеду взять долю в добыче, а взамен — дать монголам уйти. Наконец, Джучи передал, что его отец Чингисхан не велел вступать в битву ни с кем, кроме меркитов. А повеление Чингисхана — закон. Не лучше ли разойтись миром?

Пока продолжались переговоры, монгольский царевич не терял времени: собрал разрозненное войско и выстроил его напротив хорезмийской армии. Это разгневало Мухаммеда. Шах отвечал надменно:

— Если Чингисхан приказал тебе не вступать в битву, то Аллах всевышний велит мне сражаться с тобой и за эту битву обещает мне благо. Для меня нет разницы между тобой, *гурханом* или Кушлук-ханом, ибо все вы — сотоварищи в идолопоклонстве (то есть христиане). Итак — война, в которой копья будут ломаться на куски, а мечи разлетаться вдребезги!

Если эта речь — не выдумка ан-Насави, то хорезмшах предстает недалеким человеком и мусульманским фанатиком. Шах напал на монголов без всякого повода. Но на самом деле всё проще. Мухаммед, видимо, вообразил, что монголы лишили его законной добычи. Хорезмшаху нечем было бы оплатить услуги *гулямов*, рассчитывавших на грабеж. Поэтому «новый Санджар» приказал напасть на монголов. До сих пор этот поступок считали бессмысленным, но если вспомнить, что Мухаммед был всего лишь предводителем огромной шайки наемников-головорезов, от капризов которой зависел очень сильно, его поведение обретает внутреннюю логику.

Монголы сражались храбро. Джучи лично атаковал левое крыло хорезмшаха и обратил его в бегство. Монголы искусно маневрировали, поливали противника стрелами, окружали и уничтожали — словом, демонстрировали «кара-китайский» способ ведения войны. Мухаммед командовал вяло, зато его сын Джелаль

действовал искусно и энергично. В «Сборнике летописей» описаны эти маневры.

Корпус Джелаль эд-Дина потеснил левое крыло монголов. Тогда Джучи бросил несколько тысяч бойцов в центр сражения, чтобы уничтожить самого хорезмшаха. Шах бежал. От полного поражения его уберег Менгбурны. Принц «отразил это нападение, которое не сдержала бы и гора, и извлек отца из этого гибельного положения». Битва продолжалась весь день.

Ночью Джучи приказал развести множество костров в степи. Утром оказалось, что это уловка. У костров никого не было. Монголы ушли. Храбрость «неверных» произвела на Мухаммеда сильное впечатление. Академик Бартольд считал, что именно из-за этого шах впоследствии избрал оборонительную тактику в борьбе с Чингисханом. Мухаммед слишком хорошо помнил силу кара-китаев, которые поражали воинов ислама на расстоянии и почти не несли потерь. Защитить от такого противника могли только стены. Мухаммед не задумывался, что монголы уже научились брать города...

Но были и другие причины для осторожности. Хорезмшах понес большие потери в войне с халифом. Для набора новых войск требовалось время, а его не было.

И — несколько слов в конце. Некоторые ученые-монголоеды относили битву при Иргизе к более раннему периоду. Однако автор «Истории хорезмшахов-Ануштегинидов» Зия Буниатов совершенно справедливо обратил внимание на то, что мусульманские историки (кроме ан-Насави) начинают рассказ о вторжении монголов почти сразу после битвы при Иргизе.

Это многое объясняет. Хорезмшах напал на монголов первым и был удивлен их военным искусством. Воины Чингисхана оказались сильнее кара-китаев, с которыми хорезмийцы справиться не могли. Мухаммед боялся столкновения. Но Инальчик Кайыр-хан всё испортил, перебив монгольских купцов. Мухаммед был вынужден взять ответственность на себя. Выбора не было: война. Но после битвы при Иргизе Мухаммед утратил веру в себя.

3. ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Хорезм находился в странном положении: он имел два правительства. Одно в Гургандже (Теркен-хатун), другое — в Самарканде (Мухаммед). Не было даже единого премьер-министра (*везира*). Теркен продвигала на эту должность своих людей — продажных персов. Мухаммед вообще упразднил должность, а вместо *везира* держал при себе совет из шести *вакелей* (секретарей). Это коллегиальное руководство оказалось нежизнеспособным. Каждый секретарь боялся ответственности и интриговал против коллег. Все мечтали о единоличной власти, никто не принимал важных решений.

Мухаммед не контролировал свою старую столицу — Гургандж, а в новой резиденции — Самарканде — был чужаком. Султан растерялся и собрал военачальников, чтобы посоветоваться.

Один из приближенных султана, Абу Сад ал-Хиваки, предложил собрать все войска и дать генеральное сражение на берегу Сырдарьи. Джелаль эд-Дин предложил иное: допустить врага в Мавераннахр, а затем разбить, пользуясь знанием местности. Некоторые советники говорили, что следует оставить Мавераннахр, как недавно завоеванную страну, и отступить в Хорасан. Хорезмшах выслушивал предложения и ничего не говорил в ответ. Возник еще один замысел: уйти в Газну и Индию, отдав остальные земли Чингису. Монголы разграбят их, ослабнут. Тут врага можно добить.

Это были планы людей без рода и племени — наемников, для которых понятие «отечество» не существовало. Была лишь территория, которую можно отдать, а потом вернуть.

Шах придумал следующий план: расставить в городах Мавераннахра сильные гарнизоны, а самому отойти за Джейхун (Амударью). Мухаммед рассчитывал, что гарнизоны станут сражаться с монголами, ибо деваться некуда. После двух-трех осад Чингисхан потеряет много воинов и отойдет в степь.

План был достоин компьютерной стратегии Medieval Total War в какой-нибудь кампании «турки против Тимуридов». Но для реальной войны он оказался плох.

Однако Мухаммед принял его и занялся другими делами.

Для войны требуются деньги. Налоги уже собрали, но тут хорезмшах проявил себя человеком, абсолютно равнодушным к иранскому населению, которое было ему подвластно.

Султан разместил в городах Мавераннахра несколько корпусов тюрок. Списочный состав гарнизона пограничной крепости Отрар составлял 20 000 бойцов. В реальности их было, конечно, всего лишь 5000—7000, и султан прекрасно об этом знал. Не могла относительно небольшая крепость поместить в себе такую уйму народа. Гарнизон Бухары тоже насчитывал по документам 20 000 бойцов. Но больше всего *аскеро* собралось в Самарканде — 110 000. Сто десять тысяч — цифра Рашид эд-Дина. Ан-Насави говорит о 40 000, но и это наверняка преувеличение. Однако в этом городе и вправду обосновался самый многочисленный корпус тюрок. Возможно, 20 тысяч солдат. В Самарканде имелось даже 20 слонов, приведенных из покоренного недавно Гурского султаната. Правда, хорезмийцы основательно разрушили город в 1212 году, во время смуты Османа и расправы с Караханидами. Следовательно, оборонительная ценность Самарканда была невелика. Мухаммед задумал восстановить Самарканд, обнести его гигантской стеной и превратить в неприступную крепость. Деньги на это должны были дать персы и таджики. С них повторно вытрясли налоги за целый год вперед. Правда, стену так и не достроили. Когда Чингисхан подойдет к Самарканду, он обнаружит жидкие укрепления, которые будет нетрудно взять.

А Мухаммед продолжал кидаться из одной крайности в другую. Ему пришла в голову очередная идея: собрать ополченцев со всей страны. Ополченцы должны были явиться вооруженными, имеющими боевого коня и верблюда для перевозки добычи. Непонятно, кого брали в ополчение: тюрок или персов. Но расплачиваться за всё опять должны были персы. Их обложили еще одним годовым налогом. Так Мухаммед собрал три налога в один год. Но толку не было. Средства частью разворовали, частью распределили по гарнизонам, и они стали добычей монголов. Что касается несурзного

ополчения, то оно осталось в воображении султана. Красочную картину сбора этих людей описал В. Ян в главе «Курбан-Кызык сделался джигитом» романа «Чингисхан». Описание сделано такими сочными красками и с таким сарказмом, что ни один историк не напишет лучше.

А Мухаммед продолжал размещать войска в гарнизонах.

Подробный список приводит ан-Насави. «Он оставил... Кутлугхана и других с десятью тысячами всадников в Шахркенте», — пишет историк. Некого Хабаша с тюрками Систана поместили в Термезе. Балхамур-хан оборонял Вахш. Старый туркмен Ай-Мухаммад обосновался в Балхе. Отрак-пехлеван — в Джендеруде, Огулчик-мелик — в Хутталяне, ал-Буртаси — в Кундузе, Аслабхан — в Валдже.

«А вообще он ни одного города Мавераннахра не оставил без большого войска, и в этом была ошибка, — поучает ан-Насави. — Если бы он дал бой татарам своими отрядами до того, как распределил их, то он схватил бы татар в охапку и начисто стер бы их с лица земли». Историк озвучивает не собственную точку зрения, но мнение Джелаль эд-Дина, у которого одно время служил. Думается, Джелаль ошибался, когда хотел дать генеральное сражение. С другой стороны, а что делать? Сама война с монголами являлась ошибкой. Хорезмшах Мухаммед загнал себя и своих подданных в тупик. Впрочем, какое дело ему до подданных? Он лишь хотел сохранить баланс сил между эмирами-туркменами и эмирами-канглами. Да еще расширить границы, чтобы прокормить жадных эмиров. Что ждало эту империю? Она лопнула бы, как мыльный пузырь, даже без вмешательства монголов. Чингис лишь ускорил процесс.

4. ПЕРВАЯ ЛИНИЯ

В апреле 1219 года Чингисхан выступил в поход, осенью подошел к стенам Отрара. Отрар входил в передовую линию обороны Хорезма на Сырдарье. На севере эту линию замыкали Дженд и Енгикент, а дальше она упиралась в Аральское море. На юге пере-

правы через Сырдарью обороняли Бенакет и Ходжент. Султанским стратегам эта линия фронта казалась изящной и очень мощной.

Чингисхан подошел к ее разрушению со знанием дела. Для начала он осадил Отрар и повсюду выслал разведчиков. Сообразив, что хорезмийцы расплыли силы, монгольский хаган разделил армию на несколько корпусов. Один под началом старшего сына Джучи пошел в низовья Сырдарьи, чтобы захватить Дженд и Енгикент. Алак-ноян с небольшим монгольским войском отправился на захват Ходжента и Бенакета. Отрар осаждал корпус под командой второго и третьего сыновей хагана — Чагатая и Угэдэя. Сам Чингисхан с главной армией обошел укрепленную линию и прорвался в Мавераннахр к стенам Бухары. Его сопровождал младший сын — Толуй.

Последним внятным решением султана Мухаммеда была отправка конного корпуса тюрок на подмогу Отрару. Его списочный состав насчитывал 10 000 воинов. Командовал корпусом Карача-хан. Он успел прибыть на помощь Кайыр-хану до подхода монголов.

Слово «хан» было тогда в Хорезме воинским званием. Это генерал. Ниже стояли *мелики* (полковники). Слово «пехлеван» (по-персидски «силач») означало гвардейского офицера. Такая система воинских званий сохранялась в Персии довольно долго. Еще в XVIII веке иранских генералов называли *ханами*.

Узнав о прорыве линии обороны и о прибытии монголов под стены Бухары, султан Мухаммед впал в панику. Рашид эд-Дин вообще говорит, что после битвы при Иргизе Мухаммед утратил рассудок. «Рассеянность и сомнение нашли к нему путь, и внутренний разлад смутил его внешнее поведение». Султан бежал из Мавераннахра и прибыл в Хорасан. Джелаль эд-Дин сопровождал отца вместе с другими приближенными и пышной свитой. Он тоже немного растерялся и предложил новый план: отдать врагу Мавераннахр и занять оборону по реке Джейхун (Амударья). Иными словами, пожертвовать недавними приобретениями, полученными после разгрома кара-китаев, и оборонять коренной Иран.

— Дело Мавераннахра приняло такой оборот, — сказал Джелаль на одном из военных советов, — что ему не помочь. Нужно, чтобы не ушли из рук Хорасан и Персидский Ирак. Превратим Джейхун в крепостной ров и будем оборонять. А если ничего не выйдет, уйдем в Хиндустан!

Эти противоречивые советы окончательно сбили с толку султана. Он укрылся в Балхе. Туда прибыли гонцы от правителей Персидского Ирака, чтобы получить ценные указания. Мухаммед тотчас переменял план и задумал уйти на запад.

— Там мы соберем войска Ирака и хорошенько примемся за дело! — провозгласил султан.

Джелаль пришел в ярость от такого решения и сам отказался от недавних планов уйти «в Хиндустан». Он предложил нанести встречный удар.

— Лучший выход, — сказал юный принц, — собрать войска и ударить на монголов. Если султан не решится на это, пусть он выполняет намерение уйти в Ирак, а мне даст войска, чтобы я пошел на границу и одержал победу. Если это пока не удастся, мы всё же не станем мишенью для стрелы укора. Люди не протянут в нашу сторону языка злословия. Никто не скажет: в мирное время они взимали с нас налоги, а теперь пренебрегают нами и бросают нас!

Джелаль горячо настаивал на этом плане и повторял его несколько раз. Однако фаталист Мухаммед считал, что звезда его счастья находится на закате. Битва при Иргизе и ловкие маневры монголов вывели его из равновесия. Мнение сына султан проигнорировал.

5. ГИБЕЛЬ ОТРАРА

Тем временем монголы захватывали города первой линии обороны. Отрар держался долго — несколько месяцев. Инальчик Кайыр-хан знал, что его ждет смерть, поэтому сражался за то, чтобы продлить жизнь.

Однако его напарнику Караче это скоро наскучило. Этот легкомысленный и ленивый степняк задумал спастись. Он стал заводить

разговоры о капитуляции с Инальчиком. Кайыр-хан «не соглашался на заключение мира под тем предлогом, что я-де не совершу измены по отношению к своему благодетелю!» Так говорит Рашид эд-Дин.

Турки еще не знали, что после первого выстрела монголам лучше не сдаваться. Таких капитулянтов считали ненадежными людьми и безжалостно убивали. Правда, вопреки мифам, простых людей монголы не трогали. Устраняли только начальство. С этими случаями мы еще встретимся неоднократно.

Карача прекратил разговоры о сдаче, а ночью вместе со своими людьми открыл ворота Отрара и передался монголам. Его привели к царевичам, руководившим осадой. Чагатай и Угэдэй «соизволили сказать»:

— Ты не соблюл верности в отношении своего властелина.

«И они его убили со всеми нукерами», — с плохо скрытой брезгливостью пишут авторы «Сборника летописей». Жители отделались легкими неприятностями. Их выгнали из города и ограбили. Это отвратительно, но вполне допустимо по тогдашним военным меркам.

Впрочем, не все жители павшего города отделались легко. Монголы выбрали несколько тысяч крепких мужчин и угнали в *хашар*. *Хашар* — это трудовая армия. Ее использовали при осаде городов, чтобы строить дороги, возводить укрепления, а иногда заставляли служить живым щитом во время штурмов. Словом, толпу не жалели. Как справедливо писал Лев Гумилев, «монголы не были добряками».

...Монголы заняли Отрар, но Инальчик Кайыр-хан успел спрятаться в цитадели вместе с частью солдат. Такие цитадели назывались на Востоке *кухандиз* или *калэ* (крепость). Осада продолжалась.

Каждый день защитники совершали вылазки. Монголы были начеку и всегда одерживали победы. Силы Кайыр-хана

таяли. Этот последний акт осады продолжался месяц. Наконец в результате финального штурма монголы перебили всех воинов Кайыр-хана. Инальчик с двумя телохранителями взбежал на какую-то кровлю. Телохранителей пристрелили. Хан хватал кирпичи и швырял вниз; когда его силы иссякли, монголы заарканили Инальчика.

Так весной 1220 года цитадель Отрара пала. Кайыр-хана отвезли к Чингису, который к тому времени уже разгромил основные силы Хорезма и в общих чертах закончил кампанию. Хаган находился в Синем дворце Самарканда.

Доложили о доставке пленника. Чингис придумал казнь: палачи расплавили серебро и залили в горло Инальчику. Так Чингис отомстил жадному хану за то, что тот перебил купцов и присвоил имущество.

6. ДРУГИЕ ГОРОДА

Царевич Джучи был самым человечным из сыновей Чингисхана. Он предпочитал брать на капитуляцию противника, а не уничтожать его и всегда стремился избежать лишних жертв. Теперь царевич двинулся вниз по Сырдарье.

Первым на его пути лежал богатый купеческий город Сыгнак, он располагался неподалеку от Дженда. Подойдя к стенам Сыгнака, Джучи предложил его жителям сдаться. В качестве парламентаря отправили какого-то ходжу Хусейна. Ходжа — это купец. В.В. Бартольд полагает, что перед нами один из первых мусульманских купцов на службе у Чингисхана. В «Сокровенном сказании» этого торговца называют Асаном.

Судьба Хусейн-ходжи оказалась трагична. Он отправился на переговоры с жителями и призвал сдаться монголам, «дабы их кровь и имущество остались невредимыми». Однако переговоры даже не успели начаться. Рашид эд-Дин пишет, что «негодяи, подонки и всякая чернь» подняли шум. С криком «Аллах велик» они умертвили посла и «сочли это за большую заслугу» перед хорезмшахом,

который тем временем бросил подданных на произвол судьбы и удрал в Хорасан.

Джучи-хан узнал об убийстве своего посла, и с этого времени убийцы были обречены. Никакой лояльности. Царевича попросту не поняли бы собственные воины. Монголы атаковали «злой» город.

Сражались с утра до вечера. Монгольские отравленные «стрелы с зарубинами», которыми хвастался когда-то один из героев «Сокровенного сказания», Джамуха, находили цель и впивались в тела врагов. «Заперев врата прощения и снисходительности, монголы убили всех, мстя за одного человека», — повествует Рашид эд-Дин. Джучи отдал разоренный город в управление сыну Хусейн-ходжи.

Монгольский корпус продолжил поход и разорил три городка на пути к Дженду. Их хорезмийские гарнизоны, по словам Рашида, составлял всякий сброд, поэтому расправиться с горе-вояками не представляло труда.

Гарнизонам Дженда командовал военачальник по имени Кутлугхан (Счастливец). Видя, что счастье готово ему изменить, Кутлуг вместе с личной охраной бежал и прямо через пустыню махнул в столичный Гургандж. Хотя списочный состав его армии насчитывал 20 000 бойцов, реально их было гораздо меньше. Бегство Кутлуга можно понять.

Джучи явился под стены Дженда и послал парламентаря. Послом оказался онгут или кара-китай Чин-Тимур. Этот человек был хорошим оратором и владел несколькими языками. После его прибытия в городе разыгралась драматическая сцена. «Простонародье, — пишет Рашид эд-Дин, — подняло шум и напало на Чин-Тимура. Он унял их вежливо и сдержанно». Посол рассказал о судьбе Сыгнака после того, как в городе убили монгольского парламентаря, и обещал пощаду в случае капитуляции.

— Я не допущу, чтобы иноземное войско вошло и разграбило город!

После этого обещания ему дали уйти. 4 апреля 1220 года монголы обложили Дженд. Жители, переменчивые, как весенний ветер, вдруг решили драться. Ворота были заперты. «Так как

они никогда не видывали войны, — издевается Рашид, — то дивились на монголов» и считали, что те не способны взобраться на стену.

Джучи и его люди продемонстрировали обратное: соорудили штурмовые лестницы и взобрались наверх. Желание сражаться у защитников города тотчас пропало. Дженд сдался. Монголы выгнали население в степь и девять дней предавались грабегам. Кроме того, выловили и казнили нескольких человек, на которых указал Чин-Тимур. Эти люди осмелились общаться с ним дерзко во время переговоров.

После этого Джучи взял Енгицент. Покорение городов по берегам Сырдарьи завершилось. Несколько тысяч воинов Джучи выделил для похода на север, к берегам Арала. В этих степях кочевали канглы и находилась их столица Каракорум (город не следует путать с будущей столицей Чингисхана, которая располагалась на Орхоне в Монголии, но носила то же название). Монголы подчинили канглов и сформировали из них конный корпус в 10 000 человек. Однако по дороге он взбунтовался и вступил в сражение с ордой. Небольшая часть канглов была перебита, другие бежали, пересекли пустыню и вскоре объявились в Туркмении в окрестностях Мерва, где вступили в войска хорезмшаха.

7. ЮЖНЫЕ КРЕПОСТИ

Мы видели, как монголы взломали центр и север оборонительной линии хорезмийцев. Обратимся к югу и посмотрим, какая судьба ждала тамошние города.

Для расправы с ними Чингисхан выделил три отряда по 5000 воинов. Ими командовали три *нояна* — Алак, Сакту и Бука. Первым делом напали на Бенакет. В городе сидел наместник Мухаммеда — Илгету-мелик с небольшим гарнизоном из племени канглы. Он сражался три дня, говорит Рашид эд-Дин. Цифра «три» почему-то вообще используется им очень часто. Впоследствии мы

увидим, как Джелаль эд-Дин ведет такие же трехдневные сражения. Возможно, «три» — это синоним слова «несколько».

Так или иначе, «на четвертый день» Илгету надоело сражаться и он решил капитулировать. Это характерно для психологии мусульманских военачальников. Все войны хорезмшахов — это постоянные осады, сражения для вида, капитуляции и милость по отношению к проигравшим. Но у монголов порядки были другие.

Сдавшихся людей выгнали из города. Затем отделили воинов от ремесленников. Воины должны были понести наказание за сопротивление. Их перебили. Жителей ограбили и водворили на прежнее место, а сильных молодых людей погнали в *хашар*. После этого монгольский корпус прибыл под стены Ходжента.

Гарнизон командовал Тимур-мелик, который укрепился на острове посреди Сырдарьи. Камни из катапульт туда не долетали. Монголы к тому времени в совершенстве овладели искусством брать крепости. Чингисхан создал в своей армии инженерный корпус, в который входили китайцы и чжурчжэни. Они перевозили часть осадного оборудования, а часть собирали на месте. С помощью «артиллерии», подкопов, осадных башен монголы захватывали города, казавшиеся неприступными.

Гарнизон Ходжента составлял всего несколько тысяч туркмен, сражались они яростно. Тимур-мелик снарядил 12 баркасов, они каждый день обстреливали монголов.

Степняки пригнали для инженерных работ большой *хашар* из всех окрестностей и даже из Отрара. Во главе каждого десятка пленных встал один «прораб»-монгол. Людей не щадили. Вокруг цитадели появились монгольские укрепления, за которыми укрылись осадные орудия.

Видя, что кольцо сжимается, Тимур-мелик пошел на прорыв. Он снарядил уже 70 судов, поместил туда оружие и людей и ночью отправился вниз по течению Сырдарьи. Монголы отправили в погоню два отряда по обеим сторонам реки. Тимур-мелик время от времени приближался то к одному, то к другому берегу, вступал

в перестрелку, искал возможности выйти на сушу и оторваться от погони. Это не удавалось.

У Бенакета монголы натянули железную цепь вдоль реки. Тимур-мелик каким-то образом рассек цепь и поплыл дальше вниз по Сырдарье. Наконец приблизился к окрестностям Дженда. Об этом доложили Джучи-хану. Джучи приказал построить понтонный мост, чтобы преградить дорогу храброму туркмену. _____ ?

Тогда Тимур высадился на сушу, захватил табун лошадей и поспешил в сторону Гурганджа. В поредевшем отряде осталось всего несколько сотен воинов. Монголы выслали немногочисленную погоню. Несколько дней сражались за обоз, который Тимур захватил с собой. Наконец обоз был потерян и перешел в руки врага, а большая часть отряда Тимур-мелика погибла. Далее рассказ перерастает в откровенную байку, которую рассказывал своим боевым товарищам сам же Тимур и которая вошла в историю Рашид эд-Дина. Итак, Тимур будто бы остался один, а за ним гнались только три монгола. Куда подевались остальные, неясно. Двумя фразами выше Рашид сказал, что число монголов, наоборот, всё увеличивалось. Неужто Тимур и его команда перебили несметные монгольские полчища? Или они существовали только в воображении храброго туркмена?

Так или иначе, он остался один против трех. В его колчане было всего три стрелы. У монголов стрел не было вообще. Тимур поразил одного из преследователей тупой стрелой в глаз, а двум остальным сказал:

— Осталось две стрелы по числу вас. Мне жаль стрел. Вам лучше вернуться назад и сохранить жизнь.

Монголы покорно ушли.

В этой истории много хвастовства и неясностей, но не вызывает сомнения, что Тимур-мелик действительно храбр и удачлив. В деталях он мог, конечно, приврать. Но монголы любили хвастаться, поэтому рассказ о Тимуре вошел в официальную летопись.

Вскоре отчаянный «полковник» ушел к Мухаммеду и вместе с ним скитался по Хорасану. Затем Тимур-мелик продолжил службу у Джелаль эд-Дина.

8. ПРОРЫВ ЧИНГИСХАНА

Пока отряды монгольской армии действовали на флангах, сам Чингисхан прорвал оборону хорезмийцев в центре и двинулся на Бухару прямо через Красные пески (Кызылкум).

Близ Отрара расположено ущелье. Здесь, на левом берегу Сырдарьи, располагался город-крепость Зарнук. Он преграждал выход на оперативный простор. Чингисхан, как велел обычай, предложил городу сдаться. Гонцом туда поехал Данишменд-хаджиб — один из мусульман, перешедших на монгольскую службу. *Хаджиб* — должность вроде дворецкого или камергера. По-русски — управляющий делами. При хорезмшахах эту должность обычно замещали военные.

Повторилась та же картина, что и в вышеперечисленных городах. Жители вознамерились убить Данишменда. Он воскликнул:

— Я, Данишменд-хаджиб, мусульманин, пришел послом по приказу Чингисхана, чтобы спасти вас от пучины гибели. Чингисхан прибыл с многочисленным войском. Если вы вздумаете сопротивляться, он превратит крепость в пустыню, а степь — в полноводную реку Джейхун! Если послушаете моего совета и покоритесь ему, то ваши жизни и имущество останутся невредимыми!

Речь Данишменда произвела столь сильное впечатление, что городские старейшины вынесли монголам блюда с угощением. Благодаря этому они сохранили жизнь и остались управлять городом. Монголы вывели население в степь, пересчитали, молодежь угнали в *хашар*, а остальным разрешили вернуться.

Перед уходом монголы переименовали Зарнук в Кутлуг-балык (Счастливым город). Иногда сдавшиеся города называли «го-балык» (Добрый город). Если же город отчаянно сопротивлялся, он получал название «мо-балык» (Злой город) и разрушался до основания. Таким «злым городом» в России стал, например, Козельск. «Злыми» города становились также из-за убийства монгольских послов.

В Зарнуке нашелся проводник-туркмен, который обещал показать дорогу. Проводник вывел монголов по небольшой тропе

к городу Нур (Свет), что неподалеку от Бухары. Командир передового отряда вступил с жителями в переговоры. Сопrotивления не было. Старейшины выразили покорность и выслали угощение. Когда прибыл Чингисхан с главной армией, угощение повторили. Хаган спросил:

— Сколько вы платили хорезмшаху?

— Полторы тысячи динаров в год, — отвечали старейшины.

— Дайте мне эти деньги, и городу не причинят никакого вреда.

Так монголы обобрали местных жителей еще раз за год. Поскольку денег у горожан больше не было, они собрали женские серьги и таким образом расплатились с монголами.

Чингис произвел стратегический охват хорезмийских сил в Мавераннахре и вышел в тыл Самарканду через Бухару. Это привело к неожиданным последствиям. В начале марта 1220 года Теркен-хатун, прослышав о продвижении монголов, бежала из Хорезма. «Она не сочла Хорезм надежным убежищем, — пишет ан-Насави, — и взяла с собой всех, кого можно было взять из жен султана, его младших детей, а также сокровища его казны и выступила из Хорезма, прощаясь с ним. При этом прощании из глаз струились слезы, а сердца таяли». Еще бы. Султанша и ее свита покидали дойную корову, которая безропотно давала всё, что нужно, и выносила любые лишения.

Перед своим отъездом эта злобная женщина учинила преступление. «А именно: думая, что огонь этой смуты вскоре погаснет... — говорит ан-Насави, — она приказала убить всех находившихся в Хорезме пленных владетелей, их сыновей и людей высоких степеней из числа видных *садров* и благородных господ. Всего их было двенадцать человек, находившихся под ее защитой». Это были заложники, взятые Мухаммедом во время его победоносных походов в Гур, Газну, Персидский Ирак и находившиеся в Хорезме. И вот властная женщина отдала приказ об уничтожении этих людей.

«Среди них были, например, два сына султана Тогрула ас-Салджуки, — перечисляет ан-Насави, — владетель Балха Имад ад-

Дин, его сын — владетель Термеза ал-Малик Бахрамшах, владетель Бамияна Ала эд-Дин, владетель Вахша Джамал эд-Дин Омар, два сына владетеля Сыгнака, что в Стране тюрок, и [еще] Бурхан эд-Дин Мухаммад Садр Джахан, его брат Ифтихар Джахан, его два сына, Малик ал-Ислам и Азиз ал-Ислам и другие».

Из всех обреченных на смерть спастись удалось лишь одному человеку: Омар-хану, сыну правителя одного из туркменских владений. «Она отложила [его казнь], — бесстрастно повествует ан-Насави, — зная, что ему известны непроторенные дороги в его страну».

После убийства заложников султанша отправилась в путь. «И вот она выступила из Хорезма в сопровождении тех, кто мог уйти. Для большинства людей оказалось трудным делом сопровождать ее, так как их души не позволяли им бросить то, что они собрали из имущества и накопили из дозволенного и запретного».

Омар показал дорогу в Каракумах, вывел царицу в Мазандеран и... поплатился за это головой, которую Теркен-хатун приказала отрубить. «Он был убит беззащитный, погубленный вероломством», — ужасается ан-Насави.

Теркен-хатун отправилась в Илал, одну из самых неприступных крепостей Мазандерана. Здесь она заперлась вместе с сокровищами, которые прихватила из Гурганджа, со свитой и со своими *гулямами*.

В марте 1220 года Чингисхан прибыл под стены Бухары. По списку этот город обороняли 20 000 солдат. Единого командования не было. Единого плана обороны — тоже. Предводителями выступали тюркские ханы и один кара-китай.

Гарнизон сражался несколько дней. Затем тюрки сделали вылазку и прорвали оборону монголов. Этот успех так вскружил головы начальникам прорвавшихся войск, что они беспечно отправились в Хорезм. Но радовались рано. Монголы выслали отряд вдогонку, который напал на тюрок «и пустил по ветру небытия следы их», как выражается Рашид эд-Дин.

На другой день после бегства тюрок жители Бухары раскрыли ворота перед монголами. Остатки гарнизона (те, что не участвовали в вылазке и не успели бежать), укрылись в цитадели. На улицах царили тишина и спокойствие.

Чингисхан поехал осмотреть подходы к цитадели. Первым делом проследовал к соборной мечети. Удивился ее роскошному убранству и спросил у сопровождавших бухарцев:

— Это дворец султана?

— Это дом Господа! — был ответ.

Хаган на короткое время обосновался там. С минбара (кафедры, где обычно проповедают муллы) Чингис произнес перед горожанами поучительную лекцию, объявив себя посланником Бога, который пришел наказать таджикский народ за непослушание и преступления. Речь шла, кажется, не только об убийстве послов, но и о предательстве таджиков по отношению к бывшим хозяевам — кара-китаям.

Обложили контрибуцией богатых бухарцев. Обобрав их, Чингис выгнал остальное население за пределы стен, а центральную часть Бухары сжег, чтобы удобнее было штурмовать цитадель-*кухандиз*. Цитадель сопротивлялась некоторое время, но затем была взята. Немногочисленный гарнизон (человек триста) монголы полностью уничтожили. Часть бухарской молодежи погнали в *хашар*. После этого Чингисхан выступил против Самарканда — недавней столицы Караханидов.

9. ПАДЕНИЕ САМАРКАНДА

Рашид пишет, что гарнизон Самарканда состоял из двух частей. Шестьдесят тысяч воинов — это тюрки, а 50 000 — таджики. Видно, переписчики посчитали население города и окрестных сел. Сколько воинов вышло сражаться от списочного состава, а какое количество *аскеров* существовало лишь в воображении начальства, неясно.

Официальная пропаганда хорезмшаха хвастливо заявляла, что противнику потребуются годы для захвата Самарканда. Однако

в Китае Чингисхан брал куда более сильные крепости. Не забудем, что Самарканд не так давно разрушил сам же хорезмшах.

Тем не менее предстояла серьезная военная операция. Чингис предпринял двухдневную рекогносцировку и лично разъезжал вокруг крепостной стены, обдумывая, как удобнее начать штурм.

Между тем пришло известие от полевых разведчиков, что хорезмшах Мухаммед и его сын Джелаль эд-Дин покинули Мавераннахр. Хаган отрядил погоню, чтобы не терять темп наступления и не дать врагу собраться с силами. На охоту за хорезмшахом отправились два тумена (десятитысячных корпуса) под началом Джэбэ и Субэтэя. Впоследствии был выслан еще один тумен под командой *нояна* Тохучара, одного из хаганских зятьев. Однако сам Тохучар действовал неэффективно, нарушал приказы Чингисхана, был разжалован в рядовые и погиб в одном из боев с хорезмийцами.

На соединение с Чингисханом подошел Алак-ноян, который покончил к тому времени с Тимур-меликом и разрушил южную часть обороны хорезмийцев на Сырдарье. Корпус Алака был готов к бою, из чего можно заключить, что его потери во время зачистки Ходжента и других городов сильно преувеличены. Чингис поручил Алак-нояну разрушить укрепления хорезмийцев вверх по течению Амударьи (Джейхуна), переправиться и захватить Бадахшан.

Отдав эти распоряжения, Чингис вплотную занялся осадой Самарканда. Она продолжалась несколько дней.

Гарнизон Самарканда был разноплеменным. В него входили канглы, гурцы, туркмены, а также подразделения из тюркского народа *калач*, или *халадж*. *Калачи* — это нечто вроде среднеазиатского казачества. В него входили воинственные представители разных племен, которые жили военной службой.

Единогo командира султан Мухаммед не оставил и здесь, потому что боялся наделить кого-то из военачальников слишком большой властью. Такой человек мог победить монголов, но после этого он победил бы и самого султана!

Среди тюркских командиров гарнизона были: брат Теркенхатун — Тагай-хан, военачальники Алп-Эр-хан и Бала-хан, а также

ряд офицеров рангом пониже. Гурцами командовали эмиры Хурмандж, Хурзур, Масуд и другие.

Плана обороны не имелось. Дождавшись, когда Чингисхан соберет все войска под стенами города, гарнизон отправился на вылазку. Битва продолжалась целый день. Ее подробности неизвестны. Ясно лишь, что гарнизон понес огромные потери. Монголы старались не принимать ближний бой и обстреливали врага из луков.

На другой день Чингисхан сам атаковал жиденские укрепления Самарканда. «Ударами стрел и мечей они уложили в степи и на поле брани гарнизон», — пишет Рашид. Видимо, мусульманские эмиры пытались контратаковать, и всё пространство вокруг Самарканда превратилось в поле боя.

Потери осажденных были огромны. В городе наступил разлад. Почти до всех защитников дошло, что долго сопротивляться они не смогут. А это означает дикую резню, которую учинят монголы после осады. Особенно беспокоились представители духовенства. Они-то и предложили стать посредниками на переговорах с монголами.

Однако сражение продолжалось еще один день. Снова лилась кровь. Рашид говорит без подробностей, что «отважные монголы» и «нерешительные горожане» снова бились друг с другом. И вновь гарнизон Самарканда не добился успеха. Тогда мнение капитулянтов взяло верх.

Ночью на переговоры с Чингисом явились *кади* (судья) города, *шейх уль-ислам* (предводитель духовенства) и *имамы*. Самарканд капитулировал. Утром следующего дня Намазгахские ворота города распахнулись. Часть гарнизона сдалась, часть укрылась в цитадели.

Первым делом монголы разрушили городскую стену. Этой работой занимался *хашар* под присмотром монгольских десятников. Часть населения выгнали в степь. Однако *кади* и *шейх уль-ислам* выговорили, что могут взять любого человека под свое покровительство. Рашид пишет, что таких «любых» нашлось 50 000. Возможно, это опять преувеличение, но спастись удалось очень многим.

Те, кто не имел возможности прибегнуть к покровительству «уважаемых людей», должны были покинуть городские стены и ожидать

своей судьбы в поле. Нарушивших приказ ждала смертная казнь. Однако многие попрятались по разным норам. Монголы грабили опустевший город, извлекали людей из их убежищ и убивали.

Вожаки гарнизонных слонов привели своих животных к Чингисхану, но тот обнаружил полное непонимание ситуации. Слоны были ему не нужны. Хан велел отпустить животных в степь на свободу, где они могли бы сами искать себе корм. Погонщики так и сделали. Слоны некоторое время бродили по просторам Мавераннхра, пока не погибли от голода или не нашли смерть от рук проголодавшихся местных жителей.

Чингисхан приступил к осаде *кухандиза*. Оттуда выехал Алп-Эрхан и прорвался с небольшим отрядом. Больше не повезло никому. Подготовив метательные орудия, Чингис принялся обстреливать стены и очень быстро разрушил их. Вечером были захвачены ворота, цитадель пала. Гарнизон капитулировал. Лишь около тысячи воинов укрылись в соборной мечети. Снова началась перестрелка. С обеих сторон метали нефтяные снаряды. В конце концов монголы сожгли мечеть.

Наступил финал драмы. Защитников цитадели и прилегающих кварталов выгнали в степь, отделили тюрок от таджиков и всех разбили на десятки и сотни. К таджикам как покоренному населению монголы не имели претензий. Зато предводителей тюрок не пощадили. Все они были казнены во главе с Тагай-ханом. Простые тюркские ратники получили приказ постричься по-монгольски. Их приписали к военным округам — тысячам — и заставили нести службу в Мавераннахре, который теперь отходил к монголам. Далеким потомком одного из таких тюрко-монгольских воинов станет Тимур-ленг.

Экзекуции продолжались. Из остатков населения Самарканда отобрали тысячу искусных ремесленников. Часть из них мобилизовали в монгольскую армию, часть отдали в услужение ханшам и царевичам. Столько же людей взяли в *хашар* для гражданских работ. Остальные вернулись в Самарканд, но купили жизнь и свободу за огромную сумму в 200 000 динаров. Как видим, расправа была

жестока, но не смертельна. Она ничем не отличалась от разрушения и разорения Самарканда, учиненного хорезмшахом за восемь лет до этих событий. Впрочем, отличия всё-таки имелись. Грабеж воинов хорезмшаха был беспорядочен, а монгольский грабеж отличался строгим порядком и логичной системой. Вряд ли можно сказать, что лучше. Думается, таджики-самаркандцы понесли одинаковые бедствия что от тюрок, что от монголов.

После взятия Самарканда цели кампании были достигнуты. За четыре месяца Чингисхан уничтожил главные силы султана Мухаммеда и присоединил земли, находившиеся недавно в зависимости от *гурхана* кара-китаев.

Кроме того, в его замыслы входила поимка самого Мухаммеда и его казнь. Что делать дальше с империей Мухаммеда, хаган не знал. Уничтожение Джелаль эд-Дина тоже не предполагалось.

Чингисхан в это время начал стареть и дряхлеть. Климат Средней Азии был для него непривычен. Поэтому хаган всё больше доверяет частные военные операции своим сыновьям и полководцам, а сам выполняет функции начальника штаба. Например, впоследствии, когда пришлось осадить Гургандж, хаган поручил это своим сыновьям. Но те обладали гораздо меньшими полководческими и организаторскими способностями. В результате осада города затянулась на несколько месяцев. Правда, это уже не могло ничего изменить.

Глава 2 НОВЫЙ ХОРЕЗМШАХ

1. БЕГСТВО МУХАММЕДА

Покинув Мавераннахр, султан Мухаммед оставил при себе только личную охрану и несколько тысяч всадников из кипчаков и канглов. Юный Джелаль эд-Дин также находился в свите отца,

но ничем не выделялся. Это было время растерянности. От султана Мухаммеда ждали каких-то действий, а он уходил на запад своих владений, ища спасения от монголов. За ним следовал неперменный гарем, а также двое любимых сыновей: Озлагшах и Акшах.

Джелаль советовал отцу собрать хоть какие-то войска. Это решение было вполне осуществимо. В любой момент к Мухаммеду могли бы прийти подкрепления из Персидского Ирака. Однако султан думал только о бегстве, а бежать от монголов можно было лишь с небольшой охраной. Он нигде не находил покоя.

Территориальные потери султана были невелики. Мухаммед утратил только что завоеванный Мавераннахр. За его спиной были Гур и Газна, Мекран и Систан, Керман и Фарс, Хорасан и Персидский Ирак... Даже Гургандж еще оставался в его власти. Но хорезмшах добровольно превратился в беглеца, находясь посреди своих обширных владений. Еще недавно точно так же от него бегал азербайджанский *атабек* Узбек. Это не может быть случайностью. Похоже, перед нами какие-то системные проблемы восточных правителей. Главная причина — отсутствие денег и организации. Для начала Мухаммед проиграл войну финансов. Большая часть средств, предназначенных для боевых действий, попала в руки монголов. Погибли лучшие военачальники. Была утрачена армия, которую создавали несколько десятилетий, а потом очень неудачно разместили в Мавераннахре вместе с деньгами. И султан вдруг превратился в обычного правителя, у которого списки войск выглядят гораздо внушительнее, чем сами войска. Он утратил точку опоры.

Это поняли его соратники. Однажды султану сообщили, что против него созрел заговор. Мухаммед решил не ночевать в своем шатре. Наутро шатер оказался истыкан стрелами. Хорезмшах знал, что заговор организовали родственники его матери, но ничего не мог поделать. Власть уплывала из рук.

Мухаммед и Джелаль прибыли в Нишапур, где султан почувствовал себя в безопасности: пил вино и веселился в обществе сына, придворных и наложниц. Так проходила юность Джелаль эд-Дина — в отблеске пожара, безумных пирах на развалинах

государства и среди постоянных угроз. Позади дышала в спину монгольская погоня, а среди своих таились предатели и убийцы.

Мухаммед повсюду рассылал гонцов, которые сообщали о многочисленности монголов и несли приказ: укреплять города и крепости. Эти слова пугали людей. Пошел слух о грозном противнике. Этот противник страшнее кара-китаев, ужаснее войска самого хорезмшаха. Кроме того, и сам Чингисхан через своих шпионов распространял слухи о кровожадности монголов, которые вырезают целые города. Эти слухи порождали панику и снижали боевой дух врага. Правда, впоследствии они попали в летописи и привели к тому, что монголов стали считать какими-то мясниками. Хотя на самом деле, как мы видим, это удачливые и прекрасно организованные грабители, но отнюдь не садисты.

... Джэбэ и Субэтэй с 20 000 всадников преследовали хорезмшаха, но уклонились далеко к югу. Первым делом они прибыли в Балх. Город сдался, выставил угощение и получил пощаду. Отдохнув, монголы помчались на запад. Вскоре они очутились в Хорасане. Подступы к Нишапуру охранял город Завэ. Его гарнизон распустил знамена, ударил в барабаны и принял бой.

Эта жертва позволила хорезмшаху бежать, чем он не преминул воспользоваться. Под видом охоты Мухаммед и Джелаль выехали из Нишапура. За ними последовали: походный гарем Мухаммеда, чиновники, казначеи, гвардейцы — словом, весь двор.

Сперва было принято решение спастись в Персидском Ираке, то есть в Хамадане. Но затем султан изменил план, направился в Казвин (между Тебризом и Тегераном) и призвал туда иракских эмиров для совещания. Речь шла вовсе не о том, чтобы встретить монголов и попытаться их разбить, а о том, где укрыться и переждать бурю.

Это было уже явной ошибкой. Когда султан отказывается встретиться в бою главные силы Чингисхана, все современные историки в один голос одобряют это решение. Ведь армия Хорезма была слишком рыхлой и плохо управляемой для того, чтобы выдержать битву с главными силами монголов. Но теперь за султаном гнался не

сам Чингис, а двадцатитысячный корпус из его армии. Такие корпуса можно было встречать в открытом поле и бить. Так думал храбрый сын султана — Джелаль эд-Дин. Так считали многие военачальники Мухаммеда. Пройдет время, и они действительно станут бить монголов. Но только не под командой «нового Искендера».

Соратники предложили Мухаммеду для укрытия крепость на Эльбрусе — Ширан-кух. Султан счел ее недостаточно безопасной. Он вызвал на совет правителя области Лур — *атабека* Хазараспа, который считался мудрым человеком. *Атабек* примчался в Казвин, явился, как был, в дорожной пыли и «облобызал в семи местах» землю перед султаном, как выражается Рашид.

— Нужно немедленно удалиться отсюда! — воскликнул Хазарасп. — Между Луром и Фарсом есть неприступная крепость Танг-Теку. В ней-то и следует укрыться. Между тем мы соберем стотысячную армию и встретим монголов.

Мухаммед пристально посмотрел на *атабека* и отверг его план. Султан посчитал, что Хазарасп хочет использовать его в игре против другого *атабека* — Сада, который правил Фарсом. В этой игре престолов Мухаммед не чувствовал себя в безопасности.

— Мы остаемся здесь, — заявил султан. — И пошлем в окрестности гонцов, чтобы собрать войска.

Пока он раздумывал и совещался, Джэбэ и Субэтэй дошли до Нишапура. Иранские старейшины города выслали угощение для людей, фураж для коней и не помышляли о сопротивлении. Джэбэ и Субэтэй двинулись дальше. «Повсюду, — говорит Рашид эд-Дин, — где выходили навстречу с подчинением, они щадили, а всех, кто сопротивлялся, они уничтожали». Следующим на пути лежал богатый город Тус. Селения к востоку от него изъявили покорность и были помилованы, а к западу — сопротивлялись. Монголы разорили их и, по обычаю, перебили старейшин.

Степняки «шли по следам сведений о султানে». Укрепленных замков вокруг было много, но Джэбэ и Субэтэй пренебрегали осадой. Они разделились и пошли облавой, чтобы захватить хорезмшаха. Монголы действовали по принципу «война кормит войну», то

есть брали всё, что нужно, у местного населения. Угоняли табуны коней и отары овец с тучных пастбищ, забирали в городах хлеб, муку и приправы, пополняли запасы оружия и одежды. Громоздкими ценностями пренебрегали: некуда девать.

Рейд был стремителен. Мухаммед еще совещался со своими подданными, когда доложили о прибытии передовых монгольских отрядов к городу Рей. Участники совещания в Казвине тотчас разбежались кто куда. *Атабек* Хазарасп первым ускакал в Лур. Мухаммед в один миг остался без подданных и советников. Вместе с сыновьями и свитой он отправился в крепость Карун, но по пути столкнулся с отрядом монголов. Монгольские воины не узнали султана и приняли его свиту за обычный хорезмийский отряд. Завязалась перестрелка. Пока *гулямы* прикрывали отход, султан «вынес душу из пучины гибели на берег безопасности», — сообщает Рашид. Джелаль эд-Дин и прочие спаслись вместе с ним. Достигли крепости Карун, сменили коней и бросились на юг, на границу Лура.

Едва султан ушел, как к крепости прискакали монголы. Завязалось сражение. Однако вскоре монгольская разведка доложила, что хорезмшах следует на юг. Джэбэ и Субэтэй бросились следом.

Мухаммед петлял. Внезапно повернул к северу, чтобы скрыться в горах Гиляна. Эта труднодоступная область на южном берегу Каспия казалась надежной и безопасной. Забравшись в крепостцу в одном из горных районов, Мухаммед опять собрал совещание. К нему съехались эмиры Мазандерана и Гиляна — двух областей на Южном Каспии. Естественно, тайну сохранить не удалось, и о сборище быстро узнали монголы. Султан опять впал в панику. В этот миг кто-то подал роковой совет: нужно укрыться на одном из островов Каспийского моря. Монголы не умеют плавать. Султан отсидится на острове, монголы уйдут, мусульмане соберутся с силами и выгонят их из страны.

Обезумевший от страха султан готов был приять любой совет, включая самые глупые. Ему подогнали небольшой корабль. Султан переправился на соседний остров и прожил там несколько дней.

Наступил декабрь. Мухаммед был измучен и морально подавлен. Дул сильный ветер. Морозов не было, но из-за сильной влажности холод пробирал до костей. Мухаммед привык к другому климату — сухому и жаркому.

Тем временем слухи о пребывании государя на острове распространились среди жителей Гиляна и рыбаков. Султан испугался и приказал переправить себя на другой остров.

Монголы подбирались всё ближе. Джэбэ-ноян обосновался в Рее и разослал повсюду мелкие отряды на поиски хорезмшаха. Найти беглеца не удалось. Тогда монголы стали охотиться за его казной. Ее обнаружили в одной из крепостей. Крепость взяли, деньги переправили Чингисхану, послав караван в Заречье.

Во время морского путешествия Мухаммед простудился и заболел плевритом. Некоторое время он надеялся на выздоровление, но болезнь не уходила. У султана просто не было сил бороться с нею. Ирония судьбы: он спасся от монголов лишь для того, чтобы стать жертвой плеврита. Сообразив, что умирает, султан вызвал к себе трех сыновей: Озлагшаха, Акшаха и Джелаль эд-Дина. Еще двое сыновей, Рукн эд-Дин Гурсанчи и Гияс эд-Дин Пиршах, находились далеко отсюда — в Персидском Ираке и Кермане в качестве правителей этих стран.

На смертном одре хорезмшах переменял политическое завешание. Он назначил своим наследником молодого решительного Джелаль эд-Дина.

Вряд ли можно придумать более драматическую обстановку для начала карьеры молодого султана. Размеры владений отца сократились до маленького острова. Студеные волны Каспия тяжело бились в берега. Дул декабрьский ветер. Хорезмшах кутался в халаты, тяжело дышал, кашлял и говорил, прерывая речь долгими паузами:

— Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага, у Чингисхана: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить ему за меня может лишь мой сын Менгбурны. И вот я назначаю его наследником пре-

стола, а вам обоим, — тут он обратился к Озлагшаху и Акшаху, — надлежит подчиняться ему и ступить на путь следования за ним.

Затем он снял свой меч и прикрепил его к бедру Джелаль эд-Дина. Все молчали. Сцена имела символическое значение. Меч государства вручили единственному вождю, который мог бы им воспользоваться. Верил ли Мухаммед, что молодому Джелалю это удастся? Наверно, хотел верить. Вскоре после этого незадачливый султан навеки закрыл глаза.

Новым правителем страны стал Джелаль, которому исполнился двадцать один год. Вскоре он узнал, что его бабка — Теркен-хатун — очутилась в плену. Это означало, что реальных соперников в борьбе за власть больше не было. Расскажем, однако, о приключениях грозной старухи.

2. СУДЬБА ТЕРКЕН-ХАТУН

Мы оставили «турецкую госпожу» в неприступной крепости Илал вместе с ее наперсницами, сокровищами и охраной. Вскоре о ее местопребывании узнали монголы. Отряд степняков осадил крепость. По словам ан-Насави, осада продолжалась четыре месяца. Монголы полностью блокировали Илал: выстроили вокруг палисад, навесили ворота и стали ждать, когда голод и жажда отдадут им в руки сокровищницу и прекрасных женщин из свиты.

В крепости было довольно много съестного, а запасы воды пополнялись с помощью дождей, которые выпадали в этих местах довольно часто. Тучи приходили со стороны Каспия и обильно орошали северные склоны Эльбруса, тогда как южные склоны были пустынные. Этой особенностью пользовались строители горных крепостей Мазендарана, чтобы создавать резервы питья. Дождевая вода накапливалась в цистернах. Но как раз в это время случилось редкое и удивительно явление. Наступила великая сушь.

«Особенно удивительно, — пишет ан-Насави, — что эту крепость — одну из крепостей Мазендарана, который отличается постоянными ливнями и обилием влаги, где редко проясняется

небо и дожди льют чуть ли не беспрерывно, — покорила жажда». Во время осады небо оставалось ясным. Вода в цистернах подошла к концу, потому что ее не берегли. Дождя ожидали со дня на день, но его не было. Вскоре осажденных стала мучить жажда. Они оставались в блокаде какое-то время, но затем приняли решение сдаться. Изнеженные женщины и избалованные чиновники не привыкли переносить муки. «Говорят, — тотчас приводит байку ан-Насави, — что в момент, когда она [Теркен-хатун] выходила из крепости, поток воды устремился через ее ворота и в этот день все водоемы были переполнены». Слово «говорят» означает, что историк не очень верит в этот анекдот, однако стремится развлечь читателя интересным слухом.

Теркен-хатун увезли к Чингисхану вместе с другими пленниками и пленницами. Известия о ней время от времени доходили до Джелаль эд-Дина, который много лет воевал против монголов, а иногда, казалось, был близок к тому, чтобы восстановить султанат. Думается, Джелаль предлагал бабке спастись, ибо монголы караулили ее плохо. Об этом же толковал энергичный евнух «турецкой царицы» — Хилал. «Я говорил ей, — рассказывал впоследствии евнух: «Давай убежим к Джелаль эд-Дину, сыну твоего сына и сокровищу твоего сердца. Ведь до нас часто доходят вести о его силе, могуществе и обширности его владения». Она сказала: «Прочь, пропади он вовсе! Как я могу опуститься до того, чтобы стать зависимой от милости сына Ай-Чичек... и [находиться] под его покровительством? Даже плен у Чингисхана и мое нынешнее унижение и позор для меня лучше, чем это!» Злоба старухи из племени канглы по отношению к своему туркменскому внуку Джелалю — важная деталь этнического поведения. Теркен-хатун ненавидит внука настолько, что даже отказывается спастись. Между канглами и туркменами нет единства.

Хилал вспоминал о днях, проведенных в неволе вместе с престарелой хатун: «Ее положение в плену стало таким бедственным, что она не раз являлась к обеденному столу Чингисхана и приносила оттуда кое-что и ей хватало этой пищи на несколько дней».

Говорили, что монголы уничтожили самых младших детей Мухаммеда, которые находились в крепости вместе с Теркен-хатун. Уцелел только самый маленький — Кюмахишах. Старуха любила его больше других и привязалась к младенцу. Какое-то время Кюмахишах жил вместе с бабкой в плену. Однажды Теркен-хатун расчесывала ему волосы и вдруг сказала:

— Сегодня у меня так сжимается сердце, как никогда раньше.

Вдруг к ней подходит один из воинов Чингиса, забирает мальчика и уводит его в неизвестном направлении. «Его разлучили с ней, и больше она не видела его», — пишет ан-Насави, у которого мы и находим этот эпизод. Когда мальчика привели к Чингисхану, «он приказал задушить его, и тот был задушен». Ан-Насави тотчас замечает, что это Аллах отомстил Теркен-хатун за убийство двенадцати заложников, о котором мы говорили выше.

Данная история нужна мемуаристу не только для того, чтобы показать безжалостность монголов. Ан-Насави желает опорочить Теркен-хатун и показать, что женщина заслужила свою судьбу. Скорее всего, младенец по имени Кюмахишах просто вымышлен. Монголы не убивали детей. Но зато Чингисхан выглядит монстром в глазах читателей книги ан-Насави. Душит младенцев, унижает старуху... «Вот и она в сем мире получила должное за то, что совершила, погубив и истребив детей государей», — подводит ан-Насави итог своему дидактическому рассказу.

Тогда же в плен попали дочери Мухаммеда. Почти всех Чингисхан роздал своим сторонникам-таджикам, которые помогали сокрушить Хорезм. Например, Данишменд-хаджиб женился на Теркен-Султан, родной сестре Озлагшаха. Исключением стала своенравная красавица Хан-Султан, вдова самаркандского правителя Османа. Она попала в гарем Джучи-хана благодаря своей красоте.

Из воспоминаний ан-Насави мы также узнаем, что при султানে работал хор из прекрасных певиц. Самые привлекательные из этих исполнительниц восходили на ложе Мухаммеда, чтобы усладить его не только вокальным искусством. Ансамбль тоже попал в руки монголов и был представлен хагану. «Певицы султана были до-

ставлены к Чингисхану, и среди них красивая и привлекательная Бинт Занкиджа, — поведал ан-Насави. — Ее у Чингисхана выпросил самаркандский глазной врач (*каххал*) Зайн. Упомянутый когда-то излечил проклятого (Чингисхана) от офтальмии, и тот подарил ее ему». Эта история послужила В. Яну для одной из сюжетных линий его романа «Чингисхан». Там девушка Бинт-Занкиджа попадает к доктору Хаджи Рахиму, а затем становится женой туркменского юноши Тугана. Судьба реальной женщины, носившей это имя, оказалась печальнее. Она так и осталась пленницей офтальмолога. Монгольское нашествие искалечило судьбы многих людей. Превратиться из придворной хористки в жену врача — что может быть ужаснее для исполнительницы поп-песен?

Что касается Теркен-хатун, то она умерла примерно в 1233 году. То есть пережила своего внука Джелала. Напоследок — несколько штрихов к портрету этой женщины.

Кое-что о положении Теркен-хатун и ее характере (из ан-Насави)

«Она была величественна и разумна. Когда к ней поступали жалобы, она разбиралась в них беспристрастно и справедливо и была на стороне притесненного против обидчика, однако она с легкостью отваживалась на убийство. Она делала много доброго и полезного для страны, и, если бы мы перечислили все, что видели из ее великих дел, наша речь бы затянулась. Ее секретарями (*куттаб ал-инша'*) были семь человек из числа знаменитых, достойных людей и больших господ. Если от нее и от султана поступали два различных указа по одному и тому же делу, то внимание обращалось только на дату и во всех странах действовали по последнему из них. *Тугра'* ее указов была такова: «Добродетель мира и веры Улуг-Теркен, царица женщин обоих миров». Девиз ее: «Ищу защиты только у Аллаха». Она писала его толстым каламом, превосходным почерком, так что ее знак (девиз) было трудно подделать».

3. БЕСПОРЯДОК В ГУРГАНДЖЕ

Вскоре после смерти Мухаммеда и пленения Теркен-хатун монголы поспешно отступили на всех направлениях. Чингисхану доложили о том, что поставленные задачи выполнены. Джэбэ и Субэтэй получили другой приказ: через Кавказские горы напасть на кипчаков.

Приказа убивать Джелаль эд-Дина ни у кого не было. Поэтому Менгбурны дождался ухода монголов на своем острове, через некоторое время высадился на континенте, привез труп отца в окрестности Рея и там захоронил.

Джелаль стал думать о дальнейших действиях.

Самым логичным казалось продолжать войну с монголами и вытеснить их из Мавераннахра. Но какую провинцию выбрать базой? В Персидском Ираке сидел в качестве наместника брат Джелаля — Рукн эд-Дин Гурсанчи. Он попал под влияние советников-персов. Что-то подсказывало Джелалу, что брат ему не рад. Хорасан разорен. В Кермане сидит другой брат, Пиршах, но там начались какие-то неурядицы. В провинции вспыхнула гражданская война между разными племенными группировками.

Оставалась Газна — горный удел в Афганистане, который несколько лет назад выделил своему сыну Мухаммед. Однако в Газну пришлось бы пробиваться через Хорасан, рискуя попасть в руки монголов.

Джелаль эд-Дин выбрал другой вариант: опереться на Туркмению и Хорезм. Первая из этих стран была пустынна и не интересовала монголов. Но в оазисах можно было получить пополнение. Вторая страна — Хорезм — оставалась бесхозной после того, как в марте 1220 года оттуда бежала Теркен-хатун со своей свитой. В то же время в Хорезме нашли приют остатки разбитых войск тюрок, отступивших из Мавераннахра. Наконец, Туркмению и Хорезм Джелаль считал своей родиной. По крови он был туркмен, а в Хорезме появился на свет. Ираноязычное население Хорезма было довольно лояльно по отношению к султанам из династии Ануште-

гинидов. В отличие, например, от таджиков. Последние не любили Мухаммеда и передались на сторону монголов.

Летом 1220 года главная часть монгольской армии отдыхала в Заречье и откармливала коней. Затем Чингис двинулся на покорение южных районов Мавераннахра (об этом мы еще расскажем). Гургандж очутился в стратегическом окружении — «словно упавшая палатка с перерезанными веревками», пишет Рашид эд-Дин. Но и тогда монголы не спешили захватывать его.

В городе почти не осталось начальства. За власть боролись канглы. Главными среди них были Хумар-тегин, бежавший из Самарканда, Огул-хаджиб, Бука-пехлеван «и много других», по словам Рашида.

Прошло лето, настала осень. Но лишь зимой монголы начали атаки на Хорезм. В последних числах декабря небольшой монгольский отряд подскочил к городу. Тюрки сделали вылазку и гнали врага до самого загородного дворца хорезмшаха. Тут выяснилось, что монголы спрятали в засаде много всадников, напали на хорезмийцев и отбросили их; в бою полегла тысяча мусульманских воинов. Остальные ударились в бегство. Монголы занялись преследованием, дошли до стен Гурганджа, проникли в ворота и ворвались в город на плечах убежавшего противника. Завязались уличные бои. Однако хорезмийцы отовсюду присылали подкрепления. На закате монголы ушли в степь.

На другой день атака повторилась. Афганец Феридун Гури, командовавший пехотой султана, отразил нападение. Наступило затишье, а вскоре распространился слух, что к городу приближается Джелаль эд-Дин.

...Джелаль сел на корабль вместе со своей свитой, которую составляли братья Озлагшах, Акшах, придворные лизоблюды и военачальник Тимур-мелик, бог знает каким путем прибывший еще к Мухаммеду и следовавший за ним. Менгбурны тосковал об отце. Когда видел нож, полотенце или же любую иную вещь, принадлежавшую султану, неизменно целовал ее и грустил. Но грусть не могла спасти султанат, а Джелаль был человек энергичный. Вместе

со свитой он пересек беспокойное зимнее море и высадился на Мангышлаке. Там Джелаль обнаружил табун коней и немедленно его присвоил. На этих скакунах Менгбурны и его свита примчались в Гургандж. Это произошло в январе 1221 года.

Дата вновь заставляет задуматься. Чингисхан разгромил основные силы Хорезма всего за четыре месяца. Всё остальное время он гонялся за хорезмшахом, а также укреплялся в Мавераннахре. Активных действий против Гурганджа Чингис не вел. Почему? Не исключено, что хаган изначально вовсе не имел цели громить Гургандж. Он хотел наказать Мухаммеда и тем ограничиться. Однако Джелаль эд-Дин возобновил войну. Это повлекло за собой ответную реакцию монголов.

Джелаль защищал наследственные владения как мог. Правда, его воли и его способностей было слишком мало для того, чтобы оживить политический труп Хорезма. Но Джелаль эд-Дин предпринимал поистине титанические усилия.

В Хорезме он обнаружил 90 000 солдат списочного состава. Если учтем, что здесь нашли приют все, кто спасся от монгольского меча в Зарчье, то численность армии следует уменьшить не в десять раз, как обычно, а хотя бы вдвое. То есть у Джелала было под рукой 40 000—50 000 *аскеров*. Но дисциплина хромала. *Аскерам* требовалась твердая рука, а ее не было. Двадцатилетнему хорезмшаху никто не хотел подчиняться. Разве что туркмены, которые видели в нем своего. Канглы предпочли бы видеть своим вождем какого-нибудь Озлагшаха.

После бегства Теркен-хатун дела в столице обстояли так. Первым власть захватил военачальник Али. Его прозвище было Кух-и Даруган. В переводе — «Гора Лжи», что позволяет составить мнение об этом персонаже. Лгать он умел, но управлять — нет. «Из-за неумения устроить дела, незнания законов управления и ничтожности его понятия в делах руководства люди оказались в тяжелом положении и смятении», — утверждает ан-Насави. Вокруг губернатора вертелись воры и проходимцы. Налоги шли мимо казны и оседали в карманах мошенников. Едва десятая часть доставалась

Али. Все вокруг заговорили о дефиците бюджета и нехватке средств. Богатейший Гургандж страдал от отсутствия денег!

Впрочем, вскоре в Хорезм явились два чиновника: Имад эд-Дин и Шараф эд-Дин Кёпек, которые отстранили от власти «Гору Лжи». Дела управления несколько улучшились. В таком состоянии застал их Джелаль эд-Дин, который прибыл в Хорезм вместе с двумя братьями. С ними было всего 70 *гулямов*. Власти Гурганджа устроили пышную встречу. Воины гарнизона выехали к молодому султану и выстроились перед ним с распущенными знаменами. Играла музыка, слышались победные крики.

Оказалось, что самым крупным отрядом в 7000 бойцов командует Кутлуг-хан, который успешно бежал от монголов и сдал им оборонительную линию в низовьях Сырдарьи. Численность его отряда реальна, здесь нет мифических десятков тысяч воинов.

Кутлуг происходил из канглыйского рода *баяут* — того же, из которого вела родословную Теркен-хатун. К тому же роду принадлежала мать Озлагшаха. Поэтому Кутлуг объявил себя сторонником этого юноши и начал плести интриги против Джелаль эд-Дина. Иранцы, населявшие Хорезм, безмолвствовали.

Озлагшах соглашался передать трон Джелалю. Однако Кутлуга это не устраивало. Он прекрасно понимал, что Джелаль раздаст все выгодные должности своим родственникам-туркменам. Поэтому молодого султана было решено заточить или убить. В заговоре стоял некто Инанч-хан — кипчакский генерал. Впоследствии этот человек попытается захватить Хорасан.

По какой-то причине он выдал своих товарищей-заговорщиков. Инанч донес Джелалю о намерениях Кутлуга. Ситуация была столь серьезна, что Джелаль даже не смог наказать крамольника и его друзей. Соотношение сил было явно не в пользу султана. Недолго думая он бежал из Гурганджа в сопровождении Тимур-мелика и небольшой свиты в 300 всадников.

Тотчас после бегства выяснилось, что Кутлуг ни с кем не намерен делиться властью, а во главе Хорезма видит исключительно себя. Озлагшах и Акшах заподозрили, что родич задумал их убить. Через

три дня после Джелала они тоже покинули город и отправились по следам брата. Благородный туркмен «с родинкой на носу» всегда защищал их.

Тем временем пришли в движение монголы, о которых все позабыли. Чингисхан отдал приказ поймать Джелаль эд-Дина, а часть войск двинул на захват Гурганджа. Ан-Насави уточняет: «Чингисхан же, получив сообщение о возвращении сыновей султана в Хорезм, направил туда огромное войско и приказал войскам в Хорасане рассеяться по границе упомянутой пустыни и наблюдать из засад». Это еще раз доказывает, что изначально он не хотел добивать потомство Мухаммеда, но коль скоро оно повело себя враждебно, пришлось сражаться. Это не значит, что мы оправдываем Чингисхана. Однако логику его поступков понять можно и нужно.

Джелаль ехал быстро и вскоре достиг крепости Неса/Наса. Здесь ему встретился небольшой отряд монголов. Предание гласит, что врагов было 700 человек. Опыт подсказывает, что цифру смело можно делить на десять. Джелаль рассеял несколько десятков встреченных монголов и пробился на юг, в район Нишапура. Ан-Насави рисует это как блистательную победу. «Он сразился с ними, — пишет историк про Джелала и монголов, — и каждая из сторон достигла предела возможного в поражении врагов, в ударах, наносимых мечами и копьями. Битва закончилась поражением татар. Они бросили награбленную добычу, свои пожитки, снаряжение, оружие и припасы. Из них спаслись лишь редкие одиночки и бежавшие заранее. Это был первый мусульманский меч, обagrившийся их кровью и игравший частями их тел».

Джелаль эд-Дин долго вспоминал эту победу. Она имела большое моральное значение для него самого, для его спутников и для иранских крестьян, которые наконец увидели, что тюрки способны их защитить.

Судьба уцелевших в этой схватке монголов была печальна. Они попрятались в канавах, но стали жертвой крестьян. Иранские земледельцы отомстили пришельцам сполна за грабеж и насилия: врагов извлекали из укрытий, гнали к городу и рубили головы.

Вскоре к Насе примчались новые монгольские отряды. Менгбурны был уже далеко, но на врага наткнулись его незадачливые братья — Озлагшах и Акшах, которые уехали из Гурганджа. Озлагшах вел себя неторопливо, встретился с хорезмийским комендантом Насы и получил великолепный прием. За это царевич пожаловал коменданту богатые имения, лежащие окрест. Тут пронесся слух, что приближаются монголы. Отряд врага рыскал по окрестностям и собирал сведения о детях хорезмшаха Мухаммеда.

Озлагшах и Акшах покинули Насу, собрали свиту и ударились в бегство. Монголы преследовали. Наконец у селения Вахша Озлагшах решил принять бой, так как стало ясно, что от недругов не уйти. Тюрки дрались с мужеством людей обреченных. «Обе стороны усердствовали в битве и не щадили своего оружия, — рассуждает ан-Насави. — Затем дело завершилось поражением безбожных, и они обратились в бегство». Оказывается, мелкие шайки монголов можно бить! Озлагшах и его спутники возрадовались и совсем позабыли об осторожности. Им следовало бежать, как это сделал более опытный Джелаль эд-Дин. Вместо этого Озлаг задержался на месте победы, что его погубило. К монголам прибыли подкрепления. Сын Мухаммеда попал в окружение вместе со свитой. «И лишь тогда, когда нападавшие окружили их, как ожерелье шею, они ужаснулись, и то, что было легким, стало трудным, а за победой последовал разгром». *Гулямы* сражались как львы, но монголы, видимо, расстреляли их отравленными стрелами из мощных луков. Нашел смерть и Озлагшах. «Он умер мучеником за веру, — констатирует ан-Насави, — да помилует его Аллах, и вместе с ним погибли его брат Акшах и все, кто был с ними из жертв несчастий и тех, кого захватили клыки бедствий». Монголы насадили их головы на копья и носили по городам и селениям, чтобы деморализовать иранцев. Мусульмане, особенно шииты, оплакивали гибель царевичей и сравнивали их с сыновьями халифа Али — Хасаном и Хусейном, — которые приняли мученическую смерть в гражданской войне в VII веке.

Оба принца вывезли богатую казну, но монголы не искали эти драгоценности. Местные крестьяне еще долго находили в пыли

алмазы и бадахшанские изумруды, которые продавали за бесценок перекупщикам.

4. ПРИБЫТИЕ В ГАЗНУ

Джелаль эд-Дин прибыл в Нишапур, собрал совет и объявил о своем намерении вести с монголами священную войну — джихад. Это был хороший и правильный лозунг. Значительную часть воинов Чингисхана составляли христиане.

Джелаль эд-Дин провел в Нишапуре месяц. Он собрал здесь маленькую армию, но сделать ничего не успел: о его местонахождении узнали монголы. Немедленно возобновилась погоня. Молодой султан последовал примеру отца, покинул Нишапур и поехал на юг — в Керман.

В этой области находилась неприступная крепость ал-Кахира. Ее гарнизон хранил верность хорезмшахам.

Крепость располагалась на скале. Скала была так высока, что, если смотреть снизу, сторожевые огни казались далекими звездочками. Ввиду надежности места здесь хранилось довольно много сокровищ и денег. Джелаль устал после долгого перехода. Дорога шла пустынной местностью, султан испытывал лишения. Он захотел остаться в крепости, но комендант отговорил:

— Нехорошо, если подобный тебе укроется в какой-то крепости, даже если бы она была построена на вершине созвездия Близнецов или еще выше и дальше. Крепости для владык — это то же, что хребет лошади для льва. Даже если ты укрепишься здесь, то татары разрушат ее строения, пока не достигнут цели.

Джелаль признал его правоту, велел принести часть золота из сокровищницы ал-Кахиры, распределил его по мешкам и покинул крепость.

Вскоре спутники Джелалия поняли, что он направляется в Газну.

В пути Менгбурны узнал, что неподалеку находится его родич Хан-мелик с десятью тысячами канглов и туркмен. Его история такова. Хан-мелик был двоюродным братом султана Мухаммеда по

матери. Султан поручил ему управлять богатым афганским городом Гератом. Вскоре Хан присоединил к этому еще и Мерв.

Этот энергичный туркмен сперва покорился монголам в надежде снискать их милость. Но он нарвался на дурного человека. Им оказался зять Чингиса — *ноян* Тохучар из племени хунгират. Тохучар нарушил все договоренности с Хан-меликом и разграбил его владения. Тогда Хан-мелик собрал войска и восстал. То есть нанес монголам удар в спину.

Что касается Тохучара, то Чингис хотел его сперва казнить за самоуправство. Затем смилостивился и заменил казнь разжалованием в рядовые. Тохучар погиб на войне.

Услыхав о приближении карательных отрядов монголов, Хан-мелик собрал войско и бросился на юг, чтобы занять для себя область Систан и оторваться от врага. Однако бои в Систане завершились безрезультатно. Хан со своими джигитами возвращался назад, когда наткнулся на Джелаль эд-Дина.

Монголы уже знали об их передвижениях и проникли в Афганистан. Один из отрядов Чингиса вырвался далеко вперед и осаждал Кандагар. Джелаль эд-Дин предложил Хан-мелику напасть на этот отряд. Хан был человек дельный и не склонный к пустым интригам. Туркмены соединились, напали на монголов под Кандагаром, отбросили их. Неясно, сколько воинов имелось у монголов. Понятно, что это небольшой отряд, численность которого вряд ли превышала тысячу человек. Имея десятикратный перевес, туркмены одержали победу. Хан-мелик вернулся в Герат, чтобы попытаться защитить его от монголов, а Джелаль продолжал путь в Газну, где стал собирать войска для дальнейшей борьбы. В это время до него дошли вести о падении Гурганджа.

5. ОСАДА ГУРГАНДЖА

Итак, в начале 1221 года монголы взялись за осаду хорезмийской столицы всерьез. Правителем города и начальником войск по-прежнему был Кутлуг-хан.

К стенам Гурганджа стали подходить главные силы орды. «Первым из них прибыл Байджу с огромным войском, — пишет ан-Насави. — Затем подошел сын Чингисхана Угэдэй... Вслед за ними мерзкий [Чингисхан] отправил свой личный отряд во главе с Боорчу-нояном с его злейшими дьяволами и ужасными ифритами. За ними направил он своего сына Чагатая...» Последовательность подхода войск сильно перепутана. Точность не является сильной стороной ан-Насави, но эмоции он передает хорошо.

На самом деле первыми прибыли Джучи и Чагатай. Монгольские войска обложили Гургандж со всех сторон. Затем царевичи отправили послов, «призывая население города к подчинению и повиновению». Хорезмийцы отказались подчиниться, уповая на крепость стен и многочисленный гарнизон. В самом деле, Гургандж выдержал не одну осаду, и всякий раз дело заканчивалось благополучно для защитников.

Больше всех пытался спасти город Джучи-хан, тем более что отец выделил Гургандж ему в улус после того, как решение о захвате было принято. Джучи вообще не отличался кровожадностью. Царевич любил жизнь, обожал женщин. Рашид пишет, что у него имелось сорок детей от разных жен — девятнадцать сыновей и двадцать одна дочь. Он был не прочь пополнить свой гарем за счет красавиц Гурганджа.

Джучи «сказал, что Чингисхан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью», — свидетельствует ан-Насави. Младший брат Джучи — Чагатай — не разделял этих намерений. Чагатай вообще отличался мрачным и тяжелым характером. Это был неприятный в общении человек — педант, формалист и суровый правитель. Джучи-хана Чагатай не любил и всячески раздувал сплетни о меркитском происхождении царевича (царевич был рожден после того, как его мать побывала в плену у меркитов). В эти

байки мало кто верил, но они закрыли Джучи дорогу к престолу великого хагана. Перед западным походом Чингис назначил своим наследником третьего сына, веселого Угэдэя.

Так или иначе, мирные предложения были отвергнуты хорезмийцами. Монголы взялись за дело. «Они начали готовиться к осаде и изготовлять приспособления для нее в виде катапульта (*манджаник*), черепаха (*матарис*) и осадных машин (*даббабат*), — перечисляет ан-Насави. — Когда они увидели, что в Хорезме и в его области нет камней для катапульта, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивали их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульта».

Активных действий долгое время не было. Но вот со всех сторон под стены пришли многочисленные *хашары* — толпы пленных, которых монголы использовали при строительных работах. Пленные закидали землей ров в течение двух дней. Затем монгольские полководцы обратились к плотине, которая загораживала течение Амударьи. Монголы подумали, что, если разрушить плотину, вода хлынет в город и затопит его. Это может избежать лишних жертв. Последовала атака плотины. «Три тысячи монгольского войска приготовились для этого дела», — говорит Рашид. Они внезапно приблизились к плотине и напали на ее защитников, но сражаться здесь было трудно. Теснота мешала монголам применить луки и стрелы «с зарубинами». Из Гурганджа вышли ополченцы и гурцы под командой Феридуна Гури. Эта пехота окружила монголов и стала яростно с ними рубиться. Джучи и Чагатай не успели перебросить подкрепления. Отряд монголов был вырублен, спаслись немногие. Если бы так сопротивлялись города Мавераннахра, населенные таджиками, Чингисхан не одержал бы стольких побед...

«В результате этой победы горожане стали более ревностны в бою и более стойки в сопротивлении», — свидетельствует Рашид.

Неудачи обозлили монголов и вызвали разногласия в штабе. Джучи и Чагатай и раньше недолюбливали друг друга. Теперь их вражда разворачивалась на виду у всего войска. Они разделили принадлежавшие им тысячи и сражались каждый на свой страх и риск. В результате отряды несли ненужные потери. Хорезмийцы совершали удачные вылазки, а монгольские штурмы заканчивались ничем. «Говорят, — пишет Рашид, — что холмы, которые собрали тогда из костей [убитых], еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма». Мы уже обращали внимание на словцо «говорят». Оно означает, что Рашид не уверен в сказанном и делится своими сомнениями с читателем. Однако убитых среди монголов было действительно много.

Возможен и другой вариант. Джучи не хотел разрушать город и ограничился его блокадой. А Чагатай бросал своих людей на бесполезные приступы и нес потери, из-за этого еще больше приходил в ярость и буквально возненавидел старшего брата.

Сколько войск было у монголов? Тысяч двадцать, не больше. Половиной из них командовал Джучи, а другой половиной — Чагатай. Потери в корпусе Чагатая действительно были огромны. Если предположить, что в атаку на плотину ходили его люди, мы должны сразу уменьшить численность войска Чагатая не меньше чем на две тысячи воинов, погибших в схватках. А если верить Рашиду, то и на три: историк утверждает, что погибли практически все. А сколько полегло в других штурмах? Умерло от ран? Попало в плен? Скончалось от болезней? Должно быть, у Чагатая оставалось не более 6000 бойцов. Зато Джучи выглядел молодцом. Он сохранил почти всех своих людей и поглядывал свысока на неудачливого брата.

Единственные люди, которым следовало посочувствовать, — угнанные в *хашар* таджики. О них никто не заботился, они сами искали себе провиант и умирали от холода, голода и болезней. Но потери среди таджиков никто не считал. О них не упоминает даже ан-Насави, который ненавидит монголов. Историк весьма сочувствует тюркам, обожает своего господина Джелала и превозносит иранцев. Но не таджиков.

Слухи о распри среди монгольских царевичей наконец дошли до Чингисхана. Хаган потребовал объяснений.

Оба сына считали себя правыми. Джучи доказывал, что шадит своих людей. Чагатай говорил, что пытается выполнить приказ Чингисхана и разрушить Гургандж, но из-за пассивности Джучи теряет воинов понапрасну.

Чингис в это время осаждал крепость Таликан в Тохаристане (Северный Афганистан): улучшал оперативное положение перед решающей схваткой с Джелаль эд-Дином, который достиг Газны.

Спор сыновей хаган рассудил по-своему. На подмогу двум своим отпрыскам он отправил третьего — Угэдэя. И поручил братьям подчиняться ему.

Угэдэй проявил качества настоящего полководца и государственного мужа. Он сумел примирить Джучи и Чагатая, проявил такт и взял руководство боевыми действиями в свои руки. С этой минуты Гургандж был обречен.

Основательно подготовившись, Угэдэй штурмовал одну из стен, выбрав самое удобное место. Оно уже было разрушено катапультами. Стена пала, и над соседней башней взвилось монгольское знамя. В штурме, скорее всего, приняли участие свежие войска и отряды Джучи, хорошо сохранившиеся во время осады. После этого Угэдэй приказал обстрелять городские кварталы снарядами с нефтью. В городе начались пожары. Монголы вошли в кварталы. Тюрки, гурцы и хорезмийцы контратаковали. У пролома завязалось побоище в дыму и огне. Наступление остановилось.

Монголы поменяли тактику: стали методично рушить стены и атаковать квартал за кварталом. Об этом пишут ан-Насави, Джувеини и Рашид эд-Дин. Штурм продолжался неделю. Это была зачистка. Монголы брали один квартал и полностью разрушали его с помощью *хашара*. Остатки защитников укрывались в другом квартале. Вскоре приходила и его очередь. Суровые сцены боев рисует Рашид эд-Дин: «Монголы сражались жестоко и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город целиком».

Остатки тюрок и иранцев-хорезмийцев отчаянно сопротивлялись. «Но положение стало трудным, — подхватывает ан-Насави, — зло обнажило свои клыки, и у них осталось только три квартала, где люди толпились в тесноте». Тогда защитниками овладело смятение. Они приняли решение капитулировать на почетных условиях. Хотя по монгольским законам для этого было слишком поздно.

Хорезмийцы прислали парламентаря — почтенного *факиха* (писца) и смотрителя рынков Ала эд-Дина ал-Хайяти. «Он молил о милости и просил заступничества: это было в то время, когда [в город] уже вонзились когти Души-хана и его клыки и грудь были в крови», — нагнетает страсти ан-Насави. Он вообще недолгобливает «Души-хана» (Джучи), потому что этому человеку в итоге достался Хорезм.

Между тем Джучи-хан обошелся с парламентарем милостиво, а братьев пригласил на совет, разбив для этой цели роскошный шатер. *Факих* начал разговор с ними демагогически:

— Мы уже увидели, как страшен хан, теперь настало время нам стать свидетелями его милосердия.

Кто-то из монголов, скорее всего Чагатай, разгневался и воскликнул:

— Ведь они сами губили моих воинов и затянули сражение! Это я видел их грозный облик! А теперь покажу, каков должен быть их страх передо мной!

Монголы приняли безоговорочную капитуляцию и выгнали остатки жителей Гурганджа в степь. Дальнейший рассказ ведет Рашид эд-Дин, и его цифры населения Гурганджа поистине сказочны. Сперва монголы отделили «около ста тысяч ремесленников». Их угнали на восток — в Монголию. Молодых женщин и детей тоже пощадили, но забрали в плен. Женщины должны были стать женами, наложницами и прислугой. Дети — поступали на воспитание в монгольские семьи, чтобы сделаться воинами. Сто тысяч ремесленников — это невероятная цифра для «трех кварталов», оставшихся у хорезмийцев. Но дальше — еще неправдоподобнее. Остатки населения разделили между воинами и начали резню.

«Утверждают, — осторожно пишет Рашид, — что на каждого монгола пришлось двадцать четыре человека, количество же ратников [монголов] было больше пятидесяти тысяч. Короче говоря, всех перебили и войско занялось потоком и разграблением. Разом разрушили остатки домов и кварталов». Кроме того, разрушили плотину, и хлынувшая вода смыла остатки города. Погибли глинобитные домики горожан. Уцелело несколько дворцов и мечетей. В романе В. Яна «Чингисхан» в волнах разбушевавшейся Амударьи гибнет пара героев романа: разбойник Кара-Кончар и его возлюбленная.

Однако вернемся к численности войск и количеству убитых. Допустим, монголов и вправду 50 000 человек. На каждого воина пришлось 24 убитых хорезмийца. Получается, что монголы перебили 1 200 000 мужчин. Еще 100 000 ремесленников угнали на берега Керулена. И это после четырех месяцев ожесточенных боев. А ведь были еще женщины и дети. Примем, что каждый мусульманин имел в среднем две жены и трех детей. Возьмем цифру 1 300 000 выживших после штурма. Получаем население Гурганджа почти в 8 000 000 человек. И это уже после того, как монголы практически разрушили город. А сколько было погибших во время осады? Еще миллион? Это почти население современной Москвы без пригородов. Даже в нынешнем Узбекистане с его инфраструктурой и коммуникациями невозможно прокормить такое население в Куня-Ургенче и его окрестностях. А поселок Куня-Ургенч — это и есть средневековый Гургандж. Допустим, однако, что мы не поняли Рашид эд-Дина. Может быть, он имел в виду общее время осады? То есть каждый монгол перебил по 24 врага во всём городе за пять месяцев, а не за последний день в трех кварталах? Но и тогда цифра в 8 000 000 человек — фантастична.

Вывод один: греш цена математическим выкладкам среднеазиатских историков. Поэтому весьма странно, что многие авторы некритически воспринимают цифры, приведенные у них. Это касается всего: количества сокровищ, подсчета потерь, численности армий. Ко всем этим подсчетам следует относиться с большой осторожностью.

Так что же в действительности произошло после взятия Гурганджа? Большая часть населения погибла во время беспрепятственных штурмов. Но в трех последних кварталах уцелело много воинов и гражданских. Конечно, не 8 000 000. Ремесленников могло быть 10 000, если принять обычное десятикратное преувеличение мусульманских авторов. Еще несколько десятков тысяч мирных жителей также избежали смерти. В основном — женщины и дети. А кого перебили монголы? Воинов. Первыми полегли военачальники, которые командовали обороной, — Хумар-тегин, Кутлуг-хан, Феридун Гури. Затем победители расправились с их подчиненными. Резня была действительно впечатляющей, коль скоро она превратилась в воображении Рашида в бойню миллионов людей.

А сколько было самих монголов? Рашид утверждает, что 50 000. Может быть. Но только не в конце осады. Историк посчитал все силы монголов, которые побывали под стенами Гурганджа. По нашему предположению, этих сил первоначально было 20 000. Затем Чагатай погубил половину своего корпуса. Пришел Угэдэй с 30 000 всадников и огромным количеством *хашара*. Из этих 30 000 тоже многие сложили головы во время отчаянных схваток за городские кварталы. Думается, у монголов осталось не больше 30 000 боеспособных солдат после штурма Гурганджа. Остальные погибли или были ранены и на время вышли из строя. Взятие хорезмийской столицы обошлось дорого. ,

Но даже если мы начнем умножать 24 на 30 000, численность населения Гурганджа окажется неправдоподобно велика...

В конечном итоге судьба города оказалась незавидна. Он погиб навсегда. Новый город, возникший вскоре неподалеку, монголы называли Ургенч. А на месте старого появился Куня-Ургенч. Постепенно эти места заселили тюрки. Сегодня территорию бывшего «коренного» Хорезма населяют каракалпаки, а сам Хорезмский оазис — узбеки. Иранское население исчезло. Такова оказалась цена героизма древних хорезмийцев, которые выступили на стороне своих господ-тюрков и сложили головы под монгольскими саблями.

Это сопротивление дало возможность Джелаль эд-Дину собраться с силами. Посмотрим, как молодой султан «с родинкой на носу» использовал этот шанс.

Газной и ее окрестностями несколько лет управлял Кузбар-мелик как *наиб* (наместник) Джелала. Самого Джелала, как мы помним, не отпускал от себя его отец.

Кузбар-мелик вместе с правителем Герата Хан-меликом ходил в неудачный поход на Систан. Этим воспользовались гурцы. Они восстали.

К востоку от Газны находился большой город Пешавар. Им управлял гурец

Х а р б у ш т. Формально он подчинялся хорезмшахам, но втайне мечтал о независимости. Когда войска из Газны ушли в Систан, Харбушт счел момент удобным для того, чтобы вернуть афганцам свободу, явился в Газну и захватил город без боя. Его сдал тюркский комендант, за что был оставлен на своем посту.

Казалось, возвращаются времена великих Гуридов. Но это была лишь пародия на них. Харбушт не имел подготовленных кадров и опирался на тюрок. За эту неразборчивость новый Гурид поплатился жизнью. Комендант Газны однажды сопровождал Харбушта во время поездки по городу. Улучив удобный момент, тюрок вонзил нож в грудь афганцу «и разорвал завесу его жизни», как выражается ан-Насави. Харбушт умер на месте. За него никто не стал мстить. Гурцы просто разошлись по домам. Так что к моменту прибытия Джелала страна была полностью замирена.

Однако интриги и раздоры продолжались. Причиной их стал сам Джелаль. Еще находясь в дороге, он прислал гражданского правителя Газны — перса или афганца. Тот немедленно казнил тюрка-коменданта — того самого, что замирил страну.

По словам ан-Насави, Джелаль въезжал в Газну триумфатором. «Люди радостно встречали его прибытие, как постившийся встречает месяц прекращения поста или пострадавший от засухи — про-

ливной дождь». Не будем обольщаться цветистыми восточными формулировками. На самом деле пышную встречу организовал упомянутый перс (его почетное прозвище было Ради ал-Мульк, под ним он и вошел в историю). Народ не мог быть в особом восторге, потому что вместе с Джелалем в Афганистан пришла война.

Ан-Насави перечисляет важных военачальников, которые первыми присоединились к молодому хорезмшаху. Среди них — Сейф эд-Дин Аграк, вождь тюркского племени *калач* (*халадж*, если произносить на «аристократический» арабский манер), которое жило в Афганистане; правитель афганского Балха Азам-мелик, вождь каких-то других афганцев Музаффар-мелик и предводитель карлуков Хасан. «Каждый из них имел около тридцати тысяч всадников, — беззастенчиво лжет ан-Насави. — С Джелаль эд-Дином было столько же его войск» и войска Хан-мелика. Итого — как минимум 150 000 тысяч воинов. Будь это правдой, Чингисхану следовало поскорей уносить ноги из Хорезма! Но мы, как всегда, имеем дело со «списочным составом». Видимо, каждый предводитель пытался содрать с Джелала как можно больше денег на содержание войск и раздувал списки с численностью. Хорезмшах платил не скупясь и воображал себя предводителем громадной армии. Он повсюду распространял слухи о фантастически огромном числе своих воинов. Но тем самым оказал себе дурную услугу. Чингисхан узнал о военных приготовлениях и форсировал боевые действия в Северном Афганистане.

6. МОНГОЛЫ ПРОДОЛЖАЮТ ВОЙНУ

Вернемся назад, в 1220 год. Еще жив Мухаммед, еще не разрушен Гургандж. Обратимся к действиям Чингисхана.

Взяв Самарканд, Чингис откормил коней на лугах Нахшеба (современный город Карши в Узбекистане) и дал воинам отдых. После этого завершил покорение Заречья. Хаган двинулся на Термез и прошел Железные ворота в районе Шахрисябза. Своего младшего, любимого сына Толуя Чингис отправил в Хорасан с небольшим

войском. Толуй перерезал коммуникации хорезмийцев и прикрыл дороги от возможного нападения султана Мухаммеда.

Сам хаган осадил Термез. События развивались по шаблону. Первым делом в город направили гонцов с предложением капитулировать и срыть укрепления. А надо сказать, что укреплен Термез был прекрасно. По этой причине гарнизон отказался сдаться. Но с Чингисом шутки были плохи. Осада продолжалась одиннадцать дней, после чего монголы ворвались в Термез, и город капитулировал. Чингис приказал перебить всех, кто уцелел. Пострадали даже женщины. С возрастом хаган утратил остатки человеколюбия (если, конечно, средневековые историки ничего не преувеличивают относительно страшного приказа; мы видели, что в других случаях мирное население щадили и это побуждало города сдаваться монголам). Впрочем, озверели буквально все. Рашид передает случай, когда монголы схватили какую-то старушку, и та начала голосить:

— Не убивайте меня, я вам дам крупную жемчужину!

— Давай!

— Я ее проглотила...

Монголы немедленно вспороли бабушке брюхо и извлекли жемчуг из кишок. С тех пор они часто вспарывали животы у трупов, чтобы найти какие-нибудь сокровища.

А Чингисхан продолжал поход. Хаган действовал жестоко, грабил богатейшие края, избивал население и неторопливо двигался вперед. Выслал отряд для захвата Бадахшана, и этот край пал к ногам монголов. В таких мелких действиях прошел остаток 1220 года. К тому времени хагану успели донести о смерти хорезмшаха Мухаммеда, о восшествии на престол Джелаль эд-Дина, о визите молодого султана в Гургандж, о бегстве из столицы на юг. Тогда Чингис переправился через Амударью и напал на древний ремесленный город Балх, чтобы прикрыть южные рубежи Заречья. События развивались так, как в Мавераннахре: небольшое сопротивление, затем капитуляция, подарки монголам, избивание воинов-тюрок, срытие укреплений.

Расправа возымела воздействие. Чингис захватил весь Тохаристан (север Афганистана), а затем вышел в долину реки Мургаб, где стояла мощная крепость Таликан. Крепость защищал сильный гарнизон, она была полна припасов, гарнизон Таликана хранил верность шаху. Чингис несколько раз предлагал ее защитникам сдаться, но они отвечали отказом. Гарнизон сражался столь храбро, что осада затянулась.

В это время северный монгольский корпус заканчивал осаду Гурганджа. Чингис застрял на юге, под Таликаном. В центре фронта действовал сын хагана — Толуй. И, наконец, отдельный корпус Джэбэ — Субэтэя ушел далеко вперед, в Закавказье, чтобы напасть оттуда на кипчаков.

Для современного читателя города, которые осаждал Чингисхан, — пустой звук. Многие даже не смогут найти точку на карте, где расположен тот или иной город. Однако профессиональным военным, особенно тем, кто воевал в Афганистане, понятно, что монгольский хаган захватывал укрепления вдоль стратегически важных дорог, чтобы расчистить себе путь в сердце вражеской страны.

Таликан наконец пал, его гарнизон был перебит. После взятия Таликана на пути хагана встал Бамиян. Всё это были крепости в горах. К битвам в этих условиях монголы еще не привыкли. В Китае они в основном дрались на равнинах. Да и в самой Монголии не было горных крепостей, на которых можно было бы отточить искусство осады.

Гарнизон Бамияна, состоявший, по-видимому, из афганцев, дрался отчаянно, штурмы следовали один за другим. В горячке боя был убит стрелой любимый сын Чагатая — юный Мутуген. Чингис приказал скрыть его смерть от отца: не хотел, чтобы Чагатай терзался из-за утраты любимого человека.

Гарнизон Бамияна жестоко поплатился за эту смерть. Взяв город, монголы «убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц», — сообщает Рашид эд-Дин. Не брали ни добычи, ни пленных. Чингисхан запре-

тил людям селиться в этих местах. Бывшее поселение получило известность как курган Мутугена.

После взятия Бамияна войска Чингиса провели лето в прохладных предгорьях. Однако у хагана были все основания для беспокойства. Джелаль эд-Дин пришел в Газну. Чингис начал стягивать войска, чтобы начать кампанию против юного хорезмшаха.

Полки Чагатай и обоз подошли из-под взятого Гурганджа. Прибывали новые и новые отряды. Вернулся Толуй, приехал Угэдэй.

Чагатай захотел увидеть Мутугена, но все говорили, что Мутуген уехал куда-то — то ли на охоту, то ли в разведку по заданию хагана.

Однажды Толуй, Чагатай и Угэдэй собрались в шатре отца. Чингисхан был не в настроении. Он сердито разговаривал с сыновьями и наконец обратился к Чагатаю:

— Вы все не слушаете меня и нарушаете мой закон — Ясу!

В гневе Чингис был страшен. Его «кошачьи» глаза (непонятно, что подразумевали под этим хронисты — то ли цвет, то ли разрез) метали молнии. Чагатай испугался, бухнулся на колени и пролепетал:

— Если я переиначиваю твои слова и твои приказы, пусть я умру!

Чингисхан этого и добивался. Он молвил:

— Твой сын Мутуген убит в битве под стенами Бамияна. Приказываю, чтобы ты не плакал и не горевал, коль скоро ты говоришь, что всегда исполняешь мои приказы!

Чагатай обомлел и не мог ничего сказать. Человек он был злой, но дисциплинированный. Поэтому старался не показывать скорби, хотя в душе сильно терзался. «Он терпеливо переносил жжение сердца и печени, — пишет Рашид, — и не заплакал». Сыновья стали пировать в юрте отца. Чагатай ел и пил как ни в чем не бывало. Но человеческие чувства взяли верх. «Спустя некоторое время, — говорит Рашид, — он вышел в степь под предлогом малой нужды и тайно всплакнул, чтобы стало немного легче; вытерев глаза, он вернулся назад».

Эта картина как нельзя лучше рисует суровую и жестокую жизнь монголов времен Чингисхана, когда даже чувства они вынуждены были подчинять долгу.

В это время Джелаль эд-Дин разгромил крупную монгольскую армию под началом татарина Шики-Хутага. Вот как это произошло.

7. БИТВА ПРИ ПЕРВАНЕ

Опять вернемся назад. Осаждая Таликан, Чингис постоянно получал новости об успехах Джелала. Уже тогда хаган начал понимать, что перед ним — отважный и удачливый соперник. Правда, еще не придавал значения успехам султана. Во всяком случае, так считают авторы «Сборника летописей».

Чингис выдвинул на юг тридцатитысячную армию под началом нескольких полководцев. Общее командование возложил на своего приемного брата — Шики-Хутага из монгольского племени татар. Задача была поставлена такая: прикрыть дороги на Газну и Кабул, откуда мог прийти Джелаль на выручку крепости Таликан.

Однако обстоятельства стали складываться не в пользу монголов, что в конечном итоге привело к тяжелому поражению.

Шики-Хутаг был готов сразиться с Джелалем. Татарин расположил свои силы так, чтобы успеть сконцентрировать силы и отбить нападение *аскеров* султана на любом направлении. Однако все карты спутал хорезмийский губернатор Мерва и Герата Хан-мелик. Он пополнил свои войска и выступил на соединение с Джелаль эд-Дином, ударив по тылам армии Шики-Хутага.

Шики задумал перехватить неприятеля по дороге и выделил часть сил для погони. Однако Хан-мелик и его разведчики знали местность гораздо лучше. Туркмены обошли монгольские заслоны. Хан-мелик отправил Джелаль эд-Дину письмо, в котором говорилось: «*Пусть султан будет на привале в Перване, чтобы я присоединился к нему*». Такое же письмо он направил предводителю корпуса канглов, воевавшему неподалеку. Об этом пишет

Рашид эд-Дин. Однако историк не сообщает, откуда взялся отряд канглов в этих местах. Они не подчинялись Джелалю. Гипотеза может быть одна: канглы сперва присоединились к монголам, а теперь дезертировали.

Шики-Хутаг совсем потерялся и расплыл силы. Часть его армии осаждала крепость Валиан, прикрывавшую путь на юг, во владения Джелалая. Другая часть преследовала отделившихся канглов. Сам Шики-Хутаг с главными силами настиг Хан-мелика в одном переходе от Первана. Это произошло рано утром. Если бы монголы атаковали противника немедленно, победа была бы обеспечена. Однако татарский полководец приказал дать бой, когда совсем рассветет: опасался засады.

Решение оказалось неверным. Хан-мелик воспользовался передышкой, поднял войско и ускакал на соединение с Джелалем. Это была стратегическая победа.

К тому времени сам Джелаль напал на монголов, осаждавших Валиан, и окружил их. Султан действовал так, как научили его сами монголы. Обоз оставил в Перване, а с собой взял легкую кавалерию. Стремительным маршем достиг Валиана и добился эффекта внезапности. Монголов было всего 2000—3000. Джелаль привел тысяч десять — пятнадцать.

Половина монгольского отряда сложила головы в сече. Остальные отступили и переправились через соседнюю речушку, откуда принялись обстреливать тюрок. Воины Джелалая отвечали тем же. Переправиться под обстрелом противника они не решились. Ночью монголы сели на коней и двинулись на соединение с Шики-Хутагом.

У татарского полководца имелось 22 000—25 000 воинов, учитывая раздробленность сил и понесенные потери в предыдущих боях. Численность войск Джелаль эд-Дина вообще не представляется возможным определить. Если считать «списочный состав», получим 180 000 солдат, но это нереально.

И всё же попробуем хотя бы приблизительно оценить силы хорезмшаха. Изначально у него было 12 000—15 000 *аскеров*. Затем

присоединяются *калач* Сейф эд-Дин Аграк, афганцы Азам-мелик и Музаффар-мелик и карлук Хасан. Численность каждого отряда, приведенного ими, не превышала 10 000 солдат. Возможно, афганцев было немного больше — тысяч пятнадцать. Итого — все вместе они могли привести до 40 000 воинов. Хан-мелик имел, по всем признакам, корпус большей численности. С канглами и туркменами у него могло быть 20 000 бойцов. Итого общая численность войска Джелала могла составлять 70 000—75 000 воинов. Султан вызывает тем большее уважение, что собрал их на пустом месте, уже после того, как главная армия его отца была уничтожена монголами в Заречье. Правда, подготовка и боевой дух *аскеров* оставляли желать лучшего, но эти вещи не зависели от Джелала.

Как только Хан-мелик прибыл к хорезмшаху, он воскликнул:
— Монгольское войско идет по пятам!

Джелаль эд-Дин поднял свою армию и двинулся навстречу врагу. Шики-Хутаг оказался в ловушке. Из дальнейшего рассказа мы узнаем, что тюрки навязали монголам какое-то невыгодное место для битвы. Возможно, Шики-Хутаг угодил в одно из ущелий, откуда было невозможно уйти, не потеряв армию. Поэтому он был вынужден принять бой. В пользу этой гипотезы говорит и тактика сражавшихся. Они перестреливались, но не могли маневрировать.

Джелаль расставил войска. Командовать правым флангом поручил Хан-мелику, левым — Сейф эд-Дину Аграку с его *халаджами/калачами*, а центр оставил себе. «Он приказал всему войску спешиться, привязать к поясу поводья коней и мужественно сражаться», — пишет Рашид. Не правда ли, странный способ войны для кавалериста? Объяснение только одно: исход боя должна была решить перестрелка. Фланги Джелала упирались в склоны гор. Монголы не могли обойти их и не могли отойти, чтобы заманить врага в засаду. Мешали теснины. Следовательно, Джелаль выбрал идеальное место для битвы, а Шики-Хутаг просчитался. Так началась битва при Перване.

Обе стороны вели перестрелку, но монголы — отличные лучники, стрелковое оружие у них качественнее. Поэтому мусульмане несли большие потери.

У тюрок лучшими стрелками были *гулямы* — личная гвардия султанов. Но *гулямы* — штучный товар. Шайки бродячих тюрок, которые составляли главные силы хорезмшаха, любили пограбить беззащитное население, но с профессиональными воинами сражались плохо. Однако первый день битвы при Перване принес мусульманам успех: их громадное войско выстояло против уступавшего по численности врага.

Шики-Хутаг пошел на хитрость: ночью приказал смастерить чучела из войлока и халатов и усадить на заводных коней. Наутро тюрки увидели, что вражеская армия удвоилась. Мусульманские джигиты испугались, кое-кто попытался бежать. Еще немного, и вся армия Джелала рассеялась бы без единого выстрела. Но хорезмшах каким-то чудом смог заставить солдат оставаться на месте: носился на туркменском скакуне среди своих воинов и кричал:

— Наше войско многочисленно! Мы построим ряды и возьмем их в кольцо справа и слева!

Султан изменил тактику. Он подумал, что вести перестрелку с громадной монгольской армией, которая вместе с «войлочными» воинами превышала теперь 40 000 бойцов, бесполезно. Следовало идти в атаку. Застучали большие и малые барабаны. Это был сигнал. Хорезмшах приказал обоим флангам напасть на монголов, а центр по-прежнему занимался перестрелкой. Тюрки атаковали на свежих конях и в один миг преодолели расстояние, отделявшее от противника. Так как в той местности было много ям и нор, монгольские кони проваливались в них и были лишены возможностей для маневра и приняли бой. В свалке сыграл роль численный перевес. Монголы понесли огромные потери. Шики-Хутаг с трудом выбрался из кровавой перделки и ускакал. Остатки его армии вскоре вернулись к Чингисхану.

Монгольский хаган встретил весть о поражении своего названного брата с полным спокойствием.

— Шики-Хутаг привык к победам. Познав поражение, он будет впредь осторожнее.

После этого Чингис приказал готовиться к большому походу против Джелаль эд-Дина. Хаган лично возглавил это предприятие, а по пути собирался взять и разрушить несколько афганских крепостей. На Джелалья надвигалась опасность.

Глава 3 ХАОС В ИРАНЕ

1. БРАТЬЯ ХОРЕЗМШАХА

Молодой султан внимательно наблюдал за действиями монголов и в то же время следил за событиями на западе своей страны. Западными областями формально управляли его братья — Рукн эд-Дин Гурсанчи и Гияс эд-Дин Пиршах. Остальные сыновья Мухаммеда, как мы видели, нашли смерть в войне с монголами.

Однако и на западе владений султана было беспокойно. Во-первых, братья фактически не подчинялись Джелалю. Во-вторых, местные полководцы и начальники не повиновались братьям. Мы видим те же мелкие интриги, кровавые междоусобицы и неспособность сплотиться, что и в других областях.

Рукн эд-Дин Гурсанчи стал править Персидским Ираком еще за пару лет до нашествия монголов. Был он совсем юн, младше Джелалю. Поэтому отец выделил опекуна-*атабека*. Им стал некий Йиган Таиси — дядя Рукн эд-Дина по матери. Однако воспитанник быстро подрос, освоился в мире дворцовых интриг и донес хорезмшаху на своего воспитателя. «Он дал отцу понять, что если тот ослабит узду *атабека* и позволит ему действовать и поступать как угодно, то будет от него такое, чего потом не исправишь, — витийствует ан-Насави. — Тогда султан разрешил ему схватить *атабека*, и он арестовал его и держал в заточении в крепости Сарджахан...» Йигана обвинили в попытке отложиться от Хорезма. Обвинение было серьезно и грозило пожизненным заключением.

Самостоятельное правление Гурсанчи продолжалось недолго. Пришли монголы, и в Персидском Ираке возникла смута. В 1220 году Рукн эд-Дин покинул эту область, встретился с отцом Мухаммедом, доложил о мятежах и развале страны, а затем отбыл в Керман вместе со своим старшим братом Пиршахом. Здесь оставался девять месяцев в то время, когда Субэтэй прошел победным маршем весь Персидский Ирак. Эта страна полностью отложились от Хорезма. Мятеж поднял некто Джемаль эд-Дин Мухаммед. Об этом человеке мало что известно. Перед нами тюрк, военный, одно время служивший крупным чиновником в Азербайджане при дворе *атабека* Узбека. После поражения *атабека* в войне с хорезмийцами Джемаль эд-Дин перешел на сторону победителей. Рашид эд-Дин называет его «рабом хорезмшаха». В таком качестве Джемаль пробыл, однако, недолго.

Историк ан-Насави, враждебный ко всем врагам своих хорезмийских хозяев, пишет, что мятежник «собрал в Хамадане некоторое количество иракских тюрков, проходимцев, зачинщиков смут». Далее приводится длинный список предводителей тюркских шаек, поддержавших путчиста. Язык не поворачивается осудить их за это. Ведь хорезмшахи были такими же путчистами, восставшими когда-то против своего сельджукского государя. С этого момента прошло всего-навсего несколько десятилетий. Мусульманский Восток представлял собой царство джентльменов удачи.

Монголы Джэбэ и Субэтэй явились в Хамадан, поставили здесь правителя из мусульман, обложили город контрибуцией и умчались на север. Джемаль убил правителя и тем самым поссорился с монголами. Но поссорился и с хорезмшахом, потому что не подчинялся ему.

Гурсанчи набрал войско и двинулся на крупный торговый город Исфahan. Пиршах ехал в обозе. Покинутый братьями Керман тотчас захватили разноплеменные банды.

Главный судья Исфahана Масуд перешел на сторону Джемали и запер ворота перед хорезмийцами. Это не может быть случайностью. Хорезмийский сброд, состоящий из канглов, туркмен

и кипчаков, внушал иранцам гораздо больший ужас, чем даже монголы. Гурсанчи не имел шансов взять укрепленный город, но сделал ход конем: заручился поддержкой *раиса* (мэра города) Садр эд-Дина. Это был таджик — чужак для здешних иранцев и враг главного судьи. *Раис* сумел мобилизовать часть городской черни. Вместе с хорезмийскими войсками Садр эд-Дин осадил кварталы города, в которых укрылся судья Масуд со своими сторонниками. Через несколько дней восстание было потоплено в крови, мятежные кварталы разрушены, судья бежал в Фарс и укрылся у тамошнего *атабека* Сада, который также отложился от хорезмийцев.

Часть войск Гурсанчи вошла в Исфахан, часть разместилась под стенами города. Немедленно начались интриги. Тюркские *аскеры* разделились по интересам. Кое-кто поддержал Гурсанчи. Кое-кто — Пиршаха. Однако братья не желали ссориться и предпочли разделить силы. Пиршах отправился на отвоевание Кермана. Гурсанчи вознамерился вернуть Персидский Ирак. Судьбы братьев сложились по-разному, хотя обоим ожидала смерть в бою.

Гурсанчи уже собрался выступить на Ирак, как вдруг случилось непредвиденное. Его солдатня вела себя в Исфахане столь разнузданно, что вспыхнуло второе восстание. Жители заперли городские ворота, затем взялись за ножи и учинили резню на рынках и в лавках, где буйствовали хорезмийцы.

Из сообщения Рашид эд-Дина мы узнаем, что Гурсанчи в это время находился с частью войск за пределами города, разбив свой шатер в степи. Для штурма не было сил. С остатками войск Гурсанчи отошел в Мазандеран. Здесь устроили совет, что делать дальше. По всему выходило, что надо всё-таки идти в Персидский Ирак.

Сам Гурсанчи остался в Мазандеране с гаремом и сокровищами. В наступление на Хамадан — столицу Персидского Ирака — направил трех тюркских эмиров. Один из полководцев, Куч-Буга-хан, изменил Гурсанчи. «Из-за его предательства стали малодушными остальные военачальники и, не приняв боя, повернули обратно», — пишет ан-Насави. Вернулись в Мазандеран.

Гурсанчи в окрестности Рея. Этот город недавно обчистили монголы Субэтэя, но пострадал он не сильно. Гурсанчи застал здесь проповедников из религиозной секты *исмаилитов*. Они предлагали жителям Рея восстать против хорезмшаха, прекратить выплату налогов и установить республику. Вполне понятно, что Гурсанчи допустить этого не мог. «Рукн эд-Дин покончил с ними», — лаконично говорит ан-Насави.

Этот сомнительный успех стал для молодого Гурсанчи последним. Прошел слух, что в окрестностях Рея появился монгольский отряд. От Рукн эд-Дина немедленно разбежались воины, и он остался с небольшой дружиной *гулямов*. Монголов тоже было немного, потому что главные силы Чингисхана находились в Афганистане. Однако и небольшого отряда оказалось достаточно.

Гурсанчи нашел убежище в крепости Фирузкух неподалеку от Рея. «Эта крепость была хорошо защищена, — сообщает ан-Насави, — крылья орлов были слабы, чтобы достигнуть ее высоты; при трудности доступа к ней она не нуждалась в стенах». В результате хорезмийская охрана утратила бдительность. Есть ощущение, что эти люди вообще ничего не умели: ни сражаться в поле, ни охранять крепости, ни быть верными, ни даже наладить взаимодействие друг с другом. В терминологии Льва Гумилева это типичные субпассионарии — никчемные люди.

Монголы действовали, как всегда, методично, окружили частоколом подножие скалы, на которой располагалась крепость. Защитников это не испугало. Они считали, что Фирузкух можно взять только измором. Каково же было удивление, когда однажды утром прямо посреди укреплений раздалась монгольская речь.

Как выяснилось, монголы обнаружили слабое место в обороне: расщелину в стене, заросшую снизу доверху травой. «Они сделали из железа длинные колья и ночью вбили их туда. Когда они вколачивали кол, то на него поднимался один из них и вбивал другой, выше того, а затем поднимался все выше, спускал веревку и поднимал других», — объясняет ан-Насави. Так они достигли вершины и бросились внутрь укреплений. В один миг защитники

были схвачены или перебиты. Попал в плен и сам Гурсанчи. Царевич вел себя храбро. «Сколько ни предлагали ему преклонить колени, он не преклонил, — констатирует Рашид эд-Дин. — В конце концов его со всеми приверженцами и гарнизоном предали мученической смерти». Ан-Насави вторит своему коллеге-историку, буквально захлебываясь плачем и причитаниями: «Руkn ад-Дин был убит... и, увы, не помогли ему ни роскошные одежды, ни прямой стан, ни облик, подобный луне, ни уважение к его величию и славе». Так у Джелал эд-Дина стало еще одним братом меньше.

2. РАСПАД ИРАНА

Беспорядок нарастал. Персидским Ираком по-прежнему распоряжался мятежник Джемаль со своими головорезами. В Луристане сидел отдельный *атабек*. Свой *атабек* по имени Сад находился в Фарсе. Наконец, еще один *атабек* из местной тюркской династии правил в Йезде. Все воевали против всех. Ан-Насави приводит десятки имен людей, которые захватывали города, крепости, небольшие районы и бились друг с другом. Перечислить все мелочи невозможно, да и не нужно. Главное, что единство страны, кое-как достигнутое хорезмшахами и продержавшееся пару лет (с 1217-го по 1219-й), было утрачено.

В Кермане властвовали разноплеменные бандиты. Однако после возвращения Пиршаха большинство из них признало его власть. Стране нужен был хоть какой-то порядок.

Пиршах и его советники сумели взять ситуацию под контроль. «Для него стала прозрачна вода [Кермана] и обильно потекло молоко его богатств», — со вкусом отмечает ан-Насави.

Царевичу требовались соратники для того, чтобы захватить иранские земли. Поэтому он охотно шел на уступки главарям шаек, требуя от них только формального признания собственной власти. На первых порах это помогло собрать земли, а затем привело к новой проблеме: Пиршаху отказывались подчиняться. Но это — позже.

Итак, Пиршах превратился в господина крупной области и начальника нескольких тысяч джигитов. Некоторое время он властвовал в своих владениях и проедал богатства.

В это время монголы оставили Хорасан, потому что Чингис стягивал все силы для решающей схватки с Джелаль эд-Дином. Разоренной провинцией немедленно овладел кангл Инанч-хан. Это был один из крупных генералов султана Мухаммеда. Инанч руководил обороной Бухары. Он пробился сквозь ряды монголов во время сражения под этим городом. С небольшим отрядом проник в Туркмению. Здесь набрал удалцов из числа дезертиров и отбившихся от своих частей солдат султана. Отряд превратился в армию. Инанч-хан постоянно маневрировал, сражался с мелкими шайками бандитов, отгонял монголов и пополнял силы. Покорил Мерв, Нишапур, Себзевар и, наконец, подчинил своей власти почти весь Хорасан. Инанч сохранял верность хорезмшахам. Сделать это было легко: Джелаль эд-Дин находился в далекой Газне, а Пиршах сидел рядом, но был откровенно слаб. Так или иначе, генерал Инанч признал верховенство Пиршаха.

Еще один авантюрист появился в Исфахане. Его звали Одек-хан. Откуда происходил этот человек, как выдвинулся, кому приходился родней — всё непонятно. Звание (не титул!) хана говорит о том, что он входил в число генералов хорезмшаха Мухаммеда. Перед нами тюрк, который во времена хорезмшахов нес службу на территории Ирана. Под его началом находилось несколько тысяч бойцов. С приходом монголов Одек-хан почувствовал себя свободным и решил сыграть свою игру. Видимо, договорился с двумя правителями Исфахана — *раисом* (мэром) и *кади* (судьей). Одек и его воины брали на себя защиту Исфахана от врагов, а жители оплачивали эту работу хана и его людей.

Наконец, на сцену вышел новый игрок, который задумал овладеть Персидским Ираком. Это был *атабек* Йиган Таиси. Он томился в заключении по обвинению в сепаратизме.

Однако после прихода монголов многие иранцы и тюрки разочаровались в режиме хорезмшахов. Йигана стали считать незаконно

репрессированным. Комендант крепости, в которой он томился, освободил своего узника. «Затем к нему собрались отряды из иракцев и хорезмийцев, и благодаря им его плечи расправились, его клыки и когти стали острыми», — сообщает ан-Насави. Йиган сохранил деньги и связи, коль скоро сумел быстро собрать войско.

С другой стороны, в те времена в Иране появились толпы безработных джигитов. Заниматься мирным трудом они не умели и на основании этого считали себя настоящими воинами. Это остатки армии Заречья, разбитой монголами. Многие из них помнили о недавнем великом прошлом, когда тюркские воины хорезмшаха считались солью земли. Поэтому искали способных вождей, которые могли бы привести к победам. А значит — к богатству, потому что любая победа означала грабеж, добычу и пленных.

Пиршах был поставлен перед нелегким выбором. С кем-то из иранских военачальников он должен был договориться, кого-то припугнуть, а кого-то убить.

3. АТАБЕК

Первым делом Пиршах захотел договориться с Одеком. Тот неожиданно пошел на контакт. «Гияс эд-Дин хотел склонить его сердце к себе и вовлечь его в свою партию и женил его на своей сестре Айси-хатун, чтобы упрочить его повиновение», — поясняет ан-Насави. С Одек-ханом он договорился.

Правда, свадьба всё же не состоялась. Пиршах узнал, что во владениях Одек-хана беспокойно, и побоялся отправить девушку в Исфахан.

Возмутителем спокойствия стал Йиган Таиси, опиравшийся на несколько мелких крепостей в восточной части Персидского Ирака. Он попробовал захватить лакомый кусок, каким представлялся Исфахан. К тому же Йигану не понравилось соглашение, которое Одек заключил с Пиршахом. *Атабек* вооружил 7000 тюрок и выступил против Одек-хана. «Над ними возобладал шайтан, и оба они не нашли иного пути, кроме раздора, и отказались от согласных

действий», — осуждающе замечает ан-Насави. У Одека было меньше сил: всего 3000 — 4000 всадников. Он попросил помощи у Пиршаха, чтобы уравнять шансы. Пиршах отправил на подмогу 2000 конных, но они опоздали. Йиган достиг Одека и напал на него. «Они оба встретились в бою близ Исфахана, — пишет ан-Насави. — Одек-хан располагал малыми силами, и сражение закончилось тем, что он попал в плен. *Атабек* воздержался от убийства его из-за родственных связей с султаном...»

Интересно, что жители Исфахана не заступились за Одека. Распря двух тюркских волков была им неинтересна. Похоже, Одек был просто выгнан жителями к воротам Исфахана на верную смерть. Впрочем, повторим вслед за ан-Насави: изначально хана никто не хотел убивать. Но в конечном счете судьба Одека сложилась трагично.

После победы *атабек* Йиган устроил пир. На мангале жарилось баранье мясо, за столом обильно пили вино. *Атабек* возжелал показать свое благородство и усадил потерпевшего поражение Одек-хана за один стол с собой. Впрочем, хану дали место ниже многих мелких начальников, и это вывело его из себя. Какие-то проходимцы запросто общались с ним — потомком степных вождей. Хан нагрубил *атабеку*. «Тогда *атабек* приказал покончить с ним, и он был задушен», — констатирует ан-Насави.

Протрезвев, Йиган пожалел о своем поступке, но было поздно. Несомненно, он опасался мести Пиршаха, но на сей раз вышел сухим из воды.

Конники Пиршаха узнали об исходе сражения под Исфаханом и вернулись к своему господину ни с чем. Молодой султан немедля отдал приказ собрать все имеющиеся войска и начать поход, чтобы отомстить за смерть Одек-хана.

Йиган сообразил, что единственный шанс остаться в живых — склонить на свою сторону население Исфахана. Город был по-прежнему расколот. Мэр и судья смертельно враждовали. За враждой стояли древняя неприязнь и соперничество влиятельных группировок из разных районов: «Монтекки» и «Капулетти» из Исфахана.

Йиган договорился с *раисом*. После этого сторонники *кади* (судьи) восстали и перешли на сторону Пиршаха. Это ухудшило положение *атабека*. Гияс эд-Дин Пиршах уже стоял у ворот Исфахана. «Убедившись, что ему не избежать службы и не уклониться от повиновения, *атабек* пал ниц, когда увидел Гийас эд-Дина, испачкал лицо пылью и проявлял покорность свою всеми другими способами», — пишет в своем бесподобном стиле ан-Насави. Состоялась трогательная сцена примирения, потому что Пиршах предпочитал видеть в своей армии живых воинов *атабека*, а не мертвых. Йиган был прощен. Более того, за *атабека* выдали сестру Пиршаха — всё ту же АЙСИ-ХАТУН — и сыграли пышную свадьбу. Это был какой-то пир во время чумы. За Амударьей стояли монголы, в Афганистане героически сражался Джелаль эд-Дин, а в сердце Ирана, среди руин и распрей, султаны и *атабеки* закатывали пиры, устраивали свои дела, женили родственников, хитрили и надеялись выжить.

Что касается Исфахана, то восстание здесь утихло так же быстро, как и началось. Пиршах сумел на какое-то время помирить *раиса* с *кади* и утвердился в городе. После этого он присоединил Мазандеран. Но скоро начались другие проблемы.

Примирение с Йиганом понравилось далеко не всем военачальникам Пиршаха. Часть из них покинула царевича и некоторое время воевала на свой страх и риск. Пиршаху удалось вернуть их, но ценой щедрых даров.

Теперь ему подчинялись Исфахан, Хорасан, Керман и Мазандеран. Пиршах из царевича стал султаном. Правда, власть его во всех этих районах была зыбкой, а население страдало от произвола тюркской вольницы. Вся эта солдатня только одна и выиграла из-за нашествия монголов. Перед ней заискивали. На нее был спрос. А то, что впереди не было будущего, — ничего; хоть день, да мой.

4. АЗЕРБАЙДЖАН

Союз Пиршаха и *атабека* Йигана оказался полезен обоим. *Атабек* был деятельным и удачливым полководцем. Получив поддержку Пиршаха, он пополнил войска и отправился на завоевание

западной части Персидского Ирака, где еще держался мятежник Джемаль. Конечно, Йиган хотел занять эту страну для себя, но принес большую пользу своему молодому господину. Во-первых, увел свои шайки на запад и дал отдохнуть области Исфохана. Во-вторых, расширял султанские владения.

Атабек напал на Хамадан. В этом городе произошли перемены.

Из сообщения Рашид эд-Дина явствует, что в сентябре 1221 года мятежник Джемаль крепко поссорился с монголами Субэтэя, которые обосновались в азербайджанских степях перед тем, как идти дальше на север. Завоеватели требовали продовольствия и коней, а Джемаль легкомысленно отказал.

Субэтэй был человеком суровый. Он отправил под Хамадан пару тысяч бойцов, чтобы наказать непокорного. Джемаль испугался, вышел навстречу монголам с угощением, но это не помогло. «Его вместе с нукерами предали мученической смерти», — говорит Рашид эд-Дин. Пользуясь случаем, монголы разграбили Хамадан, после чего ушли и не показывались в этих краях долгие годы. Субэтэй отправился воевать против грузин и кипчаков. Тем самым монголы расчистили путь *атабеку* Йигану, который беспрепятственно занял Хамадан от имени Пиршаха.

Правители Луристана и Фарса, видя перемену обстановки, предпочли не ссориться с Пиршахом и выразили ему покорность. Только так можно объяснить отсутствие боевых действий в этих местах. Зато правитель Азербайджана — Узбек — не ставил Пиршаха ни во что. Узбек и отцу-то его подчинился формально. Тем более не хотел преклонить колени перед сыном. Азербайджанский *атабек* прекрасно знал, что восточные области Хорезмийского султаната захвачены монголами. До него доходили сведения о смертельной борьбе, которую ведет против Чингисхана Джелаль эд-Дин. Пока продолжается эта борьба, богатый и многолюдный Азербайджан может жить спокойно.

Тогдашний Азербайджан — страна огромных торговых городов с шумными базарами, караван-сараями, купцами, ремесленниками,

развлекательными заведениями и веселыми женщинами... Столицей был многолюдный Тебриз, но по численности населения ему не уступала Марага. Крупным городом был Ардебиль. Северной границей Азербайджана являлась река Аракс. За нею лежал Арран — междуречье Куры и Аракса. Там жили вперемешку иранцы и армяне с небольшими вкраплениями арабов и тюрков. Здесь тоже выросли огромные города. Даже местные села могли бы считаться по меркам тогдашней Европы крупными ремесленными центрами и столицами государств. Выделялись Гянджа (бывший военный арабский лагерь, разросшийся в долине реки Гянджачай) и Нахичевань; подавляющее большинство населения последней составляли армянские торговцы и ремесленники.

Управляя богатым Азербайджаном и прекрасным Арраном, Узбек чувствовал себя могущественным человеком. Правда, стал быстро спиваться, и алкоголизм оказался более страшным врагом, чем монголы. Но, даже спившись, *атабек* не утратил амбиций. Он отделился от Хорезма, в его городах прекратили читать *хутбу* с именем хорезмшахов. Нельзя сказать, что Узбек выражал мнение своих подданных. Его страна не была единой, у каждого из городов имелись свои интересы.

Хорезмшахи давно зарились на богатую, но беззащитную и разобщенную страну. Гияс эд-Дин Пиршах собрал войско и объявил поход на Азербайджан. Молодой султан велел подойти главным полководцам, которые управляли частями его государства. Из Мазандерана явился военный наместник Даулат-мелик. На западе Персидского Ирака собрал армию *атабек* Йиган. Все вместе они собрались под Хамаданом и напали на богатую многолюдную Марагу — жемчужину Азербайджана.

Тут выяснилось, что спивающийся Узбек не может сопротивляться врагу. Его войско было еще более «списочным», чем армии хорезмшахов. Пиршах остановился в небольшом городе под Марагой и принялся разорять окрестности. Азербайджанский *атабек* немедленно запросил мира. «К месту его [Пиршаха] пребывания неоднократно прибывали послы Узбека, добиваясь мира,

чтобы откупиться от жаркого сражения и горького зла», — говорит ан-Насави.

Пиршах принял предложение Узбека. Он взял в жены сестру *атабека* Джелалию — правительницу Нахичевани. Ясное дело, этот процветающий город отошел к Пиршаху в качестве приданого. «После того как основы согласия были укреплены, Гияс эд-Дин возвратился в Ирак». Откупившись частью территории, Узбек продолжал пьянствовать в обществе своих жен и *гулямов*.

Что касается Пиршаха, то он достиг вершины могущества. А в это время его брат Джелаль эд-Дин Менгбурны вел смертельную борьбу с монголами.

Глава 4 ЦАРСТВЕННЫЙ СКИТАЛЕЦ

1. БИТВА ПРИ СИНДЕ

Мы оставили Джелала в тот момент, когда он разгромил монгольскую армию Шики-Хутага и утвердился в Афганистане. Однако этот успех стал для хорезмшаха последним.

Между победителями сразу возникли ссоры из-за трофеев. Хан-мелик ударил предводителя афганцев Азама плетью по голове. Разгорелся спор. Сейф эд-Дин Аграк принял сторону афганцев. Другие военачальники, в том числе карлуки, вступились за тюрок. Афганцы требовали, чтобы Джелаль наказал виновных. Шах отказался. Музаффар, Азам и прочие предводители афганцев увели своих людей. За ними последовал Сейф эд-Дин Аграк, который ушел в горы на границе Кермана.

За какой-то миг Джелаль лишился по меньшей мере одной трети армии. У него оставалось не больше 40 000 *аскеро*в, считая орду Хан-мелика, карлуков Хасана и прочих тюрок. Дисциплина хромала, сами военачальники показывали пример разнузданного поведения. И всё это — перед носом у врага. Джелаль знал, что

к Чингису со всех сторон подходят подкрепления. Чагатай с Угэдзем привели не меньше 30 000 воинов. Из Хорасана пришел Толуй, а с ним — тысяч пятнадцать—двадцать всадников. Сам Чингис располагал значительными силами. Против Джелала он мог выставить 60 000—70 000 солдат.

Хорезмшах отдал приказ уходить на юг.

Джелаль рассчитывал отступить на берега Синда. Так называли мусульмане реку Инд. План был хорош. Но обстоятельства не позволили воплотить его в жизнь.

Осенью 1221 года хаган собрал крупную армию и двинулся против Джелаль эд-Дина.

Монголы примчались в Газну. Здесь им сообщили, что птичка упорхнула. За полмесяца до прибытия хагана Джелаль отбыл со своей армией к берегам реки Синд.

Джелаль эд-Дин тоже намеревался уйти от погони. Но у хорезмшаха начались колики, и он не мог передвигаться даже в паланкине. Несколько дней Джелаль провалялся в постели и лишь потом двинулся в путь. Преодолевая боль, которая еще не совсем стихла, султан взгромоздился на коня и поехал вместе с армией, обозом, женами и детьми к спасительным берегам индийской реки.

Непонятно, какой болезнью страдал Менгбурны. Ему исполнилось двадцать два года. Возможно, в те дни он уже пристрастился к алкоголю, как многие тюрки. А путешествия спровоцировали какую-нибудь желудочную болезнь — например, язву. Или у него были камни в почках. В сочетании с алкоголем это оказало на султана пагубное воздействие.

Из-за болезни Джелаль упустил драгоценное время.

Хаган «с невозможной быстротой поспешил вслед за султаном», — говорит Рашид эд-Дин. Счет шел на часы. Джелаль подготовил несколько судов для переправы. Завидев монгольский авангард, султан приказал перебросить на индийский берег свою мать Ай-Чичек и собственных жен. Однако Синд в этих местах изобилует порогами, мелководен и опасен для плавания. Судно разбилось. Семья Джелала вернулась к нему и с этого момента была обречена.

Подошли главные силы Чингиса. 24 или 25 ноября 1221 года началось сражение.

Рашид и ан-Насави описывают битву по-разному. Первый из них рисует отчаянную рукопашную схватку. Но это второй этап боя. А первый был вот каков. О нем рассказывает ан-Насави явно со слов самого Джелала и соратников султана (Рашид не располагал такими источниками; он и нанятые им авторы работали с монгольскими документами и рассказчиками).

Передовые части монголов и тюрок столкнулись между собой во вторник. «И вот налетели друг на друга конные, сошлись в бою храбрецы и держались стойко в течение всего этого дня», — начинает рассказ ан-Насави. В среду армии перегруппировались и выстроились для решающего боя.

Чингисхан находился в центре своих боевых порядков под девятихвостым знаменем. Джелаль заметил это. В его голове тотчас созрел план: ударить по центру монгольской армии, уничтожить Чингиса и выиграть бой. Это был единственный шанс.

Зазвучали трубы, зарокотали барабаны, и Джелаль эд-Дин с главными силами атаковал центр монголов. «Он сам ринулся в самый центр [войск] Чингисхана и разорвал его на части, — пишет ан-Насави, — пробив в нем просеки дорог. Проклятый сам обратился в бегство; разбитый, он подгонял корабль избавления и, ослабленный, стремился к спасению. Круг почти сомкнулся вокруг безбожных, и поражение продолжало охватывать обитателей адского огня». Ан-Насави упивается рассказом об успехе мусульман. Однако выяснилось, что хорезмшах оказался жертвой хитрости, которую монголы не раз использовали в боях. Чингис нарочно подставился под удар. Он дал врагу заметить себя и обратился в притворное бегство. «Однако проклятый до сражения выделил в засаду десять тысяч всадников из числа отборных воинов, имевших титул *бахадуров*», — сообщает ан-Насави. Эти богатыри выскочили из засады в нужный момент и ударили на правый фланг хорезмшаха, которым командовал Хан-мелик. Последний был разбит и отброшен к центру. «Вследствие этого расстроился боевой порядок [Джелаль эд-Дина]

и была поколеблена его стойкость». Хан-мелик попытался вырваться из окружения. Монголы выпустили его, а потом бросились следом, окружили и убили вместе с большей частью туркменского корпуса. После гибели правого фланга у Джелала вообще не осталось шансов. Монголы сбили его левый фланг и потеснили к центру. Это дает возможность уяснить диспозицию Чингиса. Он усилил крылья и ослабил центр своей армии. Когда мусульмане кинулись преследовать монголов, войска хагана нанесли сокрушительный удар на флангах и завязали «оперативный мешок».

Однако части войск во главе с самим хорезмшахом всё-таки удалось прорваться к обозу, стоявшему на берегах реки Синд. Дадим слово ан-Насави. «Когда Джелаль эд-Дин, разбитый, вернулся к берегу реки Синд, он увидел, что его мать, мать его сына и все женщины его гарема вопят истошными голосами: «Заклинаем тебя Аллахом, убей нас и спаси нас от плена!» Так рисует эту сцену мусульманский автор. Возможно, он просто хочет добавить драматизма. Вряд ли Джелаль советовался с кем-то относительно судьбы гарема. Его душу некоторое время терзали колебания. Но вот наконец он всё решил. Его мать Ай-Чичек и всех его жен ждала смерть. В противном случае позор пал бы на голову Джелала. Над ним бы потихоньку посмеивались как над человеком, который позволил обесчестить себя и утратил жен.

Многие читатели наверняка помнят советский вестерн «Белое солнце пустыни». Предводитель басмачей Абдулла руководствовался теми же принципами, когда приказал уничтожить свой гарем, чтобы тот не попал в руки красноармейца Сухова. Джелаль был не лучше и не хуже этого Абдуллы. Мать и жен следовало убить. «Тогда он распорядился, и они были утоплены. Поистине это исключительное несчастье и невероятная беда!» — сетует ан-Насави. Вместе с женами утопили казну. Воды Синда сомкнулись над сундуками с дорогим тряпьем и сокровищами.

Сам хорезмшах не сдавался и рассчитывал выжить. Возле него был отборный отряд в 700 *гулямов*. В их число входили ветераны, с которыми молодой султан скрывался от монголов в Хорасане,

путешествовал в Гургандж, вырвался в Туркмению и бил мелкие отряды монголов. Сейчас над этими людьми простирались крылья смерти.

Менгбурны сражался от раннего утра, когда началась битва, до полудня. «Так как он отказался от всякой надежды, — пишет Рашид, — то скакал направо и налево и нападал на центр [монгольской армии]».

Чингисхан приказал взять хорезмшаха живым. Непонятно, зачем ему это было нужно. Он хотел использовать Джелала в какой-то политической игре и потом казнить? Нюансы этой игры мы уже никогда не узнаем. Тем более что Джелаль избежал плена. Свистели стрелы и впивались в доспехи соратников, удары мечей и сабель сыпались вокруг, и сам султан находился как будто в серебристом вихре, со звоном нанося и отбивая удары.

Монголы постепенно сжимали кольцо, а вокруг царил ужас. Отдельные отряды сдавались, другие пытались пробиться, третьи прыгали в воды Синда — кто-то шел ко дну, кому-то удавалось вырваться из лап смерти.

Наконец Джелаль увидел, что всё кончено. Тогда он вздумал спастись. С теми людьми, которые были рядом, султан бросился в последнюю отчаянную атаку на монголов. Воины Чингисхана вновь ударились в притворное бегство. Значит, в сражении преобладала перестрелка, а монголы предпочитали, как всегда, бить врага на дистанции.

На сей раз Джелаль не поддался на хитрость. Отбросив врага, султан помчался назад к реке, подобрал поводья, перекинул за спину щит, схватил личный зонтик, боевой значок и кинулся в реку. Добрый конь вынес хорезмшаха из бурных вод Синда. Джелаль отбросил меч, обернулся и заметил на другом берегу Чингисхана и его сыновей в окружении верных *хишигтэнов*-гвардейцев. Увидев невероятный прыжок султанского коня и спасение самого султана, Чингис будто бы прикрыл рот рукой от удивления, затем обернулся к детям и сказал:

— Вот каким должен быть сын у отца!

Рашид эд-Дин приводит еще один вариант окончания драмы. Согласно этой версии, жены Джелала не погибли, но попали в руки монголов вместе с детьми, которых успели родить от султана в минувшие годы. Однако Рашид сам не очень верит в данную историю. По словам ан-Насави, «во время битвы был взят в плен сын Джелаль эд-Дина — мальчик семи или восьми лет: он был убит перед Чингисханом».

Повторимся: монголы не воевали с детьми. В «Сокровенном сказании» мы постоянно встречаем рассказы об усыновлении маленьких меркитов, татар, тайчжиутов и представителей прочих враждебных Чингисхану племен. Всячески подчеркивается, что эти дети — не из простых. Они вырастали и становились соратниками Чингиса. Таким приемышам был Бороул, который однажды спас Чингиса при ранении отравленной стрелой, а потом оказал аналогичную услугу Угэдэю и, наконец, выручил Толуя, когда его хотел убить выживший в боине татарин. Таким же приемышем был Шики-Хутаг, который сделался верховным судьей Великого Монгольского улуса. В «Сокровенном сказании» подчеркивается их высокое происхождение. Не исключено, что монгольский автор этого произведения знал, чьих детей усыновлял Чингис, но не хотел разглашать информацию. Ведь это были дети «врагов народа». И вдруг — такая непонятная жестокость по отношению к сыну Джелала.

В романе «Чингисхан» В. Ян не может отказать себе в желании драматизировать ситуацию. Сына Джелала убивают как скотину: вспарывают живот, запускают туда руку, нащупывают сердце, оставивают его, вырывают и предъявляют Чингису. Довольный хаган жмурится и квохчет. Естественно, вся омерзительная сцена — плод писательской фантазии. Если бы пленный враг был простолюдином, ему отрубили бы голову. Знатный пленник имел право на смерть без пролития крови: ему ломали хребет. По монгольским поверьям, считалось, что, сохранив кровь, покойник сможет возродиться к новой жизни в следующей реинкарнации.

Но зададимся другим вопросом: а был ли мальчик? Джелалу к тому времени исполнилось двадцать два года. Мальчику было,

по свидетельству ан-Насави, семь или восемь лет. Следовательно, он родился, когда Джелалю всего четырнадцать. А зачать его хорезмшах должен вообще в тринадцать. Заметим, что сам Джелаль появился на свет, когда его отцу было двадцать шесть лет. В то время Мухаммед был наследником престола хорезмшахов и через год после рождения сына занял трон. Всё это заставляет усомниться в существовании ребенка. Думается, ан-Насави просто солгал, чтобы усилить ненависть к монголам у своих читателей.

Так или иначе, хорезмшах был разбит, а его войско — почти полностью уничтожено.

2. НА ЗЕМЛЕ ИНДИИ

Джелаль очутился на берегах Инда. Единственным товарищем султана был верный конь. Джелаль сохранил благодарность по отношению к благородному животному и еще много раз сражался на нем. Так продолжалось до кампании в Грузии и взятия Тбилиси, после чего конь был отправлен «на пенсию» и содержался в роскоши, как вельможа.

Спасшись, Джелаль первым делом начал выяснять, не удалось ли еще кому избежать гибели. Он нашел лес и переждал в нем один-два дня, «пока к нему не присоединилось около пятидесяти человек, которых судьба не допустила до гибели в реке», — говорит Рашид. Затем султан повстречал отряд из 300 туркменских джигитов, который тоже бросился в реку и спасся от монголов. Туркмены примкнули к султану. Так у Джелалю вновь появилась дружина. Через некоторое время стали встречаться и другие отряды. В общей сложности хорезмшах собрал 4000 воинов из своей разбитой армии. Численность этого отряда вроде бы невелика, но в нем служили реальные, а не «списочные» воины. Так что дела обстояли не так уж плохо. Джелаль был молод, энергичен и полон решимости восстановить армию. А там, где есть армия, найдется и добыча, и женщина, и еда, и обширные земельные владения, которые можно захватить у более слабого государя.

Индия представляла собой в те времена поле битвы между мусульманами и индусами. Первые были пришельцами и появились в этих краях относительно недавно. Вторые жили на Индостане со времен переселения арийцев на границе II и I тысячелетий до н.э.

Мусульмане верили в Аллаха и вели против индийцев джихад: проще говоря, грабили, порабощали и убивали в случае сопротивления. Индийские раджи (короли; в латыни есть однокоренное слово *rex*) сопротивлялись как могли. Но арийский народ, когда-то захвативший Индию, был стар и разобщен. Строго говоря, арийцы — не лучше мусульман. Когда-то они придумали кастовое деление общества и сами причислили себя к высшей касте, а древнейшее население Индии — к низшей.

Так или иначе, стабильности здесь не было. Еще недавно землями Северной Индии владели Гуриды. Но произошло то, что обычно случалось у мусульман. Тюркские *мамлюки*, распорядившиеся на окраинах империи Гуридов, отказали центральной власти в повиновении. Каждый объявил себя самостоятельным эмиром или султаном. Государство распалось.

В Дели правил могущественный султан Ильтутмыш. В Пенджабе и Синде (то есть в современном Пакистане) — находился правитель рангом поменьше, Кубача. Оба они были тюрками, оба принадлежали к военному сословию. И обоих не устраивало появление в Индии туркмена Джелаль эд-Дина. Это сделало положение молодого хорезмшаха сверхсложным. Чтобы выжить, он должен был проявить чудеса изворотливости и в то же время продемонстрировать силу. Слабого политика ожидала быстрая смерть с восточной спецификой, то есть в сопровождении вежливых писем, изящных даров и многочисленных посольств. Мусульманский мир был жесток, но изыскан.

Арийский мир Индии не менее жесток, но вежливости от его правителей ждать не приходилось. Джелаль эд-Дин прекрасно знал, что, если попадет в руки индийских раджей, погибнет мучительной смертью. Арийцам было не за что любить мусульман.

Первыми, с кем пришлось столкнуться, оказались как раз арийцы. На западе Индостана существовали раджпутские княжества. Раджпуты — относительно молодой народ, возникший, как считает Лев Гумилев, на волне пассионарного толчка VI века новой эры вместе с арабами-мусульманами. Но жизненные принципы у мусульман и раджпутов были совершенно разные. Мусульмане проповедовали джихад: мировую войну с врагами ислама до полной победы слугителей Аллаха. Раджпуты напоминали западных рыцарей: поделили запад Индии на мелкие феодальные владения и стали сражаться между собой. Когда пришли мусульмане, то застали раздробленность и вражду раджпутов, чем немедленно воспользовались. Трагедия продолжалась несколько столетий. Мусульмане ходили в Индию за рабами и добычей и превратили ее в охотничье поле. По этой причине Джелаль эд-Дину не приходилось рассчитывать на гостеприимство раджпутских князей.

3. БИТВА У КРЕПОСТИ НАНДАНА

Вскоре о прибытии туркменского отряда узнал один из предводителей раджпутов. Его владения располагались у гор Шатра. В борьбе с серьезными противниками раджа не высовывался. Но добить какого-то мусульманина, который пришел на землю Индии с небольшим отрядом усталых людей, — это другое дело.

Раджа собрал тысячу конных и 5000 пеших воинов: типичный отряд для какого-нибудь европейского графа. С этими силами направился в сторону лагеря Джелаль эд-Дина, который находился неподалеку от крепости Нандана в Пенджабе.

В стане хорезмшаха имелось много больных и раненых. Никто не знал, куда их девать. Относительно дальнейших действий тоже не было единого мнения. Некоторые предлагали отступить обратно за реку Синд и нападать оттуда на индийские земли, чтобы при этом всё свалить на монголов. Другие хотели остаться в Индии.

Окончательное решение пока не пришло. Первым делом договорились избавиться от больных и раненых. «И вот пошел брат

к раненому брату из них, близкий направлялся к беспомощному родственнику и отрубали им головы», — пишет ан-Насави.

Перебив боевых товарищей, хорезмийцы двинулись к берегам Синда, так и не решив толком, что делать дальше. Молодой хорезмшах выехал вперед с небольшой дружиной и наткнулся на авангард индийцев с раджей Шатра во главе. Тотчас началась битва, хорезмийцы принялись стрелять из луков, а индийцы пошли в атаку. Раджа скакал впереди. «Тогда Джелаль эд-Дин, помножив решимость своих людей на стойкость, выбрал для себя позицию и, приблизившись к нему, выпустил в него стрелу, которая попала ему в грудь, разорвав покров его души», — повествует ан-Насави. Раджа с удивлением сполз с коня и, отвесив нелепый поклон, упал в дорожную пыль. Индийцы разбежались кто куда. Против отлично обученных и отчаявшихся хорезмийских гулямов они оказались воевать неспособны. Еще бы. Эти хорезмийцы сражались даже с монголами — лучшими воинами той эпохи. Победить отряд каких-то индусов было после этого детской забавой. Джелаль и его люди захватили обоз врага, коней, снаряжение — в общем, всё, «чем Аллах наделил из богатств», — пишет ан-Насави. Эта небольшая победа имела огромное моральное значение. Слух о ней быстро распространился повсюду.

По соседству с раджпутскими владениями располагалось местничество тюрка Камар эд-Дина, подчинявшегося более крупному господину — Кубаче, эмиру Синда и Пенджаба, о котором мы уже говорили.

Камар эд-Дин когда-то был куплен на базаре у торговцев людьми и стал *мамлюком* — рабом-воином. Кубача поручил его заботам крепость Нандана. Узнав о разгроме раджпутов, Камар направил хорезмийцам дары, угощение и заверения в дружбе.

Джелаль дал своему отряду отдых и привел в порядок снаряжение. Из полуразбитой шайки отряд превратился в небольшую, но крепкую и агрессивно настроенную дружину. Хорезмшах попытался вступить в переговоры с Кубачой и разведать ситуацию. До него дошли слухи, что во время бегства спаслась дочь Хан-мелика — незамужняя де-

вущка удивительной красоты. Она переплыла Синд и нашла убежище при дворе Кубачи. Джелаль немедленно отправил гонцов и посватался к девушке. Молодой хорезмшах был без женщины и очень страдал. С другой стороны, наличие жены многое говорило о статусе правителя. Имея супругу, султан становился солидным уважаемым человеком и давал понять, что с ним можно иметь дела. «Поистине дочь Амин-мелика достойна того, чтобы вступить в брак с ним, и он желал бы перевезти ее в дом. Пусть же ее снарядят [для переезда] к нему в сопровождении посла», — передает аргументы султана ан-Насави. Поясним, что Хан-мелик и Амин-мелик — одно лицо. Под первым именем его знает Рашид, под вторым — ан-Насави.

Кубача тоже воспользовался поводом, чтобы наладить отношения с Джелаль эд-Дином. Правда, хорезмшах внушал некоторые опасения. Он был сыном человека, разгромившего государство Гуридов. Хорезмшахи славилась своей алчностью и агрессивностью. Они даже халифа пытались поставить на колени и захватить его страну. С ними надо было держать ухо востро. Но это не означало, что следует отказаться от переговоров. Кубача хотел знать, что замышляет Джелаль. Поэтому правитель Пенджаба отправился к дочери Хан-мелика. Кубача «приготовил для нее приданое, соответствующее достоинству ее мужа, сопровождал ее подарками для Джелаль эд-Дина, в числе которых был слон», — сообщает ан-Насави. Джелаль «принял всё это с удовольствием». Между двумя мусульманскими правителями воцарилось согласие. Похоже, они разграничили сферы влияния и договорились совместно охотиться на индусов. Однако вскоре события потекли по иному руслу. Мусульманские правители поссорились.

4. БЕГЛЕЦЫ

Джелаль эд-Дин узнал, что в числе спасшихся после битвы при Синде находится его *везир* Шамс ал-Мульк. *Везир* переправился через реку и опять же нашел приют при дворе Кубачи. Джелалю рассказала об этом его новая жена — дочь Хан-мелика.

Хорезмшаха весьма встревожила новость. Впоследствии ан-Насави напишет, что *везир* выдал какие-то тайны. О чем *везир* мог проболтаться, неясно, однако это произошло. Кубача, в свою очередь, задумал использовать эти секреты.

Между тем Джелаль эд-Дин потребовал, чтобы его человека вернули. Начались тайные пересылки с *везиром*. Джелаль хотел перекупить его, страшал... и наконец *везир* согласился приехать к хорезмшаху. Это не устраивало Кубачу, и тот поступил просто: убил *везира*. Но до открытой ссоры с хорезмшахом дело пока не дошло.

Джелаль имел при дворе Кубачи своих осведомителей. Он понемногу опутывал эмира сетью доносчиков, соглядатаев, информаторов.

Кубача нервничал и совершил несколько промахов. Например, в один из подвластных ему городов пришел юный сын Хан-мелика, совсем мальчик, спасшийся после битвы при Синде, как и его сестра. В ухе у мальчика поблескивала дорогая жемчужина. Чиновники Кубачи убили юного тюрка, а редкую жемчужину доставили своему господину. Кубача наградил убийц.

Джелаль эд-Дин воспользовался этим и распространил слухи о жестокости эмира, который убивает мусульман, чтобы завладеть их имуществом.

Джелаль понемногу собирал войска. К нему стали перебегать чиновники и военные от того же Кубачи. И не только они. Однажды хорезмшах увидел, что из-за реки Синд к нему пришли новые отряды тюркских эмиров. Эти эмиры служили Пиршаху, но бросили его и отправились к Джелалю. Наибольшую известность из них получил впоследствии Орхан. Под началом хорезмшаха он завоеует Азербайджан. Вместе с ним пришли Санджакан-хан, Илчи-пехлеван и многие другие военачальники. Большинство из них прославится в боях, а затем изменит хорезмшаху при разных обстоятельствах. Первым в этом ряду будет Санджакан-хан.

Почему тюрки бросили преуспевающего Пиршаха и отправились на край света, чтобы служить изгнаннику Джелалю?

Непосредственной причиной могла стать одна интрига при дворе Пиршаха. В это время усилился Инанч-хан — правитель Хорасана. Он обнаглел настолько, что потребовал у Пиршаха его мать в жены. В этом случае сам Инанч мог бы стать *атабеком* султана, а потом устранить его. Пиршах это понимал. Он заманил Инанч-хана к себе и приказал убить. Так закончил жизнь этот беспокойный тюрк. И вот тут возникает вопрос: не его ли отряды после убийства вождя отбыли к Джелалю эд-Дину? Похоже, что так.

Кроме того, к Джелалю бежали многие другие воины: остатки разбитых монголами *калачей*, афганцев и других племен. Об этом упоминает Рашид. Скоро султан вновь оказался во главе достаточно крупной армии. Кроме того, у него появился местный союзник из числа арийцев: раджа Сенгин. Он предложил Джелалю дружбу, отдал дочь в жены и прислал сына с небольшим отрядом вспомогательных войск. Джелалю назвал этого юношу Кутлуг-хан и сделал одним из своих военачальников. Силы хорезмшаха быстро росли.

5. ВОЙНА В ПЕНДЖАБЕ

Когда Орхан и другие эмиры явились к Джелалю со своими войсками, молодой султан понял: пришло время действовать, начал играть в открытую против Кубачи и напал на принадлежащий тому город Калор. Хорезмийцы подчеркивали, что мстят «за бороду и кудри», то есть за смерть пожилого *везира* Шамс ал-Мулька и юного сына Хан-мелика.

Джелалю эд-Дин сражался в первых рядах. Во время штурма Калора ему попала в руку стрела. Не обращая внимания на рану, султан кинулся на приступ во главе своих войск и взял город. После победы он перебил пленных. Не надо думать, что султан научился этой жестокости у монголов. Хорезмшахи, когда хотели, умели убивать. К тому же пленных девять было некуда.

После взятия Калора хорезмийцы атаковали лежащую неподалеку крепость Тарнудж. Здесь Джелалю опять поразили стрелой в руку, но рана была неопасна и только усилила гнев султана. Хорезмийцы

ворвались в крепость и перерезали гарнизон. Ан-Насави утверждает, что Тарнудж больше пострадал после боя, чем во время его.

«Когда Кубача увидел, что его страна постепенно уменьшается, он начал собирать силы и решил обратиться за помощью», — читаем у ан-Насави. Эмир послал за подмогой к правителью Дели и Северной Индии — Ильтутмышу. А сам тем временем собрал 10 000 воинов для того, чтобы прикрыть свои владения от атак хорезмшаха.

Узнав об этом альянсе, Джелаль собрал свои войска и бросил против Кубачи. Ан-Насави сравнивает воинов хорезмшаха «с голодными львами и волками, алчными от тяжелых испытаний». Они внезапно напали на Кубачу и рассеяли его войско. Эмир с незначительным числом телохранителей бежал в крепость Мултан.

Добыча после победы превзошла ожидания: было много оружия, съестные припасы и казна Кубачи. Захваченные припасы, казна и одежда оказались кстати. Хорезмийские предводители «прикрыли этим наготу своих лучников и исправили слабость своего положения». Ан-Насави безоговорочно восхваляет Джелалья. «Слава ему за то, что он достиг похвальной цели, к которой стремился, и плодородного места для своих людей, блуждающих в поисках кочевья».

После короткого отдыха Джелаль бросился осаждать большой город Лахор. Важно было не потерять темп и захватить побольше земель в качестве предмета для торга с индийскими эмирами. Лахором управлял сын Кубачи. Джелаль договорился с ним, и молодой человек вышел из повиновения отцу, за что получил свой город из рук хорезмшаха.

Затем последовало нападение хорезмийцев на город Садусан. Губернатор (*вали*) этой области сперва попытался сражаться, но его войска наголову разбил хорезмийский генерал Орхан. *Вали* выразил покорность и вышел за ворота с мечом и саваном. «Этот встретил Джелаль эд-Дина с покорностью и добровольно или из страха передал ему городские ключи, — пишет ан-Насави. — Джелаль эд-Дин собрал налоги и удовлетворил воинов». Выражаясь современным

языком, султан вновь стал «успешным и состоявшимся». Окрыленный победами, он напал на город Учча. Сражение продолжалось несколько дней, погибло много народу, но под угрозой штурма город сдался. «Они заключили мир при условии уплаты дани, которая была [тотчас] внесена».

Следующей жертвой хорезмийцев стал город Хатисар, который управлялся местным раджей — вассалом Кубачи. Раджа не стал искушать судьбу. «Он покорно вышел навстречу [Джелаль эд-Дину] и явился на службу, перейдя на его сторону», — пишет ан-Насави.

Хорезмийское войско было измотано стремительной кампанией. Джелаль дал ему отдых и разместил в Хатисаре «посох пребывания», как выражается Насави.

Вскоре султан услышал о приближении армии Ильтутмыша. Делийский правитель собрал 30 000 конницы, 100 000 пехоты (с обслугой) и тремя сотнями слонов. У хорезмийцев не было таких сил, но им нечего терять. Кроме того, Ильтутмыш чувствовал свою силу и впал в беспечность. У него даже не имелось разведки.

Авангард хорезмшаха столкнулся с войском делийского султана, внезапно напал на него и учинил разгром. Эти действия произвели на Ильтутмыша столь сильное впечатление, что султан запросил мира у своего хорезмийского коллеги. Странно, не правда ли?

Сакраментальный вопрос: сколько войск имелось у Ильтутмыша на самом деле? Может быть, мусульманские авторы опять преувеличили в десять раз? Или пехота была исключительно обслугой, а не воинами. Тогда численный перевес делийцев над хорезмийцами резко сокращается. В этом случае мы можем предположить, что Ильтутмыш имел в распоряжении только 30 000 бойцов. Армия Джелала была, думается, вдвое меньше — 15 000 воинов. Но эта разница уже не так велика.

После авангардного сражения в лагерь Джелала прибыл посол от делийцев с предложением заключить мир и «удержать руку борьбы». Вестник привез письмо делийского султана. *«Не составляет тайны то, что позади тебя враг веры, — писал тот хорезмшаху. — А ты*

сегодня — султан мусульман и сын их султана... И если ты сочтешь целесообразным, я выдам за тебя свою дочь, с тем чтобы упрочить доверие, усилить любовь и устранить вражду».

Так Джелаль эд-Дин получил еще один шанс на пополнение своего поредевшего гарема. Ему это было крайне необходимо. «Султан, да помилует его Аллах, был женолюбив и не связывал себя в этом деле узами приличий», — утверждает ан-Насави. Проходя мимо какого-нибудь города, Джелаль запросто мог попросить невольницу, «пригодную для его ложа». Правители отдавали ему сестер, и сластолюбивый султан брал их, не стесняясь.

В общем, хорезмшах отнесся благосклонно к предложению властителя Дели. В военных действиях наступил перерыв. За это время Менгбурны узнал, что монголы ушли на север и покинули Газну. Он занял освободившиеся афганские области. В то же время в Индии хорезмшах приступил к строительству мечетей и занялся сбором налогов. То есть подчеркивал, что обосновался всерьез и надолго.

Однако всё было не так просто. Делийский Ильтутмыш не спешил выполнить обещание и породниться с Джелалем. Этот мамлюк оказался гораздо хитрее, чем Кубача. Менгбурны отправил к делийскому правителю двоих послов, включая недавно перешедшего на его сторону Санджакан-хана. Однако Ильтутмыш переманил обоих дипломатов на свою сторону. Перебежчики рассказали, что армия Джелала — это свора полуголодных солдат, многие из которых готовы перейти на службу к более удачливому господину, если им обеспечат еду, карьеру и деньги.

Проблема в том, что государство самого Ильтутмыша не было прочным. Но оно было глубоко порочным. Взятки и произвол оторванных от родины тюрок принимали гигантские размеры. Ни на кого нельзя было положиться. Да и сама Индия представляла собой мешанину тюркских наделов, афганских поместий, арийских княжеств...

Ильтутмыш стал тайно готовить коалицию против Джелала. Снесся с Кубачой, индийскими раджами и мелкими владетелями,

обрисовал опасность прихода в Индию Джелаль эд-Дина и смог заручиться поддержкой.

6. ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Хорезмийцев было решено остановить в Пенджабе и не пускать дальше в Индию. Кроме того, все окрестные князья должны были привести войска на помощь Ильтутмышу. Джелала хотели «травить, как ящерицу», — говорит ан-Насави. «Таким образом, — продолжает историк, — его беда стала еще большей, а его решимость ослабела перед лицом испытаний. Он увидел, что судьба ополчилась против него и, в то время как он своими усилиями закрывал одни ворота для превратностей, она открывала против него много других». Короче говоря, дела хорезмийцев стали совсем плохи. Против них ополчились все, кто только мог, и победы Джелала, одержанные в Пенджабе, сыграли с ним злую шутку. Они лишь напугали местных правителей. Никто не хотел лишиться владений и жизни в борьбе с хорезмшахом. Никто не желал отказаться от своих городов, рудников, поместий лишь потому, что какие-то монголы выгнали шаха из его земель.

Джелаль колебался: что делать? Продолжать войну в Индии? Или уносить ноги? Мнения его эмиров на этот счет разделились. Многие говорили, что Индия безопасна с точки зрения борьбы против монголов. Местные правители слабы, а Чингисхан прийти сюда не сможет. Индийский климат противопоказан монголам.

Спор длился долго. Наконец перевесило мнение тех генералов, что недавно бежали от Пиршаха, то есть мнение Орхана, Илчипехлевана и прочих. Они считали, что Индия — это чужая страна. Здесь тесно, все территории заняты. Нужно идти на запад и подчинить Иран. Джелаль склонялся к тому же мнению. В Иране всё знакомо. Там — наследственные земли, захваченные незадолго до монгольского нашествия. Там — тысячи тюркских воинов, рассеянных после первых поражений. Этих джигитов можно собрать заново. Наконец, в той стороне лежит богатый Азербайджан, на

земли которого хорезмшахи зарились уже давно. За его счет можно расширить империю, не воюя против монголов.

Джелаль навел справки о правлении Пиршаха, и результат его удовлетворил. Гияс эд-Дин Пиршах был мягок, слаб и не мог держать в повиновении начальников на своей территории. Власть над Ираном, которой он обладал, была только видимостью. Следовало прийти туда и восстановить справедливость. То есть отнять власть у Пиршаха и присвоить ее себе.

Однако Джелаль не бросил свои восточные владения. Он поступил как рачительный хозяин. Одному из своих военачальников поручил управлять Газной. Другому — территориями в Пенджабе. А сам с частью армии выступил на запад дорогой Александра Македонского. Он шел пустыней, которая лежит между нынешним Пакистаном и Ираном. Это гиблые места. Но Джелаль решил рискнуть ради внезапности. Он покинул Индию в конце 1223 года. Следовательно, провел в ней около двух лет. Но он не жалел, что покидает эти земли. Страна была чужой. Хорезмшах чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Его путь лежал на запад.

Что касается восточных владений хорезмшаха, то их ждала печальная судьба. Афганские племена вышли из повиновения хорезмийцам, и страна распалась на множество владений. Однако Пенджаб наместники Джелаль эд-Дина удерживали до 1230 года, после чего бросили эту территорию под натиском врага и ушли на соединение с хорезмшахом в Иран.

7. КАРЬЕРА БАРАКА

Переход через пустыню оказался нелегок. «Джелаль эд-Дин и те, кто был с ним, испытали... в огромных пустынях между Керманом и Индией душевные муки и потрясения, которые заставили их позабыть другие печали», — изъясняется своим высоким слогом ан-Насави. Как обычно, он мало пишет о приключениях, заменяя факты невыносимо скучными метафорами. Однако до нас, к счастью, дошли известия о переходе войск Александра Македонского через

эту пустыню. Переход случился за полторы тысячи лет до Джелаль-эд-Дина, но пустыня с тех пор не стала более гостеприимной. Поэтому достаточно полистать Плутарха, чтобы понять, какие испытания выпали на долю Джелала и его спутников. Мусульманские авторы в этом случае выступают лишь дополнительными консультантами в этом вопросе. «Всех их подхватили потоки гибели, — пишет о хорезмшахе и его людях ан-Насави, — и они нуждались в тех пустынях в капле для губ и влаги для рта, не говоря уже о пище. Человек задыхался при дуновении самума, словно больной лихорадкой, его дыхание было постоянно отравлено...»

Многие нашли смерть в этом походе. Армия Джелала сократилась до 4000 бойцов. Пало множество лошадей, поэтому часть войска передвигалась на коровах и ослах. Это было смешное и жалкое зрелище. Наконец хорезмшах вышел на границу Кермана и обнаружил, что этой областью правит некто Барак-хаджиб.

Карьера Барака была удивительна даже для того смутного времени. Этот человек прославился своей беспринципностью. Изначально он был *хаджибом* (управляющим делами) *гурхана* Чжулху. Однажды Барак прибыл послом к хорезмшаху Мухаммеду. Ан-Насави утверждает, что посол так понравился хорезмшаху, что султан «против его желания не дал ему вернуться к своему государю». Хотя не исключено и другое. Возможно, Барак был шпионом Мухаммеда, а чтобы избежать разоблачения на родине, перешел на службу в Хорезм.

Кто по национальности этот человек, неясно. Его называют кара-китаем, но так звали даже и мусульманских подданных *гурхана*. Если учесть его дальнейшее поведение, вполне возможно, что Барак действительно был не тюрк и не таджик, а самый настоящий кара-китай, то есть монгол.

Итак, его задержали в Хорезме. После того как Мухаммед отнял у кара-китаев Заречье, он вспомнил о своем слуге и возвел Барака в звание *хаджиба* (управляющего делами) уже от своего имени. Людей, которые носили это звание, в Хорезме было довольно много. У каждой области, да и у многих городов имелись свои *хаджибы*.

Обязанности их толком неизвестны. Мы часто встречаем их на страницах летописей в качестве дипломатов и полководцев, но никогда — за исполнением повседневной работы, которую делает управделами. Так или иначе, Барак сделался *хаджибом*. «Он пребывал на этой должности до тех пор, — пишет ан-Насави, — пока судьба не исторгла то, что скрывали ее недра, — татарскую смуту». Барак метался по стране. «Столкновения бросали его туда и сюда, пока он не стал служить Гияс эд-Дину Пиршаху, который в ту пору был властителем Кермана». Пиршах принял Барака на службу, а сам отправился покорять Персидский Ирак буквально по следам Гурсанчи — своего неудачника брата. Барак остался управлять Керманом. Его кандидатура казалась подходящей. Кара-китай, враг монголов. Для коренного населения Кермана узкоглазый пришелец не мог стать своим. Это гарантировало верность Барака по отношению к Пиршаху. С другой стороны, кара-китай был умен и распорядителен. Это, в свою очередь, гарантировало хорошее управление и стабильные доходы с Кермана. Пиршах «полагал, что благодеяние, сделанное им ранее, принесет плоды и не будет забыто, а оказанная милость заслужит признательность... позабыв о том, что при отсутствии воды земля покрывается трещинами». Ан-Насави хочет сказать, что в отсутствие начальства подчиненные часто устраивают бунты и подумывают о самостоятельности. Таким оказался и Барак-*хаджиб*. Он уже «таил в себе [стремление] отделиться».

С таким человеком пришлось столкнуться Джелаль эд-Дину после перехода через пустыню. Барак обладал такой хитростью, по сравнению с которой коварство Ильтутмышы казалось простодушием школьника.

8. ПРЕДАТЕЛЬСТВО БАРАКА

После отбытия Пиршаха Барак предпринял завоевание Кермана, который, как и все области Хорезмского султаната, распался на отдельные владения. Оно длилось пару лет. Самым трудным оказался захват крепости Гувашир, расположенной на скале. Однако

и ее удалось покорить. Почти сразу после этого *хаджиб* получил известия о прибытии Джелаль эд-Дина.

Молодой хорезмшах приблизился к воротам только что взятого Бараком Гувашира. Комендант спустился и преподнес султану ключи от крепости. Для Джелала всё начиналось хорошо. Получается, Барак немедленно отложился от Пиршаха и перешел на сторону Джелаль эд-Дина. Юридический статус Пиршаха вообще непонятен. Его зовут султаном, но кто дал ему эти права? Отец в свое время назначил его править Керманом с титулом эмира — «уполномоченного», подчиненного султану. В свою очередь, султан — это царь: повелитель эмиров, *атабеков* и прочей низшей по должности мелюзги.

Теперь о владениях. Персидский Ирак Гияс эд-Дин Пиршах присвоил себе сам. Единственное законное основание для его власти — то, что Пиршах держит земли для своего брата Джелаль эд-Дина. Но в таком случае измена Барака — не измена. Он просто перешел к законному господину от менее законного.

Гораздо интереснее было то, как дальше развернутся события. Объявит ли Джелаль своего брата мятежником? Вступит ли с ним в открытую борьбу? Пока не было ни того ни другого. Джелаль просто возвращал то, что принадлежало ему по праву.

Хорезмшах провел целый месяц в крепости Гувашир. Велась подготовка к походу на Персидский Ирак: султан отовсюду собирал деньги и людей. За это время он пытался наладить деловые отношения с Бараком. Но понял, что *хаджиб* ведет свою игру. Безусловно, *хаджибу* не нравилось, что в Керман отовсюду стекаются авантюристы. Это были ветераны хорезмшаха Мухаммеда, разбитые монголами бесчисленное количество раз. В то, что эти проходимцы и дезертиры способны побеждать, *хаджиб* не верил. Кроме того, он быстро утратил взаимопонимание с хорезмшахом. Историю размолвки подробно излагает Рашид эд-Дин.

Однажды Джелаль отправился на охоту. Барак отстал под тем предлогом, что у него болит нога. Джелаль тотчас заподозрил не-

ладное. Молодого султана окружали враги и изменники, поэтому нх на предательство у него был хороший. Джелаль отправил гонца к Бараку с такими словами:

— На охоте мы желали поговорить о предстоящем походе в Ирак. Решение о дате выступления войск будет принято в ближайшее время. Мы хотели бы посоветоваться с таким опытным человеком, как ты, о дорогах в Ирак и о прочих делах, связанных с завоеванием этой области. Ведь ты хорошо знаешь эти места.

Барак, понятно, участвовал еще в иракских походах хорезмшаха Мухаммеда, да и потом, во время нашествия монголов, провел какое-то время в тех краях.

Хаджиб отвечал гонцу:

— Причина моей задержки — заболевшие ноги. Совет же могу дать такой. Пусть султан как можно скорее выступает в поход. Крепость Гувашир не годится для местопребывания престола великого государства. Никто не может быть более расположенным к султану, чем я, потому что я — старый *мамлюк*, посевший на службе двору. Однако я говорю: султану и его приближенным здесь не место. Если он захочет вернуться в крепость, это ему не удастся!

С такими словами Барак выпроводил за крепостные ворота остатки свиты султана. Это был очень оригинальный бунт. На словах Барак изъявлял преданность делу Джелалья. А на деле — вытолкал его в степь вместе с придворными, секретариатом, несколькими женами и прислугой. Джелалья ждали серьезные испытания.

Хорезмшах и его соратники стали советоваться: что делать? Решительный Орхан предлагал начать войну с Баракком и схватить его, чтобы преподать урок всем непокорным или замышляющим предательство. Однако персидские *везиры* и чиновники, бывшие при особе султана, раскритиковали совет тюркского вояки. Особенно изощрялся главный тогдашний советник Джелалья Шараф ал-Мульк. Это был перс или, что вернее, таджик. Будучи в Газне, попал в число *хаджибов* Джелалья. «Он был бойким в речах, смелым и терпеливым в отношениях с султаном, — характеризует этого

хаджиба ан-Насави, — весел в беседах и красноречив в разговоре по-тюркски». Затем сопровождал молодого хорезмшаха в его скитаниях по Индии. Там выдвинулся и стал *везиром* (министром), тем более что прежний *везир* погиб от руки Кубачи.

Именно Шараф ал-Мульк подал совет бросить Керман и отправиться в Фарс, потому что хорошо знал эти места, этих людей и, кроме того, был наслышан о ссоре между Садам и Пиршахом.

Джелаль согласился и приказал уходить из Кермана. Барак выразил покорность и согласился выплачивать хорезмшаху дань — своеобразный выкуп за то, чтобы его не трогали. Формально Керман остался в составе государства Джелала. Государства, которое даже не имело названия.

Скитания продолжались. Вместе со свитой хорезмшах отбыл в Фарс. В описываемое время здесь правил *атабек* Сад (1203—1231). Сперва он воевал с хорезмшахом Мухаммедом, затем подчинился ему, но сохранил значительную степень свободы. Теперь он находился в ссоре с Пиршахом.

Джелала пригласили в один из городов Фарса и осыпали дарами. В свою очередь, хорезмшах направил к Саду своего *везира* Шараф ал-Мулька для продолжения переговоров.

Шараф предложил *атабеку* породниться с хорезмшахом и отдать ему дочь в жены. Взвесив за и против, Сад изъявил согласие.

Что послужило поводом для ссоры между Пиршахом и Садам? Каков непосредственный казус, который поссорил правителей? Похоже, им стало вмешательство Сада в дела Исфахана. Мы видели, что главный судья города Масуд поссорился с Гурсанчи и Пиршахом. После чего бежал во владения Сада. Вот этого вмешательства Пиршах и не мог простить.

Между тем Сад всё-таки добился своего. Пользуясь тем, что Пиршах находится в Хамадане и бесчинствует на границах Азербайджана, *атабек* восстановил в Исфахане Масуда и назначил правителем. Правда, Джелаль вскоре заменил его Атаханом, правившим также в Йезде.

Собрав 30 000 воинов, Гияс эд-Дин выступил из Хамадана на встречу Джелалю, ставшему опасным врагом, передвинулся в район Рея и там бездействовал.

Джелаль эд-Дин решил разрубить гордые узел одним ударом. Снарядился в поход, взял с собой три тысячи отборных джигитов, поскакал в направлении города Рея, напал на вражеский лагерь ночью, «и звезды были как зубы» во время схватки. Большая часть войск, стоявших под Реем, перешла на его сторону. Гияс эд-Дин бежал в соседнюю крепость.

Первым делом хорезмшах занял шатер своего брата и обнаружил там красивую женщину средних лет. Это была Б а к л а в а — мать Пиршаха. Именно на ней собирался жениться Инанч-хан, однако поплатился жизнью за наглость.

Баклава взяла на себя роль посредника в переговорах и отправила гонцов к сыну. Пиршах капитулировал. На сторону Джелалю тотчас перешли многие эмиры, а также будущий мемуарист ан-Насави, трудом коего мы пользуемся.

Это был грандиозный триумф. Одним ударом, почти без боя Джелаль эд-Дин стал господином земель от Хамадана до Хорасана. Из гонимого беглеца он превратился в полновластного правителя обширных владений. Теперь следовало их удержать. Это было гораздо труднее. Дальнейший наш рассказ будет о том, как власть стала портить Джелаль эд-Дина и сам он из романтического героя превратился в жестокого завоевателя.

Часть третья

ХОРЕЗМШАХ БЕЗ ХОРЕЗМА

Глава 1

БАГДАД И АЗЕРБАЙДЖАН

1. ССОРА С ХАЛИФОМ

Успехи и неудачи хорезмшаха зависели от поведения монголов, а в это время Чингисхан был настроен мирно. Он отогнал хорезмийцев от границ своей орды, сделал внушительные территориальные приобретения и вскоре повернул на Восток. Его пути с Джелаль эд-Дином разошлись навсегда.

Вскоре Чингисхан умер (1227). Военные действия на всех фронтах были прекращены. Два года понадобилось монголам, чтобы собрать великий хурилтай для выборов нового хана. На него съехались воины из всех улусов, прибыли *нояны* (руководители военных округов в тысячу человек) и высшие командиры — темники. Естественно, прибыла вся родня Чингисхана. Выборы состоялись, главой Великого Монгольского улуса сделался Угэдэй (1229—1241). Вскоре он возобновил завоевательные походы. Но до этого времени многие страны оказались предоставлены собственной судьбе. В их числе был Иран, где о монголах не слышали начиная с 1224 года.

Казалось, молодой хорезмшах имел мог бы заняться укреплением своей восточной границы. Но никто не мог объяснить, где проходит граница. Формально владения хорезмшаха на востоке включали Хорасан, Керман, Йезд, Фарс, Газну и часть Пенджаба. Фактически дела обстояли намного сложнее.

Фарсом правил *атабек* Сад. Йезд (вместе с Исфаханом) Джелаль отдал Атахану. Хорасаном тоже управлял самостоятельный

владелец. В Афганистане власть наместников Джелаль эд-Дина неуклонно сужалась, ибо отдельные племена сражались за собственную свободу. То же в Индии.

Джелалю требовалась точка опоры, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Самым главным врагом после монголов был багдадский халиф Насир, который доживал последние дни в своей столице. Ходил упорный слух, что Насир пригласил монголов разрушить Хорезм. Якобы на этот счет имелось специальное письмо халифа, адресованное Чингисхану.

Это письмо не нашли, из чего учеными сделан вывод, что никаких переговоров между халифом и хаганом не было вовсе. Бытовала версия, что связь халифа и монголов придумал хитроумный Джелаль эд-Дин. Возможно. Однако халиф не отличался высокими моральными принципами. Да и сам Джелаль вел себя так, точно мстил Насиру.

Собрав войска Персидского Ирака, хорезмшах двинул их в Хузистан. В авангарде шел Илчи-пехлеван с 2000 всадников.

В спорную область был направлен отряд гвардии — наемники халифа. К ним примкнули воины местного арабского племени *хафаджа*. Они встретились с конницей Илчи-пехлевана. Произошло сражение. Наемники халифа и примкнувшие к ним арабы были разбиты и отброшены. Часть из них оказалась в плену. В то же время Джелаль занял крупный город Шустер. Сопrotивления никто не оказал. После этого хорезмшах направил часть сил для осады Басры. Обороной города руководил Мил-тегин, тюркский эмир на службе халифа. Безуспешная осада продолжалась два месяца.

Сам хорезмшах действовал осторожно и хотел выступить в мусульманском мире в роли борца с монголами-христианами. А значит, отнять у халифа звание вождя джихада.

Разбитый Илчи-пехлеваном гвардейский отряд оказался лишь передовым войском халифа Насира. Повелитель правоверных со-

брал 20 000 наемников-тюрок и поставил во главе своего *мамлюка* Куш-Тимура. Последний получил приказ вытеснить хорезмийцев из Хузистана. Так тюрки стали воевать против тюрок на землях, населенных арабами.

Одновременно халиф снесся с правителем города Эрбиля и попросил прислать подкрепления. Приказ был передан посредством почтового голубя. Эрбиль тогда был столицей Иракского Курдистана. Воинственные курды и тюрки, живущие там, выступили на помощь повелителю правоверных.

Куш-Тимур получил приказ подождать прихода эрбильских войск, но не дождался и выступил против Джелала. Он слышал, что в распоряжении хорезмшаха всего 10 000—12 000 джигитов, остальные — в гарнизонах.

Чтобы пополнить войска, хорезмшах снесся с *атабеком* Луристана — области между Арабским и Персидским Ираком. Правитель Лура помог сыну. Джелаль получил продовольствие и пополнение.

Затем войска противников встретились и выстроились друг против друга. Рашид эд-Дин утверждает, что армия Джелала составляла едва десятую часть от войска Куш-Тимура. Это означает, что хорезмшах выехал против иракцев с авангардом отборных всадников и вообще попытался ввести врага в заблуждение относительно численности собственных сил. Это было необходимо, чтобы не дать Куш-Тимуру соединиться с войсками из Эрбиля. Еще один отряд хорезмшах разместил в засаде, применив монгольский способ ведения битвы. В этом одна из причин, по которым он не захотел брать с собой все подразделения, имевшиеся в наличии. Джелаль сделал ставку на ветеранов, которые прошли с ним все круги ада — от сражений в Афганистане до битвы за Пенджаб — и прекрасно владели монгольской тактикой: стреляли из лука на скаку, могли имитировать бегство и отчаянно рубились в ближнем бою. Дальнейшие события показали, что наемники халифа не готовы к таким сражениям. Тактика хорезмийцев стала для них полным сюрпризом.

Джелаль эд-Дин со своими *гулямами* обстреливал врага из луков, нападал то на центр, то на фланги, а когда озадаченный этими действиями Куш-Тимур повел войска в атаку, хорезмшах обратился в бегство. Иракцы промчались мимо засады, и тут настал момент истины. Находившееся в засаде войско ударило по тылам, а Джелаль обернулся и напал на преследователей. Иракская армия пришла в расстройство и показала спину. Хорезмийцы преследовали. Куш-Тимур пытался остановить своих, но столкнулся с преследователями и был убит. После этого бегство стало всеобщим, а разгромленное войско «ушло в Багдад и обесчестило столицу халифата», — говорит Рашид эд-Дин. Чингисхан оказался жестоким и суровым, но эффективным учителем для Джелалая. Используя монгольские методы тактики и стратегии, хорезмшах одержит еще не одну победу.

Проблема будет одна: Джелалю удастся обучить «прогрессивному» способу ведения войны лишь небольшую часть своей армии: 2000—3000 джигитов. А у монголов сражаться таким способом умели по меньшей мере 100 000 воинов. Поэтому даже тридцатитысячный корпус монгольской армии, посланный в Иран, мог навести ужас на местных правителей и изменить соотношение сил не в пользу невезучего султана «с родинкой на носу».

Покончив с армией Куш-Тимура, хорезмшах выступил на север, чтобы сразиться с войском, которое шло из Эрбиля. Правителя этого города звали М у з а ф ф а р э д - Д и н К у к б у р и. Он был последним представителем династии, а потому завещал Эрбиль халифу.

Войско курдов двигалось медленно. Зато Джелаль действовал очень быстро. Еще одна вещь, которой он научился у монголов: собрать мобильный отряд, оставить обозы и, двигаясь налегке, обрушиться внезапно на походные колонны врага.

Хорезмшах за несколько переходов достиг города Тикрит (родина Саладина и Саддама Хусейна), охранявшего удобную переправу

через Тигр. Джелаль форсировал реку, настиг эрбильское войско на марше и спрятался с отборными *гулямами* на горе. Когда враг прошел мимо, вылетел из засады, напал на охрану Кукбури и взял в плен его самого. Эта смелая операция шокировала эрбильцев, а Кукбури запросил пощады.

«Султан соизволил оказать ему помилование», — замечает Рашид эд-Дин. Затем состоялась беседа двух правителей и совместный обед. Джелаль излагал свои мысли о борьбе против христиан-монголов и представлял себя воином джихада. Кукбури «прыстыженно просил прощения за свой проступок», то есть за выступление против такого молодца и героя.

Джелаль эд-Дин подарил своему пленнику несколько халатов и отпустил восвояси. Эрбильская армия была нейтрализована.

Когда весть о разгроме Куш-Тимура и отступлении эрбильской армии достигла Багдада, в городе началась паника. Спешно стали возводить укрепления. Насир выделил на это миллион динаров.

Двенадцать дней столица халифата провела в ожидании беды. Вдруг в середине марта 1225 года пришла неожиданная весть: Джелаль эд-Дин увел свои войска из Арабского Ирака и повернул на север.

Причин могло быть две: недостаток собственных сил или внезапно возникшие силы противника. Можно предположить, что арабы Ирака оказали хорезмийцам неожиданное сопротивление.

Так или иначе, Джелаль эд-Дин пробыл под Багдадом всего двенадцать дней. После этого собрал силы в кулак и увел их из Арабского Ирака. «Когда с лица весны было снято покрывало зимы, он (Джелаль эд-Дин) двинулся из окрестностей Багдада в Азербайджан», — пишет ан-Насави. Такова была новая цель хорезмшаха. И таково название страны, в которую он принес горе и бедствия.

2. ПОСЛЕДНИЙ ИЛЬДЕГИЗИД

Азербайджаном по-прежнему правил Узбек, женатый на дочери Тогрула III — М е л е к е - х а т у н.

Арабский историк ибн ал-Асир, большой ненавистник монголов-христиан, не любит также и *атабеков*. Его высказывания про Абубекра мы уже приводили. Не лучшим образом историк характеризует Узбека. «Дело в том, что Узбек, владетель Азербайджана, был всегда занят угождением своего чрева и похоти и был вечно пьян. Когда же он бывал трезвым, он занимался азартной игрой в яйца, чего никто из правителей, насколько известно, не делал; он ничем полезным не интересовался и не имел самолюбия. Страна его расхищается, войска своевольничают, а подданные угнетаются им. Всякий при желании мог, собрав сброд, захватить часть страны», — ужасается ибн ал-Асир.

Может показаться удивительным, что под властью этого *атабека* Азербайджан процветал. Однако это было именно так. Узбек грамотно подобрал кадры. Он отдал управление в руки персов, а сам устранился от дел. От грузин, которые уже появились под стенами Тебриза, удалось откупиться. Затем Узбек признал себя данником хорезмшаха Мухаммеда. Тем самым Азербайджан получил несколько лет мира. С монголами *атабек* тоже договорился, и войска Чингисхана прошли по стране, как быстрый и страшный сон. В это время Узбек совершил важный поступок, поссоривший его с хорезмшахами. В Азербайджан прибежали воины-хорезмийцы, которые спасались от монголов. Узбек часть из них выдал монголам на расправу, а другую часть перебил. Ни Пиршах, ни Джелаль эд-Дин не забыли этого вероломства. В принципе они получили повод для вторжения в Азербайджан. Весной 1225 года Джелаль им воспользовался.

«Султан двинулся по направлению к Азербайджану», — сообщает ан-Насави. Здесь Джелаль получил неожиданное известие о том, что у него появился новый враг. Это был *атабек* Йиган, которого мы выпустили из поля зрения уже давно: в тот момент, когда он предпринял набег на Азербайджан.

Началось с того, что Йиган разграбил окрестности Мараги. Затем отправился в рейд по Азербайджану и Аррану. В этой операции участвовало 50 000 «списочных» бойцов. Весной 1225 года Йиган узнал, что Джелаль начал войну против халифа. Сам халиф написал *атабеку* письмо с просьбой о помощи.

Йиган был поставлен перед выбором — покориться Джелалю или халифу. Он выбрал халифа и поспешил со своими войсками в Персидский Ирак, чтобы сразиться с Джелалем. Йиган столкнулся с хорезмшахом, когда тот преодолел горные проходы между Арабским Ираком и Персией и приближался к Хамадану. Далее произошло непредвиденное. Воины стали покидать *атабека* Йигана и перебегать к законному султану Джелалю. Наконец Йиган попал в окружение вражеских войск и оказался в плену. Его жизнь висела на волоске. Но судьба странным образом хранила этого авантюриста. Мы говорили, что незадолго до описываемых событий *атабек* Йиган получил в жены сестру Пиршаха и Джелаль эд-Дина. Теперь молодая женщина заступилась за мужа перед братом.

Джелаль даровал пощаду Йигану. Но управление Хамаданом, которое *атабек* присвоил после ухода оттуда монголов, Менгбурны взял на себя.

Теперь ничто не мешало идти на Азербайджан.

Марага первой лежала на пути. «Тогда султан устремился к ней и вошел в нее, не встретив сопротивления», — пишет ан-Насави.

При слухах о падении Мараги *атабек* Узбек предпринял асимметричный ответ: бросил жену в Тебризе, а сам бежал за Аракс и укрылся в сильной крепости Алинджа-кала в окрестностях Нахичевани.

Тебризом вместе с Мелеке правил персидский чиновник Шамс эд-Дин Туграи. Он носил звание *раис* (мэр) города. С ним Джелаль эд-Дин вступил в переговоры. Огромным влиянием обладал также его племянник, носивший опять-таки кличку Туграи.

Джелаль как ни в чем не бывало попросил разрешения у *раиса* Тебриза закупать в городе продовольствие для своих войск. Как

будто хорезмийцы не вторглись в Азербайджан, а пришли на увеселительную прогулку.

Несколько наемников хорезмшаха даже проникли на базар, но были убиты. Джелаль эд-Дин тотчас приказал эмирам готовить осадные орудия: катапульты, тараны, лестницы. Для этого вырубili роскошные сады, окружавшие Тебриз.

Начались бои. Хорезмийцы обстреливали город, защитники отбивались. Так продолжалось неделю. По истечении этого срока боевой пыл у тебризцев иссяк. Туграи-племянник выслал делегацию с просьбой о мире. Мелеке-хатун — дочь последнего султана Тогрула — тоже настаивала на сдаче, ведя при этом свою игру. Она просила немного. Гарантии безопасности для нее, для рабов и слуг и сохранности имущества. Хорезмшах принял все условия, и ворота Тебриза распахнулись перед ним.

Завладев Азербайджаном. Джелаль учредил здесь особый *везират*, а *везиром*-правителем поставил Шараф ал-Мулька.

3. КРАХ АТАБЕКОВ

Между Азербайджаном и Грузией простиралась узкая полоса земли — Арран. Она включала огромную Гянджу, а также Байлакан и Нахичевань, уступавшие ей по численности.

Джелаль ни минуты не сомневался, что легко покорит Арран. Но это произошло даже быстрее и легче, чем он рассчитывал.

К султану вдруг проявила интерес Мелеке-хатун — жена Узбека. По словам Рашид эд-Дина, правительница как-то раз во время осады Тебриза поднялась в одну из башен и увидела хорезмшаха. После чего немедленно влюбилась в Джелалю. Не в последнюю очередь из-за этой романтической причины и был сдан Тебриз. Правда это или нет, неизвестно, однако Мелеке демонстрировала к хорезмшаху симпатию. Джелаль ответил тем же. Между ними завязалась переписка.

Джелалю исполнилось к тому времени двадцать шесть; Мелеке была старше лет на восемь. Эта женщина, дочь султана Тогрула III,

считалась выгодной невестой. Ее муж теоретически получал право на весь Иракский султанат.

В свою очередь, Джелаль эд-Дин являлся перспективным мужем. Он уже владел Иракским султанатом. Недоставало только выгодного брака, чтобы обрести легитимность. Словом, Мелеке и Джелаль вступили в тайные переговоры и быстро нашли общий язык. Проблема состояла лишь в том, что сама Мелеке оставалась замужем за алкоголиком Узбеком. Но она утверждала, что брак распался.

В Тебриз по поручению Мелеке «прибыли женщины, которые сообщили султану о ее желании стать его женой и что она доказывает, прибегая к свидетелям, действительность развода с ее мужем, *атабеком Узбеком*». Так пишет ан-Насави.

Джелаль, в свою очередь, объявил, что готов пополнить свой гарем такой жемчужиной, как Мелеке, при условии, что будет доказана истинность развода с Узбеком. Хорезмшах хотел выглядеть чистым в этой грязной истории.

Мелеке стала искать варианты. Был найден один, который порочил ее, но оказался самым действенным. Султаншу решили обвинить в супружеской измене. Судья, к которому обратились за разводом, не отличался принципиальностью. Он сказал:

— Если мне дадут должность верховного судьи, я заключу брачный союз!

Должность ему дали, и *кади* выполнил условия сделки.

Слух о браке привлек к Джелалю новых сторонников. Со всех сторон приходили бывшие слуги *атабека* Узбека.

Хорезмшах соблюдал все условности. О том, легален развод или нет, Джелаль знать не хотел. Несомненно, он сам участвовал в афере.

Сам Узбек пьянствовал в крепости Алинджа. Наконец он узнал о бракосочетании Джелала и Мелеке. Эта новость потрясла гораздо сильнее, чем известия о сдаче городов.

— Было ли это по согласию принцессы или против ее желания? — спросил он.

— По ее добровольному желанию и после неоднократного с ее стороны сватовства, — ответили ему.

Узбек положил голову на подушку, у него начался жар, и последний Ильдегизид умер через несколько дней. Арран лежал беззащитный, и грузинские войска осадили Гянджу. Хорезмшах мгновенно принял решение напасть на Грузию и захватить эту страну.

Глава 2 РАЗРУШЕНИЕ ГРУЗИИ

1. КАВКАЗ: ПРАВОСЛАВНАЯ ИМПЕРИЯ

Средневековая Грузия — это часть византийского суперэтноса. Однако данный факт вовсе не значит, что грузины считали себя частью Византийской империи. Они издавна стремились к самостоятельности. Пытались создать независимые княжества на Кавказе, бунтовали, интриговали, искали союзников.

От Византии требовалось только одно: покровительство и защита. Однако в XI веке случился кризис. В империи ромеев начались гражданские войны, которыми воспользовались турки-сельджуки. В 1071 году византийские войска потерпели от них поражение при Манцикерте в Армении, и турецкие *аскеры* хлынули в Малую Азию. Вскоре там образовался Румский («Римский») султанат с правящей династией Сельджуков. Джелаль эд-Дину еще предстоит столкнуться с этим государством...

«Римским» его назвали потому, что официальным названием Византии было «Ромейская (Римская) империя», а значительную часть ее территории захватили сельджуки.

А что же грузины? Отрезанные от Византии, они были также разгромлены турками. Сельджуки взяли Тбилиси и поместили там гарнизон. В православной стране появились мечети, а население стало называться «райят». Это было стадо, которое турки стригли, доили, а если надо — забивали на мясо.

Однако так продолжалось недолго. В Западной Грузии воцарился знаменитый государь **Давид Строитель (1089—1125)**. Первые годы правления он посвятил борьбе с грузинскими князьями за объединение страны. Борьба увенчалась успехом, и тогда царь Давид начал наступление на сельджуков. Правда, это произошло уже в конце его царствования. В 1118 году Давид Строитель принял на службу несколько тысяч кипчаков (половцев), а сам женился на дочери половецкого вождя Шарукана. С помощью кочевников он разбил в 1121 году в битве на Дидгорском поле войска султана сельджуков, а через год освободил Тбилиси и перенес туда столицу страны.

Грузины не были жестокими людьми и позволили остаться в городе многочисленным мусульманам, с которыми долгое время жили бок о бок. Во время нашествия Джелаль эд-Дина потомки этих мусульман откроют ворота перед хорезмшахом...

Последними успехами Давида Строителя стали вторжения в Ширван и Армению. Первая из этих стран согласилась платить дань. Что касается армянских владений, то часть их с городом Ани была присоединена к Грузии. Так возникла на Кавказе православная империя — наследница Византии. Новая империя просуществовала сто лет.

Правда, это не означало, что грузины были сильны. Это говорило о слабости их противников. Грузия была ровесницей Византии. Это значит, что ей исполнилось больше тысячи лет, если началом «христианского» суперэтноса считать I век новой эры.

И всё же это самый блестящий век в истории Грузии. Преемники Давида — цари **Деметре I (1125—1156)** и **Георгий III (1156—1184)** — шли от победы к победе. Их главными противниками были *Великие атабеки* из кипчакской династии Ильдегеза.

Своего зенита Грузия достигла при дочери Георгия III — царице **Тамар (1184—1213)**. Властная женщина приняла под свое покровительство Трапезундскую империю византийцев на южном берегу Черного моря. Грузинские войска вторглись в Азербайджан, разбили

войска *атабека* Абубекра и взяли Тебриз. Преемник Абубекра — узбек — был вынужден принять покровительство хорезмшаха Мухаммеда в обмен на обещание защитить Азербайджан от победоносных грузинских войск.

После смерти Тamar правил ее сын **Георгий IV Лаша (1213—1222)**. При нем в страну вторглись монголы. Войска Субэтэя легко разбили грузин и ушли на север — в Кипчакскую степь. Сами грузины говорили тогда, что вторжение монголов прошло для них почти незамеченным. Монголы пронеслись по стране и исчезли, словно их не было. Грузины стали жить как раньше. Правда, Георгию суждено было царствовать недолго. Он умер тридцати одного года от роду. Этот царь был большой оригинал. Он влюбился в красивую девушку-простолюдинку и жил с ней. Церковь отказалась признать этот брак. Сын Георгия — Давид Улу — был признан незаконнорожденным. Впоследствии его возвели на престол монголы...

После Георгия правила его сестра **Русудан (1222—1245)**, дочь царицы Тamar и одного из ее мужей — осетина Давида Сослана. При Русудан эпоха расцвета закончилась неожиданным крахом. После трех лет правления царица узнала, что в Азербайджан вторглись войска хорезмшаха Джелаль эд-Дина, который был в Азербайджан из далекой Индии. Вскоре выяснилось, что мусульманский завоеватель готовится покончить с православным царством грузин.

2. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Русудан отличалась легкомыслием и страстью к мужчинам. Грузинские вельможи подобрали ей супруга. Им стал юный турок, потомок Сельджука, сын правителя города Эрзерума. Жениха звали Давуд. Грузины выставили единственное условие: чтобы жениться на царице, молодой человек должен принять православие. Турок отрекся от своей веры и крестился. Для мусульман это была неве-

роятная ситуация. Переход в христианство незначительных людей случался и раньше, но чтобы православие принял важный человек, мусульманский принц из рода Сельджуков, — такое произошло впервые. Это свидетельствует о могуществе Грузии. Соседи вынуждены были считаться с мнением православных царей. Но ситуация всё-таки выходила за рамки общепринятых обычаев мусульман. Знаменитый средневековый историк ибн ал-Асир посвятил этому событию целую главу в своем сочинении, красноречиво назвав ее «Страшный, бесподобный случай».

Взаимопонимания между Русудан и ее перешедшим в православие мужем так и не было. Как заметил бы Лев Гумилев, турок оказался жертвой контакта на суперэтническом уровне. Царица родила от мужа ребенка (мальчика назвали в честь отца Давидом), после чего откровенно пренебрегала супругом. Она влюбилась в одного из своих грузинских телохранителей. Муж терзался, ревновал, но ничего поделать не мог. Однажды он застал царицу спящей в объятиях грузинского любовника.

— Ты имеешь что-то против? — нагло спросила царица.

— Да, я не согласен с этим, — отвечивал турок Давуд на ломаном грузинском.

— Ну, как знаешь, — пожала плечами прекрасная Русудан.

Турецкого мужа увезли из столицы и поместили под арест. Кажется, ему дали развод, потому что вскоре мы видим, как Русудан ищет нового мужа. За мужчинами послали в страну аланов (нынешняя Осетия). Ко двору в Тбилиси явились двое красавцев осетин, одного из которых царица выбрала в мужья. Однако вскоре Русудан и его бросила. Новым спутником ненасытной женщины стал мусульманин из Гянджи, которого уговаривали по этому случаю перейти в православие. Гянджинец отказался, и тогда Русудан сказала: ничего, пускай остается мусульманином. Но против этого возмутились вельможи. *Атабеком* Грузии был в ту пору Иване Мхаргрдзели — армянин из семьи Закарян, перешедший в православие. Звание *атабека* грузины позаимствовали

у мусульман, но смысл был другой: Иване считался главным полководцем страны.

— Ты нас опозорила между царями, — воскликнул *атабек*, обращаясь к Русудан, — а теперь хочешь выйти замуж за мусульманина! Этого мы никогда не позволим!

«Это дело еще не решено между ними, и хотя человек из Гянджи живет еще у них, но не изъявил им согласия принять христианство, царица же (продолжает) его любить», — писал ибн ал-Асир в конце 20-х годов XIII века.

Таковы были нравы страны, которую пожелал захватить хорезмшах Джелаль эд-Дин Менгбурны.

3. БИТВА ПРИ ГАРНИ

Весть о захвате хорезмийцами Азербайджана всполошила многих правителей — и мусульман, и христиан. Внимание своих мусульманских коллег Джелаль смог усыпить с помощью изящно составленных писем. Грузинами пренебрег, и царица Русудан приказала собрать армию для отражения врага. По-видимому, она решила воспользоваться развалом государства *атабеков* и захватить Арран в то время, когда хорезмшах брал Азербайджан.

Джелаль объявил войну христианам, сказав:

← Я хочу совершить поход в страну грузин, сразиться с ними и овладеть их царством.

Этого показалось мало, и хорезмшах направил письмо царице Русудан. В нем сообщалось о предстоящей войне.

Грузинские вельможи ему ответили: *«К нам пришли татары, которые поступили с твоим отцом, более могущественным, с более многочисленными войсками и более сильной душой, так, как ты знаешь, и захватили ваши страны, но мы не обратили на них внимания и самое большее, о чем они думали, уйти от нас подобру-поздорову»*. То же предлагалось сделать Джелаль эд-Дину.

Армией христиан командует Иване Мхаргрдзели — *атабек* царства. Он отступил от Гянджи и перешел в Сюник, чтобы закрыть дорогу в Грузию. Иване выбрал удобное место для сражения — окрестности Гарни (сейчас это поселение в 20 км к западу от Еревана). Такова картина, нарисованная ибн ал-Асиром, который описывает эти события. Численность грузинской армии он оценивает в 70 000 бойцов.

Ан-Насави осведомлен хуже. Он сразу пишет, что 60 000 грузин двинулись в армянский Сюник и заняли гору в окрестностях Гарни, где стали выжидать дальнейших действий Джелала.

Мы имеем дело с ложью или некомпетентностью. Какая гора может вместить 60 000 воинов? Да и могла ли быть такая армия у грузин? На оба этих вопроса нужно ответить отрицательно. Грузины совсем недавно потерпели поражение от Субэтэя. Тогда их войско насчитывало якобы 30 000 человек. Эта цифра больше похожа на правду. Для того чтобы собрать вдвое большую армию, требовалось много времени. Грузины им не располагали.

Скорее всего, ан-Насави, говоря о гигантской армии грузин, просто намекает, что христиане намеревались вторгнуться в Азербайджан, а благородный Джелаль помешал им сделать это.

На самом деле хорезмшах напал на грузин по единственной причине: предстать бойцом джихада в глазах своих мусульманских коллег. Просто сперва он вел войну против монгольских христиан, а теперь — против грузинских.

Джелаль повел наступление в сторону Аракса, сделал резкий поворот влево и прибыл на земли современной Республики Армения, которые входили тогда в состав Грузии. Узкую полосу Аррана обошел стороной. Эта страна находилась справа от него.

Ан-Насави, как обычно, ударяется при описании похода в лживую риторику сомнительного литературного достоинства. О действиях грузинской армии пишет так: «От соседства султана их хватил паралич и столбняк, ими овладела тревога и печаль. Собравшись, они преследовали цель показать султану, насколько они могущественны и многочисленны». В этих рассуждениях видим

беспомощные штудии персидского интеллигента, который мало что понимал в военном деле, но не упускал случая шегольнуть ученостью. Но наш биограф-мемуарист невольно проговаривается. Грузины не были агрессорами в этом конфликте. Они надеялись, «что [Джелаль эд-Дин], может быть, пожелает пойти на мир с ними и они избавятся от жара наказания». За что же их наказывать? За набеги на Арран. Государство азербайджанских *атабеков* «было для них местом охоты: туда они ходили за добычей вместе и порознь, парами и по одному».

Ан-Насави снова и снова проговаривается, говоря о грузинах. «Когда султан узнал, что они собрались для пустой болтовни, он устремился на них с теми воинами, которые были под рукой, так как большинство их уже разъехалось в свои владения... в Ираке и других местах». Другими словами, в первых операциях против грузин принимали участие только отборные хорезмийские вояки, потому что главную часть армии Джелаль распустил по домам, оставил в гарнизонах и расквартировал в Азербайджане, чтобы там не случился мятеж. Но и самих грузин было не так уж много. Возможно, с обеих сторон сражалось по 15 000—20 000 бойцов. Хотя Джувейни утверждает, что у грузин имелось 30 000 воинов. На их стороне бились отряды армян.

Иване был опытный и осторожный воевода. Последовательность его действий можно восстановить так. Грузинские войска осаждали Гянджу, но сняли осаду, услышав о приближении Джелаль эд-Дина. Семья Закарян владела Двином и его окрестностями. Поэтому Иване повел армию в эти края — защитить собственные владения. Он выбрал удобное место в окрестностях Гарни и разместил войска на вершине горы. Наверно, значительную часть отрядов составляла пехота, потому что грузинский военачальник побоялся принимать бой на равнине.

В то время полководческий талант Джелаль эд-Дина находился в расцвете, а ядро войск составляли опытные *аскеры*. Грузинам было чего бояться.

Хорезмшах двигался навстречу врагу. На берегу Аракса Джелалы ждал передовой отряд Илчи-пехлевана. Илчи сообщил, что грузины с большими силами находятся неподалеку. Джелалы «ответил на эту весть лишь тем, что, прищпорив коня, бросился вброд», — говорит ан-Насави. За ним последовало всё войско.

Хорезмшах форсировал Аракс и вторгся в армянские земли. «Когда он достиг Гарни, — вспоминает ан-Насави, — то увидел, что грузины расположились на возвышенности, словно высокая гора на горе, [сплошной] черной массой, как беспросветная ночь». Увидев хорезмийцев, враги издали боевой клич. «Но султан испугался их многочисленности не больше, чем волки пугаются свободно пасущихся овец, или так, как голодные львы боятся бродячего скота».

Весь день он надеялся, что грузины спустятся на равнину, где их можно будет спокойно перебить. Однако воевода Иване проявил хладнокровие и спокойно ждал атаки хорезмийцев. Джелалы выстроил войска. Впереди расположил в несколько рядов конницу, усилив центр своими ветеранами. На левом фланге поставил отборные части багатуров, а на правом — лучников. Грузины не реагировали. «Весь тот день он ожидал, что грузины спустятся для сражения, но [они] не спускались».

Зашло солнце. Для султана разбили небольшой шатер, куда он удалился на отдых. Перед этим Джелалы отдал приказ своим воинам и эмирам дежурить поочередно, чтобы грузины не смогли застать врасплох, если им вздумается внезапно атаковать.

Наступившее утро застало обе армии на тех же позициях. Джелалы эд-Дин собрал на совет своих эмиров.

— Враг, очевидно, решил уклониться от сражения, — начал он. — Хочет затянуть дело. Мы решили напасть на них первыми, поднимаясь со всех сторон. Если они предпримут встречную атаку, можно забросать врага стрелами и не дать ему спуститься.

План был обманчиво прост, как все хорошие планы. В военной науке это называется «замысел операции». «И султан выступил,

поднимаясь вверх, скорее даже [не сам], а поддерживаемый [Аллахом]. Когда он выступил, двинулись и ищущие [боя], распрямив свои крылья, подобно орлам».

К счастью, на этот раз мы имеем некоторые подробности сражения. Первым ринулся в атаку левый фланг армии султана. Там находились полки Пиршаха, Орхана, атабека Йигана. Задача была поставлена такая: обойти врага и захватить вершину горы, чтобы оттуда атаковать грузинскую армию и обстреливать ее из луков.

На хорезмийцев немедленно напали отряды грузин. Ими командовал Шалва, брат воеводы Иване. Ан-Насави уважительно зовет его «один из их знаменитых хитрецов». Рашид добавляет: «Шалва имел могучее телосложение и был мощен». Мусульмане стали осыпать врага стрелами, как приказал Джелаль. Однако Шалва повел своих воинов в атаку бегом, чтобы схлестнуться в рукопашную. Прошло несколько минут — и враги сошлись друг с другом. «Муслим смешался с кафиром... поднимающийся — со спускающимся, конный — с пешим». Кажется, Джелаль ввел в бой резервы и подкрепил левое крыло армии. На поле боя появились свежие отряды кавалеристов и смяли грузин Шалвы. Христиане не выдержали. «Они понеслись на крыльях бегства, увешанные позором и бесчестьем».

Но это не было окончательным поражением. Враг сопротивлялся. Джелаль усилил левое крыло, которым командовал Орхан, приказал оседлать вершину горы, чтобы занять выгодную позицию и оттуда обстреливать неприятеля. Хорезмийцы бросились в новую атаку. Она и решила исход дела. Под обстрелом грузины дрогнули и побежали. Четыре тысячи из них сложили головы в этом бою. Многие попали в плен. Мусульмане взяли добычу. «Султан остановился на холме, а грузин приводили к нему покорных, униженных, как гонят грешников к адскому огню, — пишет ан-Насави. — Лица у них были [покрыты] пылью безбожия и отягчены прахом беспомощности». Иване в сумятице удалось бежать. Он укрылся в крепости Бджни, которую немедленно осадил отряд хорезмийцев.

Рашид объясняет победу тем, что грузины перепились. Возможно, составитель «Сборника летописей» хочет принизить военное искусство Джелала, а заодно и грузин. Вряд ли их войско предалось неумеренным возлияниям перед битвой. Хотя выпить могли. Но это практиковалось во всех армиях мира. Недаром Чингисхан рекомендовал выдвигать на должности трезвенников. Но тут же оговаривался со вздохом: да только где найдешь этих людей...

Так завершилась битва. Для сравнения приведем рассказ о тех же событиях со стороны грузин. Вот что пишет автор «Картлис цховреба» — «Истории Картли»:

«Когда царица Русудана узнала о появлении хорезмийцев в ее государстве, она созвала войско восточное и западное, вручила им знамя, а командование — атабеку Иване [Мхаргрдзели]. Хорезмийцы стали лагерем в Гарниси, а на другой стороне расположились царские войска. Передовыми атабек поставил ахалцихских [владельцев] Иване и Шалву. Когда сблизились передовые грузинские отряды и султан, здесь вдруг атабек Иване отказался от битвы, а передовые послали ему гонца и просили его: «Мы уже сблизились с султаном, нас очень мало, и нам предстоит кровавая битва, и ты и твоё мужество нам очень должны помочь». Два-три раза посылали к нему гонца, но он ничего не ответил. Но так как ахалцихские Иване и Шалва были смелыми и мужественными, они, не побоявшись преимущества султанских войск, разгоряченными бросились в битву. И была страшной битва, с обеих сторон были бесчисленные жертвы. Атабек Иване и остальное грузинское войско видели эту страшную битву и не пожалели своих единоверцев — стояли в стороне и не захотели помочь. Говорят, что атабек Иване это сделал не из страха, а из зависти к ахалцихским Иване и Шалве. И когда битва разгорелась, у обоих братьев убили коней, и им пришлось биться пешими. А когда были сломаны мечи ахалцихцев, тогда грузины бежали. Шалва был схвачен, а Иване убит».

Судьба Иване различна в разных версиях битвы. Но на месте сражения он не умер. Мы еще вернемся к рассказу о его смерти.

4. ЗИМНИЙ ПОХОД

Шалва пытался спрятаться среди трупов, но его схватили, опознали и привели к хорезмшаху. «Так Аллах рассеял надежды проклятого на то, в чем он преступил границу дозволенного», — указывает ан-Насави. К числу «проклятых» относятся, по его мнению, все, кто не принял ислам, — будь то Чингисхан или Шалва Мхаргрдзели.

— Где же твоя сила? — насмешливо спросил Джелаль эд-Дин.

— Она пала благодаря твоей счастливой звезде, — ответил грузин.

После этого изъявил желание принять ислам и был зачислен в армию хорезмшаха. Ему присвоили прозвище ал-Курджи — Грузинский. Вскоре привели еще одного пленного — самого Иване, который сдался вместе с гарнизоном крепости Бджни. Джелаль выказал ему почет, обошелся любезно и выразил надежду, что братья Закарян покажут дорогу в Грузию, куда хорезмийские войска придут в скором времени. Иване и Шалва заверили, что останутся его верными слугами. Джелаль пожаловал им несколько городов в Западном Азербайджане.

Затем султан отправил в Тебриз отряд своих телохранителей. Они ехали с отрубленными головами знатных грузин, павших на поле брани, и «радостной вестью о том, что Аллах даровал султану победу».

Победа обошлась недешево, но успех окупил потери. Хорезмшах захватил Сюник и направился в Двин. После короткой осады город пал. Джелаль приказал отделить мусульман от христиан, и христианские дома были разграблены. «Аллах щедро даровал султану и его помощникам обильные богатства и неограниченное количество добычи», — любуется Насави.

Дав войскам отдых и получив подкрепления, Джелаль двинулся на Тбилиси, но вдруг вернулся в Тебриз. *Везир* Шараф ал-Мульк донес, что семейство Туграи устроило заговор. Джелаль был очень обеспокоен. Туграи-племянника схватили и предали казни.

Дядю — бросили в тюрьму и приговорили к уплате крупного штрафа в 100 000 динаров. На самом деле племянник и дядя стали жертвами клеветы со стороны *везира*, но выяснилось это не сразу.

Грузию в это время разоряли отряды левого крыла хорезмийской армии. Правое крыло, под началом верного Орхана, Джелаль послал закончить завоевание Аррана. После смерти Узбека эти районы не подчинялись вообще никому. Разве что в Нахичевани правила сестра Узбека — Джелалия.

Когда Орхан с хорезмийским войском приблизился к воротам Гянджи, правитель города, поставленный Узбеком, беспрекословно сдал город новым хозяевам. Вслед за Гянджой открыли ворота другие города — Байлакан, Барда, Шамкур и Шутур. Весь Арран перешел по власть Джелалия без боя.

В Гянджу прибыл гражданский правитель. Им оказался некто Кафи, человек *везира* Шараф ал-Мулька. Кафи проверил деятельность военных на предмет финансовых махинаций. Орхан был сразу изобличен. «Между ними произошли объяснения, которые закончились грубостью», — сообщает ан-Насави.

Вояка замахнулся на чиновника мечом и прогнал от себя. Кафи донес об этом Шарафу. Тот отправился к Джелалю с жалобой. Хорезмшах заставил Орхана вернуть всё похищенное в Гяндже, но тотчас компенсировал потери богатыми земельными пожалованиями. Земли находились на востоке Ирана, в Кухистане. Это название сложилось из двух слов: персидского «кух» («горы») и арабского «стан» («страна»). То есть перед нами «страна гор» — идеальное место для бандитских схронов и замков. Ими владела секта *гашишинов*. Получив эти земли в удел, Орхан начал наступление на врага. *Гашишины* пригрозили убийством, но Орхан игнорировал угрозы. В горах началась малая война. Орхан поручил вести ее своим помощникам.

...Джелаль эд-Дин счел, что достаточно укрепил свою власть в Тебризе. Взяв телохранителей, он отправился на север — к своим войскам. Ан-Насави: «После праздника султан отправился во вто-

рой набег в Грузию и этим обелил лицо веры, а щеки поклонников креста покрылись пылью».

Джелаль пытался внести раскол в ряды грузин. Перед походом он тайно встретился с сыном захваченного в плен воеводы Иваном Аваком. Хорезмшах сказал ему:

— Я ведь не грабить Грузию пришел. Я пришел с миром. Но вы почему-то настроились против меня. Послушай, ведь ты один из главных *везиров* грузинского двора. Слышал ли ты о величии моего государства? Я сын великого владыки, хорезмшаха. Но судьба отвернулась от меня, и я всюду был побежден Чингисханом. Когда я увидел, что он силен, а у меня нет сил, я отправился в Грузию с миром. А сейчас я хочу, чтобы мы соединились и вместе бились против врага. Я слышал, что ваш царь — женщина. Сделайте меня ее мужем, и мы вместе будем биться. Если же вы так не поступите — горе вам, ведь татары уже здесь. Пошли гонца к царице и сообщи о моем предложении. Я не хочу разгрома Грузии, я хочу защищать ее от врага. Если вы меня поддержите — будет мир.

Довольно странные предложения после того, как хорезмийцы разгромили половину Грузии. Но ровно то же он говорил и халифу, и другим правителям. Когда ему выгодно, он предстает как борец с христианами. Когда нет — склоняет христиан к войне против монголов. Джелаль мыслит очень широко.

А что же грузины? Они использовали любую возможность, чтобы навредить воинам ислама. За это мусульмане считали грузин коварными и двуличными гяурами. Обращенный в мусульманство Шалва Закарян-Мхаргрдзели не забыл о своих корнях. Когда султан достиг берегов Аракса, Шалва направил гонца к своим соотечественникам с предупреждением о вторжении. Дело раскрылось. «Султан распорядился, и он (Шалва) был разорван на две части на берегу реки», — пишет ан-Насави. Рашид эд-Дин добавляет, что вместе с ним казнили его брата — Иване. Этот автор уточняет, что братья пытались заманить Джелалья в грузинскую засаду, однако ее вовремя обнаружили мусульманские *аскеры*. Некоторое количество грузин было перебито, остальные бежали.

Вскоре султан захватил город Лори, но пощадил его по какой-то причине. За городом высилась крепость Алибад. Не тратя время на осаду, Джелаль приказал наступать на Тбилиси.

Зима в том году была злая. Ан-Насави пишет, что валил снег и было очень морозно. И всё же наступление продолжалось. Джелаль эд-Дин прибыл под стены Тбилиси с небольшим конным отрядом. Глазам султана предстало великолепное зрелище — большой город в долине Куры. «Он увидел, что Тифлис укреплен и неприступен, а его стены большей частью были возведены на горах и возвышенностях», — замечает ан-Насави. Снег здесь растаял. Перед городом расстилались луга. Тбилиси был хорошо укреплен. Он располагался на южном берегу реки. А на северном, за мостом, возвышалась цитадель. Стоило разрушить мост, и цитадель становилась практически неприступной.

5. ТБИЛИССКИЕ МУЧЕНИКИ

За стенами города укрылось множество беглецов из окрестных деревень. Некоторое время продолжалась осада. Султан разбил лагерь и вызвал войска без вьюков и обоза. Было ясно, что к долгой кампании его джигиты не подготовлены. Следовало найти какое-то решение, и Джелаль эд-Дин его нашел. Он снеся с мусульманами Тбилиси, которые занимали в городе один или несколько кварталов. И предложил единоверцам сдать город. Те согласились. Но как это сделать? Джелаль замыслил отвлекающий маневр: бросил войска на приступ, а затем ударился в притворное бегство.

В первых числах марта 1226 года начался штурм Тбилиси хорезмийцами. Грузины сделали вылазку, Джелаль отступил.

Часть хорезмийских войск, во главе с Пиршахом, султан оставил в засаде. В нужный момент они бросились в бой и отрезали грузинам путь к отступлению. К воротам подошли сидевшие в городе мусульмане-тбилисцы, открыли их Пиршаху, и тот ворвался в узкие городские улицы. Часть гарнизона спаслась, перешла Куру по деревянному мосту, сожгла его и укрылась в цитадели. Вслед за

воинами в цитадель пытались прорваться мирные жители, но это не удалось. Мост был подожжен в тот момент, когда по нему бежали престолюдины. Для них не предполагалось спасения.

Ибн ал-Асир подхватывает: «Мусульмане овладели городом силой... поэтому они перебили всех находившихся в городе грузин, не пощадив ни взрослых, ни детей, кроме тех, кто принял Ислам и произнес два слова свидетельства: те были пощажены, и Джелаль эд-Дин приказал обрезать их и не трогать». Правда, и правильная религия не гарантировала от расправы. «Несколько пострадали и жившие в городе мусульмане, — деликатно говорит Ибн ал-Асир, — (некоторые из них) были убиты, ограблены и т.д.»

Оставалась крепость. Начальником ее гарнизона был грузинский воевода Боцо. Летопись «Картлис цховреба» утверждает, что с ним спаслось 10 000 воинов.

Султан переправил войско на другой берег Куры, чтобы взять цитадель, и приказал готовить осадные орудия, но в это время из крепости вышел грузинский парламентар с просьбой о пощаде. Приказ о капитуляции отдала царица Русудан. «Султан ответил на это согласием, так как нагрянула зима, — говорит ан-Насаби. — Крепость сдалась со всем, что пребывало здесь на протяжении веков. Всего этого не пересчитали бы пальцы самого искусного знатока, а от их перечисления стало бы тесно в стопках реестров».

Десять тысяч грузинских воинов вышли из цитадели без единого выстрела. Джелаль эд-Дин предложил им принять ислам, однако пленные отказались. Как выяснилось — зря. Их всех перебили на мосту, названном впоследствии «Мостом святых десяти тысяч мучеников тбилисских», а трупы сбросили в темную и холодную Куру, вода которой не замерзла вопреки сетованиям нашего персидского автора на «сильные морозы».

Грузинская империя погибла. Ее концом можно считать холодный и снежный мартовский день 1226 года, когда пал Тбилиси. Это произошло седьмого или восьмого числа.

Джелаль эд-Дин начал обустраиваться в Грузии. «Он разрушил часть церквей и вместо них основал мечети», — сообщает Рашид

эд-Дин. Затем перечеканил монеты грузинских царей, захваченные в казне Тбилиси, и выбил на них свое имя и имя Аллаха.

Джелаль отправил своих хорезмийцев на запад Грузии, чтобы разграбить и эту часть страны. Хорезмийские отряды дошли до границ Абхазии. Грузины прятались в городах и крепостях, осаждаемые которые у врага не было сил.

Но вдруг нашествие остановилось. Хорезмшах узнал, что на востоке его державы восстал Керман. В июне 1226 года султан вывел часть войск из Грузии. Наместником страны остался Шараф эд-Дин.

Подчинение хорезмшаху керманского правителя Барака и до того было условным. Но он хотя бы отправлял дань. А теперь платить перестал и отправил к монголам посла за подмогой. Афганские и индийские владения Джелала были отрезаны.

Хорезмшах взял с собой самых выносливых *гулямов*, присоединил к ним 6000 легких кавалеристов и помчался на восток. Султан захватил с собой брата — Пиршаха. Тому был обещан Керман в случае победы.

Переход из Тбилиси в Исфахан занял у Джелала семнадцать дней. Хорезмшах летел как на крыльях. Однако затем дело забуксовало. Барак хорошо подготовился, рассредоточил свои войска в крепостях. Осаждать их не было времени. «Когда султан узнал, как тот осторожен и насколько [сильно] укрепился, он вернулся обратно, разочаровавшись в том, на что было направлено его старание», — пишет ан-Насави. Барак-хаджиб стал независимым правителем. Вернее сказать, поменял хозяина. Новым повелителем Барака стал монгольский хаган.

6. МИФИЧЕСКАЯ КОНТРАТАКА

А в Грузии прошел слух, что войска царицы Русудан перешли в наступление, а наместник Джелала — Шараф — заперт ими в Тбилиси. Несколько ханов (генералов) устроили совещание. Тема была

одна: как спасти Шарафа, но на самом деле спасать его никто не хотел. Большинство совещавшихся проявило потрясающее равнодушие к судьбе *везира*. Говорили, что надо не обращать внимания на осаду. Главное — выполнять задачи по охране гарема и имущества султана. Им возразил Орхан:

— Если грузины возьмут *везира* султана в плен поблизости от такого войска, как наше, то на державе останется позор, который нельзя будет смыть. А славу, добытую победами, заменят слухи о слабости и презрительные упреки.

Военачальник снарядил в поход подчиненные ему полки и отправился выручать злейшего врага — Шараф ал-Мулька.

Орхан доехал до стен Тбилиси и там обнаружил, что весть об осаде — ложная. Грузины уходили на запад и не имели сил для контратаки.

Следом прибыл султан. «Его войска разошлись по стране грузин, грабя и захватывая добычу», — любуется этой картиной ан-Насави.

Оставив мощный гарнизон в Тбилиси, Джелаль эд-Дин обложил Ани и Карс двумя корпусами. Оба древних города были хорошо укреплены, имели большие гарнизоны и запасы продуктов. Кроме того, за стенами спрятались население окрестных деревень, которое помогало воинам отбиваться от неприятеля. Армяне и грузины сражались против мусульман бок о бок.

Конец лета и часть осени Джелаль потратил на бесплодную осаду этих твердынь. Но результат равнялся нулю. Мусульмане разбили лбы о крепостные стены. Условия Кавказа оказались слишком непривычны для воинов Средней Азии. Джелаль отступил. Он получил весть о том, что грузины собрали армию в Кутаиси, и опасался удара в тыл. Хорезмшах оставил часть войск для осады двух городов, а сам вернулся в Тбилиси. Ибн ал-Асир пишет вскользь о рейде султана в Западную Грузию и о том, что грузинские войска были вновь разбиты. Но это неправда. Джелаль нанес несколько быстрых ударов по отрядам грузин, но воины православного царства ушли в горы и избежали разгрома. Думать так заставляет

один важный факт: вскоре грузины нападут на Тбилиси и займут развалины города.

В это время султан поссорился с правителем южной части Армении. Ее столицей был город Хлат на берегу большого горного озера Ван. Здесь находилось мусульманское государство Ш а х а р м е - н о в — то есть, в переводе, армянских царей.

Между силами шахармена и хорезмшаха произошли столкновения. Они станут причиной большой войны. Но прежде чем рассказать о ней, объясним, кто такие шахармены.

Глава 3 РАЗРУШЕНИЕ АРМЕНИИ

1. СТРАНА ШАХАРМЕНОВ

Армяне, как и грузины, — часть византийского суперэтноса. Но стремление к независимости было здесь даже сильнее, чем у грузин. Армянский этнос давно раскололся. Те, кто признал Византию, — приняли православие... и возглавили империю на несколько столетий. В жилах представителей ряда династий Византии текла кровь армян. Среди них — Аморийская и Македонская династии, Комнины...

Те армяне, что отрицали связь с Византией и жаждали независимости, приняли монофизитство — вариант христианской доктрины, отрицавший человеческое в Христе. Оставим догмы; армянам было важно отделиться, показать свое несходство с Византией. Они это сделали... и погибли.

В XI веке цари-армяне из Македонской династии захватили родину предков. Владения Византии простирались до озера Ван, города Ани и подходили к азербайджанской Урмии. Но сама Византия была уже больна.

В 1071 году наступил крах. В Армению вторглись турецкие сельджуки и разгромили византийскую армию в решающей битве

при Манцикерте. Монофизиты приветствовали эти перемены. Наконец-то покончено с властью безбожных еретиков (так здесь называли православных). Но результат был трагичен. Армяне сменили византийское подданство на мусульманское рабство. И это было лишь началом бедствий.

Сельджуки постоянно грызлись между собой, опираясь в борьбе на шайки бродячих туркмен. Эти туркмены стали быстро заселять Армянское нагорье и грабить местный *райат*. Процесс завершился в XX веке, когда мусульмане-курды вообще вырезали армян и расчистили дорогу туркам, которые сейчас заселяют древние армянские земли вокруг озера Ван.

Курды пришли вместе с туркменами. Это были ираноязычные кочевники. Пик их могущества приходится на XI — XII века, когда курды дали мусульманскому миру несколько блистательных династий. Азербайджаном одно время правила курдская династия Раввади, в Египте воцарился курд Салах эд-Дин, а в Армении появились свои курды-правители. Они назвались «шахармены».

Династия, впрочем, была коротка и быстро выродилась. На смену ей пришли военные рабы — *мамлюки*. А с севера наступали грузины. Кончилось тем, что столицу шахарменов — Хлат — захватили наследники Салах эд-Дина. Они-то и стали правителями этих земель в эпоху Джелала. В исторической науке их династию именуют «Эйюбиды», ибо основателя звали Эйюб (Иов). Государем Шахармении (условимся так называть эту страну) сделался **Мелик-Ашраф (1229—1237)** из династии Эйюбидов, правитель Сирии.

А в целом Армению делили три страны. Северную часть захватили грузины. Южную — Эйюбиды. Западную, с городом Эрзерум, — турки-сельджуки. В описываемое время в Эрзеруме сидел сельджукский эмир Т о г р у л ш а х, большой оригинал.

Мелик-Ашраф был занят сирийскими делами, а Шахарменией управлял через своих *мамлюков*. Какое-то время царила стабильность, как вдруг всё пришло в движение.

Тогрулшах считался белой вороной среди мусульман. Вместо того чтобы воевать с грузинами, он предпочел стать их вассалом. Его сын принял православие, чтобы жениться на царице Русудан. Потомки Тогрулшаха должны были стать государями Грузии. Но этого мало. Тогрул «высоко держал над своей головой знамя, на верхней части которого был крест». Об этом пишет ибн ал-Асир. С чего бы вдруг мусульманский эмир демонстрирует столь сильную симпатию к христианству?

Подоплека событий была следующая. Большинство населения в эмирате Эрзерум составляли армяне. В византийские времена этот город назывался Феодосиополь.

Крест на флаге — способ завоевать лояльность подданных. А тонкость отношения с грузинами в том, что Тогрулшах обеспечивал покорность армян-монофизитов благодаря той же грузинской угрозе. Выгодно было всем. Тогрулшах сохранил власть, грузины получили вассала в виде мусульманского эмирата, а монофизиты могли спокойно исповедовать свой вариант христианства, не опасаясь давления со стороны православных грузин или репрессий — со стороны мусульман. Как говорится, Восток — дело тонкое.

Вот только соседних мусульманских правителей эта ситуация не устраивала. Брат Тогрулшаха — Кей-Кубад — был румским султаном. Ему принадлежали центральные и восточные области Малой Азии. Возникновение у себя под боком полухристианского княжества он не приветствовал. Румский султан послал крупную армию, чтобы покарать брата за отступничество и вернуть Эрзерум в лоно мусульманского султаната. Тогрулшах позвал на подмогу грузин... и те разгромили армию малоазийских турок. Но мусульмане не успокоились. В качестве борца за чистоту веры неожиданно выступил *везир* Джелаль эд-Дина Шараф. *Везир* направил войска для разграбления Эрзерума. Вроде бы он действовал по собственной инициативе, а не по приказу хорезмшаха.

Но тут случилось непредвиденное. Дорога на Эрзерум шла по владениям шахармена Мелик-Ашрафа. Хорезмийцы проигнориро-

вали этот факт и нарушили границу. Мусульманские воины шахармена немедленно атаковали нарушителей, нанесли им урон, взяли добычу. *Везир* Шараф впал в панику и написал Джелалю тревожное письмо о том, что шахармен напал на хорезмийцев и грозит войной. Так Джелаль получил нового врага.

2. ХЛАТ: ПЕРВАЯ ОСАДА

Поход в Шахармению султан начал поздней осенью 1226 года. Карс и Ани на сей раз обошли, выставив у стен наблюдательные отряды.

Губернатором Хлата был опытный в военном деле *хаджиб* Али. Сам верховный правитель Мелик-Ашраф собирал силы в Дамаске. Так получилось, что сирийцы защищали далекий город Хлат, лежащий высоко в горах на берегу озера Ван.

Действия Джелаль эд-Дина отличала стремительность. Этим он не похож на других мусульманских владык. Те передвигались медленно, с обозом и женами, в удобных носилках. Джелаль часто оставлял обоз и мчался с отборными *гулями* вперед, преодолевая десятки километров и застигая врага врасплох. Этому он научился опять-таки у монголов после страшного поражения при Синде. Ведь тогда он и сам передвигался в паланкине, упустил время и потерял всё — первый гарем, армию, царство... Больше султан старался не повторять подобных ошибок.

Вот и теперь, готовясь захватить Хлат, султан «с родинкой на носу» собрал легкую конницу, оставил обоз и кинулся на врага. Но как бы он быстро ни мчался, шпионы оказались проворнее. Они предупредили Али-*хаджиба* о нападении. Это подтверждает ибн ал-Асир. При султани, говорит историк, были люди, которые пользовались его доверием. Однако они за деньги служили шахармену и успели выслать гонцов с предупреждением об опасности. Али-*хаджиб* укрепил город.

5 ноября 1226 г. Джелаль эд-Дин напал на Эрзинджан, однако здесь хорошо подготовились к обороне. Озадаченный хорезмшах

оставил его, прибыл под стены Хлата 7 ноября и с ходу атаковал город. Султанские войска ждала неудача.

Джелаль эд-Дин напал на предместья города. Разгорелось кровопролитное сражение. «Его войска причинили жителям Хлата большой урон, — пишет ибн ал-Асир, — подошли вплотную к стене города, вступили в его предместье и начали усердно грабить и забирать женщин в плен». Расчет был на то, что гарнизон выйдет из крепостных стен, дабы выручить жителей предместья. Так и случилось. Защитники Хлата сделали вылазку. Вновь завязалась битва. Обе стороны сражались с небывалым упорством. «Что касается самого *хаджиба* Али, то он спешился, стал прямо против врага и мужественно сражался», — говорит ибн ал-Асир. Хорезмийцев удалось потеснить, затем они перестроились, контратаковали и опрокинули врага. В плен попало несколько эмиров шахармена. Но главный замысел Джелалая провалился. Его противник выручил жителей предместий и увел их за городские стены, а ворота Хлата захлопнулись перед носом у хорезмийцев.

Отдохнув несколько дней, Джелаль эд-Дин снова напал на город. Схватки и штурмы следовали один за другим, но хорезмийцы не добились успеха. Джелаль обращался с предложением сдаться, однако всё было напрасно. Хорезмийцы обладали дурной репутацией. Ибн ал-Асир пишет, что защитники города видели, как жестоко обращаются вояки Джелалая с населением «и какие они развратные люди». Разноплеменные тюркские джигиты превратились в солдат удачи. Они пьянствовали, грабили, насиловали и не имели моральных принципов.

Хорезмшах осаждал Хлат до тех пор, пока не наступили холода. Морозы в армянских горах — вещь суровая. Выпал снег, почва схватилась льдом. Джигиты чувствовали себя неуютно в своих шатрах. 15 декабря 1226 года султан снял осаду и ушел. Полководцы шахармена утверждали, что нанесли Джелалю поражение и отбросили его войска. «Аллах знает лучше», — уклончиво говорит по этому поводу ан-Насави. Не исключено, что Джелаль распространил слух о морозах специально, чтобы скрыть свою неудачу.

Помимо природных условий и упорства защитников Хлата была еще одна причина того, что Джелаль отступил. Его лоскутное государство трещало по швам. Вести о мятежах и неурядицах приходили то с одной, то с другой стороны. На сей раз султану доложили, что в Азербайджане взбунтовалось туркменское племя *иваи*. Джелаль поспешил в эту страну, чтобы подавить мятеж.

Туркмены облюбовали степную часть Азербайджана для своих кочевий еще в XI веке, когда захватили Иран. Сперва они подчинялись династии Сельджуков. Но по мере ослабления центральной власти отказали правителям в подчинении. Слушались только своих родовых вождей. С последними *атабеками* азербайджанские туркмены вообще не считались. Разгром Азербайджана хорезмийцами восприняли как дар Аллаха. Появилась возможность пограбить эту страну. Тем более что Джелаль ушел далеко на запад — в Южную Армению, на берега озера Ван.

В порядке разбоя туркмены захватили Урмию и прискакали под стены города Хой, где находилась в полной растерянности Мелеке-хатун, дочь Тогрула III и жена Джелаль эд-Дина. Жители откупилась. «Их (наглость) дошла до того, что они прервали дорогу недалеко от самого Тебриза и отняли у его купцов очень много товаров», — сообщает ибн ал-Асир.

В Азербайджане росло недовольство Джелалем. Оппозицию возглавила сама Мелеке-хатун. Муж с ней не жил, предпочитая пьянствовать в обществе военачальников и посещать молоденьких супругов.

Чтобы восстановить авторитет, султану срочно требовалось разгромить бандитов. Джелаль вновь действовал стремительно, и это принесло результат. Он появился в Азербайджане с отборной конницей, выяснил, где находятся кочевья *иваи*, напал на них. В схватке профессиональные воины Джелала легко изрубили ополченцев-кочевников. Зачинщики бунта погибли. Хорезмийцы устроили показательную расправу.

«Они перебили многих из них [туркмен], ограбили их, — пишет ибн ал-Асир, — взяли много в плен, обратили в рабство их жен

и детей и отняли у них бесчисленное количество всякого добра, в том числе много матерей, отнятых ими (туркменами) у купцов, причем некоторые были еще не распакованы, в тюках, а некоторые распакованы и раскрыты. Покончив с этим делом, Джелаль эд-Дин возвратился в Тебриз».

Победы и поражения словно уравнивали его судьбу. Разгром *иваи* позволил султану сгладить впечатление от неудачной осады Хлата и повысил авторитет в глазах азербайджанцев.

После карательной операции против туркмен хорезмшах распустил воинов на зимние квартиры. Джигиты зимовали на пастбищах возле Каспийского моря, где погода мягче, а условия — привычнее. Этим тотчас воспользовались грузины, собрались с силами и попытались освободить страну.

С этой попыткой связана авантюрная история. Как мы помним, один из мужей царицы Русудан был сыном мусульманского правителя Эрзерума. Звали его Давуд. От него у царицы имелось двое детей — сын Давид Нарин и дочь Тamar.

Затем турок был отставлен. Во время вторжения в Грузию Джелаль эд-Дин разыскал молодого Давуда, приблизил к себе и обещал покровительство. Скорее всего, хорезмшах имел планы насчет этого турка. Например, посадить его в Эрзеруме как вассального царька. Или использовать против грузин. Однако в поход на Хлат Давуда не взяли. Он остался в Тбилиси. И показал, что у него — свои планы. Давуд воспользовался первым же случаем, чтобы сбежать от своих хорезмийских благодетелей. «В этот момент над юношей возобладал сатана, он вернулся к прежнему безбожию и бежал к грузинам», — сообщает ан-Насави. Давуд рассказал грузинским воеводам, что гарнизон Тбилиси очень слаб, да и вообще главные силы хорезмийцев выведены из Грузии. Гарнизон возглавлял один из офицеров Джелала — Кыр-мелик.

Войска грузин явились под стены Тбилиси. Мусульманские жители города так возненавидели хорезмийцев за время оккупации,

что предпочли открыть ворота православным грузинам. Комендант Тбилиси, хорезмиец Кыр-мелик, успел бежать со своими людьми.

В феврале 1227 года грузины взяли Тбилиси и сожгли его, а людей увели с собой. Попутно казнили сторонников Джелаль эд-Дина, каких нашли. Пострадали те люди, что открыли ворота хорезмшаху и сдали город в свое время.

Шараф ал-Мульк немедленно доложил о падении Тбилиси.

Хорезмшах отправился войной на грузин, отогнал их, но окончательного успеха не добился. Пришли вести, что монголы вторгаются в восточные владения Джелала и чинят безобразия. Джелаль эд-Дин отбыл в Иран.

Часть четвертая

ГИБЕЛЬ ХИМЕРЫ

Глава 1

ПРОТИВ МОНГОЛОВ

1. ВЕТЕР С ВОСТОКА

Откуда взялись монголы в Иране в 1227 году, не совсем ясно. Непонятно, были ли они там вообще. Очевидно, что Джелалъ эд-Дин с кем-то сражался на востоке своей страны в течение года, забросив при этом дела на западе. Но с кем он сражался — это вопрос.

Главные силы Чингисхана увязли в Тангуте и занимались уничтожением этой страны. Джучи и два его наследника — Орду и Бату — сражались против башкир и кипчаков. Боевые действия были крайне напряженными, и с фронта казалось невысказанным снять хотя бы одного воина.

Остается Чагатай. Этот сын Чингисхана управлял бывшим царством Кара-Китай. Оно не имело внешних фронтов. Со всех сторон этот улус окружали владения других сыновей Чингиса. Бывшее Найманское ханство (на востоке) подчинялось Угэдэю. Восток Кипчакской степи (нынешний Казахстан) — Джучи. На юге и западе лежали владения хорезмшаха, но монголы только что оттуда ушли. И вдруг — новый поход. Почему?

Чагатай отличался суровым нравом, его не любили. Видимо, против него взбунтовалась часть войск. Первыми подняли мятеж кара-китаи. Они носили монгольские имена, выглядели как монголы. Поэтому их было легко перепутать с монголами. К ним примкнули местные тюрки, в том числе *аскеры* из уничтоженных

армий хорезмшаха Мухаммеда. Оставаться мятежникам в бывшем Кара-Китайском ханстве было нельзя: Чингис, тогда еще живой, непременно прислал бы войска, чтобы расправиться с непокорными. Идти на север, в Кипчакскую степь, тоже не хотелось. А на западе лежали беззащитные иранские города.

Только так можно интерпретировать рассказы ибн ал-Асира, ан-Насави и Рашид эд-Дина о появлении монголов в Иране. Все три автора утверждают, что Чингисхан не имел к этому вторжению никакого касательства. Да и не мог иметь. Великий хан в это время был тяжело болен.

«Монголов» было примерно до двадцати тысяч. В январе 1227 года их отряды разграбили Хорасан. *Наибы* (наместники) хорезмшаха в этой провинции сумели отогнать «монгольские» банды. Надо полагать, «монголы» вели атаки разрозненно. Выбитые из Хорасана, они набросились на Мазандеран. Это произошло в конце зимы или в начале весны.

Джелаль двигался в Персидский Ирак. Он призвал к себе Орхана — одного из лучших своих полководцев. Вдруг пришла весть о том, что Орхан убит. Убийцами стали исмаилиты.

Как помнит, может быть, читатель, мы говорили, что Джелаль наделил Орхана владениями в «Стране гор» — Кухистане. Этот край населяли общины исмаилитов. Люди Орхана стали нападать на них, грабить и разорять. Исмаилиты обратились за помощью к Старцу Горы — лидеру *гашишинов*, который обосновался в горном замке Аламут в Мазандеране. Тот подослал убийц, они зарезали Орхана прямо на улице в Гяндже, и Джелаль лишился одного из лучших своих генералов.

В конце весны хорезмшах встретил передовые отряды врага в Персидском Ираке. Ибн ал-Асир пишет, что было несколько сражений между хорезмийцами и «монголами». Сперва Джелаль «обратился в бегство, но снова вернулся и снова бежал, направился в Исфахан и расположился между ним и Реем. Он (снова) собрал войска из подвластных ему (областей). В числе явившихся к нему был владетель Фарса...». Это знакомый нам *атабек* Сад. Когда

он привел подкрепления и привез припасы, Джелаль сумел привести свои полки в порядок и возобновил наступление. Эти битвы и маневры заняли всё лето. То есть Джелаль потерпел несколько поражений перед тем, как перейти в новое наступление.

Ан-Насави рисует события несколько иначе. Сперва хорезмшаху доложили о приходе «монголов» в его владения. Джелаль снарядил войско и отправился в Азербайджан, где на реке Белой (неизвестно, что это за река) устроил смотр.

Затем прибыл в Тебриз. Сюда стекались войска. С востока постоянно приходили известия, что новые и новые «монгольские» отряды переходят Амударью и вторгаются в Хорасан.

Наконец Джелаль эд-Дин собрал свежую армию. К султану прибыли полки его брата Пиршаха, иракские отряды *атабека* Йигана, азербайджанские туркмены. Ядро армии составили профессионалы — *гулямы*. С этим войском султан двинулся в сторону Исфахана. Здесь хорезмшах дал войску отдых. С запада одна за другой стали приходить тревожные вести. Али-*хаджиб*, правитель Шахармении, вторгся в Азербайджан. Мелеке-хатун вступила с ним в тайный сговор, чтобы передать всю страну. Джелаль стоял перед нелегким выбором: вернуться назад медленно или сперва отбить нападение монголов. Султан выбрал последнее. Отразить Али и нейтрализовать Мелеке он поручил своему *везиру*.

2. НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

Исфахан оставался многолюдным городом. Некоторое время им владел *атабек*, верный Джелалю, но затем жители предпочли подчиниться напрямую хорезмшаху. Военным комендантом города султан назначил своего фаворита — гурского эмира Мухаммеда ибн Хасана. Исфаханцы собрали большое ополчение в помощь хорезмийцам. Джелаль разослал во все стороны несколько тысяч джигитов, чтобы сражаться с монгольскими шайками, а сам остался в окрестностях, дабы пировать и пьянствовать в обществе своих

вельмож. Непременными участниками пирушек были Пиршах и Мухаммед ибн Хасан.

Однажды шумел ночной пир, «когда винные пары помутили сознание, а чаши вскружили головы». На нем Пиршах стал просить у брата своих *гулямов*. Эти гвардейцы служили ему, Пиршаху, но когда Джелаль вернулся из Индии, то забрал *гулямов* себе.

— Вернешь ли ты моих *гулямов* к моему двору? — ныл Пиршах.

Наконец Мухаммед ибн Хасан, сидевший рядом, не выдержал и пошутил:

— *Гулямы* служат тому, кто их кормит, они не выносят голода.

Остряк присовокупил к этому изящный, но довольно обидный стишок. Пьяный Пиршах пришел в ярость, стал ругать Мухаммеда. Принц уже шарил рукой у пояса, нащупывая оружие. Джелаль увидел, что шутка зашла далеко. Он прикрикнул на фаворита:

— Встань и уходи, несущий раскол в наши ряды! Ведь ты пьян!

Мухаммед ибн Хасан вышел. Пиршах под каким-то предлогом тоже покинул пиршество и направился к дому шутника. Пьяный принц начал колотить в дверь, но ему не открыли. Тогда упорный и мстительный Пиршах взобрался на крышу, спустился во двор и ударил Мухаммеда ножом в бок. Через несколько дней гурец перебрался мир иной.

Дело, разумеется, получило огласку. Пиршах скрылся в одном из домов Исфахана и не показывался никому на глаза.

Смерть любимца потрясла Джелала. «Султан был очень опечален этим и скорбел о его смерти больше, чем это позволяет обычай», — пишет ан-Насави. Неясно, кроется ли за этим намек на более чем нежные отношения между хорезмшахом и его подданным.

«Он выказывал такую тревогу и скорбь, какую не выказывает отец, скорбя о сыне, или сын о потере своего родителя». Султан написал Пиршаху «гневное письмо, осуждая и упрекая его за то, что он совершил».

Затем передал дело в суд, повелев, чтобы расследование вели на общих основаниях, невзирая на лица. Когда Пиршах прочел письмо султана, «в его глазах потемнел белый свет и он почувствовал, каким суровым будет приговор».

Джелаль эд-Дин не унимался. Он приказал дважды пронести тело Мухаммеда мимо дома Пиршаха, чтобы опозорить брата. Пиршах, по словам Насави, «стал похож на того, кто совершил смертный грех: он просыпался в ужасе и засыпал, охваченный страхом». Возможно, его бы засудили, но тут пришла весть, что передовые отряды Джелала разгромлены, а «монголы» уже близко.

Рашид эд-Дин и ан-Насави передают списки имен «монгольских» тысячников, которые привели свои отряды для грабежа Ирана. Это Баджи-ноян, Наху, Асан-Туган, Наймас и Тайнал. Первые два имени могут быть кара-китайскими, учитывая, что этот народ родствен монголам. Третье имя определенно тюркское. Четвертый — Найман, или Наймас, — мог быть одним из воинов Кучлука, который после смерти господина сколотил отряд из своих соплеменников. Тайнал вообще непонятно кто. В очередной раз убеждаемся, что перед нами — свора бандитов, которые отправились в Иран в поисках приключений.

«Татары укрепились восточнее Исфохана на расстоянии дневного перехода, в селении под названием ас-Син», — сообщает ан-Насави, который оставил самые подробные сведения о боевых действиях.

Прежде чем вступить в бой, Джелаль посоветовался с гадалками и звездочетами. Те рекомендовали султану подождать три дня и лишь на четвертый вступить в сражение. Хорезмшах проигнорировал предсказание и обратился к эмирам. «Они сидели некоторое время у входа, — пишет Насави, — пока он не разрешил им войти. Когда они стояли перед ним — он встретил их во дворе дома, — он некоторое время говорил о том, что не касалось татар, как бы пренебрегая ими и показывая собравшимся, что дело не так уж серьезно и новость не так уж страшна. Этим он успокоил их сердца и укрепил их трепетавшие души. Он долго беседовал с ними

о разных делах и наконец усадил их и стал с ними советоваться относительно согласованности боевого порядка. В итоге совета с ними он взял с них клятву в том, что они не обратятся в бегство и не предпочтут [позорную] жизнь смерти. Затем он сам поклялся им так же, как они ему, и сделал это добровольно, без принуждения, заявив, что будет сражаться до смерти».

Джелаль вызвал *кади* и *раиса* Исфахана и «приказал им произвести смотр пехоте в полном вооружении и в различных панцирях и кольчугах». Жители этого богатого города любили красиво одеться. Ан-Насави восхищается их нарядами. Тут и разноцветные плащи, украшенные звездами и завитушками из Корана, и атласные кафтаны, и подбитая ватой одежда, которую надевали под кольчугу. Сражаться они тоже умели. Об этом свидетельствовали постоянные гражданские войны между двумя партиями — тех, что группировались вокруг мэра и вокруг главного судьи.

Смотр полностью удовлетворил Джелаль эд-Дина. Теперь можно было выступить против врага.

«Проклятые татары», как их зовет ан-Насави, были введены в заблуждение. Они заключили, что хорезмшах трусит, а потому медлит. Ввиду этого враг разделил силы. Две тысячи монгольских всадников двинулись в Луристан. Их цель была такова: захватить обозы с продовольствием и снаряжением, которое *атабек* Луристана послал Джелалю.

Узнав об этом, султан выделил 3000 отборных воинов и бросил их, чтобы перекрыть дорогу 2000 «монголов». Операция увенчалась успехом. Джигиты «перекрыли ущелья и обрушили на татар [мечи], быстрые, как молнии, и сильные, как удар грома», — пишет ан-Насави. Судя по всему, врага заманили в засаду в теснинах. Удалось захватить 400 пленных. Джелаль передал часть пленных *раису* Исфахана. Их казнили на улицах города, «чтобы удовлетворить страсти простонародья». Казню остальных Джелаль наслаждался сам: снес врагам головы саблями во дворе своего дома. Трупы выкинули за город, на корм собакам и стервятникам.

После этого Джелаль эд-Дин дождался подхода обозов, откормил людей и коней, вооружил армию и выступил на «монголов». На дворе стоял сентябрь 1227 года.

Врага не нужно было долго искать. «Монгольская» орда сосредоточилась неподалеку от Исфахана. Никаких отрядов «монголы» больше никуда не посылали.

Джелаль эд-Дин вывел свою армию им навстречу. По некоторым оценкам, у него было сто тысяч «списочных» солдат. Сколько реальных — неясно. Ан-Насави не жалеет красок для описания действий своего любимого героя. «Центр его был как ночная тьма, правое крыло подобно стремительному потоку, а левое крыло было заполнено сплошь серыми конями. Земля озарилась блеском и сверканием копий и мечей». Всё, как всегда, красиво, но непонятно. Какова была диспозиция войск хорезмийцев? Как выстроились «монголы»?

Сам Джелаль командовал центром. Возможно, там же находился правитель Йезда — *атабек* Атахан. Левый фланг султан поручил Пиршаху. Там же стоял со своими полками храбрый Илчи-*пехлеван*. Командир правого фланга неизвестен. Возможно, им был *атабек* Сад. Армия хорезмийцев численно превосходила неприятельские войска. Войско было готово к сражению. Составлены планы. Розданы приказы. И вдруг... всё пошло вкривь и вкось. Такого странного и глупого сражения, как это, практически не знала мировая история.

3. БИТВА ПРИ ИСФАХАНЕ

После того как полки выстроились, левое крыло армии султана в полном строю отделилось от главных боевых порядков. Никто сперва ничего не понял. Позже выяснилось, что это Пиршах предал своего брата Джелала и дезертировал вместе со значительной частью *аскеров*. Он боялся, что Джелаль отомстит за смерть своего фаворита, и выбрал удобный момент для бегства. Вместе с ним дезертировал Илчи-*пехлеван*. Данный факт неопровержимо свидетель-

ствует о военном заговоре против Джелала. Мы не знаем нюансов, но племенные группировки опять не поделили власть и влияние. Напомним, как перед битвой при Синде столкнулись между собой афганцы и туркмены. Кто повздорил на этот раз? А главное, почему? Очень похоже, что последней каплей стала мобилизация жителей Исфохана. До этого монополия на военное дело находилась у тюрок. И вдруг — она исчезла. Тюрки обиделись.

Дальше началась трагикомедия. «Монголы» не поняли, что Пиршах дезертировал. Они вообразили, что принц хочет зайти им в тыл. Это означало бы окружение. Тогда начали поспешно отступать. За врагом погнался *атабек* Сад со своими полками. Он рассчитывал на подмогу со стороны Джелала, но хорезмшах предположил, что отступление «монголов» — стандартная военная хитрость, на которую так часто покупались мусульманские полководцы. Поэтому отвел армию под стены Исфохана и даже дальше, оставив город между своим войском и неприятельским.

Атабек Сад был немало удивлен, когда обнаружил, что преследует врага в одиночку — только со своими полками. Как человек бывалый, он, в свою очередь, отступил. Пиршах с *Илчи-пехлеваном* ушли на север и скрылись из глаз.

«Монголы» убедились, что их никто не преследует. Удивлению не было предела. Они поняли, что это подарок судьбы: армия мусульман распадается буквально на глазах, как гнилой труп. Тогда «проклятые татары» остановились, осмотрелись и... перешли в наступление. Вскоре они достигли стен Исфохана.

Горожан охватил ужас. Значительная часть боеспособных мужчин ушла в армию Джелала и вместе с ней откатилась прочь от Исфохана. Прошел слух, что хорезмшах погиб. Тем временем «проклятые татары» осадили город. Самые трусливые из обывателей подумывали о сдаче. Но как раз в это время пришел гонец от хорезмшаха. Вестник сообщил, что Джелаль жив, здоров и говорит следующее: «Я задержусь, пока не соберу спасшиеся войска, а потом приду к вам, и вместе подумаем, как рассеять татар и заставить их уйти от вас».

Печаль сменилась радостью. Горожане заявили, что продержатся до возвращения главной армии. Султан не заставил себя ждать. «Джелаль эд-Дин направился к ним и соединился с ними», — говорит ибн ал-Асир. Жители Исфахана предприняли вылазку против монголов. У стен развернулось беспорядочное сражение. «Оба войска сражались в бою так, — подхватывает рассказ коллеги ан-Насави, — что поседели локоны и засветили звезды. К концу дня правое крыло войск султана пошло в атаку на левое крыло татар, вынудило его обратиться в бегство и не давало возможности остановиться. Они оседлали плечи [татар], убивая их там, где настигали, и преследовали их до границ Кашана (город севернее Исфахана), считая при этом, что левое крыло сделало со своим противником то же самое».

Это мнение оказалось ошибочным, и скоро мусульманам пришлось пожалеть о своей ошибке.

Солнце клонилось к закату, «и ночь начала простирать свое покрывало», — продолжает рассказ склонный к сентиментальной поэтике ан-Насави. Усталый Джелаль уселся на подстилку прямо на месте сражения. Однако воины желали продолжать погоню. К султану подскочил один из эмиров — Змеинный Ус (по-тюркски Йилан-Бугу) и упрекнул:

— Мы давно желали, чтобы для нас настал такой день, когда мы сможем отомстить проклятым татарам! Только месть погасит жар в нашей груди! Но из-за тебя жажда наших надежд остается неутоленной! Татары устали. Нужно преследовать их. Мы напоим их тем же, чем они поили нас, и успокоим наши души!

Султан тотчас сел на коня. Усталые мусульманские воины собрались для нового удара.

Бежавшие «монголы» успели перегруппироваться, когда никто от них этого и не ждал. Они спрятались в засаде за холмом отряд багатуров. Причиной стало то, что левое крыло Джелалия приотстало, и сражавшиеся против него «монголы» сумели уйти от погони, после чего и устроили перегруппировку.

Мусульман и «проклятых» разделяла река. Когда султан переправился и вышел на крутой берег, враги атаковали часть его войск

при свете лучей заходящего солнца. Досталось левому крылу, которым командовал Атахан. Засадный полк татар ударил в тыл полкам Атахана и отрезал его от воды. Тем временем главные силы Джелала ушли вперед, преследуя врага. Они не могли помочь своим товарищам, которые терпели поражение. «Это был только один удар, но настолько [сильный], что ноги оторвались от земли, а шеи от тел. Были повержены те, кто нес знамена, кровь застывала в жилах от ударов мечей, и забили фонтаны крови, как пучки искр, высекаемых из кремня». Эмиры левого крыла сражались отчаянно, но гибли один за другим. «Из них остались в живых только трое, — перечисляет ан-Насави, — Куч-тегин-пехлеван... Ханберди и *амир-ахур* Одек. Ахаш-мелик сражался до тех пор, пока не пал, утыканный стрелами, словно ёж [иглами], и погиб за веру. Как мученики погибли также Алп-хан, Ортук-хан, Куч-Буга-хан, Юлук-хан и Менгли-бек Таи. Колесо битвы тогда одинаково давило и храброго льва, и потерявшегося ягненка.

Противники накатывались друг на друга, нанося удары мечами: от них отделялись руки от плеч и головы от шей — и удары копьями, от которых разрывались сердца и истощались родники радости и горя».

Атахан угодил в плен. Он отдал все деньги воину, который арестовал его, и освободился. Однако ночью попытался спрятаться в колодце от других врагов, свалился туда и погиб.

«Только теперь люди поняли, — сетует ан-Насави, — какое место занимал Орхан, убитый исмаилитами в Гяндже, на левом крыле султанских войск. Ведь любой другой хан, сколько бы он ни прожил, не имел такого похвального влияния и не занимал такого достойного места, а левое крыло [султанских войск] на протяжении всей жизни Орхана постоянно одерживало победы». Исмаилиты хорошо знали, кого выбрать жертвой.

Битва продолжалась в чернильных сумерках. Расправившись с левым крылом мусульман, «проклятые» обрушились на центр. «Султан находился в центре, но порядок здесь нарушился, знамена отделились от защитников, и враг окружил его со всех сторон»,

нагнетает страсти ан-Насави. Недавняя победа обернулась поражением. «Выход из множества тенет стал уже, чем игольное ушко, а при султানে осталось только четырнадцать его личных *мамлюков*». В этот момент Джелаль обернулся и увидел, что его знаменосец спасается бегством. Султан ударил несчастного копьем и убил на месте. Затем стал сражаться с врагами и совершил множество подвигов. Рука его была тверда, а выучка — великолепна. К тому же в темноте «монголы» не могли использовать стрелы, а в рукопашной мало кто мог сравниться с хорезмшахом и его *гулямами*, облаченными в стальные кольчуги. «Он расчистил путь для своих спутников и для себя, ударив на татар так, что освободил проход и сумел выйти из стесненного положения».

Легенда гласит, что один из «монгольских» военачальников, Тайнал, воскликнул в этот момент, обращаясь к Джелалю:

— Ты спасешься, где бы ни был! Поистине ты муж своей эпохи и вождь своих сверстников!

«Это рассказал один из татарских эмиров, который перешел на сторону султана», — пишет ан-Насави, понимая, что у любого осведомленного читателя пышная мусульманская фраза в устах монгола может вызвать недоверие.

Джелаль умчался от погони и наконец нашел приют в каком-то ущелье. Там к нему стали присоединяться отдельные беглецы, говорят авторы «Сборника летописей». Султан был спасен.

Центр и левое крыло хорезмийских войск рассеялись и разбежались в разные стороны. Часть из них ушла в Фарс, «а другую страх забросил в Керман», кое-кто достиг границ Азербайджана на лихих конях. Те, что потеряли коней и припасы, вернулись в Исфахан. Короче, половина армии превратилась в дезертиров.

Правое крыло возвратилось через пару дней со стороны Кашана и направилось в Исфахан. Эти люди считали, что левое крыло находится уже в городе и что оно одержало победу. В стенах Исфахана они встретили беглецов, находившихся в полной панике. И... сами стали разбегаться кто куда. «Эта удивительная битва была делом неслыханным: ведь оба войска оказались разбитыми, но их эмиры

самоотверженно сражались, а остатки обоих войск, бежавших в страхе, занесло в отдаленные места их стран, на самую окраину их земель», — изумляется ан-Насави.

Никто не знал, где султан. Восемь дней о нем ничего не было слышно. Мудрецы гадали, кого бы теперь поставить правителем. Простонародье Исфахана не занимали подобные вещи. Простолюдины вознамерились «посвятить на честь хорезмийских женщин и их имущество», то есть на жен и наложниц султана и его окружения. Главный судья с трудом уговорил их повременить, с тем чтобы выяснить, какова судьба Джелаль эд-Дина. Падение нравов и дисциплины было просто потрясающее. Удивительно, как Джелаль вообще мог править этим скопищем трусов, моральных уродов и алчных мерзавцев.

Наконец судья вспомнил, что в городе находится *атабек* Йиган. Этот военачальник приболел и не участвовал в битве. Между тем его женой была сестра Джелаль эд-Дина. А не поставить ли *атабека* новым султаном? Надеялись, что Йиган обуздает чернь и наведет порядок. Инаугурацию назначили в день какого-то праздника. Все отправились в мечеть на молитву, во время которой и должна была состояться церемония.

И вдруг в ворота Исфахана въехал собственной персоной Джелаль эд-Дин со своими *гулямами*. «Люди считали его прибытие праздником и думали, [радуясь], что они родились заново», — льстит своему герою ан-Насави. Впрочем, элита Исфахана действительно ликовала. С прибытием хорезмшаха воцарился порядок, в котором так нуждались иранцы.

Джелаль был зол и первым делом распорядился о наказаниях. Султан приказал надеть женские покрывала на головы ханам и прочим офицерам, которые плохо проявили себя в день битвы. В таком виде их провели вокруг города и по всем кварталам. Лишь после этого повелитель немного успокоился и сменил гнев на милость.

Менгбурны отдыхал несколько дней. В продолжение этого времени он раздавал чины и награды тем, кто хорошо проявил себя в битве. Многие *мелики* (полковники) были повышены в звании до

ханов (генералов). Как видно, много ханов погибло, и в армейском руководстве образовались вакансии.

Дождавшись подхода части рассеявшихся отрядов, Джелаль двинулся на север, к Рею, где находились, в свою очередь, рассеявшиеся остатки «монголов». Ибн ал-Асир пишет, что хорезмийцы «сражались с татарами и обратили их в самое беспорядочное бегство. Джелаль эд-Дин преследовал их до Рея, избивая их и забирая в плен». Часть его поредевших полков направилась в Хорасан, чтобы отрезать врагу путь к отступлению. «И не спасся из них никто, кроме немногих переправившихся через Джейхун (Амударью)», — прибавляет ан-Насави. Хорезмшаху несказанно повезло, потому что настоящие монголы встретили его победу с полным равнодушием.

К тому времени Чингисхан умер при осаде столицы тангутов Чжунсина. Монгольские войска вернулись на берега Керулена. По закону следовало собрать хурилтай, чтобы выбрать нового хана. Организация съезда требовала много времени. На это ушло около двух лет. Ханские обязанности исполнял младший сын покойного хагана — Толуй. Он следил за всеми событиями, которые происходили по соседству с Монгольским улусом. Не ускользнул от него и факт беспорядочной битвы в Иране, во время которой были уничтожены псевдохорезмийцами многие тысячи лжемонголов. Толуй счел нужным отправить Джелалю пояснения, «что те татары не наши и мы сами их прогнали от себя». Современные историки считают, что хан Толуй лжет, но, по нашему мнению, он говорит правду.

Так или иначе, Джелаль отбилсЯ от лжемонголов, но какой ценой? Большая часть его армии дезертировала, остальные люди погибли. А ведь это еще не была настоящая монгольская армия.

Пали многие военачальники. То, что султан возвел несколько меликов в сан ханов, не решало кадровой проблемы. Его силы

таяли, а враги множились. Джелаль метался по стране, пытаясь всё сохранить и ничего не отдать, но терял владения и всюду нес одно лишь горе.

4. СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯ

Прежде чем вернуться к судьбе хорезмшаха, закончим рассказ о его брате, который бежал перед битвой с «монголами» и увел часть войск. Судьба Пиршаха была незавидной. Его войска разбежались, города закрывали ворота. Он прожил еще пару лет — как раз то время, когда монголы собирались на свой *хурилтай*. А потом нашел бесславную смерть. Вот как это было.

Первым делом Пиршах отправился в Хузистан под защиту халифа. Знаменитый повелитель правоверных Насир уже умер, но его преемники **Захир (1225—1226)** и **Мустансир (1226—1242)** по-прежнему опасались Джелала. Пиршах хотел на этом сыграть и отправил своего *везира* Карима в Багдад. Карим привез послание от молодого шаха и сопроводил цветистыми речами по-арабски, которым владел тогда каждый образованный чиновник, как сегодня — английским.

Халиф Мустансир осыпал посла дарами, а Пиршаху отправил 30 000 динаров. Но вскоре повелитель правоверных утратил интерес к беглецу. Видимо, открылась ужасная правда: войска Пиршаха разбежались кто куда, а сам он не пользуется авторитетом в Иране.

Осознав, что находится во владениях халифа опасно, Пиршах отправился в Аламут — обитель таинственного и страшного Старца Горы, лидера секты убийц. Старец предоставил Пиршаху убежище.

Джелаль понял, что лидер *гашишинов* сможет использовать принца в своих целях. Например, создаст с его помощью государство исмаилитов в Иране. И попросил Старца выдать Пиршаха. Старец отказал. Хорезмийцы перешли в наступление на горные крепости исмаилитов, которые были разбросаны на огромном пространстве от Кухистана и Рея до границ Грузии. Повсюду собирались ополченцы, кипели сражения, всюду *гашишинов* теснили.

От Старца Горы прибыл посланник с предложением заключить мир и обещанием бросить Пиршаха. Но Джелаль должен обещать брату неприкосновенность.

Султан принял это условие и поклялся в том, что не причинит Пиршаху зла. После чего рассыпался в комплиментах Старцу Горы «за то, что он совершил для примирения враждующих». Теперь Джелаль именовал вождя террористов «средоточием благородства».

Пиршах прознал о переговорах, очень испугался и попросил Старца Горы дать лошадей для перевозки свиты, гарема, матери и имущества. «Средоточие благородства» дал Пиршаху четыреста лошадей. Принц и его свита отправились навстречу новымключениям.

Вблизи исмаилитского замка Аламут на него напали отряды Джелалья. Преследование продолжалось почти до самого Хамадана. Пиршаха выручил бесстрашный Илчи-пехлеван. Этот удалец постоянно атаковал врагов и даже захватил несколько пленных из числа бывших товарищей по оружию.

Оторвавшись от погони, беглецы устроили совет. Остаться в Персидском Ираке казалось опасным. Наместники здешних областей были иранцами, то есть крайне зависимыми от Менгбурны людьми. Решили пробиваться на восток. Там, между монголами и тюрками, можно создать государство.

В качестве убежища Пиршах и его мудрецы выбрали Керман. Ею по-прежнему владел Барак-хаджиб. Он принял Пиршаха с почтением и проявил гостеприимство. Но... Барак изъявил желание жениться на матери Пиршаха и стать его *атабеком*.

Пиршах прекрасно понял, какая судьба ожидает династию хорезмшахов в случае этого альянса. Принц выступил категорически против свадьбы. Однако протесты мало что значили. Барак пригрозил беглецам, и свадьба всё-таки состоялась.

Финал истории мрачен. Через некоторое время Барак-хаджиб перебил всех хорезмийцев при своем дворе. Он обвинил пришельцев в том, что те составили заговор и хотят отравить *хаджиба*. В заговоре якобы участвовали сам Пиршах, *везир* Карим и полководец

Илчи-пехлеван, а яд должна была подсыпать Бараку в пищу его новая жена — султанша, мать Пиршаха.

Всех троих казнили. Факт казни женщины доказывает, что заговор имел место. Барак был настолько перепуган, что убил султаншу, лишив себя важного козыря в борьбе за власть в Иране. С этой точки зрения казнь была страшно невыгодна. Но если заговор являлся правдой — дело другое.

Пиршаха арестовали. Барак не знал, что с ним делать. Судьбу Пиршаха решили события в Великом Монгольском улусе.

В 1229 году из Монголии пришли известия о том, что состоялся *хурилтай*. На нем выбрали нового хагана. Им стал Угэдэй. Непонятны были его намерения насчет Ирана.

Барак недолго думая казнил Пиршаха и отправил его голову Угэдэю с припиской: *«У Вас были два врага в Иране: Джелаль эд-Дин и Пиршах. Я посылаю Вам голову одного из них — Пиршаха. Теперь враг остался только один».*

Глава 2 ИНТРИГИ И ЗАГОВОРЫ

1. ЗАГОВОР МЕЛЕКЕ-ХАТУН

Тайна хорезмшахов заключалась в том, что у них не было государства. Имелись отдельные территории, на которых Джелаль установил какой-то порядок, а служилые персы и тюрки его поддерживали. Этот порядок был далек от идеала. Кругом процветали взяточничество и произвол. К тому же ханы и чиновники Джелалю вытесняли местные элиты в регионах: забирали земли и деньги. Это многим не нравилось.

Одной из недовольных была Мелеке-хатун. «Когда она жила с Узбеком, она единолично управляла своей страной, — пишет ибн ал-Асир, — но, выйдя замуж за Джелаль эд-Дина, она была пренебрегаема им, и он на нее не обращал внимания. Поэтому она

стала его бояться, не говоря уже о том, что она лишилась власти и права распоряжаться».

Многие эмиры Узбека поддержали ее.

Мелеке хотела возвести на трон своего внука — младенца по имени Нусрат эд-Дин. Он был сыном глухонемого Хамуша, рожденного Узбеком и ею. (Хамуш оказался взят хорезмийцами под почетный арест и вскоре умер.) Нусрат находился в одиночном заточении в крепости Котур.

Пока Джелаль эд-Дин гонялся за монголами, в Азербайджане восстали три эмира. Все они были *мамлюками* Узбека. Их звали Ак-Куш по прозвищу Кучук (Маленький),

Сонкурча, а также Беклик. Заговорщики думали освободить младенца Нусрат эд-Дина.

Джелаль узнал о заговоре и поручил навести порядок *везиру* Шарафу. Тот попросил увеличить свои богатства и полномочия, получил согласие и приступил к делу.

Когда *везир* достиг Мараги, он узнал, что сторонники малолетнего *атабека* стоят у Тебриза, «и к ним присоединилось множество смутьянов — они распространились, как саранча, и увеличились их бесчинства и вред».

Везир назначил командиром войск своего *хаджиба* и *мамлюка* по имени Куш-Тимур — чистокровного тюрка. После ряда маневров армия Шарафа настигла мятежников. Сражение состоялось под Дих Хварканом в районе Урмии. Враги сошлись «в битве, где ломались мечи и покрывались кровью копья». Боевые качества азербайджанских *аскеров* оставляли желать лучшего. После недолгой битвы мятежники обратились в бегство. Ак-Куш, Беклик, Сонкурча «и прочие вожди сборища были взяты в плен, и их, [привязав] к вьюкам, отправили ко двору», — констатирует ан-Насави.

Везир произнес длинную назидательную речь с перечислением всех наград, которые получили в свое время мерзавцы от него лично и от Джелала. Затем вместе с пленниками отправился в Тебриз, где назначил суд. Ак-Куш и Беклик были распяты на площади.

Шараф ал-Мульк начал аресты тех, кого считал причастным к заговору. В частности, схватил одного из тебризских судей и заставил уплатить 10 000 динаров штрафа. Следователь обвинил его в соглашении с *мамлюками* Узбека. «Но это было клеветой и вопиющей ложью», — считает ан-Насави. *Везир* попросту набивал карманы взятками от людей, которых обвинял в причастности к заговору.

Зато один из настоящих заговорщиков, Сонкурча, остался в живых и получил прощение. Везир «простил его, приблизил к себе и повысил по службе: так красота его, став заступницей, избавила его от смерти», — пишет ан-Насави. Кажется, здесь мы видим явный намек на гомосексуализм Шараф ал-Мулька. При дворе Джелала царили вольные нравы.

2. ЗАГОВОР ЖЕНЩИН

Шараф ненавидел Мелеке-хатун, однако Джелаль запретил жалобы на свою жену. Тогда *везир* написал султану, что дочь Тогрула «подстрекает сторонников атабека [Узбека] против султана, прельщая их властью». Джелаль не реагировал.

Везир подошел к делу с другой стороны: написал Мелеке-хатун письмо, в котором хотел ее запугать. Хатун укрылась в приозерной крепости Тала на высоком утесе и составила письмо к шахармену и сирийскому султану Мелик-Ашрафу. «Она призывала его спасти ее от душителя и помочь освободиться с условием, что она передаст ему все принадлежащие ей крепости и земли», — говорит ан-Насави.

Сирийский султан собрал войско из курдов и тюрок и перебросил в Армению. К этой армии присоединились воины *хаджиба* Али. Оттуда вторглись в Азербайджан летом 1227 года. Шараф ал-Мульк не ожидал нападения. С ним оставались наемники, многочисленные ополченцы и обслуга. В этот момент выяснилось, что в Азербайджане — новый заговор против хорезмийцев.

На стороне Мелеке-хатун выступила Джелалия — правительница Нахичевани. А также Сулафа-хатун — жена глухонемого

атабека Хамуша и мать его наследника Нусрата. Заговорщиков поддержали жители этого огромного города, а также Мараги и Хоя. Это был заговор женщин, к которым присоединились десятки тысяч мужчин.

Хаджиб Али шел по Азербайджану триумфальным маршем. Ему подчинились Хой, Маранд и Нахичевань. Затем прибыл в Тала, где скрывалась Мелеке, «и, получив крепость [во владение], вернулся».

О причинах странного возвращения историки молчат, но предположение сделать можно. Шараф ал-Мульк не обладал храбростью, зато обладал хитростью. Он вступил в переговоры с правителем Румского султаната — Кей-Кубадом — врагом *Эйюбидов*.

Али ушел в Хлат и начал укреплять западные границы, опасаясь «римских» сельджуков. Руки у Шараф ал-Мулька были развязаны. Он собрал дружины *иктадаров*, присоединил ополчение и наемников и оказался во главе небольшой крепкой армии. С этими силами *везир* предпринял контрнаступление. Из рассказа Насави можно понять, что Азербайджан к тому времени почти развалился. Часть военачальников не подчинялась никому, кроме самих себя.

Шараф «направился в Арран, так как он изобилует богатством и является средоточием туркмен», — поясняет ан-Насави. Среди туркмен *везир* набирал рекрутов. Но еще начал совершать то, к чему привык: взимал налоги и брал взятки..

Не обошлось без эксцессов. Неподалеку кочевало туркменское племя куджат-арслан. К их шатрам отправился один из таджикских соплеменников Шарафа, хорезмиец Сирадж, «и взял с собой группу негодяев». Таджик стал требовать, чтобы туркмены резали для угощения каждый день до тридцати голов скота. К этому прибавились другие унижения и поборы. Кочевники «рассердились и сказали ему»:

— Возвращайся-ка ты к своему хозяину, а подати, которые мы должны казне, мы отвезем сами, и нет надобности, чтобы ты собирал их у нас.

Сирадж вернулся к *везиру*. Тот поднял воинов, окружил становище туркмен и угнал их скот к Байлакану. Скота было 30 000 голов. За Шарафом тотчас потянулись просительницы — туркменские женщины с малыми детьми. Они умоляли вернуть скот, хотя бы за выкуп. Но *везир* оказался непреклонен, разделил скот между своими воинами и клеветами, а лично для себя оставил 4000 голов с ягнятами.

Затем Шараф позарился на владения ширваншаха.

3. СИРИЙЦЫ ВЕРНУЛИСЬ

Правителем Ширвана был в то время перс **Фарибурз III (1225—1240-е (?))**. Шараф потребовал у него 50 000 динаров для Джелаль эд-Дина. Однако репутация *везира* была хорошо известна всем вокруг. «Ширваншах сомневался, выполнять ли его требование или нет, — иронически говорит ан-Насави, — и не согласился на его просьбу, полагая, что... [сумма] окажется в руках расточителя».

Шараф впал в гнев, направился к берегу реки Куры и отрядил 4000 всадников для вторжения в Ширван. Фарибурз бежал в горы.

Шараф кинулся в Нахичевань, чтобы избавиться от Джелалии. Правительница сделала обильные подношения, чтобы выиграть время. А сама тайно отправила гонцов в Шахармению с просьбой поскорее прислать войско.

Шараф направился к лежащей неподалеку крепости Шамиран. В ней находился сирийский гарнизон. В первый же день осады жители одной из деревень зарубили телохранителя Шарафа и убежали в крепость. *Везир* поклялся, что не покинет этого места до тех пор, пока не «заставит их испытать, каков жар его возмездия».

На рассвете войска окружили холм, на котором стояла крепость, и пробили бреши в стенах. Защитники стали просить пощады, но *везир* демонстративно заткнул уши.

Вдруг он услышал звуки литавр и барабанов и увидел желтые знамена, а за ними красные. Затем всё потонуло в облаке пыли, взбитой копытами лошадей. К подножию холма прискакал конный

полк. Всадники умело окружили солдат Шарафа и принялись их рубить, не давая даже построиться. Незадачливый везир бежал.

Вскоре после этого *хаджиб* Али прибыл в Азербайджан с главными силами. Начался второй поход сирийцев в эту страну. Первым делом Али напал на Хой, где в то время наместником был один из *мамлюков* Шарафа. *Мамлюк* бежал, Хой открыл ворота *хаджибу*. Сирийцы подвергли некоторые кварталы города грабежу, «и дошло до насилий над женщинами», — констатирует ан-Насави. Затем *хаджиб* направился в Нахичевань (которая немедля распахнула ворота), а далее — в Маранд. Этот город не имел стен, поэтому был занят сразу. Али выслал авангард в направлении Тебриза, где уже находился Шараф с остатком разбитых войск.

Начинался новый, 1228 год. Джелаль по-прежнему находился на востоке. Шараф был предоставлен сам себе. К счастью, сирийцы бездействовали и наслаждались преимуществами жизни в благодатной стране. Видя это, *везир* с частью войск направился в Арран, «где взимал подати и собирал людей».

После этого он вновь перешел в контрнаступление, и «азербайджанские качели» качнулись в другую сторону.

Шараф узнал, что из Сирии сбежал с несколькими людьми один видный офицер, *мамлюк* Бугдай. Это была примечательная личность. Он прославился тем, что служил еще Узбеку и в 1221 году истребил отряд хорезмийцев, который спасался от монголов и прибыл в Азербайджан. Говорили, что Бугдай лично зарубил 400 человек. Теперь он захотел восстановить государство *атабеков*.

Но Шараф подкупил его, и *мамлюк* переметнулся на сторону хорезмшаха. Силы *везира* сразу же выросли, он мог тягаться с *хаджибом* Али и его сирийцами.

Шараф ал-Мульк направился в Азербайджан. Когда достиг Маранда, к нему явились три эмира из левого крыла султанского войска, разбитого монголами под Исфаханом: Куч-тегин, Ханберди и Одек-эмир. Они пополнили войско *везира*.

Шараф со своей возросшей армией искал встречи с *хаджибом* Али, чтобы дать большую битву. С этой целью *везир* вступил в Армянское нагорье и стал продвигаться к озеру Ван.

Али очистил Азербайджан (впрочем, оставив гарнизоны в городе Хой и нескольких крепостях) и быстро уходил в пределы Армянского нагорья.

Шараф встретил усталые войска врага у городка Беркри. «На второй день после его прибытия они сразились, — вспоминает ан-Насави, — и едва последовала первая атака, как сражение завершилось бегством *хаджиба*, который вступил в Беркри и укрепился там». Шараф собрал трофейные литавры, барабаны, флаги и знамена и отправил все это в Исфахан с вестью о победе.

Али положился на старое проверенное средство: дипломатию. Написал хорезмийскому эмиру Одеку письмо, в котором просил выступить посредником на переговорах, «примирить обе стороны и устранить причины разногласий». Одек попытался замолвить слово перед *везиром*, но тот грубо прервал его и запретил дальнейшие переговоры, но затем ни с того ни с сего вернулся в Азербайджан. Похоже, разгадка этих кратковременных бестолковых кампаний проста: у армии заканчивались припасы, и она возвращалась на базу. Речь не идет о самом необходимом: о мясе, хлебе и молоке. Похоже, воинам не хватало другого. Например, подходили к концу запасы любимого вина. Или наркотики. Или начинали хворать женщины и мальчики, предназначенные для утех. Это приводило кампанию к бесславному финалу.

Шараф ал-Мульк прибыл в окрестности Хоя. Сирийский гарнизон оттуда бежал. «И тогда, — пишет ан-Насави, — в Азербайджане не осталось войск *хаджиба*, их пособников, и тех, кто стал под их знамена». Второе вторжение сирийцев было отбито.

Везир попытался жениться на Сулафе-хатун, но в итоге та вышла замуж за самого Джелаль эд-Дина, чтобы спастись от домогательств Шарафа.

Менгбурны вскоре ввел в свой гарем и еще одну жену. Ею стала дочь *атабека* Сада, управлявшего Фарсом.

4. ПОХОД В ШАХАРМЕНИЮ

После того как отбил монголов, Джелаль целый год оставался на востоке страны, вершил суд, приводил в порядок дела, боролся с грабительскими шайками. В частности, он сместил с должности губернатора Хорасана, возложив на него ответственность за то, что тот не смог остановить монголов. Покончив с этими делами и получив известия о том, что западная часть его державы разваливается на куски, султан поспешил на Запад.

Возвращение Джелаль эд-Дина в Азербайджан летом 1228 года было триумфальным, хотя радость людей — не очень искренней. Били барабаны, звучали литавры, трубили трубы. Но всем было ясно, что возвращаются голодные злые хорезмийцы, часть из которых уже разрушила Азербайджан во время борьбы с Али-хаджибом и мятежниками.

Попутно Джелаль покончил еще с одним мятежом. Один из бывших *мамлюков* Узбека, Балбан, захватил несколько укреплений вокруг Ардебиля. Султан напал на мятежника и запер его в крепости Фирузабад. Балбан попросил пощады и «вышел к султану с мечом и саваном». Джелаль подарил жизнь, но отобрал крепости.

Менгбурны пожаловал в Муганскую степь. Здесь оставил казну, гарем и имущество, а сам начал новый поход в Шахармению.

Наступила зима — не самое лучшее время для боевых операций. Однако Джелаль хотел закончить 1228 год громкой победой. Он выступил на Арджиш — город к северу от озера Ван. Но природа оказалась сильнее.

«Когда он достиг Арджиша, — пишет ан-Насави, — выпал снег, усилился мороз, и из-за этого он направился в Тугтаб, который давно был заброшен жителями и разорван на куски руками грабежей». Этот город располагался в верховьях реки Евфрат, так что Джелаль немного отклонился от маршрута. Вместо решительных действий воины пробавлялись набегами. Обильная добыча компенсировала

отсутствие жизненных благ. «Он ограбил всех, — пишет ибн ал-Асир о подвигах хорезмшаха, — взял в плен женщин, обратил в рабство детей, перебил мужчин и разорил селения, а потом возвратился в свою страну». Войска Али-хаджиба отсиживались на зимних квартирах.

Тогда хорезмшах переменял план и задумал прорваться в Сирию, чтобы ударить на врага прямо в логове.

Достигнув Евфрата, Джелаль получил дружелюбное письмо от «римского» султана Кей-Кубада. Тот предлагал совместный поход на Эйюбидов.

Кей-Кубад говорил, что до недавнего времени был занят борьбой против крестоносцев и киликийских армян точно так, как Джелаль занимался отражением натиска неверных монголов. Эйюбиды этим воспользовались, пытались подчинить Румский султанат, теперь вот нападают на Азербайджан. Не пришло ли время покарать наглецов? Они безбожники не лучше армян или монголов, утверждал Сельджук в полемическом угаре. *«А теперь, — подводил итог, — осталось только направить свои усилия против этой группы тиранов и клики деспотов».* Он даже заявил, что *«мы обратились от малого джихада к великому».*

Вместе с письмом Джелалю преподнесли богатые дары — коней, дорожные принадлежности, трон и драгоценности на двухстах верблюдах, дорогую посуду, шатер с внутренним убранством, золотые монеты на ста мулах, почетные одежды и ювелирные украшения. Это подчеркивало щедрость и дружелюбие Кей-Кубада.

Но турецкий султан не учел одного: влияния на хорезмшаха его *везира* Шараф ал-Мулька. Еще недавно Шараф готов был договориться с Кей-Кубадом. Теперь *везир* резко выступил против союза с турками и склонил на свою сторону Джелаль эд-Дина. Хорезмшах не поверил Кей-Кубаду и не откликнулся на его предложения. Почему *везир* выступил против румского султана? Надо думать, просто не получил от него дары и обиделся.

Дело получило огласку. С тех пор Шараф стал личным врагом турецкого султана. Султан был убежден, что именно *везир* поссорил его с хорезмшахом.

Менгбурны отправил послов Кей-Кубада в Малую Азию, так и не удостоив их ответа. Правда, послал вместе с ними на разведку собственных дипломатов с богатыми дарами. Те приехали в Конью — столицу мусульманских «римлян». Пять дней турки ублажали пиршествами послов хорезмшаха, а на шестой представили Кей-Кубаду. Дипломаты вручили письмо хорезмшаха и вновь были приглашены на аудиенцию через восемь дней. Кей-Кубад восседал на золотом троне и произнес длинейшую речь, в которой обращался к Джелалю с предложением о союзе и предостерегал от сотрудничества с Шарафом.

— Мы испытываем большое уважение к победоносному султану, — говорил Кей-Кубад. — И если это окажется приемлемым, то пусть султан сделает все возможное для того, чтобы открыть двери переговоров.

Хорезмшах вновь проигнорировал предложения турка, и это было ошибкой. Он продолжал войну против Эйюбидов в одиночку.

Его поход начался неприятностью: мамлюк Балбан вновь поднял мятеж. Однажды ночью он бежал из военного лагеря на берегах Евфрата и не останавливался до тех пор, пока не очутился в Хлате. Здесь предложил свою саблю *хаджибу* Али. *Хаджиб* снарядил его для похода на Азербайджан и Иран, чтобы ударить по тылам Джелаль эд-Дина и заставить того отступить. Первоначально мятежник направился в горы в окрестностях Зенджана. Грабил, насиловал, творил беззакония. Но людей у него было мало, персы не поддерживали, а тюрки предпочитали служить хорезмшаху. Наконец Балбан прибыл в район Исфохана и там погиб. Его голову отправили хорезмшаху в подарок.

Тем временем Джелаль продвигался вдоль Евфрата к турецкому городу Малатья, желая оттуда прорваться в Сирию. В горах выпал обильный снег. Воевать стало неудобно. Разграбив окрестности Малатии, султан вернулся в Азербайджан. В результате всех этих маневров он получил нового врага — Кей-Кубада.

5. ГНЕВ ХОРЕЗМШАХА

Войска Джелала направились в Мугань, отягощенные добычей. Сам султан поехал в Хой, где пробыл месяц. Здесь он знакомился с делами управления и всякий раз открывал для себя неприятные сюрпризы. Хорезмшах обнаружил, что население страдает из-за конфискаций и жестоких поборов. Таковы были результаты правления Шараф ал-Мулька. Султану доложили и о причинах бегства Мелеке-хатун, присовокупив, что она невиновна. Ко всему прочему Джелаль узнал, что Шараф ал-Мульк отобрал у Мелеке «ее луноликих и подобных солнцу красавиц служанок».

Из Хоя султан направился в Тебриз с намерением расследовать деятельность *везира*. Джелаль остановился в богатом селении неподалеку от города. Когда он приезжал сюда раньше, к нему выходил староста с дарами и съестными припасами. Сейчас его не было.

— Где он? — удивился султан.

Сказали, что староста схвачен *мамлюком* Шарафа и подвергнут пытке. Несчастливого держат в Тебризе и требуют уплаты тысячи динаров.

По прибытии в Тебриз султан приказал схватить провинившегося *мамлюка*. Негодяя вместе с товарищем лишили имущества и отправили в Мугань пешком. «Когда султан увидел, насколько тягостно положение Тебриза и его посевов, он решил избавить его [от налогов] и унять беду на его просторах». Поэтому освободил город от уплаты *хараджа* (дани) на три года. Когда Джелаль увидел, что Тебриз не может обеспечить его конюшни фуражом, он приказал открыть зернохранилища Шарафа.

«Затем, — не без удовольствия вспоминает ан-Насави, — к нему стали непрерывно поступать жалобы и умножились тайные доносы о том, какие насилия чинили над [жителями] во время его отсутствия, пока Аллах не даровал им его возвращения. А он слушал это и преисполнился скрытым гневом против Шараф ал-Мулька». Приходили письма и от Шарафа, но султан не отвечал на них.

Узнав, что султан гневается, Шараф ал-Мульк попытался вернуть утраченное доверие. Но как это сделать? Очевидно, совершив заметный подвиг на военном поприще.

В качестве объекта для подвига была выбрана область Гуштасфи, принадлежавшая ширваншаху. «Особенностью этой местности, — поясняет ан-Насави, — было то, что она находилась между реками Араксом и Курой и в нее можно было попасть, только переправившись на судах. Здесь много водоемов и получают много дохода от водоплавающей птицы и рыбной ловли. Бывает, что стадо в сотню гусей продается [здесь] за динар».

Везир и его войска форсировали Аракс, без труда захватили Гуштасфи, изгнав оттуда чиновников ширваншаха. После этого Шараф успел отдать свое приобретение какому-то откупщику за 200 000 динаров. Вместе с тем он лично занялся благоустройством этой страны: рыл каналы, строил дома. Так провел несколько месяцев, не показываясь на глаза Джелаль эд-Дину. «Когда он почувствовал, что мнение султана о нем изменилось, он возвратился из Гуштасфи». Попутно вырыл еще один канал, Султанский, сдал его в аренду за 80 000 динаров и прибыл к Джелалю с богатыми подношениями. Против огромных денег и бесчисленных подарков устоять было трудно даже хорезмшаху. Тем более что его деятельность требовала громадных расходов, а *везир* умел извлечь деньги буквально из ничего. Негодяй был прощен. Однако он не стал из-за этого лучше и вскоре предал своего благодетеля.

6. НОВЫЙ ПОХОД В ГРУЗИЮ

По возвращении из армянского похода Джелала занимала одна мысль: как пополнить армию. Значительная часть ее погибла в борьбе с «псевдомонголами» и была рассеяна.

Хорезмшах узнал, что в Северном Предкавказье (нынешний Ставропольский край) имеется мощная федерация кипчаков, которую возглавляет некий *гурхан*. Напомним, этот титул означает предводителя степной конфедерации. Джелаль отправил к *гурхану*

своего посла — кипчака по имени Сиррджан-Киши. Посол должен был объяснить *гурхану*, «что их собственная безопасность — в союзе с ним против врагов, а если они будут разделены, то обеим сторонам не миновать полного уничтожения и гибели».

Слухи о щедрости Джелала разнеслись далеко по степи. Степняки потянулись на государеву службу. Вначале к Дербенту направились некоторые их племена числом около 50 000 шатров. Дербентская крепость запирала узкий проход между горами и морем. Чтобы обойти его, нужно было переправиться, а у кипчаков не имелось флота.

Формально Дербентом владел отпрыск местной правящей династии. Но он был ребенком, а делами заправлял его *атабек* Асад. Он отказался пропустить кипчаков.

Кипчаки вернулись к себе. Джелаль эд-Дину не удалось пополнить армию.

Джелаль решил подчинить себе хотя бы Ширван. Первую попытку сделал незадолго до этого Шараф, но ширваншах Фарибурз III отказал под предлогом того, что готов платить дань только самому хорезмшаху. Теперь в Ширван прибыл сам Джелаль и потребовал дани. Фарибурз долго юлил, ссылаясь на то, что в стране мятежи, города Шеки и Кабала фактически вышли из-под его власти, а грузины захватили окраины шахства. Джелаль настаивал на своем. «Между ними продолжался обмен послами по этому делу, — говорит ан-Насави, — пока они не определили [сумму] ежегодного взноса в казну Джелаль эд-Дина — пятьдесят тысяч динаров».

Менгбурны наградили ширваншаха почетными одеждами, и отправившись восвояси и обратился к другим делам. Грузия поднималась с колен. Отряды грузин освободили значительную часть страны. Следовало напомнить о себе. Джелаль стал собирать войска для вторжения в Грузию.

Еще когда султан пытался наладить контакт с кипчаками, один из его полководцев самовольно напал на грузин. Этого военачальника звали Гек-хан. Дошли до озера Баттах у притока Куры. Часть

войск остановилась на западном берегу озера, а другая часть — на восточном. Этим немедленно воспользовались грузины. Ночью они напали на тех хорезмийских воинов, что находились на западном берегу. Победа христиан была полной: врагов частью перебили, частью взяли в плен.

«Султан был в гневе из-за того, что причинили грузины его войскам после того, как они должны были довольствоваться спасением в своих домах и сохранением жизни», — негодует на православных ан-Насави.

Грузинский летописец, автор «Истории Картли», пишет: «Султан оставил Азербайджан и второй раз пошел на Тифлис. Когда об этом узнала царица Русудана, она призвала войска восточное и западное, Шанше — церемониймейстера, Авага — главнокомандующего, Варама — ведающего царским двором и хозяйством, [войска] херов, кахов, армян, джавахов, месхов, таойцев, дадиани, абхазов, джикиев, открыла двери Дарьяльские и впустила оттуда осетин, дурзукиев и всех горцев. Собралось множество их... и всех их она направила на битву с хорезмийцами».

К Русудан прибыли тайные гонцы от Кей-Кубада. Сельджук предлагал грузинам вступить в коалицию против хорезмийцев, которые уже вызвали опасения у всех ближневосточных владык, потому что порождали хаос и разрушение. К союзу присоединились также сирийцы. Интересно, что сирийцы были старыми врагами Кей-Кубада. Можно представить, как их напугали успехи Хорезма, если они согласились позабыть вражду. Русудан с готовностью согласилась на союз.

Для Джелала это были плохие новости. Ему следовало действовать очень быстро, если он хотел сохранить голову на плечах. Войска хорезмшаха были расквартированы в разных *вилаяетах* (провинциях) его обширной страны. Так их было легче содержать. Но, учитывая, что кругом враги, такой способ дислокации таил много опасностей. Через короткое время он погубит Джелала. Но пока обошлось: Менгбурны собрал крупную армию и бросил ее в направлении города Лори.

Через некоторое время он достиг озера Баттах. Здесь встретил передовые отряды грузин и нанес им поражение. «Помощь Аллаха принесла победу», — замечает ан-Насави. Привели пленных. Джелаль велел отрубить им головы.

Джигиты ликовали. Их победоносный полководец вновь показал, что умеет бить врагов, а удача ему сопутствует. Аллах принесет *аскерам* новые победы и много добычи.

Затем султан выступил против главной армии грузин. Рашид эд-Дин уточняет: сперва султан «был смущен тьмой врагов». Он посоветовался с Шараф ал-Мульком, которого Рашид знает под кличкой Юлдузчи — Звездочет. Это ироническое прозвище, вроде английского *stargazer* — мечтатель. Звездочетом звали *везира* в молодости. Юлдузчи высказался осторожно:

— Так как наше войско не составляет и сотой части грузин, лучше отступить и перекрыть им доступ к воде. Когда мы увидим, что вражеская армия съела все припасы и страдает от жажды, мы вступим в битву и победим.

После этих слов в голову *везира* полетела чернильница. Вспыльчивый Джелаль эд-Дин выразил гнев. Он ожидал от Шарафа слов ободрения, а не страха. Хорезмшах воскликнул:

— Они стадо баранов! А мы — львы. Нечего льву жаловаться на многочисленность стада! Хотя дело трудное, надо драться!

Шараф ал-Мульк заплатил за неуместный совет 50 000 динаров в султанскую казну.

На другой день войска построили ряды. Грузинские полководцы были уверены в победе. Войско хорезмийцев на этот раз сильно уступало по численности. Сражение таило для мусульман большой риск.

Джелаль самолично отправился на рекогносцировку. Он въехал на удобный холм и окинул взглядом местность. Тут султану улыбнулась удача. Джелаль заметил, что в грузинской армии находится большой конный корпус кипчаков. На первый взгляд их было тысяч двадцать. Джелаль вызвал одного из своих *мамлюков*, по имени Кушкар. Это был куман по происхождению. Султан отправил его с хлебом-солью и другими дарами к грузинским кипчакам.

Кушкар справился со своей миссией блестяще. Он напомнил половцам о родстве и заявил, что в войске хорезмшаха служит немало их соплеменников. Следовательно, сражение грозит вылиться в братоубийственную бойню на потеху грузинам. Этого оказалось достаточно, чтобы «кипчаки немедленно повернули поводья и отошли в сторону» (сообщает Рашид эд-Дин). Ударить в спину грузинам они не смогли. Это было бы предательством. Но и сражаться за них не захотели.

Навстречу хорезмийцам выступили прочие войска Русудан. Султан послал гонца передать им следующие слова:

— Вы только что вышли на поле боя и утомлены тяжелыми переходами. Пускай молодежь потешится поединками, а мы поглядим со стороны.

Христианам это понравилось. Несколько грузинских богатырей выехали на единоборство. Начались сшибки мелких отрядов и единичных бойцов. Один грузин побеждал всех, и тогда Джелаль эд-Дин не выдержал. Он надел доспехи, схватил оружие, приладил копье и поскакал на врага. Воины обеих армий затаили дыхание. Не каждый день султан, как простой удалец, выходит на поединок. А Джелаль эд-Дин мчался вперед, красивый, молодой, статный. Он был неотвратим, как страшный суд. На полном скаку султан вогнал своему противнику в пояс крепкое кизиловое копье, да так ударил, что порвал недругу кафтан и кушак. Горец упал замертво.

У погибшего имелось трое сыновей — все как один воинственные юноши. Они захотели отомстить султану за смерть отца. Каждый юноша поочередно выходил на бой против Джелаль эд-Дина, и всех троих султан умертвил. Тогда еще один витязь, «страшный на вид» (по словам всё того же Рашид эд-Дина, у которого мы позаимствовали этот эпизод), вышел на битву. Султан едва не проиграл поединок, потому что конь под ним уже устал. Тогда Джелаль ловко соскочил с коня, свалил грузинского витязя ударом копья и убил. Эти схватки так «разогрели» воинов, что обе армии кинулись друг на друга. На стороне хорезмийцев был моральный фактор — их вождь

победил врагов. «Когда войско султана, — пишет Рашид, — это увидело, оно одним натиском обратило всех в бегство».

«История Картли» сообщает об этих событиях несколько иначе. Грузинские войска «прошли в Тбилиси, а султан стоял лагерем около Болниса. Когда сторожевые посты султана заметили их приближение, они сообщили об этом султану. Он двинулся вперед, и началась страшная битва. Вначале грузины побеждали, но господь был разгневан на грузин, никак не мог унять этого гнева и опять вспомнил наши грехи». Итог обоих сообщений один: войска царицы Русудан потерпели поражение и бежали.

Султан подошел к Лори и направил посла с угрозой, что начнет осаду города, если грузины не освободят тех тюрок, которых взяли в плен ночью у озера во время давешнего боя с Гек-ханом. Грузины немедленно выполнили это условие.

Лори получил пощаду. «А султан снова пришел в Тбилиси, — говорит грузинский летописец. — Если еще что-нибудь осталось для разграбления, он грабил и уничтожал». Страна была основательно разрушена и разорена. Таким образом он получил добычу и обеспечил тылы. Одну из участниц кавказской коалиции — Грузию — вывели из игры. Теперь была очередь сирийцев и «римских» сельджуков. Но прежде хорезмшах дал армии короткий отдых и наберновал воинов. Пополнения дали туркмены из Аррана и Азербайджана.

Внимание государя привлекли богатые владения некоего Бахрама Грузина на границе Грузии, Ширвана и Аррана. «Султан двинулся на него с большими силами и тьмой воинов, — пишет ан-Насави. — Войска с шатрами и обозом рассеялись по разным местам области Бахрама, грабя ее, поджигая, убивая и разгоняя [жителей]. Войска изъяли у них все, что было спрятано и укрыто, и низвергли их с горных высот и вершин, холмов и гор».

Затем султан взялся за осаду городов и замков грузинских князей — соседей Бахрама. Первым делом захватил укрепление, принадлежавшее княгине Тамта — дочери Иване Мхаргдзели.

«Он быстро взял крепость, подавил ее силы, перебил ее жителей и делал там все, что хотел», — констатирует ан-Насави.

После этого Джелаль направился к крепостям Гаг и Кавазин. Но это оказались крепкие орешки. Султан осаждал их три месяца, потратив драгоценное время, когда мог атаковать сирийцев и сельджуков. Наконец осажденные попросили освободить их в обмен на выкуп. Джелаль не раздумывая согласился. Деньги были переданы, и султан снял осаду. Кампания в Грузии закончилась.

После этого правительница Нахичевани, стареющая Джелалия, вдруг захотела вступить в брак с хорезмшахом. Она была дочерью *атабека* Мухаммеда, сестрой Узбека. Следовательно, в 1229 году ей могло быть глубоко за сорок или под пятьдесят.

Однако молодой Джелаль эд-Дин не погнушался взять ее в свой гарем. Ясно, что брак был фиктивный. Фактически хорезмшах брал в жены Нахичевань. Предложение Джелалии о свадьбе означало, что Нахичевань окончательно покорилась, а сама правительница признала силу хорезмшаха, сокрушившего всех врагов.

Глава 3 ПОРАЖЕНИЕ

1. НА ЗАПАД

В руках Джелала находились Арран, две трети Грузии, Северная Армения, а позади — великий Иран. Ничто не мешало разделаться с врагами на западе.

Перед походом хорезмшах желал обеспечить прочный тыл на востоке. Прежде всего он интересовался поступлением денег, на которые мог бы на вербовать воинов. Губернаторы привезли требуемые суммы.

Джелаль отдал несколько распоряжений о гражданском управлении и издал ряд указов. Для его секретаря ан-Насави это были урожайные дни. «Последовало распоряжение о написании грамот,

и я составил их. В тот день за это я получил как «доход за написание» (*манафи ал-китаба*) тысячу динаров с чем-то. Что касается суммы меньше этой, то и в другие дни они поступали непрерывно. Да!»

Больше ничто не удерживало Джелаль эд-Дина в Нахичевани. Отпустив восточных губернаторов, он поскакал на запад, чтобы нагнать свою армию, которая уже маршировала на Хлат, обходя озеро Ван с севера.

Войска хорезмшаха двигались горными дорогами Армении. Они остановились в одном дневном переходе от города Хлат. Внешнеполитические обстоятельства благоприятствовали этому походу. В Сирии началась междоусобица между представителями рода Эйюбидов.

По причине этих событий правитель Сирии Мелик-Ашраф не мог перебросить достаточно войск в Шахармению и искал мира с Джелалем.

Хорезмшах прибыл под стены Хлата. Здесь его встретил посол от губернатора Шахармении — Айбека, тюркского *мамлюка*. Дипломат, «умный старик-тюрк», как зовет его Насави, сообщил, что власть в Шахармении переменилась. Али-*хаджиб* арестован по приказу Мелик-Ашрафа и содержится в Хлате в тюрьме. Причина — самоуправные походы в Азербайджан против хорезмшаха. Так что делить больше нечего.

Ашраф протягивал хорезмшаху руку примирения. Посол «был преувеличенно любезен и заискивал перед султаном», чтобы тот снял осаду. Но Джелаль эд-Дин и его соратники зарекомендовали себя трудными и упертыми людьми. Хорезмшах отвечал уклончиво и осаду снимать не стал. Он сказал «умному старику тюрку»:

— Если ты хочешь, чтобы я был удовлетворен, отправь ко мне *хаджиба*!

Али считался к тому времени личным врагом хорезмшаха. Но *хаджиба* ему не выдали. Сделать это просто не могли. Джелаль допросил бы его и убедился, что *хаджиб* выполнял приказы своего повелителя — Мелик-Ашрафа. Следовательно, все нападения на Азербайджан — во все не личная инициатива Али, но приказы начальства.

По инициативе Айбека *хаджиб* Али бы убит, о чем и доложили хорезмшаху. Со стороны Айбека это было превышение полномочий. Поэтому он написал в Сирию, что Али умер от диареи.

Расправа показала, что враг остается врагом, лишь хочет замести следы. Джелаль приказал сомкнуть кольцо осады вокруг Хлата. Осаждающие изготовили пару десятков катапулт. Правда, толку от них было мало. Стены Хлата оказались на диво прочными, а гарнизон — храбрым. Осада продолжалась больше года. За это время Джелаль окончательно потерял темп наступления.

2. ПИСЬМО ОТ СЕСТРЫ

Во время осады Джелаль эд-Дин получил весточку от своей сестры Хан-Султан. Ее взял в жены Джучи-хан, «и она родила ему детей», — пишет ан-Насави. Затем Джучи умер, и Хан-Султан стала женой одного из его сыновей. Похоже, что ее мужем стал Орду — старший сын Джучи. Таков был степной обычай.

Монголы разрешали женщине переписываться с братом. Принцессу использовали как источник для передачи неофициальной информации. На сей раз Хан-Султан передала очень важные новости.

«Она прислала султану, когда он осаждал Хлат, один из перстней их отца, украшенный бирюзой, с выгравированным на нем именем султана Мухаммада, — рассказывает ан-Насави. — Это был знак для посланца, что он прибыл от нее».

Первым делом Хан-Султан сообщала брату, что хаган приказал учить ее детей Корану. Скорее всего, это правда. Что вовсе не означает согласия на переход этих детей в ислам. Род Борджигинов, как доказал Лев Гумилев, поклонялся Митре — Богу Солнца, охранителю клятв (хотя большинство монголов были христианами). Членам рода Синеоких запрещалось покидать веру предков и исповедовать библейские религии. Ну а полистать Коран, если этому учит мать, — почему бы и нет? Правда, подобный либерализм дорого обойдется потомкам Борджигинов. Они полностью ассимилируются в среде покоренных народов, утратят расовые черты, историческую память,

а вместе с ней — имперское единство, потому что будут поклоняться разным богам.

Вернемся, однако, к посланию Хан-Султан.

«И к нему (хагану) дошло известие о твоей силе, вооружении, о твоём могуществе и обширности твоих владений, — пишет принцесса. — Поэтому он решил с тобой породниться и договориться о том, чтобы владения ваши были разграничены рекой Джейхун (Амударья): тебе то, что до реки, а ему то, что за ней. Поэтому, если ты найдешь силы противостоять им, отомсти и сражайся с ними: смотри, как тебе угодно, [поступай], как захочешь. А если нет, пользуйся случаем примириться тогда, когда они этого хотят».

Письмо было настоящей сенсацией. Монголы, с которыми воевали отец Джелала и сам Джелаль, предлагали мир на вполне сносных условиях. Ни выплаты дани, ни подчинения. За ними оставались только Хорезм и Мавераннахр.

Нет оснований считать, что это уловка. Монголы прекрасно знали, что Джелаль эд-Дин далеко, что он осаждает Хлат. Следовательно, ударить по его восточным владениям было очень удобно. По большому счету, монголы ничего не имели против государства хорезмшахов. За убийство послов и купцов они отомстили с лихвой: султан Мухаммед II погиб, сложили головы почти все его сыновья. Территориальные приобретения тоже сделаны. А то, что Джелаль воевал с монголами и несколько раз их разбил, не подлежало наказанию. За удаль в бою не судят.

Мир с султаном был необходим новому хагану Угэдэю вот почему. Он готовил два больших похода, против кипчаков и чжурчжэней. Первые втянулись в войну с монголами на стороне меркитов, да так и остались в состоянии вражды. Монголы сталкивались с ними в степях Казахстана, в предгорьях Кавказа, на Днепре, на Волге. Требовалось наконец покончить с врагом.

Угэдэй выделил несколько тысяч воинов Батыю, и тот пошел на половцев войной в 1229 году. Однако вместе с кипчаками выступили башкиры (в то время это был не тюркский, но угорский

народ, а Башкирию называли «Великая Венгрия»). Они нанесли монголам поражение и отбросили в Казахстан.

Вторая армия пошла на юг. Война с Золотой империей (Кинь), угасшая было, разгорелась с новой силой. Эти враги оказались гораздо серьезнее, чем Джелаль эд-Дин или даже кипчаки. Угэдэй хотел высвободить силы.

«Однако султан сделал вид, что занят осадой Хлата, — пишет ан-Насави, — и не обратил внимания на это. Он не дал ей (сестре) ответа, который содержал бы благоразумие и открыл бы ворота для мира. Он не произнес и слова, которое решило бы дело добром и принесло бы плоды успеха».

Почему вдруг такое странное молчание? На то имелось несколько причин. Во-первых, мир с монголами означал бы, что Джелаль потерял моральное право громить всех неугодных под предлогом того, что он борется с монгольскими христианами и защищает от них мусульманский мир. Без монголов герой ислама превратился бы в простого грабителя. Во-вторых, он воспринял мирные предложения как признак слабости монголов. Чингисхан умер. Кто знает, может быть, его сыновья перессорились? Это дает право игнорировать Монголию как политическую силу.

Возможно, была и третья причина. Джелаль до сих пор называл себя хорезмшахом. Так он подписывал письма. Но сам Хорезм находился в руках монголов. А ведь это была родина предков. Джелаль никогда не мог смириться с захватом Гурганджа.

Но отвергнуть монгольские предложения он тоже боялся. В итоге — просто не ответил на письмо сестры. Джелаль блефовал и рисковал. Он рассчитывал расправиться с врагами на западе раньше, чем монголы соберутся с силами на востоке. Ошибка, легкомыслие и неверный расчет обошлись дорого.

3. ПОХОРОНЫ ОТЦА

Джелаль эд-Дин не мог забыть и простить монголам того, что они наказали его отца Мухаммеда. Во время осады Хлата султан решил перезахоронить прах родителя. Новым местом успокоения

был выбран многолюдный и безопасный Исфахан. Джелаль приказал привезти туда гроб с телом Мухаммеда и построить в городе *мадрасу* (мавзолей) в память о покойном хорезмшахе.

Султан направил в Исфахан своего старшего конюшего. Для начала строительства выделил 30 000 динаров, а *везиру* Персидского Ирака приказал достать остальные средства. Утварь гробницы надлежало изготовить из золота, а у дверей должен был стоять почетный караул из нескольких всадников.

Стройка началась. Теперь нужно было привезти гроб. Правительницей одного из округов Мазандерана была Шах-хатун — тетка Джелалья, родная сестра Мухаммеда. Джелаль приказал, чтобы «она сама и вместе с ней мелики, эмиры и везиры Мазандерана отправились на остров и перевезли гроб», — пишет ан-Насави. Так и сделали. Останки Мухаммеда доставили в крепость на материке. «Она была самой неприступной крепостью на земле, и останки должны были оставаться там, пока не будет закончено строительство *мадрасы* в Исфахане, а затем перевезены туда».

Сочинять все эти указы и написать письма было поручено ан-Насави. «И клянусь жизнью, — вспоминает он, — что я писал эти грамоты неохотно и считал их мнение неразумным». Секретарь боялся, что перезахоронение трупа вызовет новое нашествие монголов. Покоясь на острове, останки Мухаммеда находились в безопасности. Но только там и нигде больше. «Ведь я знал, — вспоминает ан-Насави, — что его труп — да прохладит его Аллах освежающим ветром — не был сожжен татарами только потому, что к нему трудно было добраться. Они уже сожгли кости всех погребенных султанов, в какой бы земле они ни находились, так как они считали, что все эти султаны [имеют] общего предка и одного рода». Даже кости Махмуда Газневида, утверждает наш мемуарист, были извлечены из гробницы в Афганистане и преданы сожжению.

Однако эти паникерские мысли не понравились соратникам Джелалья. Тем более что никто бы не решился сказать хорезмшаху в открытую, что выступает против перезахоронения Мухаммеда. Джелаль находился на пике побед. Он только что разбил монголов.

Переезд гроба с останками последнего хорезмшаха имел символическое значение. Он означал возрождение порядка и хорезмийской государственности.

Правда, из возрождения ничего не вышло. Ан-Насави изображает по этому поводу себя пророком. «А дело было впоследствии именно так, как я предполагал, — замечает он. — Татары, покончив с султаном [Джелаль эд-Дином]... о чем мы еще расскажем... захватили останки [султана Мухаммеда] и отправили к хагану, а тот сжег их».

Но вернемся к событиям осады Хлата.

4. ДЖЕХАНШАХ ИЩЕТ МИРА

То, что хорезмийская армия находится в Армении, вызывало тревогу у многих окрестных правителей. Они хотели разведать обстановку и выяснить, что планирует делать Джелаль после осады Хлата. Кто-то слал письма, кто-то направлял шпионов, кто-то делал то и другое.

Правитель Эрзерума Джеханшах, сын Тогрула, прибыл в лагерь хорезмийцев собственной персоной. Отец Джеханшаха — эксцентричный Тогрул — как мы помним, признал покровительство Грузии. Его наследник Джеханшах решил сменить покровительство Грузии на дружбу с Джелаль эд-Дином.

Джеханшах унаследовал Эрзерум после смерти отца в 1225 году, когда Джелаль эд-Дин захватил Азербайджан. Сын Тогрула сообщил, что карта грузин бита, порвал с христианской партией и подчинился сирийцам. То есть признал господство Мелик-Ашрафа. Это не понравилось двоюродному брату Джеханшаха — султану «Рима» Кей-Кубаду. Тот начал интриговать против эрзерумского кузена и даже — было дело — натравливал на него Джелаль эд-Дина.

И вот Джеханшах лично направился в лагерь хорезмийцев. Гостя встречал Шараф ал-Мульк. Он выехал вперед на расстояние одного дня пути вместе с чинами *дивана* (правительства). Встретившись, выпили вина в шатре Джеханшаха, после чего эрзерумский эмир преподнес Шарафу подарки на сумму 10 000 динаров.

Затем состоялось свидание Джехана с хорезмшахом. Джелаль эд-Дин встретил турецкого эмира на площади осадного лагеря, стоя под роскошным балдахином. Джеханшах спешился, поцеловал землю и прошел несколько шагов, затем его встретил один из хорезмийских придворных, который от имени султана позволил эмиру снова сесть на коня. Джехан уселся в седло «и стал кланяться в знак службы, пока не подъехал к султану, который обнял его, а Джеханшах поцеловал его руку». Султан показал ему место под балдахином, и Джехан встал по правую руку. В это время балдахин рухнул. Народные мыслители тотчас усмотрели в этом дурную примету. «Их встреча стала причиной их гибели», — замечает ан-Насави. Султан и эмир выползли из-под балдахина сконфуженные.

Джеханшах находился в хорезмийском лагере несколько дней. Султан подружился с ним, подарил его приближенным двести почетных одежд; в числе других подношений было восемнадцать лошадей со сбруей, седлами и бунчуками. Затем Джелаль отпустил гостя, но приказал прислать осадные орудия. Джеханшах «послал большую катапульту, которая называлась *Кара Бугра*, щиты, шлемы и много стрел».

В чем же была причина неожиданного крена Джеханшаха в сторону хорезмийцев? Хитрый турок рассчитывал, что султан поможет захватить Румский султанат и свергнуть Кей-Кубада. Хорезмшах и эмир достигли тайной договоренности на этот счет.

Было еще много других посольств, о которых ан-Насави упоминает с утомительными подробностями. Джелаль эд-Дин вел интенсивные переговоры с соседями, чтобы обеспечить себе безопасность после взятия Хлата. Большинство правителей, в свою очередь, тревожила судьба Хлата. Джелаль эд-Дину всё настойчивее рекомендовали снять осаду. В конце концов на берега озера Ван пожаловали послы халифа с просьбой оставить Хлат в покое и «дать осажденным вздохнуть».

Султан спросил:

— Разве вы не желаете моего возвышения?

Послы ответили:

— Желаем, и повелитель правоверных хочет тебе только добра. Однако мы предостерегаем, что если осада окажется трудной, то придется обратиться к посредничеству халифа. Как он поведет себя? Захочет ли вступить за султана при всех добрых чувствах? Не лучше ли отойти сразу?

Примерно таков смысл речей арабских дипломатов. Однако ан-Насави приводит столь туманные выражения, что переводчики его сочинения затрудняются уловить значение сказанного. Султан не придавал значения их речам и продолжал осаду. Тем временем в его лагерь направилось новое посольство — на этот раз из «Римского» султаната. Султан Кей-Кубад снова искал дружбы хорезмшаха, а заодно пытался разнюхать, как обстоят дела. Послов было двое: военачальник-турок и судья-перс. Они везли с собой целый караван из мулов и лошадей с подношениями. На тридцати мулах транспортировали вьюки с атласом, кипы шелка, бобровые и собольи меха. Еще сто коней и пятьдесят мулов в богатом убранстве предназначались для табунов хорезмшаха. Наконец, турецкий султан преподнес самый ценный подарок: людей. Это были два или три десятка *мамлюков*.

Хорезмийцы оказали турецким дипломатам плохой прием. Послов поставили на колени, пока секретарь зачитывал списки подаренного. Их заставили «претерпеть больше, чем это позволяют приличия», — считает ан-Насави. Вдобавок турки перенесли еще одно унижение. Они просили руку одной из дочерей Джелаль эд-Дина для сына Кей-Кубада. Однако получили холодный отказ.

На первый взгляд это не красит Джелаль эд-Дина. Однако всё становится на свои места, если присмотреться к целям и задачам посольства. Кей-Кубад не просто искал дружбы Джелала, а хотел поймать выгоду. Послы говорили сладкие речи, дарили подарки, покорно становились на колени ради одного: чтобы Джелаль эд-Дин порвал дружеские отношения с Джаханшахом и позволил Кей-Кубаду захватить Эрзерум.

Это циничное предложение разозлило Джелаль эд-Дина. Хорезмшах ответил послам:

— Тот, кого вы хотите заполучить (Джиханшах), пришел ко мне с просьбой о покровительстве. Для человека моего положения было бы недостойно и мерзко выдать его на смерть. Ведь вы жаждете крови.

Послы откланялись и ушли в шатры. В том же духе с ними общался Шараф ал-Мульк, но по другой причине. Она оказалась проста. Шараф бросил в сердцах:

— Все, что они доставили из подарков для меня, не стоит и двух тысяч динаров!

Послы Кей-Кубада уехали на родину, униженные и обозленные. Вернувшись и представ перед турецким султаном, они доложили, что предложение мира и союза «оказалось ударом по холодному железу».

Это послужило последней каплей в чаше терпения Кей-Кубада. «Римский» султан отправил посольство к своему злейшему врагу Мелик-Ашрафу. Послы везли подарки и предложение о союзе. *«Остановить его (Джелаль эд-Дина) без меча невозможно, а старания угодить ему бесполезны, — писал Кей-Кубад. — И теперь нам осталось лишь прийти к единодушному согласию и защитить обе наши державы».*

Предложение встретило сочувствие Мелик-Ашрафа. Над хорезмшахом стали сгущаться тучи.

А Джелаль упорно топтался под стенами Хлата. Он слишком много средств затратил на эту войну, чтобы отступить. Однако месяц шел за месяцем, а крепость не сдавалась. С каждым днем престиж Джелаль эд-Дина падал в глазах мусульманских владык. Султан был неуправляем, упрям. С ним нельзя иметь дел, думали мусульманские владыки.

Ему следовало быстро захватить Хлат либо отступить от его стен. Но Джелаль выбрал худший вариант из всех: затянул осаду, постепенно настраивая соседей против себя.

5. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЕДИНОК

Жители Хлата знали о прибытии разных посольств и ждали исхода переговоров. Особенно большие надежды возлагали на дипломатов халифа Багдадского. Когда переговоры провалились, на султана с городских стен полился поток брани. Ибн ал-Асир говорит: «Между ними (враждующими сторонами) шла самая сильная и неприличная перебранка».

В гарнизоне Хлата находился один из принцев Эйюбидов, по имени Якуб. Он вызвал Джелалья на переговоры и заявил:

— Не хочешь ли ты сразиться в поединке со мной, чтобы на этом дело пришло к концу?

Живой и горячий Джелаль эд-Дин тотчас спросил:

— Когда это будет?

Якуб отвечивал:

— Назначим завтрашнее утро.

— Где?

— У Бидлиссских ворот.

— Я приеду.

Султан хорошо выспался перед поединком и приготовился к бою, сел на коня и направился к Бидлиссским воротам. Но никого не встретил. Неясно, хотел ли Эйюбид сразиться с хорезмшахом или мечтал заманить его в ловушку. Но помчаться и сразиться — в этом весь Джелаль.

Султан искал способы захватить город. Однажды ночью ан-Насави пришел к султану по вызову и увидел «хитрую старуху обманщицу, которая вышла из Хлата с письмом». Автором послания был иранец, переводчик и влиятельный человек, оказавшийся в городе. Он просил 5000 динаров, а за эти деньги был готов подкупить отряд своих соплеменников, участвовавших в обороне города, и открыть ворота.

Ан-Насави объяснил, что хорошо знает человека, который предложил сдать Хлат. Это умный и осторожный чиновник. Секретарь был убежден, что старуха — мошенница и просто хочет завладеть деньгами султана.

Хорезмшах принял соломоново решение. Старухе выдали тысячу динаров. Султан сказал ей:

— Если правдивость твоего рассказа будет подтверждена, то мы дадим тебе остальные четыре тысячи динаров.

Хорезмшаху казалось, что он довольно ловко выпутался из ситуации. Он совершенно не понимал, что озолотил старуху. Ночью та вернулась в Хлат и больше не появлялась в лагере хорезмийцев.

По городу, однако, поползли слухи, что упомянутый старухой переводчик собирается сдать город. Начальник гарнизона — Айбек — казнил переводчика.

Когда султан овладел Хлатом (об этом мы расскажем ниже), то первым делом велел разыскать старуху. Ее нашли. Женщина принесла золото, но уже истратила из него триста динаров. Деньги не принесли ей счастья. «Говорят, что она была задушена», — равнодушно обронил ан-Насави. Он считает это справедливым возмездием за смерть переводчика.

Маленьким людям редко везет, когда они пытаются вмешаться в игры больших людей.

6. ГОРОД ПАЛ

У защитников города обнаружилась нехватка воды. Ждали снега, чтобы пополнить запасы. Но он, как назло, прекратился. Осажденными овладело отчаяние. Айбек и его соратник Якуб (тот самый, что вызвал хорезмшаха на поединок) написали пару писем Мелик-Ашрафу с просьбой о помощи. Оба автора слегка повредились в рассудке. Айбек молотил чушь о том, что *«из-за колдовства врага снег в этом году в округе Хлата не выпал»*.

Скептический Мелик-Ашраф написал в ответ: *«Твои слова о колдовстве врага и ясном небе показывают, насколько вами овладел страх. Как же иначе — ведь подобное дело может совершить только Аллах! А зимы случаются разные: бывает, что снег задерживается, а иногда выпадает раньше времени. Вот скоро мы*

прибудем с войсками, чтобы отвести беду и устранить ущерб. Мы будем гнать их (хорезмийцев) за Джейхун».

Однако помощи от Ашрафа всё не было. Наконец выпал снег, но осажденным это не помогло. Джелаль упорствовал. Султан разместил часть войск на зимних квартирах в соседних селениях, чтобы спасти от холодов и укрыть от снегопада, «ибо Хлат — один из самых холодных и обильных снегом городов», — уточняет ибн ал-Асир. Кстати, от морозов умер в окрестностях маленький сын Джелалья от одной из многочисленных жен. Женщина была туркменкой из племени *йиваи*. Ребенка звали Кайкамаршах. Но и смерть сына не остановила хорезмшаха. Хлат должен пасть.

Слова Мелик-Ашрафа о том, что он прогонит хорезмийцев за Джейхун (Амударью), оказались пустым бахвальством. Может быть, он и пришел бы с подкреплениями весной. Но Джелаль во что бы то ни стало решил захватить город до этого времени.

Некоторые подробности приводит ибн ал-Асир. «Джелаль эд-Дин, — пишет он, — выказал при (этой) осаде большую энергию и изумительное терпение. Он приставил к (стенам) города несколько катапульт и не переставал метать в него камнями, пока не разрушил часть стены, которую, однако, жители восстановили. Он продолжал теснить их и бороться с ними». Приступы чередовались обстрелами. Настал апрель 1230 года.

Дела осажденных были совсем плохи. «Люди стали умирать из-за дороговизны (припасов), — пишет ан-Насави, — их рассеяли руки гибели, пищей там стали собаки и кошки, а [стоимость] дирхемов и динаров упала. Поэтому Хлат стал тягостью для того, кто [мог] его взять, и бедой для того, кто им владел».

Джелаль назначил новый штурм, который стал решающим. Однако вовсе не из-за храбрости или искусства хорезмийцев. «Город был изменнически передан ему некоторыми эмирами», — поясняет ибн ал-Асир. Знающий все обстоятельства дела ан-Насави пишет об этом гораздо подробнее.

Один из защитников города, туркменский вождь Исмаил из племени *йиваи*, ночью спустил со стены нескольких верных людей. Они

связались с султаном и обещали сдать город в обмен на земельные пожалования в Азербайджане. Поутру Джелаль бросил в брешь, которую защитники не успели заделать, несколько армейских подразделений. Им противостояли наемники из Джазиры. Видимо, это были курды. Дрались свирепо. Курды отбросили хорезмийцев, но в это время на башнях взвились знамена Джелаль эд-Дина: это действовал отряд изменников. Воины с башен напали на курдов с тыла, и те стали поспешно отходить; кое-кто из них попал в плен.

Часть войск отступила в цитадель, а на улицах Хлата кипели бои. Хорезмийцы учинили свирепую резню над теми, кто не успел скрыться.

Ибн ал-Асир бесстрастно комментирует поведение Джелаль эд-Дина: «Он убивал тех, кого находил в нем (в Хлате), но их осталось мало, так как часть покинула город страха ради, другие ушли из-за сильного голода, а третьи умерли от недостатка или отсутствия питания».

Султан хотел сохранить город и уберечь его от грабежа. Но его намерение не имело успеха. К нему пришли полевые командиры и сказали:

— Долгая осада ослабила твои войска и погубила коней и скот твоих воинов. Если ты запретишь им грабить, то из-за слабости они уклонятся от встречи с врагом, и узы повиновения будут разорваны.

Это была неприкрытая угроза, и Джелаль смирился.

«Они грабили три дня подряд, — вспоминает ан-Насави, — и это было то же самое, что бередить рану и сыпать на нее соль. Они добывали то, что упрятали жители, вжимали поборы, [сжимая людей] в давящих. Если в их руки попадал кто-либо из хлатцев, то они подвергали его всевозможным мучениям. Среди людей распространился слух о том, что султан приказал убить при взятии всех, кто был в городе. Это была неправда, но много людей погибло от мучений, а других погубил голод».

Цитадель сопротивлялась недолго. Защитники стали искать способ договориться с Джелаль эд-Дином, ибо сопротивляться до

последнего человека никто не хотел. Двое эмиров спустились из цитадели в город и стали просить пощады для Айбека. Джелаль пощадил его, и тот вышел на следующий день. Состоялась встреча с хорезмшахом. Айбек пытался поцеловать руку султана, но был допущен только к ноге. Облобызав ее, Айбек удалился и был помещен под арест.

По случаю взятия города Джелаль издал грамоту. Ее пространный текст приводит историк Джувейни. Хорезмшах хвастался победой и грозил врагам карами. Это был последний крупный успех Джелаль эд-Дина. Дальше его судьба покатила под откос.

Неудачи начались сразу.

«Кроме Хлата он (Джелаль эд-Дин) не взял ничего другого в этой области... — пишет ибн ал-Асир. — Они (войска Джелаль эд-Дина) разошлись по стране, грабили имущество и совершали по отношению к населению неслыханные вещи, но бог всевышний не замедлил (наказать) его: он обращался в бегство и перед мусульманами и перед татарами».

Один из пленников Джелалю подсказал султану, что можно не тратить силы на бесполезные осады городов Шахармении. Мол, у Айбека имеются тайные символы, с помощью которых он отдает приказы начальникам крепостей и городов.

— Если Айбек передаст эти знаки султану, — присовокупил добрый советчик, — то султан овладеет укреплениями без мучений и трудностей.

У Джелалю загорелись глаза. Султан потребовал предъявить коды доступа в города, но Айбек отрицал их существование.

Хорезмшах не поверил и заставил его написать наместникам о сдаче. Айбек сочинил приказы, но наместники отказались сдать. Разочарованный султан заковал Айбека в цепи и отправил в крепость Дизмар. Затворник вел себя дерзко, поносил Джелаль эд-Дина и отбивал в свою честь «нубу Александра Македонского». *Нуба* — торжественный ритм вроде марша. Этот ритм обожал хорезмшах Мухаммед, который считал себя новым Александром.

Взятие города воспринималось султаном как крупный успех. Льстецы предложили в связи с этим использовать новую пышную *тугру* (личную печать; обычно ее изготавливали в виде орнамента из арабской вязи).

Однако Джелаль эд-Дин выразил недовольство и сказал, обращаясь к ан-Насави:

— Когда я стану таким, как один из старших мамлюков Великого Сельджука, по численности войск и богатству казны, я разрешу тебе сделать *тугру* моих указов подобной его *тугре*.

«Я устыдился и умолк, а он был справедлив в своих словах», — признает ан-Насави.

Под Великим Сельджуком имелся в виду турецкий султан Меликшах (1072—1092), при котором держава турок достигла расцвета. Конечно, до этих успехов Джелалю было далеко. Он рассчитывал покорить хотя бы армянские земли.

7. ГРОЗА С ВОСТОКА

Хорезмшах замыслил превратить Хлат в базу для дальнейшего наступления на запад.

«Его увлекло желание восстановить город, — считает ан-Насави. — Он жаждал исправить разрушенное и собрать разбросанное».

Джелаль выделил из казны 4000 динаров на возобновление стен, и они были восстановлены очень быстро. Земли вокруг города хорезмшах нарезал на участки для своих эмиров. Из-за этого немедленно начались интриги между военачальниками. Каждый хотел получить надел побольше.

Тем временем в Хлат явились послы от халифа Багдадского. Они привезли Джелалю почетные одежды, а сами глядели в оба и старались ничего не упустить, чтобы доложить своему повелителю об армии хорезмшаха.

Дипломаты нашли Хлат разрушенным и голодным. В городе не было съестных припасов, как будто их начисто вымели. Обслуга сбилась с ног, пытаясь найти угощение. Всё было тщетно. «Мы... стали советоваться с султаном и признались, что не сможем выполнить обязанности гостеприимства», — сообщает ан-Насави. Султан сказал:

— Мы решим их дело и спрашиваемся с ними через семь дней. Поэтому в течение времени их приема поставьте им щедро золото из казны.

На эти деньги послы должны были покупать припасы на черном рынке. Вышло около 2000 динаров: продовольствие было баснословно дорого. Пожив в Хлате и разведав что нужно, послы вернулись в Багдад. Джелаль со своей стороны тоже отправил своих представителей ко двору халифа с богатыми подарками, включая диковинку — монгольских коней. Речь идет, конечно, о каких-то быстроходных породах лошадей Семиречья, а не о низкорослых конях собственно Монголии. Султан опасался халифа и пытался обеспечить его нейтралитет.

Одновременно он отправил своего секретаря, будущего мемуариста ан-Насави, к Старцу Горы. Старец должен был выплатить деньги за некоторые города Ирана, которые захватил во время смут. Сумма оценивалась в 30 000 динаров в год. Глава *гашишинов* действительно один раз выплатил эти деньги, еще во время осады Хлата.

Переговоры, на которые отправился ан-Насави, завершились, однако, ничем. Старец Горы отказывался выплатить деньги немедленно, но обещал возобновить выплаты впоследствии.

Позднее ан-Насави утверждал, что Старец, вместо того чтобы собрать деньги, пригласил монголов для захвата Ирана. Фигурирует тайное письмо, направленное монгольскому хагану Угэдэю. В нем говорилось, что Джелаль укрепил, захватил Иран и Армению, наполнилось, что он не хочет мириться с монголами, и высказывалась мысль, что в очень скором времени Джелаль попытается отвоевать Мавераннахр и Хорезм. Удобно было бы нанести по его владениям упреждающий удар.

Для авантюрного романа сюжет с письмом — блестящий ход. При дворе хагана встревожились и приняли решение направить в Иран 40 000 бойцов для уничтожения хорезмшаха Джелаль эд-Дина.

А может быть, тайные переговоры между Старцем и хаганом — плод воображения ан-Насави. Ясно лишь одно: на востоке хорезмийской державы сгущались тучи и собиралась гроза. Скоро там засверкают молнии и раздастся гром новой войны — последней для хорезмшаха.

Весь ужас ситуации был еще и в том, что в это же время тучи стали сгущаться на западе.

8. ГРОЗА С ЗАПАДА

Джелаль эд-Дин не оставлял намерений захватить города и крепости Шахармении, оставшиеся непокоренными. Он готовился осадить Манцикерт. Этот небольшой город прославился тем, что в 1071 году здесь навсегда закатилась звезда Византии. Войска православной империи потерпели тяжелое поражение от войск турок-сельджуков.

Армия хорезмшаха уже выступила к Манцикерту, когда к Джелалю примчался Джеханшах Сельджук — правитель Эрзерума. Он сообщил тревожную весть. Пока хорезмшах отстраивал Хлат и производил перегруппировку войск, против него сложился союз западных государей. Сирийский Мелик-Адраф и «римский» Кей-Кубад позабыли о давней вражде. Напуганные падением Хлата, они заключили союз против Джелаль эд-Дина.

Джиханшах заверил Джелала в своей верности. Он рассчитывал, что победоносные хорезмийцы сокрушат врага. В этом случае можно будет воссесть на трон «Римского» султаната. Стали обсуждать конкретные действия.

Джиханшах сказал:

— Будет разумнее, если начать до того, как они соберутся. Нужно наступать против каждого из них в отдельности еще до того, как они будут готовы.

Султан одобрил его мнение. Договорились, что Джеханшах уедет в Эрзерум и подготовит войска. А султан подойдет через пять дней. После этого союзники выступают против Кей-Кубада. Затем встретят сирийцев и разобьют их. План был великолепен. Теперь всё зависело от быстроты действий хорезмшаха.

«Султан через своих *чаушей* (послов) и *пехлеванов* (богатырей) передал красные стрелы эмирам войск, — пишет ан-Насави и поясняет: — Это был у них знак готовности, и султан приказал им собираться».

И вдруг всё рухнуло. Хорезмшах заболел. Болезнь протекала очень тяжело. Чем он хворал, неизвестно. Была ли это дизентерия? Болезнь почек (ведь даже в юности хорезмшах страдал от каких-то коликов во время пребывания в Газне)? Или мы имеем дело с алкоголизмом? Джелаль, как и многие восточные правители, совершал обильные возлияния в компании со своими дружинниками, а потом не мог передвигаться? Так или иначе, султан совсем слег и даже на некоторое время потерял надежду на выздоровление. Вся придворная деятельность оказалась парализованной. Армия простаивала без дела, теряя боеспособность. Придворные со дня на день ожидали рокового известия. «Эмиры и ханы ежедневно, согласно этикету, собирались у его дверей, — вспоминает ан-Насави, — и были готовы рассеяться в [разные] стороны государства». Это еще раз говорит об эфемерности завоеваний хорезмшаха.

От правителя Эрзерума — Джеханшаха — приходило письмо за письмом. Перепуганный правитель побуждал султана выступить и сообщал о продвижении войск противника. «Однако султан был не в состоянии читать эти письма и вникать в них», — замечает ан-Насави. Болезнь продолжалась несколько недель. Этого времени оказалось достаточно, чтобы сирийская армия Мелик-Ашрафа соединилась с турецким войском Кей-Кубада.

В конце концов Джелаль пошел на поправку и выступил в поход. Но всё как-то не клеилось. Хорезмшах чувствовал усталость, не мог заставить людей подчиняться, как прежде. Упускал детали. Разведка и снабжение были организованы плохо. Тут бы и договориться

с врагами. Отдать им часть территорий, предстать жертвой в глазах всего мусульманского мира и выиграть время... Но логика событий влекла Джелала к тяжелым поражениям и гибели.

На сей раз он наткнулся на достойного противника. Войско врага было многочисленно, а вожди — опытные и хитры. Кей-Кубад решил лично разведать силы хорезмшаха. Однажды ночью переоделся и с группой *аскеров* кружным путем добрался до войск Джелала и пристал к ним. Хорезмийские эмиры стали выяснять, кто они такие. Кей-Кубад и его спутники ничуть не смутились и начали пространный рассказ:

— Мы из числа тюрок этой страны и живем в горных округах Эрзерума. Наши предки жили на берегах реки Джейхун. Вот уже несколько лет султан Кей-Кубад перестал с нами знаться и поставил нас в затруднительное положение. Мы постоянно ждем прихода войск Хорезма, с помощью которых мы, может быть, сумеем спастись от притеснений Кей-Кубада.

Об этом сообщили хорезмшаху. Джелаль обрадовался и счел сие хорошим предзнаменованием. Распорядился угостить пришельцев обедом. Устроили трапезу. Вокруг султана расселись эмиры, *везиры*, придворные и вельможи. Ввели гостей. Они раскланялись и перезнакомились со всеми, кто был на приеме. Хорезмшах одарил «тюрок этой страны» почетными одеждами и обнадеежил обещаниями. Затем Кей-Кубад, никем не признанный, вернулся к себе.

Сирийцы и турки соединились в городе Сивас на востоке Малой Азии (в византийские времена этот город назывался Севастия). Отдохнув и пополнив припасы, выступили на город Эрзинджан по долине Западного Евфрата. С востока им навстречу двигались по этой же дороге войска хорезмшаха.

9. БИТВА У ЭРЗИНДЖАНА

Диспозицию войск подробнее, чем обычно, описывает ан-Насави, что случается с этим мастером делопроизводства и канцелярских интриг довольно редко. Зато мы можем восстановить ход событий.

Шараф ал-Мульк со своими *мамлюками* и с полками, приведенными из Персидского Ирака, остался у Манцикерта, охраняя тылы хорезмийцев и занимаясь снабжением. Еще один полководец Джелалая, Тегин-мелик, с несколькими отрядами прикрывал Шахармению со стороны Беркри. Султан с главными силами двигался быстрыми переходами в направлении Эрзинджана. В авангарде он послал Утур-хана с двумя тысячами всадников.

Джелаль надеялся, что монгольский, то есть высокоманевренный, способ ведения войны принесет ему удачу. Поначалу так и произошло. У города Йассы-Чамана хорезмийцы наткнулись на передовой полк противника. Это были воины Эрзинджана. Собственно, битва завязалась в окрестностях этого города. Хорезмийцев было всего 700 человек. Противостоявших им турок — 3000. «Румийцы обратились в бегство и были перебиты», — пишет ан-Насави об этом сражении. Возможно, *аскеры* Хорезма не принимали ближнего боя и расстреливали турок из луков, чем вызвали панику. Исход битвы вдохновил Джелаль эд-Дина и его воинов на новые подвиги. Увы, хорошо обученных воинов в армии хорезмшаха было немного, да и организация войска оставляла желать лучшего.

Однако Кей-Кубад впал в отчаяние. «Душа его и руки совсем ослабели, и он решил вернуться», — утверждает ан-Насави.

В намерения турецкого султана входила защита горных проходов, прикрывающих дорогу в центр Малой Азии. Он отказывался от активных действий и отдавал стратегическую инициативу в руки врага. Это означало бы верное поражение. Однако турецкие эмиры «укрепили его дух, проявляя стойкость». Они уговорили владыку Рума перейти в наступление против хорезмийцев. Кей-Кубад принял предложение и согласился дать битву. Никто не ожидал, что она начнется уже вскоре. Однако Джелаль эд-Дин быстро наступал и вышел на передовые позиции противника. Турок и сирийцев застигли врасплох. Впоследствии они признавали, что если бы хорезмийцы напали сразу, то сельджуки и сирийцы показали бы тыл. Однако хорезмийские войска подходили по частям, отдельными подраз-

делениями, и Джелаль эд-Дин побоялся бросить их в сражение прямо с марша. Он подождал, пока соберутся все полки, после чего выстроил их для боя.

Турки и сирийцы тоже построились. Хорезмшах «был поражен, увидев такое большое количество войск и в особенности когда он увидел сирийские войска: их красота, оружие и кони наполнили его сердце страхом». Так пишет ибн ал-Асир.

Турок участвовало в том сражении 20 000. Сирийцы привели 5000 воинов. «Это были прекрасные, храбрые, испытанные в боях войска, хорошо вооруженные и на резвых арабских конях», — утверждает ибн ал-Асир. Сирийцами командовал курд Омар, «отличавшийся в высокой степени храбростью, прекрасными качествами и благородным нравом». Турками предводительствовал лично Кей-Кубад. Хорезмшах располагал меньшим количеством войск. У него было тысяч пятнадцать *аскеро*в или чуть больше. Это всё, что осталось от мифических полчищ его отца, списочный состав которых достигал 400 000 воинов.

Грянула битва. Она была быстрой, но упорной. Подробного описания нет, а в общих чертах о ней пишут два автора — ибн ал-Асир и ан-Насави. Сражение произошло 10 августа 1230 года.

Турки выстроились по фронту. В тылу у них находился курд Омар с сирийским резервом из отборных *гулямов*.

Хорезмийцы атаковали противника, надеясь опрокинуть его. Поначалу атака увенчалась успехом. Правое крыло войск Джелалья одержало верх над левым крылом неприятеля и захватило холм, который господствовал над местностью. Атакой командовал сам хорезмшах. Однако на помощь отступающему левому крылу союзников выступил резерв — отряд сирийцев под началом Омара, который нанес страшный удар в тыл наступавшего врага. Омар заставил правое крыло султанских войск отступить с холма и отбросил в долину. Джелаль пытался вернуть отступавших солдат, но тщетно. «Атаки на них продолжались, — вспоминает ан-Насави, — они не устояли и побежали, как стадо антилоп, напуганных всадниками и наткнувшихся на хищных волков».

Омар не верил глазам. И это — победоносные хорезмийцы, внушавшие страх? Бегство, преследование побежденных и резня продолжались целый день до заката. «Поражение было полным, а добыча поступала непрерывно, — рапортует ан-Насави. — Войска не прекращали преследования отступающих, копья продолжали добиваться своего, а мечи охлаждали свой пыл в глухих местах, где не было водруженных знамен, куда не ступали ни ноги, ни копыта».

В плен попали некоторые хорезмийские военачальники. Кей-Кубад без церемоний велел отрубить им головы. Среди пленных оказался Джеханшах — правитель Эрзерума и двоюродный брат Кей-Кубада. Его окружили враги, и Джеханшах сложил оружие. Турецкий султан велел заковать своего пленного кузена в цепи и везти на муле в столицу «Римского» султаната. Там Джеханшаха предали казни. «Он был убит несправедливо и похоронен как заслуживающий милосердия», — пишет ан-Насави.

А что Джелаль? «Его люди разделились и разбежались в разные стороны, — говорит ибн ал-Асир, — а сам он вернулся в Хлат и, захватив, кого он там нашел из своих, ушел в Азербайджан и остановился у города Хоя». Иначе сказать, бежал не оглядываясь.

10. ТЕБРИЗСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Казалось, султанат Джелаль эд-Дина Менгбурны находится на краю пропасти. Но скоро выяснилось, что не всё так плохо. Разгромленного султана никто не преследовал. Противники только ограничились разделом его армянских владений. Кей-Кубад занял Эрзерум, а сирийцы вошли в развалины Хлата.

Ибн ал-Асир рисует бегство хорезмшаха крайне схематично. На самом деле Джелаль успел по дороге собрать остатки своих сил для отступления. Первым делом он отошел к Манцикерту, который в это время безуспешно осаждал Шараф ал-Мульк. По приказу султана Шараф снял осаду, и они вместе отступили в Хлат. Здесь хорезмшах забрал свои сокровища, а то, что не мог увезти, сжег. Лишь после этого приказал возвращаться в Азербайджан. Но вот

тут-то произошли неприглядные вещи. Военачальники стали ему изменять, а многие солдаты дезертировали.

Если бы сирийцы или турки начали наступление, дни Джелала были бы сочтены. Однако случайные союзники не доверяли друг другу. Их вражда не исчезла. Она просто отошла на второй план для того, чтобы отразить наступление зарвавшихся хорезмийцев. Поэтому Джелала никто не преследовал.

Более того. Мелик-Ашраф затеял дипломатическую переписку с везиром Шараф ал-Мульком. *«Поистине твой султан — султан ислама и мусульман, их опора, преграда и стена между ними и татарами... — писал сирийский правитель. — Почему ты не призовешь его к согласию... что устранило бы причину неприязни и стерло бы клеймо розни».*

Шараф ал-Мульк передал это послание хорезмшаху. Джелаль дал знать Мелик-Ашрафу, что готов пойти на уступки. Сирийский правитель немедленно отправил посла уже к самому султану для завершения переговоров. Послом был некто Шамс из Тикрита. Он приехал в Тебриз, где обретался хорезмшах. После коротких консультаций заключили соглашение. Джелаль эд-Дин поклялся, что не имеет претензий на Хлат и Шахармению. После этого Шамс потребовал такой же клятвы относительно турок. Хорезмшах должен был пообещать, что не станет воевать с Кей-Кубадом и не покушается на Эрзерум.

Тут возникла заминка. Джелаль неожиданно воспротивился и отказался принести клятву. Прошел месяц. Султан продолжал упорствовать, говоря:

— Я уже дал вам клятву во всём, чего вы хотели. И не стойте больше между мной и Кей-Кубадом — султаном Рума.

Посол настаивал, Джелаль эд-Дин отказывался и затягивал дело, надеясь непонятно на что. Тут случилось страшное. С востока пришли вести, что крупная монгольская армия появилась в Заречье, форсировала Джейхун и вторглась в Иран. Война между монголами и хорезмийцами возобновилась. Впрочем, она и не прекращалась. Ведь в свое время Джелаль отказался заключить формальный мир-

ный договор. Теперь его страну наводнили восточные христиане с раскосыми глазами.

Появление монголов сразу сделало султана уступчивым на переговорах с Шамсом. Джелаль принес клятву Кей-Кубаду. Однако после этого начались новые недоразумения с Мелик-Ашрафом. Последний требовал себе крепость Сурмари в Азербайджане. Джелаль полагал, что крепость принадлежит ему.

Сурмари — ворота в Азербайджан. Завладев крепостью, сирийцы могли беспрепятственно вмешиваться в азербайджанские дела. Хорезмшах после некоторых колебаний сдался. Он согласился уступить при условии, что лично издаст указ о передаче Сурмари на имя Мелик-Ашрафа. То есть оформит это как добровольный подарок, чтобы не потерять лицо. Сирийский посол вполне удовлетворился этим. Подписали мир, вежливый дипломат поцеловал землю перед султаном Джелаль эд-Дином в знак того, что признает хорезмшаха законным повелителем иранских земель. Джелаль вступил в клуб «великих держав» Востока. Правда, ненадолго.

Глава 4 ПОСЛЕДНИЙ ГОД ХОРЕЗМШАХА

1. ВТОРЖЕНИЕ МОНГОЛОВ

Беда не приходит одна. Почти сразу после несчастной битвы при Эрзинджане Джелаль узнал о поражении своих войск в Индии. Уходя из этой страны, он назначил наместником Пенджаба одного из своих военачальников, Узбека Таи. Его правление продолжалось до тех пор, пока против Узбека не выступили войска делийского султана Ильтутмышша. Последний разгромил хорезмийские войска в Пенджабе.

Узбек Таи кое-как добрался до Ирана. Уцелело всего 700 всадников, «которых смерть пощадила, а война извергла, не поглотив». Узбеку послали 20 000 динаров на восстановление войск. Джелаль

приказал ему оставить отряд на отдыхе в Персидском Ираке и навестовать новых солдат. Правда, отдыха не получилось. Монгольские отряды вторглись в Хорасан. Дружина Таи вступила в сражения и была рассеяна.

В своем сочинении ан-Насави сперва выдвинул версию, что монголы напали на Иран по приглашению Старца Горы. Однако несколькими параграфами позже он пишет, что «проклятые» вторглись потому, что услышали о поражении султанских войск в битве при Эрзинджане, что сомнительно.

В Иране наступила неразбериха. Войска дезертировали, крестьяне бежали. Кругом создавались банды, которые устраивали засады и грабили путников. Словом, империя хорезмшахов по-прежнему являлась колоссом на глиняных ногах. Достаточно было сильного толчка, чтобы она рассыпалась.

Везиром Персидского Ирака оставался иранец Шараф эд-Дин. Узнав о вторжении монголов, он поспешил в Рей, чтобы организовать оборону этого города и не допустить врага в иракские земли. «Однако татары опередили его, — пишет ан-Насави, — и напали ночью на Рей. И он оседлал плечи ночи и бежал, словно перепуганный страус, направляясь в Исфahan».

Похожее настроение было у многих иранцев. В эффективность сопротивления никто не верил. Откуда такой пессимизм? Ведь монголов было всего 40 000, а не сто и не четыреста. Однако вспомним, что численность армии Джелал эд-Дина в битве под Эрзинджаном не превышала 15 000—18 000 *аскеров*. Половина из этого числа погибла или рассеялась. А ведь это были лучшие части. Заменить их некем.

Правда, можно вспомнить, что какое-то количество воинов хорезмшах распустил по домам. В основном это были иранцы. Допустим, он мог набрать еще 10 000—15 000 солдат в полевую армию. Столько же воинов или немногим больше служило в гарнизонах. Но в открытом сражении толку от них было мало. Да и в

полевую армию люди записываться не спешили. А военачальники отсиживались с отрядами по своим замкам. Джелаль увидел, что его наличные силы невелики и значительно уступают монголам по численности. Воевать было некому.

Хорезмшах избрал своей базой Тебриз. Это означало, что город станет жертвой монголов. До этого Тебризу дважды удавалось избежать монгольского разгрома. Но теперь везению пришел конец. Хорезмшахи были неспособны договориться с врагом и уберечь своих подданных от гибели. В свое время это блестяще продемонстрировал отец Джелала Мухаммед. Теперь пришла очередь сына. В городе возникла паника. Джелаль не замечал ее. Он пытался собрать войска для сопротивления.

«Султан отрядил одного из своих *пехлеванов*, Йилан-Бугу, в Ирак для сбора сведений о татарах», — пишет ан-Насави. Буга выехал в разведку всего с четырнадцатью людьми.

Где-то под Зенджаном хорезмийские разведчики встретили монгольский отряд. Зенджан — город на подступах к Азербайджану. Это означает, что монголы двигались стремительно. Во всяком случае, гораздо быстрее, чем Джелаль эд-Дин мог собраться с силами.

Монгольской армией вторжения командовал *ноян* Чормаган. Этот человек происходил из племени *сунит* и долгое время служил Чингисхану в качестве телохранителя — *хишигтэна*. Последние набирались из числа способных людей независимо от происхождения и часто делали хорошую карьеру. Чормаган был выбран по той причине, что симпатизировал христианам. Поэтому он мог опереться на христианское население Кавказа, пострадавшее от набегов Джелала.

Приказ хагана Угэдэя был такой: уничтожить Джелаль эд-Дина, а затем остаться в Иране для постоянной службы.

2. БЕГСТВО

Хорезмшах не был готов к войне. Он полагал, что монголы проведут зиму в Хорасане или Персидском Ираке и пойдут на Азербайджан только весной следующего, 1231 года. «Но он тешил себя

ложной надеждой и несбыточными предложениями», — вздыхает ан-Насави. Однако нужно было что-то делать. В Муганской степи кочевали туркмены, а также располагались на зимних квартирах хорезмийские отряды. Туда и направился Джелаль эд-Дин. Тебриз был им брошен на произвол судьбы вместе с личным гаремом и *везиром* Шарафом. Враг дышал в спину.

Ан-Насави замечал, что тридцатилетний хорезмшах иногда плачет тайком ото всех. «Казалось, султан предчувствовал, что его власть падет, и сам предвидел свою гибель. Он думал о расставании с семьей и близкими, о том, что он больше не увидится с ними, что оставил их под открытым небом, беззащитных перед врагами».

Достигли какого-то села к югу от Аракса. Султан сошел с коня и позволил себе короткий отдых. В это время примчался гонец от правителя Зенджана: привез письмо. Чтобы прочесть его, Джелаль призвал к себе ан-Насави, ибо по-персидски читать не умел. Секретарь увидел следующее: *«Татары, которые столкнулись с Йилан-Бугой под Зенджаном, уже прибыли. Их семьсот всадников»*.

Султан даже обрадовался этому известию. Всего семьсот! Он сказал:

— Ясно, что этот отряд был послан только для овладения Зенджаном, чтобы закрепиться в нем.

Ан-Насави заметил, что эта группа — авангард татар, а большая часть войска следует за ним, «но это замечание не понравилось ему». Хорезмшах недовольно заметил: ,

— Татары послали бы в нашу сторону авангард числом не семьсот, а семь тысяч всадников.

«Но не время было тогда спорить с султаном об истинном положении [дел], — считает ан-Насави. — Надо было с ним говорить только о том, что облегчило бы тревогу его сердца».

Наконец хорезмшах прибыл в Мугань. Он застал свои войска разрозненными — часть находилась в Муганской степи, другие выбрали для зимовки Ширван, а некоторые добрались до грузинских земель. Султан разослал за ними *пехлеванов* со стрелами, обозначавшими сигнал сбора и вызова.

Настроение его улучшилось. Султан выезжал на охоту и выпивал в обществе приближенных. Он приказал ан-Насави составить приказы начальникам вооруженных сил Хорасана и Мазандерана, чтобы те выслали разведку и докладывали обо всех передвижениях монголов. Разведчиков надлежало обеспечить лучшими лошадьми. При первых же известиях о монголах эти люди должны были мчаться к Джелаль эд-Дину и доложить обо всём.

Приказ сочинили буквально на ходу. Ан-Насави быстро записал речи султана и оформил документы надлежащим образом. Хорезмшах подписал. Тем самым он рассчитывал, что вполне обезопасил себя. Мол, если что, разведка не дремлет. Однако султан ошибался. Власть его была уже не та, что прежде. Военные и пальцем не шевельнули для того, чтобы организовать разведку. Каждый думал лишь о себе. Последствия этой беспечности были ужасны.

Монголы появлялись неожиданно, обходили иранские крепости и нападали на войска хорезмийцев до того, как они собрались. Часть хорезмийских полков оказалась разбита на марше, другая часть разбежалась, а сам Джелаль в этот критический миг остался без войск.

3. ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ

Джелаль ждал подхода своих *аскеров*, а сам занимался охотой. Он пребывал в полной уверенности, что находится в безопасности. При нем оставались немногие придворные и тысяча личных гвардейцев.

Однажды ночью он остановился близ Ширкабута — крепости на холме в Мугани, неподалеку от реки Аракс. Среди рабов хорезмшаха находился пленный монгол. Джелаль испугался, как бы тот не сбежал к своим, поэтому решил запереть его в каземате. Вместе с монголом в Ширкабут отправился ан-Насави. Султан приказал:

— Поднимись с этим пленником в крепость, закуй его в оковы и передай коменданту.

Ан-Насави выполнил этот приказ, но уже наступили сумерки, и он остался ночевать в укреплении. С ним было трое слуг. Остальные спутники и имущество секретаря (лошади, шатры, деньги) — всё осталось в лагере.

Ночью со стороны лагеря донесся какой-то шум, но этому не придали значения.

Когда наступило утро, ан-Насави вознамерился вернуться на службу, однако обнаружил неприятные вещи. Все шатры военного лагеря, раскинувшегося под стенами крепости, были пусты, «вещи разбросаны, гепарды привязаны, а соколы закрыты в клетках».

Душа у секретаря ушла в пятки. «Тогда я понял, — рассказывает он, — что произошло то, чего мы опасались: султан подвергся нападению ночью, и я не знал, уцелел ли он».

Ан-Насави начал розыски. Добрался до султанского канала, отведенного из реки Аракс. Через него был перекинут мост. На мосту застал туркмен, которые гнали стада овец. Ждать, пока они переправятся, секретарь не захотел и направил коня в реку. Перемахнув ее, ан-Насави прибыл к Байлакану. Здесь узнал, что в городе находится Шараф ал-Мульк, а с ним султанский гарем и казна. Все они бежали из Тебриза. Однако с Шарафом секретарь решил не встречаться. Неизвестно было, спасся ли Джелаль эд-Дин. Если нет — Шараф мог запросто казнить ан-Насави, припомнив былую неприязнь.

Секретарь покинул город и помчался в шумную Гянджу, не останавливаясь ни днем ни ночью.

Вскоре по стране поползли слухи, что Шараф ал-Мульк задумал переворот. Ввиду того что о Джелале не было никаких вестей, *везир* думал провозгласить правителем себя самого. Он «покусился на гарем султана» и на его казну, говорит Рашид эд-Дин в «Сборнике летописей». Об этом же свидетельствует и ан-Насави. Правда, между авторами имеется существенное расхождение. Рашид утверждает, что *везира* оклеветали. Ан-Насави, напротив, свидетельствует, что все обвинения — чистая правда. «Он поднял открытый мятеж, — говорит ан-Насави о *везире*, — когда разгорелись угли

татарского набега и положение татар укрепились. Шараф ал-Мулк стал требовать у них (чинов *дивана*) денег, и их сдавали в колодках, подвергали мучениям». Очень скоро это привело Шараф ал-Мулька к большим неприятностям. Но покамест хорезмийцы терпели все его выходки, тем более что о судьбе Джелаль эд-Дина никто ничего не знал.

Как уже понял читатель, ночью на хорезмшаха напали монголы. Это был небольшой отряд, посланный Чормаганом в разведку. Однако первый удар монголов пришелся в пустоту. Той ночью Джелаль эд-Дин бежал и обманул преследователей.

Монголы-разведчики вернулись к Чормагану ни с чем. Суровый *ноян* отругал их за нерадивость и отправил в новый поход, но за это время хорезмшах получил передышку.

Джелаль отправился на север, в сторону Аррана. Однако монголы тотчас возобновили преследование. Хорезмшах приблизился к горной крепости Хайзан, которая представляла собой пещеру на высокой скале. К своему удивлению, он обнаружил, что в Хайзане заперся его собственный *везир* Шараф ал-Мулк с частью войск и сокровищ. *Везир* отказал хорезмшаху в повиновении и поднял бунт.

Хорезмшах был потрясен и вознамерился наказать предателя.

Хорезмшах обложил пещерную крепость со всех сторон, и стало ясно, что она обречена. Поразмыв, Шараф ал-Мулк спустился из крепости. «Когда он спустился, — наслаждается ан-Насави падением своего врага, — султан вопреки обычаю напоил его вином: ведь их (хорезмшахов) *везиры* хотя и пили, но не в обществе султана». Второсортный таджик Шараф ал-Мулк подумал, что возвысил свой статус. «Но тот, кто имел надлежащий опыт, знал, что он больше не будет его *везиром*».

В это время в Тебризе едва не произошел переворот. Началось с того, что туда вернулся из Багдада самый авторитетный в городе человек — Шамс эд-Дин Тутраи. Он был восторженно принят местным населением и начал создавать параллельные органы власти. Выяснилось, что хорезмийцев никто не любит.

Простонародье Тебриза взбунтовалось и вздумало вырезать тюркский гарнизон, «чтобы ублаготворить татар и спасти себя от [их] ненависти и злобы». Повстанцы обратились за поддержкой к Туграи как авторитетному человеку. Однако тот внезапно стал на сторону хорезмийцев и не позволил пролиться большой крови. Даже когда толпа убила одного хорезмийского *аскера*, известного своими бесчинствами, Туграи приказал отрубить головы двум простолюдинам, замешанным в убийстве.

Позиция понятна. Он не хотел иметь ничего общего с чернью, ведь его семья принадлежала к числу потомственных чиновников, а значит, обладала богатством.

Авторитет Туграи был велик. Часть населения Тебриза признала его своим лидером. Бунт в азербайджанской столице утих. Туграи вступил в переписку с Джелаль эд-Дином и заверил в своей преданности.

В то же время партия черни выдвинула своего правителя. Силы двух партий были равны, но никто не хотел рисковать и начать междоусобную резню. Фактически Тебриз превратился в самостоятельный город-государство, лишь формально подчиняясь султану.

Тем временем главные силы монголов захватывали Персидский Ирак. Войска Чормагана взяли Рей и Хамадан. Хорасан, лежавший в руинах из-за постоянных набегов, тоже перешел к монголам. Правитель Кермана Барак-*хаджиб* переметнулся на их сторону и заслужил прозвище Кутлуг-хан (Счастливец). *Атабеки* Фарса и Лура выразили монголам покорность.

Так Джелаль в один миг оказался без войск и без территории. У него в подчинении оставался только Арран. Границы последнего он, впрочем, значительно расширил после разгрома Грузинского царства.

Сам Джелаль был болен, измотан и уже не имел сил для того, чтобы начать всё сначала, как десять лет назад. Этот могучий и хорошо подготовленный для военного дела человек превратился в хнычущего, спивающегося и больного неудачника.

Помутнение разума хорезмшах демонстрировал каждый день. Ибн ал-Асир приводит странную историю о смерти одного из

евнухов Джелала. Евнуха звали Кылыч. Хорезмшах его «безумно любил». Кылыч неожиданно скончался, когда султан стоял в нескольких переходах от Тебриза. По случаю смерти фаворита Джелаль эд-Дин «выказал совершенно неслыханные даже в рассказе о Меджнуне и Лейле горе и печаль». Как известно, Лейла и Меджнун были на мусульманском Востоке символом великой любви...

По случаю кончины любимца Джелаль эд-Дин приказал *аскерам* и военачальникам идти пешком в похоронной процессии, «и они всю дорогу шли пешком». Он и сам часть дороги преодолел пешим порядком, скорбя и стная, «пока его военачальники и его *везир* не заставили его сесть на коня, и это несмотря на то, что между тем местом, где умер слуга, и между Тебризом расстояние было в несколько фарсахов». Фарсах — персидская мера длины, около пяти километров.

Когда процессия подошла к Тебризу, хорезмшах послал его жителям приказ выйти из города — встречать гроб. Те вышли. Но султан поставил им в вину, что они недалеко ушли, не обнаружили печали и плакали исключительно из вежливости. «Поэтому он хотел из-за этого наказать их, но за них заступились его военачальники, и он их не тронул», — пишет ибн ал-Асир.

Дойдя до могилы, Джелаль вдруг понял, что не сможет расстаться с телом Кылыча. «Он не похоронил того евнуха, а брал его тело с собой, куда бы он ни ходил». Султан бил себя по лицу, плакал, отказывался есть и пить. Иной раз, когда подавали ему пищу, Джелаль говорил, рыдая:

— Подайте из этого Кылычу!

Никто не смел сказать ему, что Кылыч умер, «так как, когда однажды кто-то сказал ему, что евнух умер, он его убил», — свидетельствует ибн ал-Асир. Мертвому евнуху относили пищу, а затем докладывали Джелаль эд-Дину:

— Он целует прах земли и говорит, что ему теперь лучше, чем раньше.

Царедворцы лстили хорезмшаху и готовы были терпеть любой каприз, лишь бы получать должности и награды. Зато тюркские вояки стали проявлять недовольство. Многие дезертировали.

4. СТРАНА В ОГНЕ

Ан-Насави пытался укрыться от монголов в Гяндже. Он провел в этом городе целых три месяца, пока не началась зима. Подходил к концу 1230 год. Секретарь узнал, что Джелаль жив и чудит в Азербайджане. Секретарь хотел ехать на службу, но сделать это не смог. Азербайджан опять наводнили монгольские отряды.

Ан-Насави решил пробиваться к султану через Арран. В Гяндже буквально за его спиной вспыхнул мятеж. Горожане перебили хорезмийский гарнизон, а головы погибших отправили монголам. Мятеж возглавил ремесленник Бендер. В знак перехода к новой жизни бунтовщики разбили роскошный трон сельджукского султана **Мухаммеда I Тапара (1105—1118)**. Это означало, что они больше не потерпят над собой правителя-тюрка. В городе возникла республика, признавшая власть монголов.

Насави чудом остался жив. Задержись он в Гяндже, его голову повстанцы бы отправили в подарок Чормагану.

Бродили слухи, что Азербайджан восстал и перешел на сторону монголов почти весь, кроме Тебриза. Да и этот город подобен острову в бурном море монгольского нашествия. Говорили, что Джелаль эд-Дин перешел Аракс и прячется в Арране. Ан-Насави отправился на поиски своего государя. Он встретил хорезмшаха в окрестностях крепости Зарис в Арране (сейчас — район города Шуша в Нагорном Карабахе). Секретарь сообщил то, что Джелаль эд-Дин знал и без него: Арран наводнен монголами.

Джелаль был грустен, выглядел устало. Он произнес:

— Мы уже решили, что должны послать в Арран человека, который сможет призвать войска для нас и собрать туркмен. И когда они соберутся, мы направимся в Гянджу, поблизости от нее сразимся с «проклятыми», и тогда судьба повернется либо к нам, либо против нас!

Так и сделали. Вскоре шах находился во главе небольшой, но хорошо оснащенной армии. С нею он укрепился в Байлакане — неподалеку от взбунтовавшейся Гянджи.

Услышав, что Джелаль собрал армию, монгольские отряды отступили в Азербайджан, где уже находились главные силы Чормагана. Последний отправил гонцов к некоторым губернаторам провинций и к самому Джелаль эд-Дину, требуя подчинения и обещая мир.

Монгольский посланник достиг Джелалю у реки Каркар — притока Куры, протекавшего южнее города Агдам. «Посол этот был вероотступник Тахир», — уточняет всё тот же ан-Насави. Что значит «вероотступник» применительно к мусульманину? Лишь то, что этот мусульманин принял христианство.

Джелаль встретил его во главе своей армии, под знаменами, чтобы произвести выгодное впечатление. Ан-Насави начал расспросы. Сколько войск у монголов? Посол сказал:

— Когда Чормаган хотел подготовиться к походу, чтобы встретиться с султаном, он провел в Бухаре смотр своим воинам. Их было двадцать тысяч, а кроме того, большое ополчение.

Численность ополчения была тоже, видимо, 20 000. Всего Чормаган привел 40 000 воинов, о чем говорит и Рашид эд-Дин. Первые 20 000 бойцов пришли из Монголии, а вторая половина армии состояла из кара-китаев и среднеазиатских тюрок.

Джелаль нахмурился и быстро сказал:

— Поспешите его убить, пока наши не услышали о количестве татар, чтобы они не струсили и не разбежались.

Тахир погиб. Тем самым Джелаль подписал себе смертный приговор. Если до этого имелась возможность примириться с монголами на более-менее тяжелых условиях, то теперь выход для хорезмшаха был только один: смерть.

После убийства посла султан направился в крепость Джарбирд, чтобы покончить с Шараф ал-Мульком. Улучив момент перед вечерней молитвой, пятеро убийц вошли в комнату Шарафа. «Когда они вошли к нему и он узнал, что они палачи, — пишет ан-Насави, — он попросил их повременить, пока он совершит омовение и прочтет молитву в два *раката*». Убийцы вышли и вежливо постояли за дверью. Затем вошли вновь.

— Что же ты предпочитаешь — удушение или меч? — хладнокровно спросил один.

Везир ответил:

— Меч лучше!

Они сказали:

— Владык не убивают мечами, и удушение для тебя легче!

— Делайте, что хотите! — махнул рукой Шараф ал-Мульк.

«И они задушили его и вышли, чтобы [тело его] остыло, и они потом вошли отрезать ему голову и отнести султану». Но дело сделали плохо. Когда вошли вновь, то с удивлением увидели, что везир сидит на молитвенном коврике и пришел в себя. Тогда они поняли, что меч и вправду лучше веревки. Шарафу отрубили голову.

После расправы с *везиром* Джелаль стал думать о восстановлении власти хотя бы в пределах Аррана.

Рядом лежала богатая и мятежная Гянджа, народ которой восстал и готов был передаться монголам. Джелаль задумал разграбить Гянджу, а ее богатства раздать *аскерам*, чтобы поднять боевой дух.

Бендер повел часть людей на вылазку. Закипело сражение. Передовой отряд гянджинцев подобрался к ограде сада, где поставил шатер Джелаль, и выпустил несколько стрел. Султан тотчас вскочил на коня и атаковал гянджинцев с отрядом личных *гулямов*. «Всадники смешались с пешими и нападающие с защищающимися».

В воротах возникла давка. На плечах отступавшего противника султан ворвался в город. Началась резня. Затем султан вызвал к себе «знатных и именитых людей» города. Приказал, чтобы «именитые» гянджинцы помогли ему: переписали имена главарей и зачинщиков смуты. Богачи указали имена тридцати человек.

Султан приказал отрубить головы этим вождям восстания у ворот цитадели, «и их тащили за ноги к воротам города и главным местам кварталов». Что касается Бендера, «который особенно усилил смуту и разбил султанский трон... то он был жестоко казнен и его тело было изрублено в куски».

Джелаль пробыл в Гяндже семнадцать дней. С юга приходили тревожные новости о том, что города и крепости Азербайджана

сдаются монголам. Чормаган готовился наступать на Арран. Помириться с ним было уже нельзя: Джелаль неосмотрительно прикончил монгольского посла. Что же делать?

Хорезмшах попросил помощи у недавнего врага — сирийского правителя Мелик-Ашрафа. «Султану это посоветовали Утур-хан и группа трусливых», — находит нужным уточнить ан-Насави. Но монголы надвигались слишком быстро.

Джелаль ушел на запад.

5. РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

Хорезмийские войска отправились в Хлат, чтобы обосноваться там и вступить в переговоры с Мелик-Ашрафом.

Сам Мелик-Ашраф еще в марте 1231 года отделался письмом, в котором сообщал, что скоро вернется в Дамаск, и смутно пообещал Джелалю военную помощь. Обещания так и остались на бумаге.

Наступило лето. Стояла изнуряющая жара. Свита хорезмшаха и его воины стали жаловаться на отсутствие дождей «и на вред, который приносили мухи людям и животным». После короткого совещания приняли решение воспользоваться... волшебными камнями, которые вызывали дождь. Эти артефакты имелись в запасе у хорезмшаха. Манипуляции с камнями султан провел лично. После этого хлынул дождь. Однако Джелаль, видно, переборщил. Дожди пошли днем и ночью; людям это надоело, «и они стали раскаиваться в совершенном колдовстве». К шатру Джелала стало трудно добраться из-за непролазной грязи. Поход прекратился.

Одна из жен хорезмшаха, Дайя-хатун, капризно говорила султану:

— Ты как будто властелин мира, но в вызывании дождя не искусен, ведь ты уже навредил людям обилием дождей. Другие, кроме тебя, вызывали дождь только в необходимом количестве.

Султан оправдывался:

— Дело обстоит не так, как ты думаешь. Это действие — результат старания. Пускай я перестарался, но мое усердие не может сравниться с усердием кого-либо из моих *гулямов*.

Лишь только закончились дожди, как султан отправил 6000 воинов в набег на владения Кей-Кубада. Хорезмийские *аскеры* напали на города Хартберг, Эрзинджан, Малатью и вернулись, отягощенные добычей, «после чего два десятка овец продавали за динар», — вспоминает ан-Насави. Настроение хорезмийских воинов улучшилось, но отношения с Кей-Кубадом испортились окончательно.

Ан-Насави отправился со своей дипломатической миссией в Мардин и Амиду. Она завершилась неудачей. Никто не хотел связываться с Джелалем. Шпионы доставили записку из города Беркри в Шахармении. Сюда прибыли монгольские отряды в погоне за хорезмшахом.

Джелаль приказал одному из военачальников, Утур-хану, увлечь за собой татар, когда те приблизятся, «чтобы они потянулись к логову смерти и пришли к месту раскаяния». Если бы план удался, Джелаль бы отбросил врага. Однако времена побед ушли в никуда.

Воины пали духом, да и сам Утур-хан струсил. Они возвратились обратно к Джелалю, так и не найдя монголов.

Ан-Насави встретил хорезмшаха на дороге, когда тот покинул бесполезную теперь засаду и возвращался к обозам. Султан остановился в городе Хани. Собрал совещание: вызвал к себе ханов, эмиров и придворных. Стали думать о дальнейших действиях.

Джелаль чувствовал себя загнанным зверем. Но он знал, что монголы еще не покорили многие города Персидского Ирака. Не возобновить ли борьбу на этой территории? Требовался головокружительный рейд. Следовало прорваться в Джазиру (Месопотамию), а оттуда — в Арабский Ирак и Хузистан. Через владения халифа Джелаль рассчитывал попасть в Исфahan. Но для этого следовало двигаться налегке.

Договорились бросить обоз в Диярбекире. Воинам и генералам разрешалось оставить при себе только «дорогих им женщин и детей».

Как назло, именно теперь прибыл гонец от правителя Амиды Мелик-Масуда. Посланец привез письмо, «которое содержало

изъявление службы и подчинения». Князек соблазнял султана совместным походом на «Римский» султанат — на Кей-Кубада, которого Джелаль горячо ненавидел.

Предложение выглядело заманчиво. Джелаль ухватился за новую возможность... и этим окончательно погубил себя.

Главная проблема была в снабжении армии. В ней числилось, верно, до 20 000 *аскеров*. Но Джелаль расквартировал их на большой территории, чтобы удобнее добывать пропитание. Монголы сразу заметили, что армия хорезмшаха рассредоточена. Войсковая разведка Чормагана работала безупречно. *Ноян* начал действовать. Его воины провели примерно такую же операцию с Джелаль эд-Дином, как белогвардейцы — с Чапаевым. То есть не стали ввязываться в генеральное сражение, а напали на штаб командира, который находился в отдалении от главных сил. Эта операция требовала филигранной точности. Нужно было пройти между отрядами врага и ударить в центр, чтобы Джелаль не смог уйти. Такую операцию монголы уже пытались повернуть в Арране. Но тогда хорезмшах бежал от врага. Теперь подготовили всё гораздо тщательнее. Ошибки быть не должно. Джелаль ни о чем не подозревал.

6. АВГУСТ 1231 ГОДА

Стояла середина августа (на календаре было 16-е или 17-е число). Джелаль остановился под стенами Амиды, пребывал в хорошем настроении и устроил пирушку. Все историки сходятся на том, что султан в тот роковой день сильно набрался. «Он пил в ту ночь, — делится воспоминаниями ан-Насави, — и опьянел, и у него из-за опьянения закружилась голова и затруднилось дыхание, и [было видно, что] отрезвление наступит только тогда, когда протрубит труба и «будет изведено то, что в могилах» (Коран. С. 9 (9))».

Рашид эд-Дин подхватывает: «Два-три дня все они провели в самообольщении и радости».

Глубокой ночью к пьяному султану пришел туркменский воин и сообщил:

— Я видел на твоей вчерашней стоянке войска, одежда которых не похожа на одежду твоих войск, с конями, большая часть которых серой масти.

Султан не поверил:

— Это выдумка тех, кому не нравится наше пребывание в этой стране.

«И он продолжал наслаждаться всю ночь до рассвета, а утром он и его войска были окружены татарами», — говорит ан-Насави. Рашид уточняет: «Полуночной порой их настигло монгольское войско, а султан спал в совершенном опьянении».

Пока господин веселился и пировал, его секретарь Насави был занят работой. По его собственным словам, он «долго сидел в ту ночь, составляя письма». Позволим усомниться в этом. Скорее всего, чиновник тоже тихонько выпивал в обществе немногих друзей. Наконец его сморил сон. Наутро ан-Насави разбудил *гулям*, закричав:

— Вставай! Наступил Судный день!

Очень похоже, что пьяненький секретарь не сразу понял смысл происходящего. А уразумев размеры опасности, бросился в бегство, позабыв обо всём. «Когда я сел на коня, — сообщает ан-Насави, — то увидел отряд татар, окруживший шатер султана, а он, пьяный, все еще спал».

Но вдруг появился некто «Ур-хан со своим знаменем и воинами». Он напал на монголов, вступил в бой и отогнал врагов от султанского шатра.

Кто такой Ур-хан? Другая транскрипция этого имени — Орхан. Но этот человек погиб. Его убили исмаилиты. Это не описка и не путаница с Утур-ханом, имя которого вроде бы похоже на выше-названное. Потому что ан-Насави описывает действия Ура и Утура как действия двух разных людей в разных местах. Похоже, перед нами — не имя, а титул. Но кто скрывается под именем Ур-хан в 1231 году? Возможно, перед нами старый знакомый — Тимур-

Мелик, который дослужился наконец до «генеральского» чина и обрел новое прозвище. Его дальнейшая биография содержит те же детали, что и биография этого нового мифического «Ур-хана». Он-то и попытался спасти султана.

Несколько слуг вошли в шатер, взяли хорезмшаха под руки и вывели. «Он был в белой рубашке, его усадили на коня и ускакали», — говорит ан-Насави. Перед этим мертвецки пьяный султан пошевелился и сумел произнести несколько приказаний. Вспомнил об одной из своих жен, дочери *атабека* Сада. Джелаль приказал двум своим телохранителям позаботиться о ней и увести женщину в безопасное место. Кроме этих косноязычных пожеланий, никто ничего больше не услышал от Джелаль эд-Дина. *Гулямы* подхватили его пьяную тушу с двух сторон и не давали упасть. После чего стали нахлестывать коней и скрылись за поворотом.

Это был последний раз, когда секретарь видел хорезмшаха.

Скакали без передышки всю ночь. Наутро султан кое-как пришел в себя. Возле него находились верные *гулямы* и Ур-хан. Пришли и другие отряды. Всего — 4000 всадников. Монголов было гораздо больше. Нужно было что-то придумать. Султан приказал Ур-хану с большей частью войск отделиться, чтобы направить врага по ложному следу. Сам Джелаль хотел уйти с небольшой свитой. Ан-Насави полагает, что это была ошибка.

Ур-хан действительно отделился, и за ним бросилась часть монголов. Но остальные продолжали преследовать Джелаль эд-Дина.

Что касается Ур-хана, то монголы в итоге дали ему уйти. К его отряду присоединилось много хорезмийцев. Ур благополучно достиг города Эрбиль в Курдистане. Оттуда направился в Исфahan. Здесь Ур-хан нашел поддержку у местного населения. Он продержался против монголов некоторое время, однако Чормаган бросил на город все свои силы и захватил Исфahan. Ур-хан бежал в Фарс, однако попал под арест. *Атабек* Фарса не захотел ссориться с монголами и заточил хорезмийца в тюрьму. В ней Ур-хан провел несколько лет и получил свободу лишь в 1241 году. К тому времени покорение Ирана монголами закончилось. Хан вернулся в Хорезм, где, по пре-

данию, одноглазый монгол опознал его как Тимур-Мелика. Это был как раз тот монгол, которому Мелик выбил глаз стрелой. Предание гласит, что Тимура казнили, хотя это наверняка домыслы. За прошлые грехи монголы не убивали. Ур-хан/Тимур-Мелик пострадал за что-то другое.

7. ФИНАЛ

А что же сам хорезмшах?

Его ожидала трагическая и нелепая смерть. Когда Джелаль эд-Дин отделился от Ур-хана, он направился к укреплениям Амиды. Монголы шли по пятам. Жители Амиды пребывали в смятении. Они думали, что «хорезмийцы хотят поступить с ними вероломно». То есть ворваться в город и разграбить его. «Поэтому, — пишет ан-Насави, — они стали биться с султаном, бросали в него камни и прогнали его прочь». Может быть, просто не хотели сталкиваться с монголами и навлекать на себя гнев хагана бессмысленным сопротивлением. Поэтому предпочли отказать в поддержке Джелаль эд-Дину, чем подвергнуть себя опасности.

В этот момент хорезмшах осознал, насколько серьезно его положение. Он прекратил попытки войти в Амиду и поскакал по дороге, ведущей влево от города. К нему присоединилось около сотни всадников «из числа верных людей». Это значит, что армия была полностью рассеяна и деморализована. По всем дорогам и тропам двигались обезумевшие хорезмийцы, лишённые единого командования. Джелаль потерпел поражение, даже не проиграв решающей битвы.

«Затем, — пишет ан-Насави, — страх забросил его вместе с ними (воинами) к границам Джазиры, где были укрепленные проходы, но ему воспрепятствовали пройти туда, а те, кто жаждал [схватить султана], уже ожидали его в ущельях». Некоторых из монголов судьба забросила на границу Персидского Ирака. Их убил военный губернатор Хамадана Сарир-мелик. Это важное свидетельство еще раз говорит о странности ситуации. Крупные города Персидского

Ирака всё еще принадлежали хорезмшаху. Монголы просто совершили глубокий рейд, чтобы уничтожить Джелаль эд-Дина. Его государство и армия оказались настолько слабы, что не смогли противостоять этому рейду.

Бегство продолжалось некоторое время. Наконец от погони удалось оторваться. Что делать дальше?

Один из придворных посоветовал возвратиться назад:

— Самый безопасный путь сегодня — это путь, по которому к нам шли татары.

И предложил идти в лежащий неподалеку Майяфарикин. Джелаль действительно вернулся. Хорезмшах добрался до одного из селений и остановился на току, а коней отпустил пастись, чтобы дать им отдых. В это время некоторые военачальники оставили его из-за трусости и малодушия.

Джелаль остался почти один, «и ночь укрыла его от всех врагов, пока на заре опять не появились татары», — пишет ан-Насави. Увидев врага, хорезмшах вскочил в седло. Большая часть его отряда не успела сесть на коней и была перебита. Остальные разбежались или пытались прикрыть бегство султана и погибли в схватке с монголами. Петля смерти словно затягивалась вокруг горла Джелаль эд-Дина.

Несколько человек «проклятые монголы» захватили в плен. Пленники рассказали, что за добыча была упущена: сам Джелаль эд-Дин! «Проклятые» тотчас отрядили погоню — пятнадцать всадников. Двое из них догнали Джелалья, но он убил их, а остальные отстали и вернулись.

Оторвавшись от погони, султан поднялся на гору, «где курды стерегли дороги с целью захвата добычи». Они выследили Джелалья и напали на него.

В горных районах Загроса и Кавказа многие курды кочевали сами по себе и не подчинялись вообще никому. Эйюбиды, сами принадлежавшие к этому племени, любили вербовать курдов в свою армию. Для хорезмшаха встреча с этими бандитами стала роковой. «Они, по своему обычаю, поймали султана и ограбили, как они

делали это и с другими захваченными ими [людьми]», — пишет ан-Насави. Хотели убить. Тогда хорезмшах по секрету сказал их вожаку:

— Я в самом деле султан, и не спешу решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к Мелик-Музаффару, и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо мою страну — и ты станешь князем.

Глаза у вожака курдов алчно засверкали. Он согласился спасти хорезмшаха. Каждый знал, что в это смутное время люди могут сделать карьеру самым причудливым образом. Сказки «Тысячи и одной ночи» становились реальностью.

Атаман курдской шайки отвел Джелаль эд-Дина в селение Айң Дар, располагавшееся близ Майяфарикиңа. Курд «оставил его у своей жены, а сам пошел в горы, чтобы привести лошадей», — рассказывает ан-Насави.

Казалось, хорезмшах выпутался из передраги. Но... Обратимся снова к рассказу секретаря. «Во время отсутствия этого человека (атамана шайки) вдруг появился презренный негодяй — курд с копьем в руке». Он вошел к жене атамана и поинтересовался, глядя на Джелаль эд-Дина:

— Что это за хорезмиец? Почему вы его не убили?

Женщина ответила:

— Об убийстве нечего говорить, мой муж пошадил его, узнав, что он султан.

Курд рассмеялся:

— Как вы поверили ему, что он султан? У меня в Хлате погиб брат, который лучше его.

И он ударил Джелалю «копьем так, что другого удара не потребовалось, и отправил его душу в вечный мир». Как и следовало ожидать, ан-Насави разразился по этому поводу причитаниями, которые можно привести, чтобы развлечь читателя. «Так злодей пренебрег правом своего предводителя и обагрил землю запретной кровью, — распинается секретарь. — И было этим [деянием] разорвано сердце времени, пролит напиток судьбы, из-за него

опустились знамена веры и разрушено здание ислама. Разверзлось небо, молнии которого видели сыны веры, а безбожные и неблагородные боялись его мечей. И сколько сражений он дал в разных краях земли, вырвался в них из клыков смерти и освободился из пасти бедствий! А когда пришло его время, гибель могучего льва случилась от лап лисиц».

Так глупо погиб хорезмшах Джелаль эд-Дин — враг Чингисхана.

«Это было величайшее несчастье, — рыдает ан-Насави. — Даже если бы заря разорвала из-за этого свое покрывало, то была бы права, ведь это самое большое горе! И если бы луна покрыла свой лик царапинами, то беда заслуживала этого, и небеса могли бы одеться в траур, а звезды — превратиться в пепел».

Убийство произошло между 17 и 20 августа 1231 года.

Глава 5 СУДЬБЫ

1. СУДЬБА АН-НАСАВИ

Секретарь узнал о смерти своего шефа далеко не сразу. «Когда нападение [татар] разлучило меня с султаном, — пишет он, — я после этого в течение трех дней прятался в пещере, и наконец страх забросил меня в Амиду». Здесь он прожил два месяца и лишь тогда обо всём узнал. По какой-то причине секретарь вел жизнь затворника. Он пишет, что нельзя было даже выйти на улицу. Возможно, его могли похитить и доставить в монгольскую ставку.

Когда Чормаган отвел войска, опасность миновала. А он их отвел, удостоверившись в смерти Джелаль эд-Дина.

В хорезмийской армии у ан-Насави не осталось друзей. Поэтому он отправился в Эрбиль, чтобы найти работу. Работы не нашлось. После «невзгод и беспрестанных несчастий» секретарь перебрался в Азербайджан. Но и там был никому не нужен.

«Затем, претерпев трудности, нужду и безденежье, — жалуется чиновник, — я оказался полуголым в Майяфарикине. И в каком бы месте в султанских странах я ни останавливался, люди везде распространяли слух о том, что султан жив, собрал свои войска и готовится в поход. Эти известия были ложны, а надежды — обманчивы».

Ан-Насави долгое время не хотел верить, что хозяин погиб. Ведь служа ему, секретарь зарабатывал тысячу динаров в день плюс имел разнообразные подношения.

Однако в Майяфарикине ан-Насави убедился, что Джелаль погиб и похоронен неподалеку от города. Тогда секретарь «почувствовал отвращение к жизни и упрекал судьбу за свое спасение». Он горько вздыхал и причитал.

Но слезами горю не поможешь. Каким-то образом Насави сумел втереться в доверие к правителю Майяфарикина Мелик-Музаффару. Чиновник служил новому господину, а затем впал в немилость и оказался в тюрьме.

Впрочем, отсидка продолжалась недолго. Ан-Насави добился освобождения и устроился на службу к азербайджанскому «генералу» Баракат-хану. Тот собрал остатки армии Джелала и хотел закрепиться в Джазире. Рашид эд-Дин называл Бараката предводителем всех хорезмийцев, то есть уцелевших головорезов Джелала. Ан-Насави стал *везиром* удачливого хана. В 1237 году *везир* получил в управление крепость Харран (древние Карры). Однако в мае 1246 года Баракат-хан погиб после ряда бурных приключений и авантюр. О них мы вкратце расскажем ниже.

После смерти Бараката Ан-Насави безуспешно пытался перейти под покровительство «римского» султана Кей-Хосрова II — сына Кей-Кубада. Тогда экс-секретарь пошел в услужение к правителю Халеба Салах эд-Дину Юсуфу и передал ему ключи от крепости Харран.

На службе у Юсуфа ан-Насави достиг больших успехов. Он считался специалистом по монгольским делам и несколько раз ездил в Иран на переговоры с монголами. Утраченное богатство полностью возместил и вновь сделался состоятельным человеком.

В Халебе ан-Насави взялся за написание мемуаров. Его книга называется «Жизнеописание Джелаль эд-Дина», однако на самом деле автор гораздо больше пишет о себе. Впрочем, спасибо ему хотя бы за то, что взялся за этот труд, иначе мы мало что узнали бы о Джелаль эд-Дине. Другие источники по этой теме гораздо более скудны.

Ан-Насави увидел свою книгу изданной прежде чем умереть. Он скончался в своем доме в Халебе в 1249 или в 1250 году. Через шесть лет после этого монголы начнут наступление на Джазиру, Сирию и Египет...

Но всё это произойдет позже. А пока — вернемся к событиям, случившимся сразу после смерти хорезмшаха. Расскажем о том, как был наказан убийца Джелала.

2. СУДЬБА КУРДА

Курды обобрали труп хорезмшаха словно голодные собаки, которые дочиста изгрызают кость. И всё бы ничего, но их погубило желание покрасоваться. Один курд пришел в Майяфарикин, обвешанный оружием султана. В этом городе уже находились отряды хорезмийцев, которые попросили убежища. Среди беглецов был дядя султана по материнской линии — Утур-хан.

Один из мамлюков Джелала увидел на базаре разодетого курда, узнал оружие своего господина и донес правителю города — Мелик-Музаффару. Тот не стал вникать в детали, а приказал перебить всех мужчин поселения, в котором был убит хорезмшах. Само селение после этой экзекуции сожгли. Причин такой расправы было две. Во-первых, чернь осмелилась поднять руку на государя. Во-вторых, имела место банальная уголовщина. Во владениях Мелик-Музаффара был убит и ограблен человек. Если бы умер простой смертный, правитель ограничился бы казнью непосредственного убийцы. Но теперь решил проучить сразу всех.

Затем нашли труп хорезмшаха. Мелик-Музаффар вызвал для опознания дядю Джелала — Утур-хана.

— Действительно ли убитый — Джелаль эд-Дин? — спросил правитель.

Утур-хан подтвердил. Тогда Мелик-Музаффар послал за останками султана, они были доставлены и погребены. Их захоронили близ Майяфарикина и утоптали землю, чтобы скрыть могилу: боялись, что монголы найдут ее и надругаются над останками хорезмшаха.

Однако монголы и не думали искать. Узнав о гибели Джелаль эд-Дина, Чормаган повернул коней на восток. Он ушел в Хорасан, и с тех пор долгое время никто в Майяфарикине не слышал о монголах. Война закончилась.

Мелик-Музаффар был всего лишь вассалом своего брата Мелик-Ашрафа и как таковой доложил ему о происшедшем. В Сирию помчались гонцы, чтобы сообщить новость о гибели хорезмшаха Мелик-Ашрафу. Придворные стали витиевато поздравлять султана, а тот огорчился.

— Вы поздравляете меня с его смертью? Но скоро наступят последствия. Клянусь Аллахом, его гибель означает вторжение монголов в земли ислама. Теперь нет подобного хорезмшаху, который стал бы стеной между Гогом и Магогом.

Из этой сентенции становится ясно, что Эйюбиды не хотели смерти Джелаль эд-Дина. Действительно ли произнес эти слова Мелик-Ашраф или нет — они оказались пророческими. Монголы вторгнутся в Сирию через четверть века.

Однако мусульманские государи словно позабыли об опасности. Они продолжали как ни в чем не бывало сражаться друг с другом. В этом помогали *аскеры* Джелалая, которым удалось уйти от преследования монголов. Теперь из самостоятельной силы они превратились в наемников.

3. СУДЬБА ХОРЕЗМИЙЦЕВ

После смерти Джелалая большой отряд хорезмийцев пришел на границу Румского султаната. Своим предводителем *аскеры* выбрали Кыр-хана. Последний не отличался выдающимися способностями. Значит, причина его выдвижения может быть только

одна: он был старшим в племени, к которому принадлежали уцелевшие воины.

К нему присоединились остатки других полков. Среди командиров были азербайджанские тюрки, кипчаки, канглы, туркмены... Одним из самых своевольных и могущественных соратников Кыр-хана стал азербайджанец Баракат-хан, чьи предки выдвинулись при *атабеках*.

Кыр-хан присягнул на верность «римскому» султану Кей-Кубаду вместе со своей армией. Султан наградил предводителей хорезмийцев почетными одеждами, а самому Кыр-хану отдал город Эрзинджан в качестве *икта*. Это означало, что хан мог пользоваться доходами с этой местности на содержание себя и своих войск. Ирония судьбы в том, что за пару лет до этого Джелаль эд-Дин и его военачальники потерпели под Эрзинджаном решающее поражение, после чего судьба хорезмшаха покатилась под гору.

Кей-Кубад захотел воспользоваться услугами хорезмийцев, чтобы перекроить карту Ближнего Востока в свою пользу. После разгрома Джелаля он возобновил войну со своим старым врагом Мелик-Ашрафом. В 1233 г. хорезмийские войска вновь заняли Хлат и всю Шахармению. Только теперь наступали с другой стороны — не с востока, а с запада, из турецких владений. И подчинялись не хорезмшаху, а турецкому султану. Наступление развивалось успешно. Особенно отличился Баракат-хан. За это султан наградил Бараката именьями в своем государстве.

Расширение турецких границ серьезно обеспокоило Эйюбидов. Старшим в их роде считался Мелик-Камиль, правитель Египта. Он повел войска в Турцию. Однако хорезмийцы ловко перекрыли горные перевалы, и наступление египтян захлебнулось.

Ответный удар нанесли «римские» турки. Их армия перешла в наступление на юге — против сирийцев и египтян. Кей-Кубад поставил *аскерам* задачу захватить Эдессу (мусульмане называли этот город «Урфа»), Амиду и Ракку. Ударную часть армии составляли по-прежнему хорезмийцы под началом Кыр-хана. Однако удача

отвернулась от хорезмийского генерала. Он разорил местность, но завладеть городами не смог.

Кей-Кубад устроил ему выволочку и взялся за подготовку нового похода, однако 4 мая 1237 года был отравлен приближенными. Престол захватил его сын **Кей-Хосров (1237—1246)**. Говорили, что султан-отец отравлен по приказу сына.

Новый правитель был бездарен и неудачлив. Кыр-хан присягнул ему, однако вскоре сам пал жертвой заговора. Советники нового султана не любили хорезмийцев и внушили Кей-Хосрову, что Кыр-хан хочет бежать вместе с войском в другие страны. Хана немедленно арестовали, и вскоре он умер в тюрьме.

Тогда хорезмийцы выбрали новым предводителем Баракат-хана, восстали и ушли из пределов «Римского» султаната. По дороге разграбили множество селений. Кей-Хосров послал вдогонку за мятежниками войска, но Баракат их разбил и удалился в Джазиру.

Правителем этой области был Мелик-Салих из династии Эйюбидов. Он ухватился за возможность использовать хорезмийцев в своих целях и поселил вместе с семьями в разоренных районах Эдессы, Харрана, Ракки. Хорезмийцы стали играть роль казаков — пограничной армии, которая сдерживает напор врага. Врагом были турки.

Баракат-хан сделал Харран своей резиденцией. Жизнь стала налаживаться. На малоазийских турок в это время напали монголы, а значит, хорезмийцы получили передышку. Отношения с Мелик-Салихом складывались хорошо. Эйюбидский правитель даже выдал за Бараката свою родственницу. Тогда-то к хану на службу и приехал ан-Насави.

Однако вскоре возникли смуты среди самих Эйюбидов. В 1237 году умерли Мелик-Камиль — правитель Египта — и Мелик-Ашраф — государь Сирии. К тому времени хорезмийцы поссорились с Мелик-Салихом. Они полагали, что правитель Джазиры платит им мало денег и вообще — недостаточно ценит. Они хотели быть не слугами в этой стране, а хозяевами. Поэтому Баракат-хан напал на Мелик-Салиха, отобрал его казну и захватил его крепости. Салих

бежал на границу с соседним Мосулом, но был осажден в одной из крепостей правителем этого города Бадр эд-Дином Лулу. Пришлось снова просить помощи у хорезмийцев. Мелик-Салих договорился с Баракат-ханом и попал к нему в полную зависимость. Хорезмийский авантюрист разгромил войска Лулу и защитил Джазиру. После этого отогнал турок, которые пытались атаковать с севера.

Хорезмийцы оказались самой внушительной силой в регионе. Мелик-Салих стал подумывать о том, как бы с их помощью захватить Сирию и Египет. В январе 1239 года он вместе с хорезмийцами явился под стены Дамаска. Сирией правил в то время его родич Мелик-Адиль. С помощью хорезмийцев страна была захвачена. Адиль скрылся на берегах Нила.

Настал черед «страны Миср», как называли Египет в то время. Вторжение в эти земли Мелик-Салих предпринял в 1240 году. В этом же году монгольские войска Бату-хана захватили разрушенный в результате усобиц русский Киев. Великая Монголия раскинулась от Желтого моря до Карпат. А мелкие мусульманские князьки всё никак не могли поделить крохи владений.

В июне 1240 года Мелик-Салих обошел Иерусалим (город находился в собственности крестоносцев), вторгся в Египет, захватил Каир, арестовал Адилья и объявил себя правителем «страны Миср». Но он сделал грубую ошибку: побоявшись турок, оставил у себя в тылу Баракат-хана с хорезмийским войском. Мелик-Салих приказал хорезмийцам прикрывать Сирию. Но с этими разбойниками следовало держать ухо востро. Не взяв их в Египет, Салих отрешил хорезмийцев от добычи. Может быть, он хотел спасти Египет от грабежа, потому что прекрасно знал, с кем имеет дело.

Хорезмийцы немедленно взбунтовались, заключили союз с правителем Мосула Бадр эд-Дином Лулу, предоставили в распоряжение этого эмира 12 000 *аскеров* и атаковали Джазиру с тыла, после чего отправились в совместный поход с Лулу на Халеб. Защищавшие город войска были разбиты, хотя сам Халеб взять не удалось. Тогда хорезмийцы захватили и вырезали город Мембидж, разграбив его подчистую.

Северная Сирия и Джазира превратились в кровавый ад. Хорезмийцы нападали на города, грабили их, а население уничтожали или распродавали на рынках рабов. К счастью, на юге Сирии находились сильные гарнизоны, состоявшие из курдов и кипчаков на службе у Мелик-Салиха. Они вытеснили хорезмийцев и даже попытались их окружить. Сирийцы имели не меньше 20 000 солдат. То есть превосходили врага числом практически вдвое. Хорезмийцы отступили в сторону Ракки.

В марте 1241 года сирийское войско настигло врага на переправе через Евфрат. Арьергард хорезмийцев успел отбить нападение. Переправа прошла успешно. Но сирийцы тоже форсировали Евфрат, настигли противника и нанесли хорезмийскому войску тяжелое поражение. После этого Эйюбиды отобрали у Баракат-хана Харран, Ракку и все другие города. Хорезмийское «государство в государстве» перестало существовать.

Остатки мятежников укрылись в Майяфарикине, которым по-прежнему правил неприязнительный и осторожный Мелик-Музаффар. Они пришли в город, с которого и началась их эпопея. В то же время получилось, что Баракат-хан продержался на Ближнем Востоке с горсткой воинов дольше, чем Джелаль эд-Дин держался в Персии с более крупными силами.

Мелик-Музаффар принял хорезмийцев к себе на службу при условии, что они станут заслоном против «римских» турок. Это была ошибка. Прочие Эйюбиды стали считать Музаффара изгоем и напали на него. В августе 1242 года войска Мелик-Музаффара и хорезмийцев были разбиты Эйюбидами на реке Хабур. Побежденные ушли в Сирийскую степь и превратились в бандитов-кочевников, которые пасли скот и промышляли разбоем. Если среди них сохранилось какое-то количество канглов и туркмен, то такой способ существования был им привычен. В безводных степях Приаралья канглы жили именно так. Туркмены кочевали в таких же условиях в предгорьях Копетдага. Времена подвигов, славы и богатой добычи миновали, казалось бы, для них навсегда.

Однако в 1244 году Мелик-Салих вновь позвал их на службу. К тому времени ситуация в Сирии вновь обострилась. Ее правители восстали против Салиха и заключили союз с крестоносцами. Тогда-то Мелик-Салих заручился поддержкой хорезмийцев, простив им все прегрешения.

Баракат-хан имел под своим началом 10 000 джигитов. Часть их составляли ветераны, часть — подросшие сыновья воинов, а кое-кто присоединился во время набегов. Хан вернулся на службу Мелик-Салиху, после чего хорезмийцы навели ужас на города Сирии. Они жгли, грабили, убивали. Дамаск был слишком велик, и Баракат приказал его обойти. Хорезмийцы внезапно вторглись во владения крестоносцев, взяли Тивериаду, еще несколько городов. Наконец подступили к самому Иерусалиму, которым владели немцы. 11 июля 1244 года хорезмийские войска взяли город и устроили резню христиан; сожгли церкви, уничтожили мощи святых. Хорезмийцы ненавидели христиан. Ведь это они, христиане (пускай монголы), лишили воинов ислама прекрасной страны под названием Иран. Разницы между монголами-несторианами и европейцами-католиками Баракат и его воины не видели.

Свирепой расправы удалось избежать только нескольким сотням рыцарей, которые укрылись в городской цитадели. Они договорились сдать цитадель в обмен на жизнь и свободу. Баракат-хан дал слово, но тотчас его нарушил. Как только рыцари покинули цитадель, хорезмийцы напали и почти всех перебили. Джелаль-эд-Дин мог гордиться своими питомцами. Правда, сам он действовал тоньше, да и то в конце концов утратил кредит доверия среди правителей соседних держав. Что говорить о его разбойной армии, которая вообще не имела принципов?

Разгромив Иерусалим, Баракат двинулся в сторону Газы, взял город и отправил гонца к Мелик-Салиху с известием, что прибыл в его распоряжение и готов войти в Египет, дабы навести там порядок, если это необходимо.

Салих твердо знал одно: пускать в Египет эту бандитскую группировку нельзя. Султан выслал подарки и богатые одежды для хорезмийцев и приказал ждать распоряжений.

Главной военной силой Эйюбидов в то время сделались мамлюки — военные рабы. В основном это были светловолосые тюркоязычные кипчаки. Кипчакскую степь захватили монголы. Большое число пленных они распродали по дешевке купцам. Падением цены на живой товар сумели воспользоваться Эйюбиды, которые закупили большое число кипчаков, вооружили их и создали крупную армию.

Эту армию Мелик-Салих двинул в сторону Газы. Ею командовал кипчак Бейбарс. План был прост: Бейбарсу надлежало соединиться с Баракат-ханом и захватить Сирию.

Войска Бейбарса соединились с хорезмийцами. Против них выступили сирийцы и союзные им крестоносцы. Решающее сражение произошло 18 октября 1244 года в окрестностях Газы. Думается, на стороне сирийских Эйюбидов сражались в основном курды. Тогда как за Мелик-Салиха дрались кипчаки и прочие тюрки.

Салих не ошибся. Его раб Бейбарс продемонстрировал яркие полководческие способности. Сирийцев и примкнувших рыцарей он разбил наголову и отбросил. Это означало одно: Иерусалим окончательно перешел в руки мусульман. Англичане вернут его несколько столетий спустя, в 1918 году, да и то ненадолго.

Обрадованный Мелик-Салих перебросил в Сирию подкрепления. Вскоре после этого Бейбарс и примкнувшие хорезмийцы осадили Дамаск. 1 октября 1245 года город капитулировал. Городу была дарована пощада.

Хорезмийцы... да-да, взбунтовались. Они рассчитывали на то, что получат обширные владения и кормления в Сирии. Реальность оказалась другой. Им даже запретили входить в Дамаск, чтобы уберечь город от грабежа и насилия. Это лишало вояк смысла жизни. Они в очередной раз выступили против Мелик-Салиха и разграбили Иерусалим в качестве компенсации за Дамаск. Затем разбойники перешли на службу к сирийским Эйюбидам и начали совместное наступление на тот же Дамаск, воюя против Салиха. Были забыты высокие слова о борьбе с христианами, которыми прикрывал свои действия Джелаль эд-Дин. Жадность и холодный расчет — вот что

вело хорезмийцев по жизни. Опаснее всего было то, что хорезмийцев тайно поддержал мамлюк Бейбарс.

Но Мелик-Салих оказался человеком хитрым. Он сумел договориться со своими родичами, которые правили Сирией. Те собрали войска и пошли выручать Дамаск. В это же время Бейбарса вызвали в Каир под благовидным предлогом. Он попал в заточение и вскоре был убит по приказу Мелик-Салиха. После этого полки Бейбарса в Сирии капитулировали и перешли на сторону сирийцев.

В мае 1246 года они сразились с хорезмийцами. Это побоище известно как битва при Хомсе. Хорезмийцы потерпели сокрушительное поражение, Баракат-хан пал в бою. Примечательно, что на стороне Мелик-Салиха и его союзников сражались простые бедуины-арабы. Бесчинства хорезмийской солдатни надоели всем.

Затем последовало еще одно поражение — 1 сентября 1246 года под стенами замка Керак. Победители устроили охоту на побежденных. Хорезмийцев ловили, продавали в рабство, убивали. Спасти удалось немногим. Кто-то нашел убежище в Египте, кто-то в Сирии. Вскоре в Каире случился военный переворот. *Мамлюки* свергли последних Эйюбидов и стали управлять страной сами. Их предводителем сделался Кутуз. Говорили, что это племянник Джелаль эд-Дина, сын его сестры. Возможно, он был туркмен или кангл, проданный в рабство монголами. Так представитель рода хорезмшахов на короткое время сделался правителем Египта. Править ему пришлось недолго — Кутуза и его соратников уничтожила другая группировка египетских *мамлюков*, состоявшая из кипчаков.

Еще один из полководцев Джелала, Кушлу-хан, после поражений в Сирии ушел на восток и поступил на службу к монголам. Круг замкнулся.

В этой всеобщей резне уцелело одно маленькое канглыиское племя — *кайы*. Как раз из этого племени происходил человек, с необдуманного поступка которого начались все неурядицы на мусульманском Востоке, — Инальчик Кайыр-хан. Его соплемен-

ники ушли от монголов в Малую Азию и поступили на службу к «римским» султанам. Легенда донесла имя первого вождя племени кайы, обосновавшегося в Руме. Его звали Эртогрул. У него в подчинении находилось всего двести шатров и три сотни воинов. Он поселился на тогдашней византийской границе, неподалеку от развалин древней Трои. Сына Эртогрула звали Осман. С него началась Османская Турция. Может быть, среди подданных современной Турецкой республики еще живут далекие потомки Кайыр-хана... Но к Хорезмийскому султанату они уже не имеют никакого отношения, потому что даже не помнят о своем родстве. А историческая память — единственное средство обрести бессмертие для этноса или отдельного человека.

ЭПИЛОГ

СРАВНЕНИЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ

На первый взгляд Хорезм и Монголия чем-то похожи. Это две империи, которые возникли за пару десятилетий буквально из ничего. В 1200 году у хорезмшаха Мухаммеда были в подчинении Хорезм, Хорасан и Мангышлак. При этом шах считался вассалом кара-китайского *сурхана*. Но ведь и Чингис был когда-то чжурчжэньским пограничным чиновником (*чаутхури*).

Прошло два десятка лет. Хорезмшах Мухаммед покорил нынешний Иран, Афганистан, Туркмению, Узбекистан, часть Казахстана и Пакистана. Он освободился от кара-китаев, но... лишь за счет того, что кара-китаев покорили монголы.

А что Чингисхан? За это время он объединил степь и наполовину разрушил государство чжурчжэней.

Два удачливых государя имеют сходные судьбы. Разница лишь в том, что Мухаммед — тюрк, а Чингис — монгол. Перед нами два эпических героя.

Но... Мухаммед и его сын Джелаль — деревья без корней. Это тюрки, ставшие господами населенного иранцами Хорезма. Для них эта страна — чужая. А Чингис — монгол, объединивший монголов. Берега Онона — его родина и родина предков. Здесь всё пропитано духом старых легенд и кровью богатырей, которые отстаивали родные *нутуги* (кочевья) от натиска неприятеля.

Джелаль опирается на разноплеменные тюркские отряды, где канглы враждуют с карлуками, туркмены — с кипчаками. Все они думают только о грабеже, наживе и угнетают иранцев, вымогая деньги, вещи, скотину.

Ядро войска Чингиса — это «люди длинной воли», 13 000 монголов, которые провозгласили его ханом когда-то. Впоследствии к ним

присоединяются воины разных племен, но одного психического склада: жертвенные и преданные, которые служат Закону — Ясе.

Система Джелалая и Мухаммеда держится на коррупции. Здесь всё время кого-то покупают и перепродают. Государство Чингисхана опирается на закон. Судебная власть в Монголии отделена от военной и гражданской. Верховным судьей Чингис выбирает пасынка своей матери — татарина Шики-Хутага.

Теперь об организации армии.

Принципы создания армии и государства Чингисхана хорошо известны. Сперва он организовывал войска по куреням. Затем сложилась десятичная система. Главной тактической единицей был конный полк в тысячу человек. Эти полки объединялись в *тумены* — десятитысячные корпуса. Тысяча — это не только полк, но и военный округ, который обязан был выставить это число вооруженных воинов. Приписок не было. За них жестоко карали. Войско постоянно собиралось на маневры. Это назвалось охотничьей облавой. Война и охота — сходные вещи. На облавах воины учились стрелять, маневрировать, планировать тактику и стратегию своих действий, работать слаженно, не упуская противника. Чингис создал идеальный военный механизм. Кроме того, он был блестящим организатором и полководцем.

Итак, Мухаммед и Джелаль — удачливые предводители сильно разросшейся банды тюркских разбойников.

Чингис — главнокомандующий армией, которую создал сам. Эта армия отличается железной дисциплиной, маневренна и эффективна при любых обстоятельствах, будь то полевое сражение или осада крепости.

Чингисхан — блестящий тактик и храбрый воин. В молодости он участвует в схватках, получает опасные раны и одерживает победы. В зрелости это — крупный мастер оперативного военного искусства. Ближе к старости — дальновидный стратег, руководивший операциями сразу на нескольких фронтах. Он дипломат, администратор, глава разведки и полководец. Этот человек выше Тимура и Наполеона. В конце концов, он просто удачливей их. Не

говоря уже о размахе завоеваний, которого не знал никто, включая Александра Великого. Безусловно, эта гениальная личность далеко опередила свое время.

Какие шансы имел против него Хорезм? Никаких. Действия последнего шаха лишь продлят агонию страны на десять лет — до тех пор, пока монголы не возьмутся всерьез за дело ее завоевания. Когда это произойдет, погибнет и держава, и ее глава.

Всё ли предрешено?

А могло быть иначе? Те, кто читал наши книги, знает, что мы не принадлежим к числу адептов доктрины о предопределении. Она была выдумана в конце Античности христианским богословом по имени Блаженный Августин. В советское время ее подхватили марксисты. В их интерпретации эта доктрина называется «историческим детерминизмом». Изначально марксистские философы говорили о том, что любое событие имеет предпосылки. Этот факт не вызывает сомнений. Но мы готовы оспорить следующее утверждение: «то, что произошло, обязательно должно было произойти».

Мировая история — это цепь альтернатив, которые постоянно борются между собой. Но побеждает не всегда та, что сильнее.

Мухаммед ведь мог и не убивать монгольских послов. В этом случае он получил бы несколько лет мира. Правда, его империя всё равно начала бы разваливаться. Этим могли воспользоваться монголы. Их поход на Хорезм случился бы уже после смерти Чингисхана. Зато в этом случае Чингисхан бросил бы все силы на покорение Северного Китая. Империю Кинь разгромили бы на десяток лет раньше, чем это произошло в реальности.

Каким мог быть повод к войне между монголами и Хорезмом? Скажем, поддержка молодого хорезмийского принца, который несправедливо отрешен от власти отцом и скрылся в своем уделе в Газне, чтобы начать войну против дурных советников родителя.

Мухаммед разгромлен, и его земли монголы делят на несколько уделов между сыновьями хорезмшаха. Все они становятся вассалами великого хагана и медленно вырождаются. Примерно так монголы поступили с румскими султанами. Страну не стали захватывать,

а превратили в зависимое царство. Время от времени его раздирали междоусобные войны, выгоду из которых извлекали монгольские правители. То же самое было в Грузии, которую монголы разделили на два царства. Не говоря уже о России, которую дробили на малые княжества и стравливали их друг с другом.

Сыновья Мухаммеда могли восстать против хаганата. Это произошло бы в 1241 году, после смерти Угэдэя. В этом случае через пару лет Иран бы подвергся примерному разгрому со стороны монголов. Джелаль эд-Дина всё равно ожидала гибель. Впрочем, он мог и спастись, бежав на запад.

Были и другие развилки, которые сулили спасение. Последний хорезмшах мог договориться с румским султаном Кей-Кубадом, с халифами; наконец, с монголами, потому что первое время Угэдэй не хотел воевать. Последние хорезмшахи упустили все эти возможности. Если бы они вели себя по-другому, мы написали бы совсем иную книгу о правителях, которые преодолели препятствия и сумели выстоять в борьбе с грозным врагом — великим хаганом Монголии.

ИЗБРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I

Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Nasawi/framepred.htm>

Бар Эбрей. Из сирийской летописи. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Abulfarage/text1.phtml?id=7>

Данзан Л. Алтан Тобчи. М., 1973.

Ибн ал-Асир. Полный свод всеобщей истории. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_3/text1.phtml

Ибн ал-Асир. Полный свод всеобщей истории. URL: <http://history-library.com/books/srednie-veka/ibn-al-asir/2005/files/alalsirfitarh2005.pdf>

История династии Ляо. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/X/Liao_si_III/text1.htm

История династии Цзинь. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Zinschi/red.htm>

Монеты Хорезма. URL: <http://www.sogdcoins.narod.ru/khwarezm/coins.html>

<http://www.sogdcoins.narod.ru/khwarezm/coins2.html>

<http://www.sogdcoins.narod.ru/khwarezm/coins5.html>

<http://www.sogdcoins.narod.ru/khwarezm/coins6.html>

Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Menda/text.phtml>

Плано Карпини, Иоанн. История монголов. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Karpini/frame9.htm>

Рашид эд-Дин. Сборник летописей. М., 2002. Кн. 1.

Переводы из «Юань ши» (фрагменты) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.

Переводы из «Юань-чао би-ши» // Страны и народы Востока / Перевод Б.И. Панкратова. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/frameotryv1.htm

Садр ад-Дин ал-Хусайни. Сообщения о Сельджукском государстве, сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Selguk/s6.phtml>

Сокровенное сказание монголов. Рязань, 2009.

Чингисиана. Свод свидетельств современников. Пер., сост. и комм. А. Мелехина. М., 2009.

II

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. URL: <http://mexalib.com/view/40511>

Бичурин И. История первых четырёх ханов из дома Чингисова// История монголов. М., 2008.

Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана. URL: <http://hspsc.khazar.org/wp-content/uploads/2014/07/bunyadov.pdf>

Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097—1231. URL: <http://elibrary.bsu.az/yenii%5Cebookspdf%5Cizbrannie.pdf>

Вернадский Г. Монголы и Русь. М., 2013.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. URL: <http://padabum.com/d.php?id=39080>

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Кычанов Е.И. Великий Чингисхан. М., 2013.

Мусульманский мир. 950—1150. М., 1981.

Мюллер А. История ислама. М., 2004. Кн. 2.

Пиков Г.Г. Западные кидани. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/X/Liao_si_II/posl4.htm

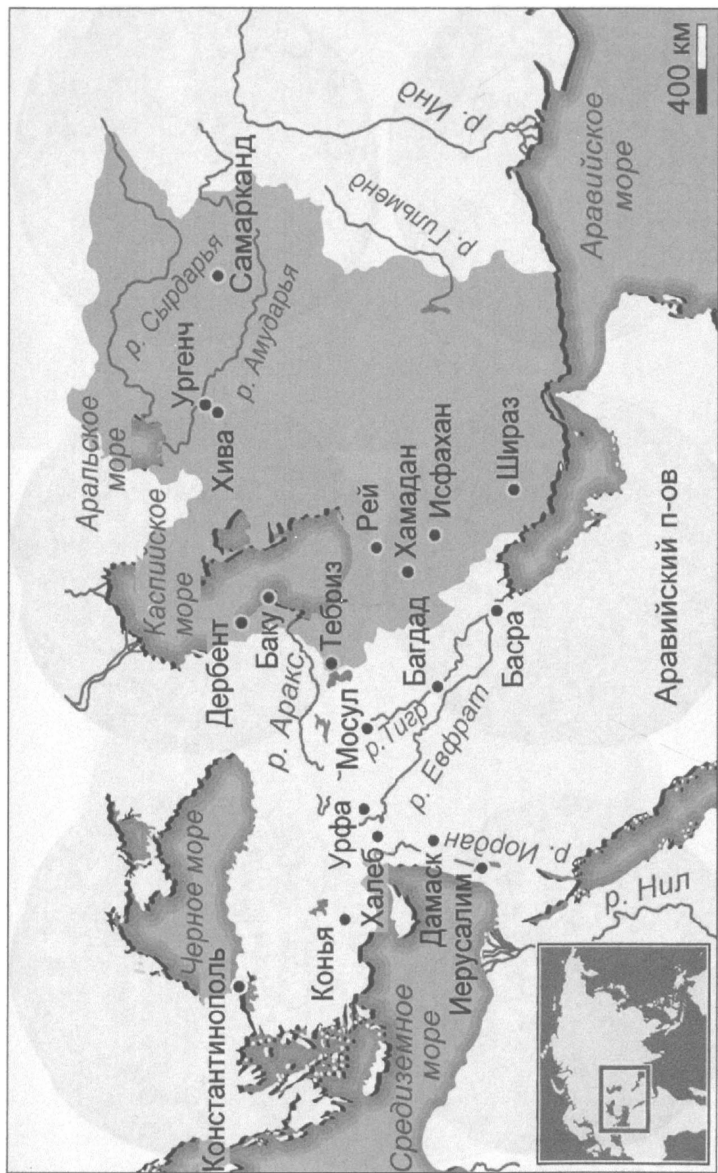
Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/expedition/Tolstov/?id=1137>

Уэзерфорд Д. Чингисхан и рождение современного мира. М., 2017.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.

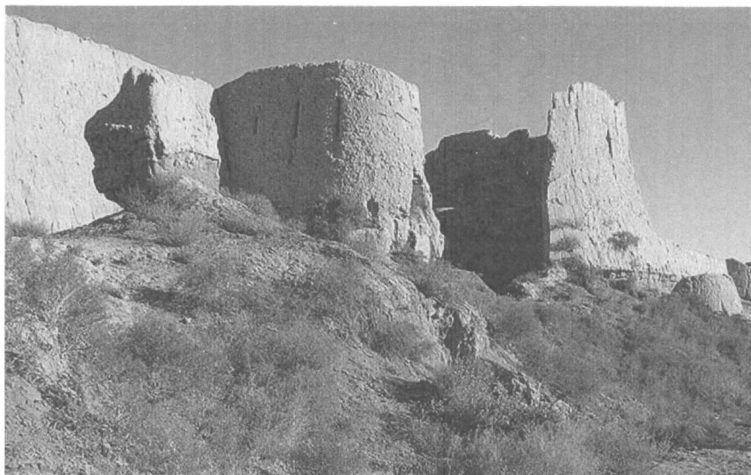
Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10408/#page/3/mode/lup>

Государство хорезмшахов. 1190—1220-е гг.

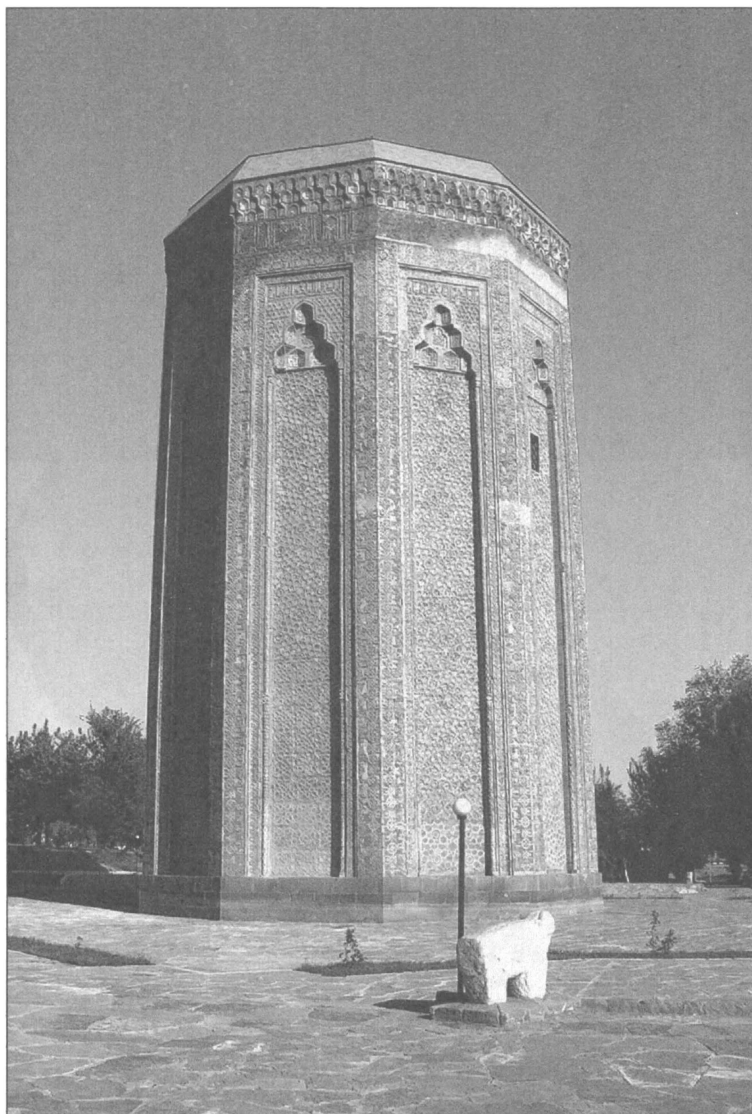
Монеты древнего Хорезма. VI–VIII вв.

Древняя хорезмийская крепость Топрак-Кала

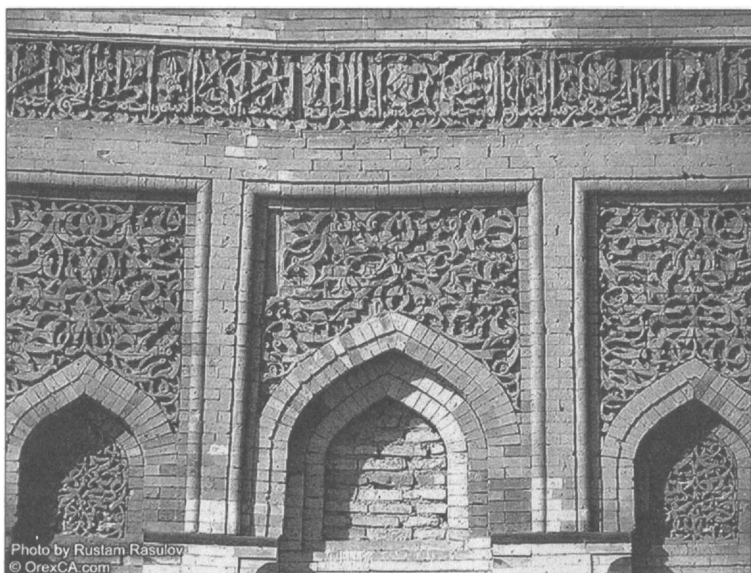
Серебряное блюдо из Хорезма. Доисламский период

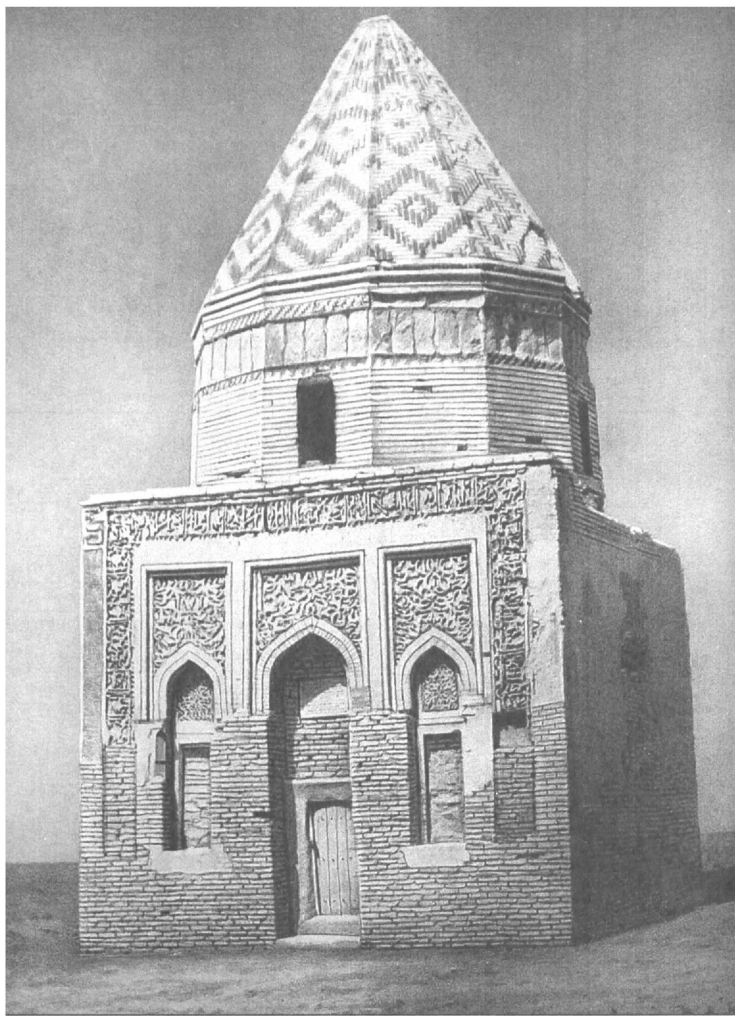
*Мавзолей Момине-Хатун — матери одного из местных правителей
Азербайджана Джахана Пехлевана из династии Ильдегезидов. 1186 г.*

Коронация Иль-Арслана. Миниатюра 1307 г.

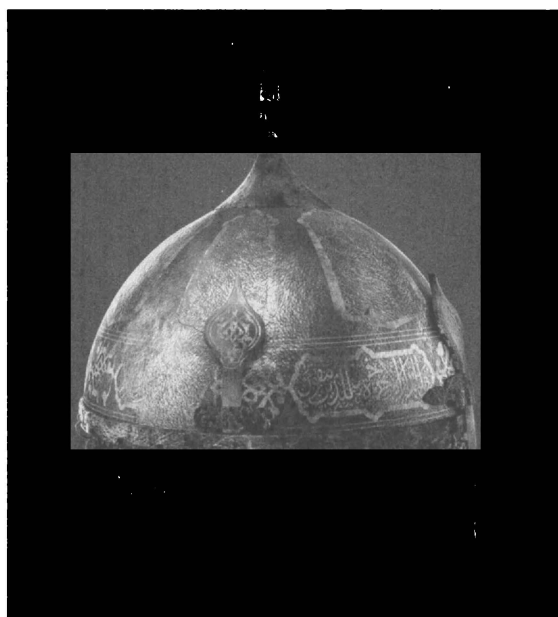
Мавзолей Иль-Арслан. Фрагмент резного фасада. XII в.

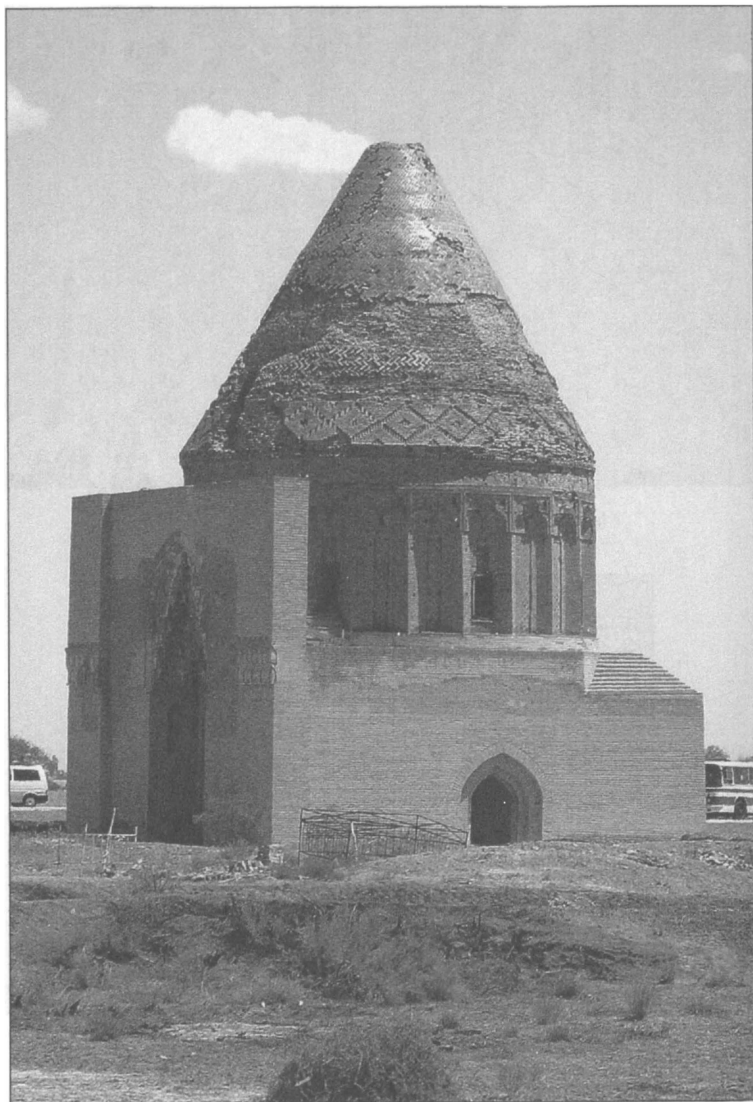
Мавзолей Иль-Арслан. XII в.

Осада крепости Себзевар. Миниатюра XVI в.

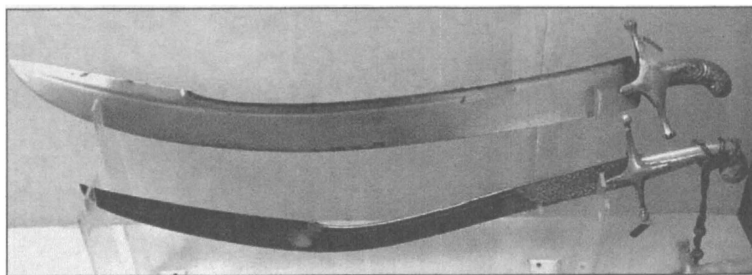
Исламский средневековый шлем

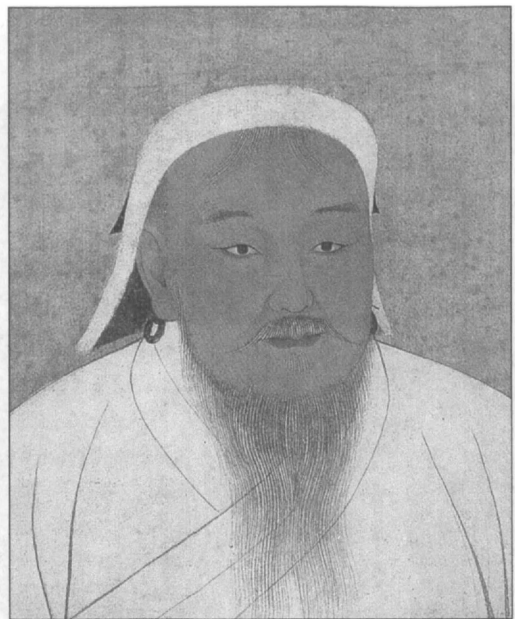
Мавзолей султана Ала эд-Дин Текеша в Старом Ургенче. XIII в.

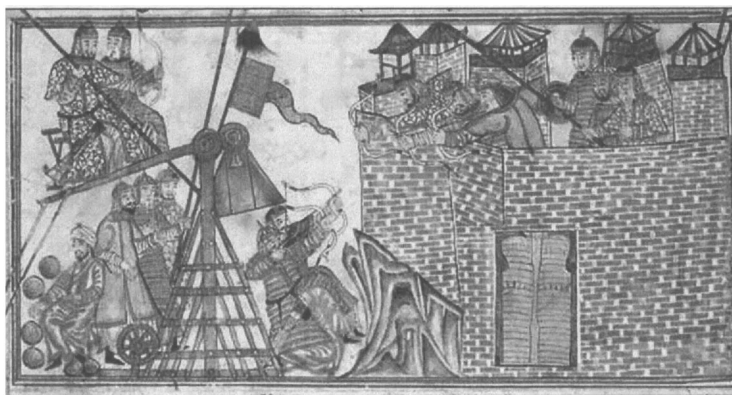
Средневековый щит из Тебриза

Средневековые исламские мечи

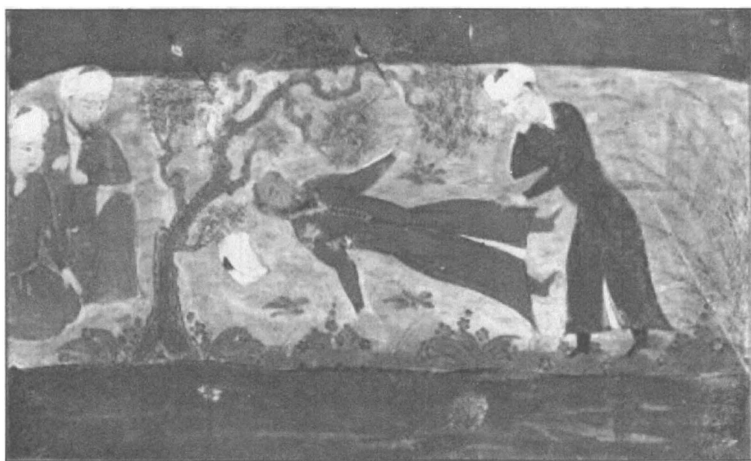
Чингисхан. Портрет XIV в.

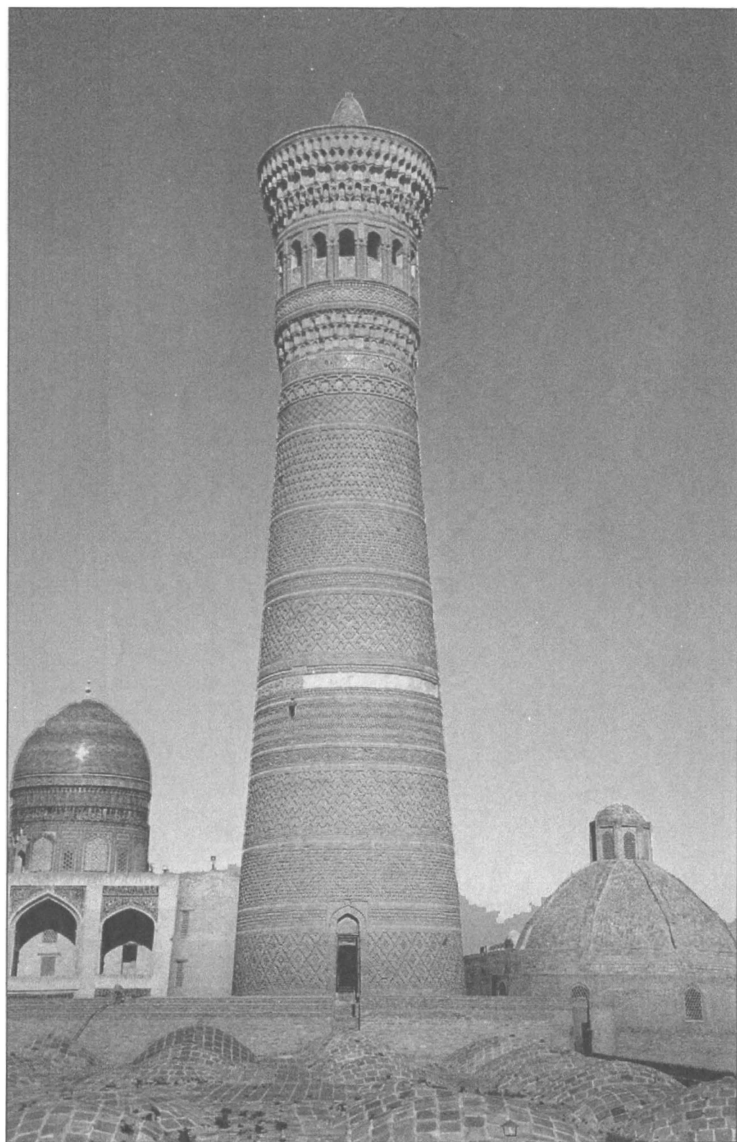
Осада монголами города в Средней Азии. Миниатюра XIV в.

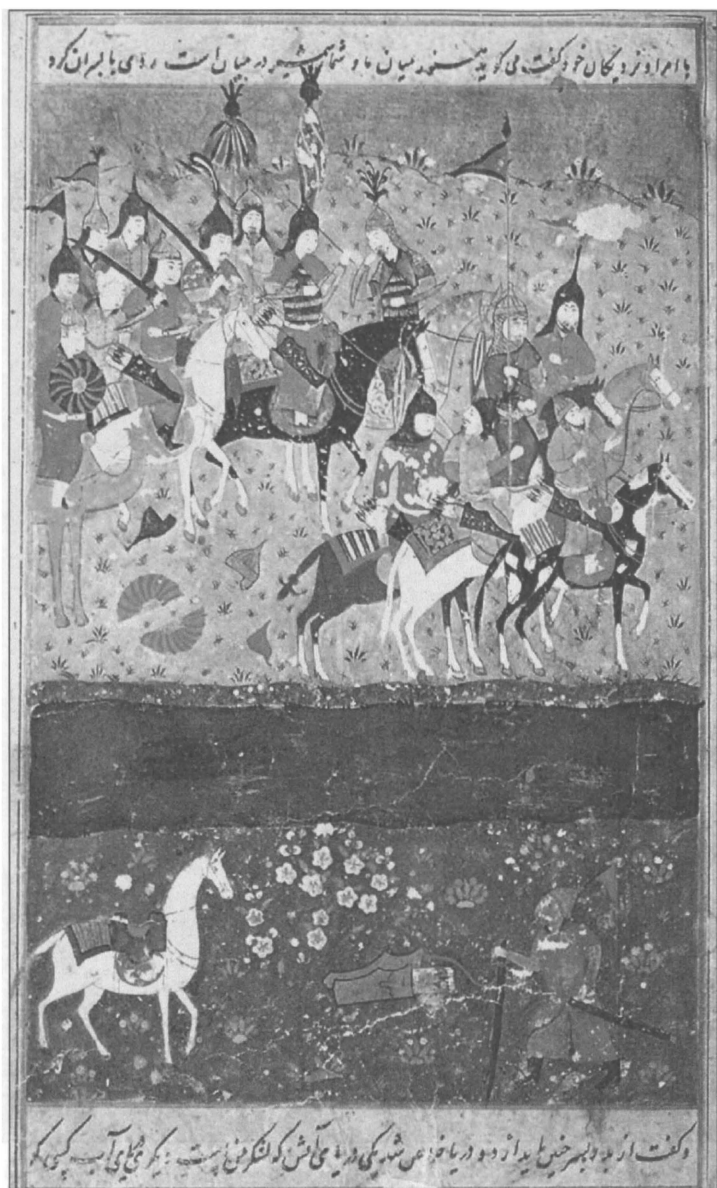
Монгольские всадники. Миниатюра XIV в.

Смерть хорезмшаха Ала эд-Дина Мухаммеда II. Миниатюра XIV в.

*Бухара. Минарет Калян — свидетель драматической истории
средневекового Хорезма*

*Чингисхан и его приближенные смотрят на поразившую их переправу войск Джелаль эд-Дина Манкбурны через Инд в 1221 г.
Миниатюра 1540-х гг.*

**Джелаль эд-Дин Манкбурны пересекает реку Инд,
 спасаясь от Чингисхана и его армии в 1221 г.
 Миниатюра XVI в.**

*Памятник национальному герою Хорезма Джелаль эд-Дину
Манкбурны. Ургенч. Республика Узбекистан*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Часть первая

ПОДЪЕМ ХОРЕЗМШАХОВ

Глава 1. ДИНАСТИЯ.....	6
Глава 2. ВЗЛЕТ ХОРЕЗМА.....	91

Часть вторая

НАШЕСТВИЕ МОНГОЛОВ

Глава 1. ГРОЗА С ВОСТОКА.....	128
Глава 2. НОВЫЙ ХОРЕЗМШАХ.....	153
Глава 3. ХАОС В ИРАНЕ.....	187
Глава 4. ЦАРСТВЕННЫЙ СКИТАЛЕЦ.....	198

Часть третья

ХОРЕЗМШАХ БЕЗ ХОРЕЗМА

Глава 1. БАГДАД И АЗЕРБАЙДЖАН.....	222
Глава 2. РАЗРУШЕНИЕ ГРУЗИИ.....	231
Глава 3. РАЗРУШЕНИЕ АРМЕНИИ.....	248

Часть четвертая

ГИБЕЛЬ ХИМЕРЫ

Глава 1. ПРОТИВ МОНГОЛОВ.....	256
Глава 2. ИНТРИГИ И ЗАГОВОРЫ'.....	271
Глава 3. ПОРАЖЕНИЕ.....	288
Глава 4. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ХОРЕЗМШАХА.....	312
Глава 5. СУДЬБЫ.....	332
ЭПИЛОГ.....	344
Избранные источники и литература.....	348

Научно-популярное издание

Всемирная история

Чернявский Станислав Николаевич

ИМПЕРИЯ ХОРЕЗМШАХОВ

Редактор *Д.В. Мельник*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «PeterburgС». Бумага офсетная.

Печ. л. 11,5. Тираж 700 экз. Заказ 9144.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59